

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 1 (45) 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий второй: переход от среднего к верхнему палеолиту в материковой части Восточной Азии	2
Лычагина Е.Л. О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья	28
Королева Э.А. Палеолитическое искусство Карпато-Днестровского региона	34

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Шарганова О.Л. Сырье и формовочные массы круговой керамики из Гнёздовского могильника	43
Влад А.-М., Никулеску Г., Вилья И., Каспер Г.У., Кирьяк К., Сырге Й. Определение источников свинцового сырья методом масс-спектрометрии (по археологическим материалам)	50
Кириюшин Ю.Ф., Кириюшин К.Ю., Семибраторов В.П. Кельтепинарские наконечники стрел с поселений Алтая	56
Бобров В.В. Кинжал с городища эпохи поздней бронзы на реке Люскус	65
Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Арчекасский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Марининской лесостепи	69
Федорова Н.В. Костяная антропоморфная скульптура со святилища Усть-Полуй	77
Панкратова Л.В. Запечатленные в бронзе образы Саровского культового комплекса: реконструкция семантики	82
Востриков С.С., Лукьяненко С.И. Опыт применения теоретически и информационно обоснованной системы управления базой данных для памятников предскифского периода на нижнем Дону	92
Воропаева Н.Н. Культовые комплексы городища Большое Сторожевое на среднем Дону	102

ЭТНОГРАФИЯ

Бурнаков В.А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов	107
Власова В.В. Медное литье в повседневной жизни и обрядовой практике коми-староверов	115
Салмин А.К. Собака в традиционных представлениях чувашей	124

АНТРОПОЛОГИЯ

Медникова М.Б. К антропологии древнейшего населения Алтая: проксимальная фаланга стопы из раскопок Денисовой пещеры	129
Худавердин А.Ю. Эпохальная изменчивость некоторых морфологических особенностей зубной системы: эволюционные и экологические аспекты	139
Тур С.С. Краниоскопическая характеристика носителей андроновской культуры Алтая	147

ПЕРСОНАЛИИ

Дмитрию Глебовичу Савинову – 70 лет	156
-------------------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	158
--------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	159
----------------------------	-----

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 903

А.П. Деревянко

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

ТРИ СЦЕНАРИЯ ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

Сценарий второй: переход от среднего к верхнему палеолиту в материковой части Восточной Азии

В статье рассматривается модель перехода от среднего к верхнему палеолиту в Восточной и Юго-Восточной Азии. Ранне- и среднепалеолитические индустрии в китайско-малайской зоне по всем технико-типологическим показателям отличались от таковых на остальной территории Евразии и в Африке. Материалы китайских и корейских археологических памятников свидетельствуют об автохтонном развитии отщеповых индустрий на протяжении раннего и среднего палеолита. Появление в Восточной и Юго-Восточной Азии таких орудий, как бифасы, «леваллуазские» острия, вызывающих вопросы о влиянии представителей второй волны миграции популяций человека на эту территорию объясняется процессом конвергенции и изменением адаптационных стратегий. Пластинчатые и микропластинчатые компоненты в верхнепалеолитических комплексах китайско-малайской зоны фиксируются начиная с рубежа 30–20 тыс. л.н. Их появление связывается с распространением популяций человека с территории Южной Сибири и Монголии. При этом происходит процесс не замещения местного населения мигрантами, а аккультурации, что подтверждается антропологическими данными, свидетельствующими об автохтонном развитии человека современного типа в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: плейстоцен, переход от среднего к верхнему палеолиту, конвергенция, адаптация, аккультурация, Китай, Корейский полуостров.

Введение

В китайско-малайской зоне переход от среднего к верхнему палеолиту проходил по совершенно иному сценарию (модели), чем в других регионах Евразии [Деревянко, 2006а, б]. Это связано с тем, что ранне- и среднепалеолитические индустрии Восточной и Юго-Восточной Азии по всем технико-типологическим показателям отличались от таковых на остальной территории Евразии и в Африке.

Восточная и Юго-Восточная Азия была заселена, видимо, ок. 1,8–1,6 млн л.н. двумя миграционными потоками архантропов с олдувайской индустрией и нижнепалеолитической микроиндустрией [Деревянко, 2009]. С первоначального заселения и вплоть до

30 тыс. л.н. на этой территории индустрии развивались преимущественно на автохтонной основе. Глобальная волна миграции архантропов с ашельской индустрией не распространялась восточнее Индии и Монголии. На территории Китая бифасиальная техника конвергентно появилась ок. 1 млн л.н. – гораздо раньше, чем в других регионах Евразии, за исключением Ближнего Востока. В китайско-малайской зоне в раннем и среднем палеолите не известна леваллуазская система первичного расщепления. Для всего палеолита характерны в основном три метода: биполярный, ударом жесткого отбойника по нуклеусу и скальвание заготовок при помощи наковални.

В Китае, как и во всей Восточной и Юго-Восточной Азии, из-за отсутствия леваллуазской системы

первичного расщепления невозможно провести четкую границу между ранним и средним палеолитом. Здесь все основные технико-типологические показатели палеолита на протяжении раннего, среднего и большей части верхнего плеистоцена мало отличались друг от друга. Тем не менее я считаю, что нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей об однообразии, инертности и отсталости палеолитических индустрий китайско-малайской зоны по сравнению с таковыми сопредельных территорий. Бифасиальная техника, например, появилась в Китае почти на 500 тыс. лет раньше, чем в Европе. Ее появление, как и многих других инноваций, связано с особыми адаптационными стратегиями, которые вырабатывали архантропы в Юго-Восточной и Восточной Азии, приспособливая свою культурную традицию к экологическим условиям региона обитания. Использование дерева и бамбука, вероятно, обусловило появление и широкое распространение различных рубящих орудий: чопперов, чоппингов, изделий типа рубил и кливеров. Бифасиально обработанные рубящие орудия в Китае существовали на протяжении всего палеолита. Но они появлялись конвергентно в тех районах, где этого требовала экологическая обстановка, и исчезали, когда в них отпадала необходимость.

Еще в прошлом веке ученые обращали внимание на отличие палеолита Китая от палеолита других регионов Евразии и неравномерность деления его на три этапа [Schick, Dong, 1993; Schick, 1994; Gao, Olsen, 1997; Гао Син, 1999; Ранов, 1999]. При сравнении раннепалеолитических памятников с местонахождениями, датируемыми в хронологическом интервале 150–30 тыс. л.н., очевидно отсутствие принципиальных отличий в их индустриях по всем основным технико-типологическим показателям. На основании этого следует отказаться от трехступенчатого деления палеолита в китайско-малайской зоне по аналогии с остальной территорией Евразии и Африкой и исключить в периодизации средний палеолит, т.к. нет критериев для его выделения. Подразделение палеолита Китая на нижний и верхний, или ранний и поздний, подтверждает специфику развития палеолитических индустрий в китайско-малайской зоне, но ни в коей мере не их отсталость или архаичность. Трехчленное деление палеолита было сделано на материалах Западной Европы. Но если подходить критично к их анализу, то очевидно, что и там наблюдается большая мозаичность ранне- и среднепалеолитических индустрий, тем более, если проблему рассматривать в целом в Евразии. Критерии для выделения среднего палеолита на этой обширной территории явно недостаточно, и они не всегда убедительны, хронологически не коррелируют и часто достаточно формальны и декларативны.

К среднему палеолиту в Китае авторы относят различное количество местонахождений: Цю Чжунлан

[1989] – 30, Вэй Ци [1989], У Синьчики и Ф. Пойрер [Wu Xinzhi, Poirier, 1995] – более 40. Чжан Сэньшуй [1987] только на севере КНР выделял 42 среднепалеолитических местонахождения. Это объясняется несколькими причинами: недостаточно точно определен хронологический диапазон среднего палеолита; отсутствуют четкие критерии; для ряда важных археологических объектов, возраст которых был установлен с помощью биостратиграфии, с появлением радиометрических и других методов абсолютного датирования получены новые даты. В целом в Китае стратифицированных памятников выявлено сравнительно немного. Известно 17 местонахождений, где собрано в общей сложности ок. 100 артефактов; на пяти число находок несколько превышает 1000 экз., большинство стоянок представлено единичными каменными орудиями [Гао Син, 1999].

Наиболее информативными местонахождениями финального этапа среднего – первой половины верхнего плеистоцена являются Чжоукоудянь-15, Динцунь, Сюйцзяо, Дали, Ятоугуо, Шуйгоу, Гэцзыун и др. Рассмотрим те из них, которые дают наиболее полное представление об индустрии в хронологическом диапазоне 130–30 тыс. л.н.

Местонахождения среднего палеолита в Китае

Пока двухэтапная периодизация палеолита Китая не принята исследователями, придется употреблять термин «средний палеолит», относя к нему стоянки финала среднего – первой половины верхнего плеистоцена. Одним из наиболее исследованных местонахождений этого времени является Чжоукоудянь-15. Оно открыто в 1932 г. и раскапывалось в течение трех лет (1935–1937 гг.) [Jia Lanpo, 1936; Pei, 1939; Gao, 2000a; Гао Син, 2000]. Местонахождение Чжоукоудянь-15, видимо, неправомерно относить к стоянкам пещерного типа. К тому времени, когда там поселились люди, свод уже обрушился и, вероятнее всего, обитатели стоянки жили под скальным навесом. Рыхлые отложения вскрыты на глубину 10 м. Верхний уровень состоит из желтоватого суглинка с включением известняка. Каменные изделия встречались по всей толще [Pei, 1939]. Учитывая, что в индустрии принципиальных различий снизу вверх не выявлено, Пэй Вэнъчжун не счел необходимым разделить артефакты по слоям, а описал материал как единое целое.

Найдено более 10 тыс. изделий из камня. Из них 95,2 % изготовлены из кварца, 3 % – из различных магматических пород, 1,8 % – из других видов сырья. Все основные археологические объекты в районе Чжоукоудянь находились в непосредственной близости друг от друга и в силу неизменности геологических и геомор-

фологических условий люди пользовались одними и теми же источниками сырья для изготовления орудий. Обитатели местонахождения 15 в большей степени, чем на других стоянках, использовали местное сырье.

Наиболее полное исследование каменного инвентаря из Чжоукуудянь-15 сделано Гао Сином в его докторской диссертации [Gao, 2000b]. К артефактам, представляющим первичное расщепление, он отнес 130 нуклеусов, 439 отщепов, 91 фрагмент отщепов, 87 биполярных сколов, 7 отбойников; 4 829 – отходы производства [Gao, 2000b; Гао Син, 2000].

Большинство нуклеусов (126 экз.) сделаны из кварцевых галек. Гао Син на основании трех критерииев – направление скальвания отщепов, количество ударных площадок и их размеры – выделил три подкласса нуклеусов: простые, дисковидные и многогранные. К простым нуклеусам, у которых одна или две ударные площадки, он отнес 23 экз. С них снималось несколько отщепов, в среднем около четырех. Скальвание производилось без специально подготовленной ударной площадки, в большинстве случаев она сохранила галечную корку. Нуклеусы этого типа использовались нечасто. Их размеры различны: минимальная длина – 34 мм, максимальная – 140 мм. С дисковидных нуклеусов (рис.1) отщепы скальвались попеременно: вначале с одной стороны, а затем, используя негатив этого снятия в качестве ударной площадки, с противолежащей. Большинство ядрищ данного типа имели овальную форму в плане и чечевидную в по-

перечном сечении. Дисковидные нуклеусы часто использовались до полного истощения. Наиболее многочисленную группу составляли многогранные, или ортогональные, ядрища (74 экз.). У них было несколько ударных площадок без специальной обработки, и скальвание отщепов производилось бессистемно. Среди нуклеусов этого типа мало сильно сработанных экземпляров, в основном они крупных размеров, со следами небольшого количества снятий.

На стоянке Чжоукуудянь-1, расположенной в 70 м к северо-западу от местонахождения Чжоукуудянь-15, в качестве основного использовался биполярный метод расщепления, впервые зафиксированный на этом памятнике. Иногда он применялся на других палеолитических стоянках Китая, особенно в северной его части. На местонахождении Чжоукуудянь-15 к биполярному принципу расщепления отнесено только 11,6 % нуклеусов и отщепов (рис. 2), а основным методом был прямой удар отбойником по нуклеусу, таким же способом ретушировались и отщепы. У китайских исследователей существует не лишенное оснований убеждение, что широкое применение биполярного метода связано с необходимостью использовать плохое по качеству сырье – жильный кварц, которого было в изобилии, а в целом этот метод не эффективен [Гао Син, 2000].

Среди отщепов в коллекции из Чжоукуудянь-15 Гао Син выделяет 7 экз., которые можно отнести к пластинам на основании того, что у них длина вдвое больше ширины и они более или менее правильной фор-

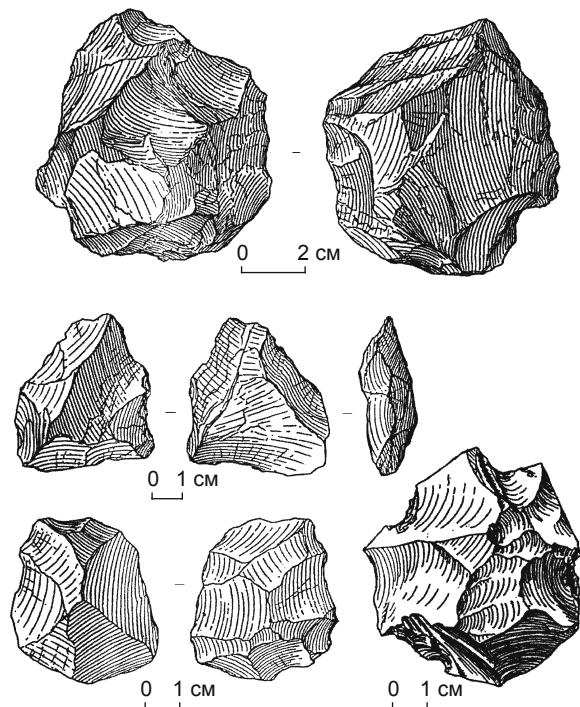

Рис. 1. Дисковидные нуклеусы с местонахождения Чжоукуудянь-15 (по: [Гао Син, 2000]).

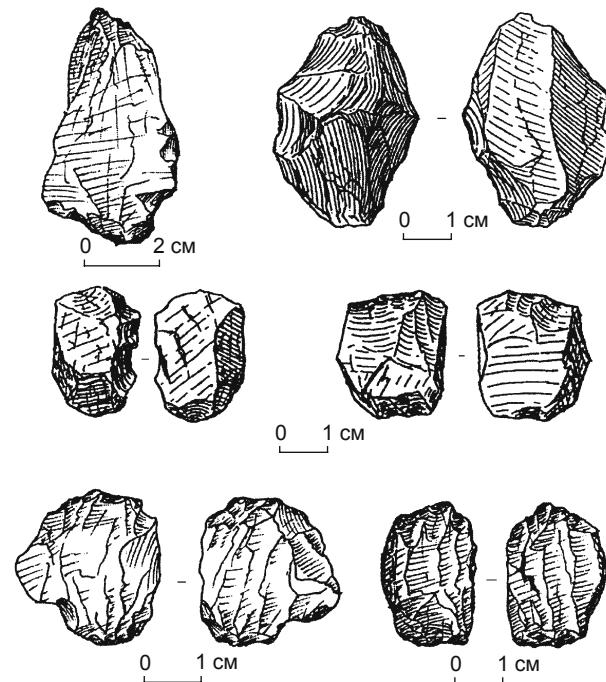

Рис. 2. Биполярные фрагменты с местонахождения Чжоукуудянь-15 (по: [Гао Син, 2000]).

мы. Внимание многих исследователей привлекает тонкий кремневый отщеп правильной подтреугольной формы с фасетками по одному краю с дорсальной стороны (рис. 3, 13). На его поверхности имеются негативы трех снятий, сходящиеся на одном конце, противоположном ударному бугорку. По основным технико-морфологическим характеристикам этот артефакт близок к леваллуазским остроконечникам. Многие исследователи часто так его и классифицировали, что приводило к выводу о существовании на территории Китая леваллуазского принципа первичного расщепления. Изучив технологию первичной обработки камня на местонахождении Чжоукоудянь-15, Гао Син сделал важное заключение: «леваллуазский остроконечник» представляет собой результат применения не леваллуазской, а радиальной технологии или альтернативного (попеременного) скальвания [Там же, с. 10]. На территории Китая, за исключением Синьцзяна и Внутренней Монголии, примыкающих к Монголии и Южной Сибири, не было известно леваллуазского принципа первичного расщепления [Деревянко, 2005, 2006б].

Отщепы с местонахождения Чжоукоудянь-15 в основном небольших размеров и неправильной формы. На ударных площадках нет следов подправки. Снятие отщепов с нуклеусов производилось каменными отбойниками. При раскопках их найдено 7 экз.: пять из вулканических пород и два из песчаника. На одном или двух концах у них видны выбоины и смятость, образовавшиеся в процессе скальвания отщепов. Два отбойника имеют выбоины в центре гальки. Они использовались в качестве миниатюрной наковальни. Наличие большого количества отходов производства свидетельствует о том, что изготавливали каменные орудия непосредственно на месте стоянки.

На местонахождении Чжоукоудянь-15 найдено 1 282 изделия с ретушью. Подавляющее большинство орудий относится к скребловидным – 1 188 экз. (93 %). Они разделены на несколько групп: одинарные боковые скребла – 1 043 экз.; боковые скребла с двойным краем – 113 экз.; боковые скребки с двойным краем – 12 экз.; миниатюрные скребла – 12 экз.; скребки – 8 экз. Выделены также чопперовидные орудия, колуны или кливеры, острия, выемчато-зубчатые из-

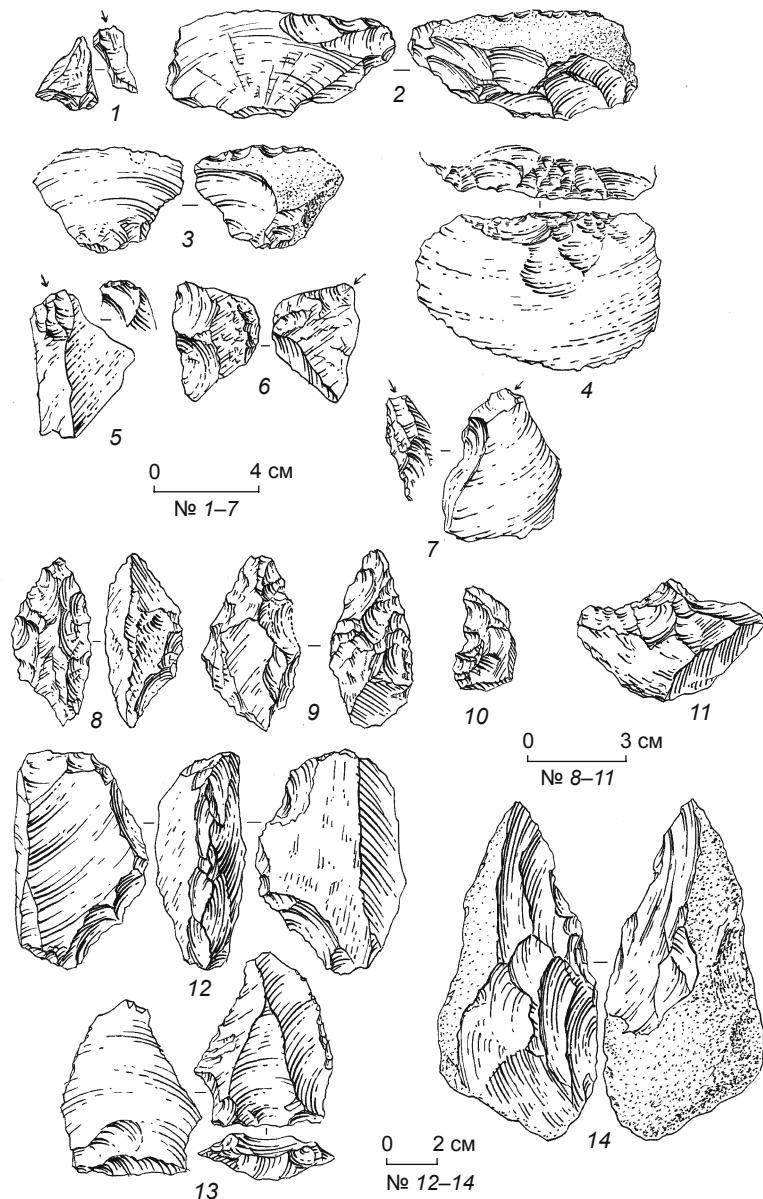

Рис. 3. Каменный инвентарь с местонахождения Чжоукоудянь-15
(по: [Цзя Ланьпо, 1984]).

делия, шилья, резцы, сфероиды, отщепы с ретушью. Большинство орудий имеют одностороннюю ретушь и обрабатывались преимущественно с дорсальной стороны. Значительная их часть небольшого размера и неправильной формы. Ретушь нерегулярная и производит впечатление беспорядочной [Gao, 2000b, p. 159]. Но некоторые изделия (острия, скребки) имеют тщательно обработанную рабочую поверхность, свидетельствующую о том, что в случае необходимости применялась регулярная мелкофасеточная ретушь. Крупные орудия типа чопперов и колунов оформлялись большими сколами с дополнительной подправкой рабочего лезвия.

Чжоукоудянь-15 датировано в диапазоне 140–110 тыс. лет до н.э., что не противоречит геохронологическим данным. Несмотря на то, что местонахождения Чжоукоудянь-1 и -15 разделяет всего 70 м, они имеют существенные различия в первичном расщеплении. По другим технико-типологическим характеристикам эти комплексы не различаются [Gao, 2000а, б].

Одними из важнейших местонахождений финала среднего – первой половины верхнего плейстоцена являются стоянки, объединенные под общим названием Динцунь. Они расположены в районе уездного города Сянфэнь и железнодорожной станции Чайчжуан на юге пров. Шаньси. Первая стоянка открыта в 1953 г., а стационарные работы, в которых участвовали Пэй Вэньчжун, Цзя Ланьпо, У Жукан, Лю Сяньтин, Цю Чжунлан, Ван Цзэи, Лю Цзуньэ, проведены в сентябре – ноябре 1954 г. В дальнейшем на III террасе р. Фэнхэ, притока р. Хуанхэ, было обнаружено 14 пунктов с палеолитическими орудиями и остатками плейстоценовой фауны. В 11 из них (54: 90, 91, 93–100, 102) найдено 2 005 каменных изделий, кости животных 27 видов. В пункте 54: 100 обнаружены три фоссилизированных зуба «динцуньского человека», а позднее – фрагмент черепа ребенка [Ван Цзянь, Ван Ижэнь, 2004]. В 1970-х гг. по обоим берегам р. Фэнхэ были открыты местонахождения 76: 006–008; 79: 05. Все они дислоцировались в основании III террасы, так же как и стоянки, изучавшиеся в 1954 г., в слое песчанистого гравия. В 1979 г. на восточном берегу р. Фэнхэ к северу от железнодорожной станции Чайчжуан были обнаружены местонахождения 79: 02–04. Они залегали в песчано-галечном слое лесса Лишу на IV террасе. В последующие годы были открыты местонахождения 80: 01, 94: 01. Палеолитические стоянки частично раскопаны и на западном берегу р. Фэнхэ, в т.ч. позднепалеолитическая 77: 01 с мицроиндустрией, которая получила название Чайсы.

Открытие комплекса Динцунь сыграло большую роль в изучении палеолита в Китае. До этого в КНР был накоплен большой опыт исследования пещерных местонахождений, а здесь археологам пришлось вести раскопки в речных и озерных аллювиальных отложениях и учитывать не только специфику распространения культурносодержащих горизонтов по вертикали, но и их палеографию, возможность переотложения артефактов под воздействием водотока. В настоящее время в этом районе открыто 27 местонахождений, в т.ч. три пункта с нижнеплейстоценовой фауной [Там же]; 20 стоянок расположены на III террасе р. Фэнхэ [Хуан Вэйвэнь и др., 2005]. Археологические объекты комплекса Динцунь относятся к нижнему, среднему и позднему плейстоцену.

На всем протяжении исследования динцуньских стоянок ведутся дискуссии по поводу их хроностратиграфии. Faунистические остатки, сопровождавшие находки, разновременные: наряду с животными ран-

него этапа верхнего плейстоцена представлены и среднеплейстоценовые. Для стоянок получены различные даты. В основном пытались датировать местонахождение 54: 100, где обнаружены фоссилизированные зубы «динцуньского человека». Неравновесно-урановым методом была получена дата 210–160 тыс. л.н. [Chen, Yuan, 1988], а по аминокислотной рацемизации – ок. 90–70 тыс. л.н. [Zhou, 1989]. Палеомагнитным методом датированы местонахождения 54: 97 и 100. Слой гравия, который был культурносодержащим горизонтом, показал обратную полярность, соответствующую эпизоду Блейка (122–119 тыс. л.н.). Наиболее вероятная дата основных местонахождений комплекса Динцунь 120–70 тыс. л.н., т.е. они относятся к первой половине верхнего плейстоцена. Материалы этих местонахождений чрезвычайно важны для корреляции палеолитических стоянок Восточной Азии, и установление более четкой их хроностратиграфии – одна из задач китайской археологии.

Наиболее ранний этап динцуньской индустрии, по мнению Ван Цзяня, исследовался на IV террасе р. Фэнхэ [Ван Цзянь и др., 1994]. Там обнаружены нуклеусы, отщепы, чопперы, массивные остроконечники, в т.ч. трехгранные, скребла, скребки, зубчато-выемчатые изделия, рубящие орудия, долота, боласы и др. Типологически они близки к каменному инвентарю основных местонахождений, исследованных в 1950-х гг. Для изготовления каменных орудий использовался преимущественно роговик, гораздо реже – кремень, кварц, известняк, кварцит, песчаник, гнейс и др. Сырье в основном происходит из аллювия реки.

Пэй Вэньчжун и Цзя Ланьпо [Pei Wenzhung et al., 1958] при детальном изучении каменных артефактов с динцуньских местонахождений выделили нуклеусы, отщепы, чопперы, массивные трехгранные остроконечники, похожие на рубила, боласы, унифасы, орудия-многогранники, заостренные остроконечники, миниатюрные остроконечники, скребки. Нуклеусы составляют ок. 10 % каменного инвентаря. Наиболее типичные – крупные с негативами снятий в различных направлениях, но преимущественно от краев к центру. Типологически они близки к дисковидным нуклеусам (рис. 4, 2–5). У подавляющего большинства ядра ударная площадка специально не подготавливается. Типологически особняком стоят нуклеусы подприматические и с веерообразной рабочей площадкой, т.е. плоскостью скальвания с них отщепов и пластинчатых отщепов. Поскольку из 2 005 каменных изделий, собранных в 1954 г., *in situ* обнаружено 1 566 артефактов, а 439 найдено на поверхности и их происхождение неясно, по моему убеждению, отнесение этих нуклеусов к основным культурносодержащим горизонтам неправомерно. Среди отщепов в динцуньской коллекции некоторые исследователи выделяют леваллуазские. На стоянке комплекса Динцунь, как и на всех дру-

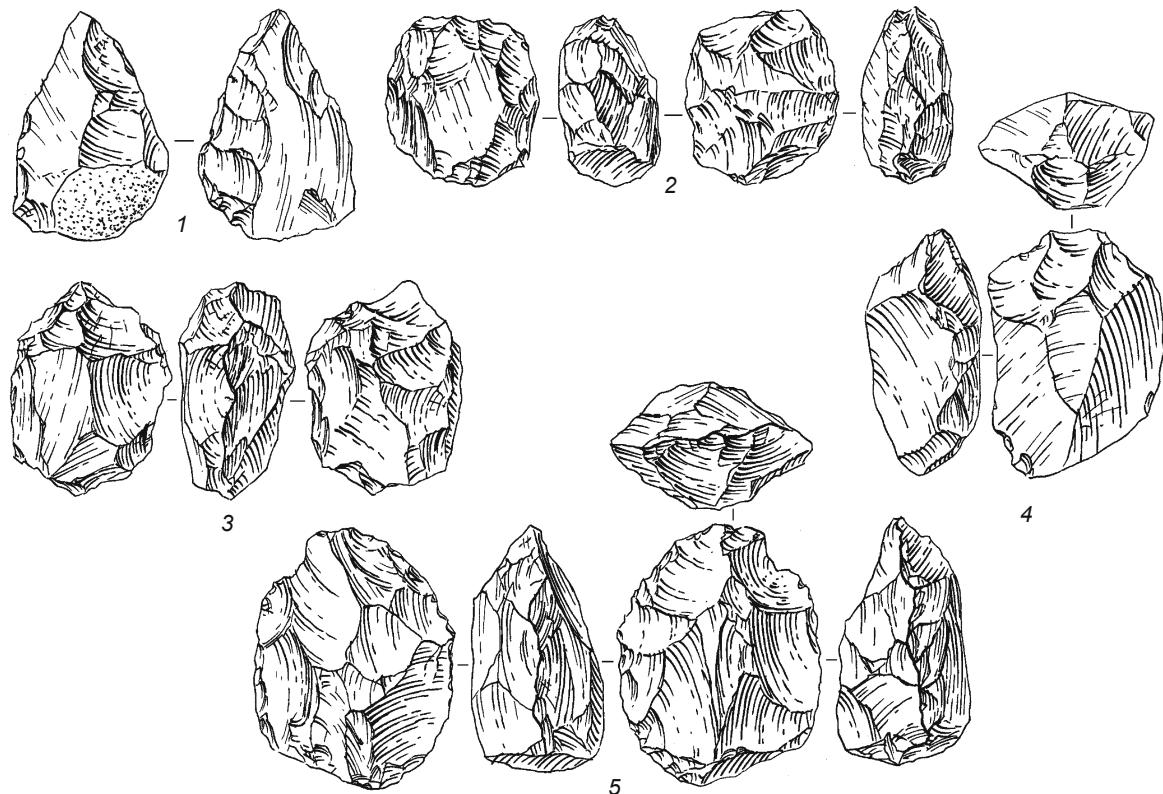

Рис. 4. Скребло (1) и нуклеусы (2–5) с местонахождения Динцунь (по: [Цзя Ланъпо, 1984]).

гих раннепалеолитических местонахождениях Китая, не применялась леваллуазская система расщепления, и эти отщепы, как и на местонахождении Чжоукоудянь-15, скальвались с дисковидных нуклеусов.

Среди орудий выделены массивные трехгранные остроконечники и остроконечники. Они изготавливались из галек (рис. 5, 5, 11) и крупных отщепов (рис. 5, 2, 12, 14). Остроконечники из галек имели бифасиальную обработку. Вся их поверхность обрабатывалась крупными сколами с дополнительной подправкой более мелкими по краям. Массивные трехгранные остроконечники и остроконечники в разной степени подвергались двусторонней обработке. Одни острия тщательно ретушировались с двух сторон. На других с одной из сторон имеется только один или несколько сколов. Особо следует отметить изделия с тщательно выделенным ретушью удлиненным острием, т.н. динцуньские остроконечники (рис. 5, 13). У них, как правило, поверхность более тщательно обработана сколами, а края и острие подправлены более мелкой ретушью. Эти изделия выделяются некоторыми исследователями в особую категорию пик комплекса Динцунь [*Ibid.*]. Все, кто изучал Динцуньский палеолитический комплекс, не сомневаются в наличии там бифасиально обработанных орудий, в т.ч. остроконечных. Но эти изделия не имеют никакого отношения к

ашельской индустрии ни по технико-типологическим характеристикам, ни хронологически. И по одному типу орудий относить комплекс к ашелью совершенно неправомерно. Важно отметить, что по технико-типологическим характеристикам эти орудия не связаны с более ранними бифасиально обработанными изделиями Байсэ и других местонахождений раннего палеолита. Они появились в Динцунь конвергентно в результате выработки новых адаптационных стратегий в раннем верхнем плейстоцене. В динцуньской коллекции представлены остроконечники не только значительных размеров, но и небольшие (4–7 см). Они изготавливались из отщепов и пластинчатых сколов. Боковые края и острие обрабатывались с дорсальной стороны сколами и подправлялись ретушью.

Среди орудий выделены скребла и скребловидные инструменты, которые изготавливались из отщепов различных размеров и формы. Простые боковые скребла выполнены на крупных отщепах (рис. 5, 1, 7, 9), у некоторых длина рабочего лезвия достигает 20 см. С дорсальной стороны они обработаны сколами различных размеров, а прямое или несколько выпуклое рабочее лезвие – одно- и многорядной ретушью. Имеются и двойные скребла. Они с дорсальной стороны обработаны сколами, а рабочее лезвие оформлено разнофасеточной ретушью (рис. 5, 3). Редки конвер-

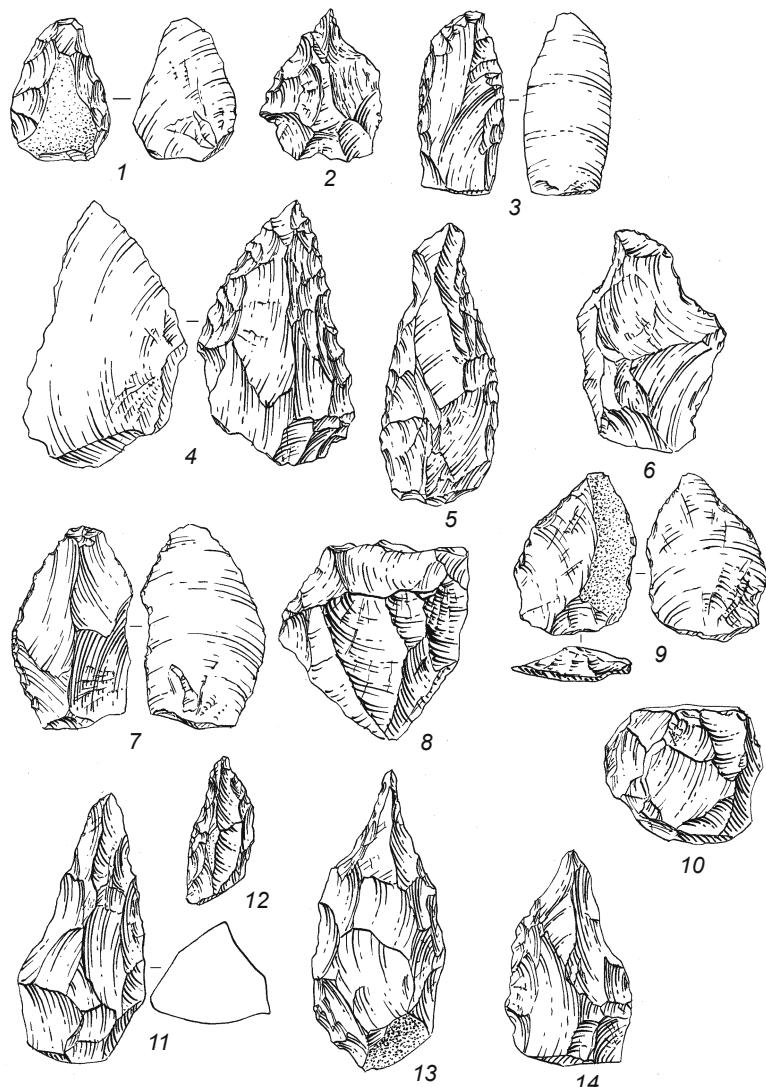

Рис. 5. Каменный инвентарь с местонахождения Динцунь (по: [Цзя Ланьпо, 1984]).

1, 3, 4, 7, 9 – скребла; 2, 12, 14 – остроконечники; 5, 11 – бифасиальные остроконечники; 6 – зубчато-выемчатое изделие; 8, 10 – нуклеусы; 13 – динцуньский остроконечник.

гентные скребла. Они также значительных размеров (рис. 5, 4). Рабочие лезвия и острия оформлены крупной ретушью с дорсальной стороны. Скребловидные инструменты меньших размеров изготавливались из отщепов. Часто они имели несколько рабочих краев. Дорсальная сторона частично подвергалась обработке, рабочие лезвия подправлялись ретушью. Для изготовления зубчато-выемчатых изделий (рис. 5, 6) использовались крупные отщепы неправильной формы. Рабочее лезвие у них оформлялось крупной ретушью с дорсальной стороны, часто по всему периметру.

Среди рубящих орудий выделяются чопперы и чоппинги. Большинство чопперов изготовлено из нуклеусов. Рубящие орудия с широким лезвием некоторые исследователи относят к кливерам, что нельзя

считать обоснованным, т.к. эти изделия существенно отличаются от ашельских кливеров. Имеющиеся в коллекции отщепы с ретушью и без дополнительной обработки могли использоваться для работы по дереву и кости.

О месте динцуньской индустрии в палеолите Китая нет единой точки зрения. Чжан Сэньшуй [Zhang Senshui, 1993] считает, что палеолитические местонахождения Динцунь не представляют собой гомогенного комплекса. Он выделил в одну группу стоянки 54: 100 и 102, а в другую все остальные. Каменные орудия первой группы, имеющие средние и малые размеры, отнесены им к индустрии микролитов типа Чжоукудянь-15, Сюйцзяо, Дали, а второй – к другой традиции. Ван Цзянь и Ван Ижэнь [2004] считают материалы некоторых местонахождений Динцунь переотложенными. По мнению авторов, чем дальше по течению реки местонахождения, тем больше в них миниатюрных отщепов и орудий, которые гораздо в большем количестве перемещались водотоком. Полностью с таким утверждением трудно согласиться, оно вызывает много вопросов, но факт некоторого переотложения материалов несомненен.

Комплекс Динцунь ряд исследователей подразделяют на три этапа, основываясь не только на технико-типологических различиях в индустриях, но и на разных геологических и геоморфологических позициях культуроодержащих горизонтов [Ван Цзянь и др., 1994; Ван Цзянь, Ван Ижэнь, 2004]. К раннему этапу относят местонахождения в песчано-галечном слое лесса Лишу на IV террасе р. Фэнхэ, к среднему – основные местонахождения комплекса, культуроодержащие горизонты которых залегают в песчано-галечных слоях III террасы. Эти этапы по основным технико-типологическим показателям очень близки друг к другу и составляют, с точки зрения динамики индустрии и культуры, единое целое. Очень вероятно, что ранний относится к финалу среднего плейстоцена, а средний, или «классический», – к началу верхнего. Поздний этап, соответствующий развитому верхнему палеолиту, Ван Цзянь, Тао Фухай и Ван Ижэнь [1994] относят к «культуре новой Динцунь». С моей точки зрения, если между ранним и средним этапами существует несомненная преемственность, то поздний по всем технико-типологическим показателям не связан с более древней индустрией.

Динцуньская индустрия раннего и среднего этапа распространена на значительной части бассейна р. Фэнхэ. В среднем и нижнем течении реки в пограничной зоне трех провинций – Шаньси, Шэнси и Хэнань – известны более древние местонахождения. Стоянки Сихоуду, Кэхэ, Ланьтянь, Шуйгоу, Хуэйсингуо и ряд других относятся к раннему палеолиту. Ван Цзянь и Ван Ижэнь [2004] считают, что, несмотря на значительный хронологический разрыв между раннепалеолитическими местонахождениями и динцуньскими стоянками, по технико-типологическим показателям прослеживается несомненная связь, о чем свидетельствует, например, техника оформления и типология массивных трехгранных остроконечников и остроконечников. С их точки зрения, в среднем и нижнем течении рек Хуанхэ, Фэнхэ и Вэйхэ в среднем плейстоцене существовало определенное культурно-историческое единство. Гай Пэй и Хуан Ваньпо [1982] выделили местонахождения типа Динцунь в культуру фэнхэ. В долине р. Фэнхэ открыты другие стоянки: Наньлян, Луцзуньсигоу и др.

Индустрия, отличная от динцуньской, выявлена на двух местонахождениях Сюйцзяо на границе провинций Шаньси и Хэбэй [Chia, Wei, 1976; Chia et al., 1979; У Маолинь, 1986; Цю Чжуналан, 1989; Вэй Ци, 1989, 2004; Keates, 2000]. Стоянки расположены на правом берегу р. Лиигоу, притока р. Санганхэ, на высоте 970 и 980 м над ур. м. Раскопки проводились в 1974, 1976–1977 и 1979 гг. По стратиграфическим данным и результатам анализа литологических фаций, в момент расселения здесь людей озерный бассейн в Нихэваньской котловине находился в стадии крупномасштабного обмеления. В котловине существовало много озер и водотоков. Климат был несколько прохладнее, чем в настоящее время: лето влажное, а зимы сухие и холодные. Ландшафты представляли собой кустарниковую лесостепь. В сезон дождей уровень воды в озерах повышался и это приводило к паводкам. Культуросодержащие слои залегают в глинистых отложениях с включениями галечника, ила, мелкозернистого песка. Площадь культурных отложений на стоянках составляет более 5 000 м².

О количестве каменных артефактов и палеоантропологических находок приводятся разные сведения. Вэй Ци [2004] сообщает о более 20 тыс. каменных изделий, найденных в основном в

Чжансингоу. Среди опубликованных 14 039 артефактов, обнаруженных в ходе раскопок 1974 и 1976 гг., 2 578 нуклеусов (18,4 %), 8 449 отщепов (60,2 %), 1 073 болас (7,6 %), 1 939 орудий и заготовок (13,8 %). В качестве сырья использовалось 12 видов пород, чаще всего жильный кварц (64 %), а также кремень, кварцит, кремнистый известняк. При первичной и вторичной обработке применялись каменный отбойник и прием удара нуклеусом о наковальню. Орудия, как и ядрища, в основном небольшие, что можно объяснить размерами исходного сырья, которое добывали рядом со стоянками [Aigner, 1981].

Наиболее распространенные нуклеусы – дисковидные и протопризматические (рис. 6, 2–7). Подготовка ударной площадки не прослеживается. Только на некоторых отщепах, сколотых с дисковидных ядрищ, видны следы от предыдущего скальвания, что создает впечатление фасетированной площадки.

Отщепы в основном небольших размеров и неправильной формы. Многие сохраняют галечную корку.

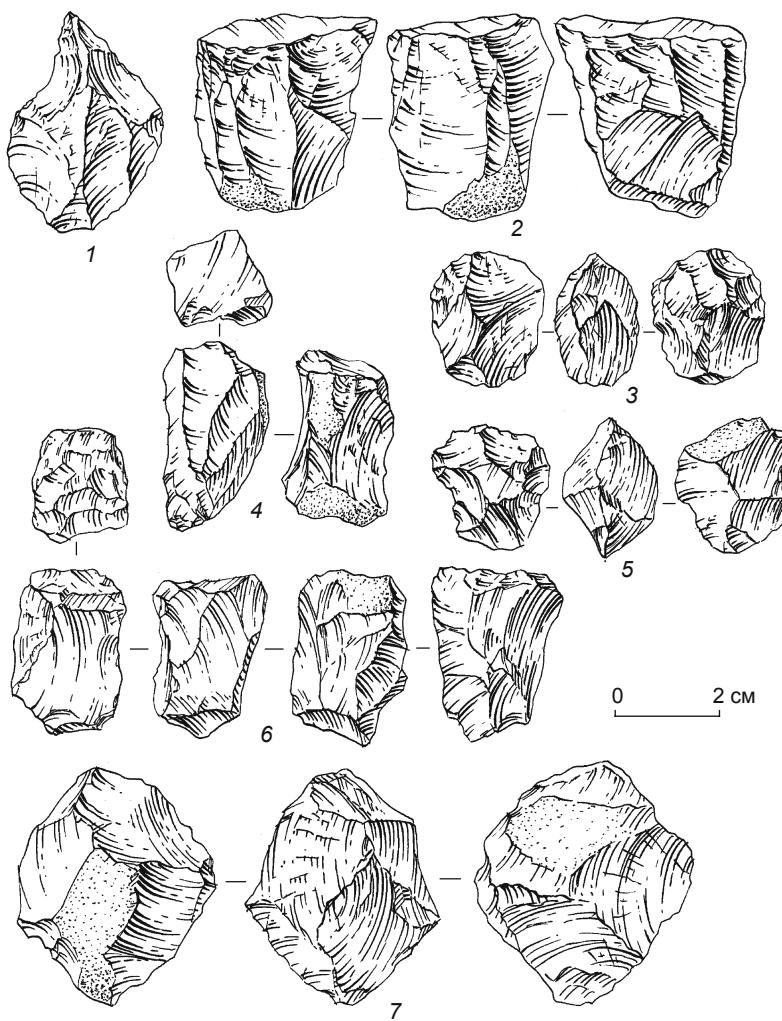

Рис. 6. Остроконечник (1) и нуклеусы (2–7) со стоянки Сюйцзяо (по: [Цзя Ланьпо, 1984]).

Орудия труда изготавливались из отщепов. Часто они использовались для работы и без дополнительного ретуширования. Среди орудий наибольшее число скребловидных инструментов (скребел, скребков) и боласов. Скребла (1 677 экз.) разделены на 17 типов: боковые прямые, вогнутые и выпуклые (двулезвийные и остроконечные), концевые с прямыми двойными или многими рабочими краями и др. (рис. 7, 1–6, 9, 15, 17). О количестве каменных сфероидов и шаров (боласы) приводятся разные сведения, но их значительно больше 1 000. При посещении местонахождения Сюйцзяо я видел немало шаров на месте раскопок. Хотя некоторые из них имеют угловатую форму, большинство явно стандартизировано. Часть шаров-сфероидов

использовалась в качестве ударников. Они могли также служить метательными орудиями при охоте на животных. Остроконечники представлены клювовидными, зубчатыми формами, с плечиками (см. рис. 6, 1). Они небольших размеров. Среди орудий в незначительном количестве выделены граверы, сверла, резцы (см. рис. 7, 7, 8, 10–12). Одно изделие на небольшом пластинчатом отщепе имеет двустороннюю обработку (рис. 7, 16). Но утверждать, что на этих местонахождениях применялась бифасиальная обработка, пока нет веских оснований. Чопперы и чоппинги также представлены единичными экземплярами.

Чрезвычайно важное значение имеют палеантропологические находки. Фоссилизированные кости горинидов полностью раздроблены. Первая палеантропологическая находка – теменная кость – обнаружена в 1976 г. Через год были найдены фрагменты задней части теменной кости. На некоторых костях видны следы разрезания, что, возможно, свидетельствует о каннибализме. На задней части теменной кости выявлено отверстие диаметром 9,5 мм с признаками заживления [Вэй Ци, 2004].

Отличная от динцуньской индустрия выявлена и при исследовании местонахождения Ятоугоу, открытого в 1972 г. неподалеку от г. Чжаньцзы на границе с пров. Ганьсу, в центре лесовых плато Северного Китая [Гай Пэй, Хуан Ваньпо, 1982]. Стоянка расположена в среднем течении р. Цзиньхэ. Культуросодержащий горизонт залегает в глинисто-галечном слое, перекрывающем лесовой.

В качестве сырья использовалась речная галька, главным образом кварцитовая (80 %), значительно реже – кварц, кремень и вулканические породы. Отщепы скальвались в основном жестким отбойником при ударе по ядрищу, у которого неударная площадка сохраняла галечную корку. Нуклеусы разделены на многоплатформенные (до трех ударных площадок), галечные и плоские. С них скальвались отщепы преимущественно небольших размеров. Некоторые сохраняли галечную корку. Среди отщепов выделены удлиненные, широкие подтреугольные и галечные.

Орудия труда представлены скреблами, остроконечниками, ру-

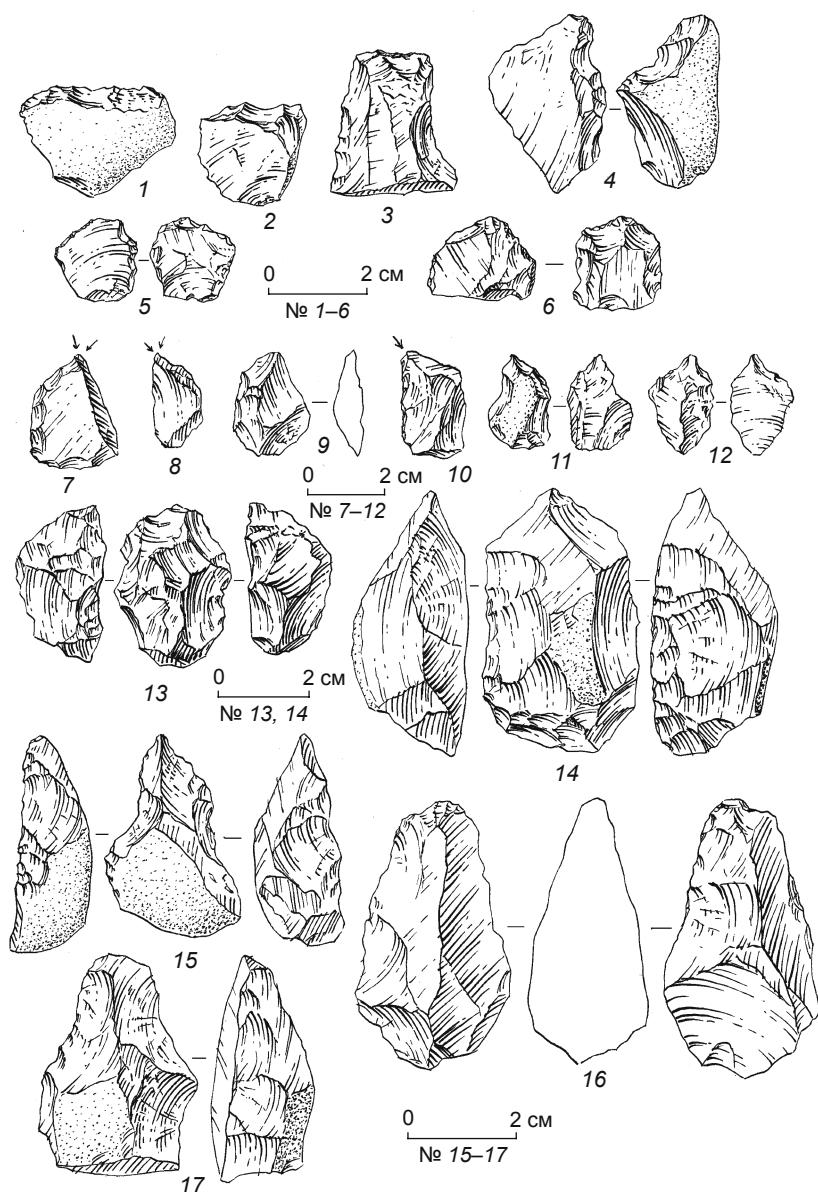

Рис. 7. Каменные изделия со стоянки Сюйцзяо (по: [Цзя Ланьпо, 1984]).
1–6, 9, 13–15, 17 – скребла; 7, 8, 10 – резцы; 11, 12 – сверла; 16 – бифасиальное изделие.

бящими изделиями. Скребла трех типов: с прямым боковым лезвием, дугообразным и выступающим. Остроконечники имеют в поперечном сечении подтреугольную форму. Их края оформлялись ступенчатой крутой ретушью, кончик обрабатывался более тщательно мелкой ретушью. Основание также имеет следы обработки крутой ретушью. Рубящие орудия изготавливались из галек и отщепов. С одной стороны обрабатывалась значительная часть поверхности, с другой сколами оформлялся только рабочий край. Местонахождения типа Ятоугоу были выделены в культуру цзиньвэй [Там же].

На всех стоянках, относящихся к финалу среднего и первой половине верхнего плейстоцена, не только на севере, но и на юге Китая в первичном расщеплении использовались биполярный метод, техника наковальни и удара жестким отбойником по нуклеусу. На ряде местонахождений в северных районах распространены бифасиальные изделия, везде представлены орудия типа чопперов, чоппингов, остроконечников, разные модификации скребел. Для их изготовления использовались отщепы, часто без специальной обработки, и иногда различного рода заготовки и нуклеусы. Безусловно, палеолитическая индустрия на территории Китая в хронологическом интервале 130–40 тыс. л.н. не была однородной. Исследователи выделяют локальные варианты или культуры. На палеолитических местонахождениях прослеживается постепенная эволюция индустрии: появление новых типов каменного инвентаря, большее его разнообразие, использование новых видов более качественного сырья, большая степень стандартизации продуктов первичного расщепления, совершенствование техники вторичной обработки и т.д. Но в целом в Китае, как и во всей Восточной и Юго-Восточной Азии, индустрия этого периода существенно отличается от индустрии на остальной части Евразии. На данной территории не зафиксирована леваллуазская система первичного расщепления и каменные изделия изготавливались только из отщепов. Отсутствие каких-либо существенных качественных изменений в палеолитических индустриях не позволяет говорить о переходе к верхнему палеолиту. Но такой вывод можно делать только на основании критериев выделения верхнего палеолита на остальной территории Евразии. Безусловно, в Юго-Восточной и Восточной Азии также происходили эволюционные изменения в первичной и вторичной обработке камня, но настолько незаметно, что провести границу на каком-то хронологическом этапе пока невозможно. Существенные изменения в индустрии на территории Китая фиксируются начиная с 30 тыс. л.н. на местонахождениях севера и северо-запада. Они связаны с проникновением сюда новой индустрии с пластинчатым расщеплением и использованием пластин, наряду с отщепами, в качестве заготовок для различных изделий из камня.

Формирование верхнепалеолитической культуры в Китае

Существуют разные точки зрения на хронологию и истоки верхнепалеолитической культуры на территории Китая. Цзя Ланьпо и Хуан Вэйвэн считали, что она коррелирует со средним и поздним верхним плейстоценом в пределах 40–10 тыс. л.н. и связана с предшествующими культурами [Palaeoanthropology..., 1985]. Тан Чун и Гай Пэй [Tang Chung, Gai Pei, 1986] разделили верхний палеолит на три фазы. Первая характеризуется усеченными отщепными орудиями и метательными – типа бола (40–30 тыс. лет до н.э.). Наиболее известное местонахождение, где она представлена, – Салавусу. Для второй фазы характерны обушковые ножи и микропластинчатая технология (30–15 тыс. лет до н.э.). Самые яркие местонахождения – Шуйдунгоу и Чжийюй. Эта фаза разделена на три подфазы: первая характеризуется индустрией, основанной на пластинах, с большим числом типичных обушковых ножей и отсутствием микропластинчатой технологии, вторая (30–25 тыс. лет до н.э.) – зарождением этой традиции (типичная стоянка – Чжийюй), третья (25–15 тыс. лет до н.э.) – одновременным распространением обушковых ножей и микропластинчатой технологии (наиболее известная стоянка Сячучань). И наконец, третья фаза – развитая микропластинчатая традиция (15–10 тыс. лет до н.э.). Наиболее известные местонахождения, где она представлена, – Сюэгуань, Хутоулян, Шаньдиндун. Существуют и другие точки зрения на время формирования верхнепалеолитической культуры на территории Китая. Но все исследователи, пожалуй, едины в том, что местонахождения раннего верхнего палеолита локализуются на северо-западе и севере страны и связаны с появлением новой технологии в изготовлении каменных орудий.

Имеющиеся материалы не позволяют датировать начало верхнего палеолита на территории Китая. На всех местонахождениях, которые относят к ранней стадии верхнего палеолита с орудиями на отщепах, например, Салавусу, как в первичной, так и во вторичной обработке в значительной мере сохраняются традиции предшествующего этапа. Тем не менее индустрию этого местонахождения можно считать переходной от средне- к верхнепалеолитической, потому что пластинчатая технология ни в коей мере не вытеснила отщеповую, она в течение более 10 тыс. лет постепенно распространялась с севера на юг. Использование старых приемов в первичном расщеплении и отщепов в качестве заготовок сохранялось на территории Китая вплоть до неолита. Это свидетельствует не о замещении автохтонного населения пришлым с пластинчатой индустрией, а о другом сценарии событий. Наиболее вероятным представляется следующий:

40–35 тыс. л.н. одна или несколько небольших по численности популяций с пластинчатой индустрией мигрировали из Южной Сибири и Монголии на юг, что явилось толчком для постепенного распространения этой индустрии по эстафетному принципу на всей территории Восточной и Юго-Восточной Азии. Происходил процесс не замещения, а диффузии культур и аккультурации пришлого населения, в силу его малочисленности, автохтонным. Отщеповую индустрию ни в коей мере нельзя считать примитивной. Она была хорошо адаптированной к местным экологическим условиям и источникам сырья, и только по этой причине на многих местонахождениях в течение всего верхнего палеолита в значительной степени сохраняется большая роль отщепов при изготовлении различных изделий из камня. И уже поэтому процесс перехода от раннего палеолита к позднему имел в Восточной и Юго-Восточной Азии свою специфику. Вполне воз-

можно, он начался задолго до появления на этой территории развитой пластинчатой индустрии, о чем, в частности, свидетельствуют местонахождения типа Салавусу (Шараассогол).

Стоянка Шараассогол во Внутренней Монголии открыта в 1922 г. Э. Лисаном, который посетил этот район, получив сообщение о нахождении там костей плейстоценовых животных. На следующий год Э. Лисан и П. Тейяр де Шарден начали раскопки в юго-восточной части Ордоу у д. Сяоцяопань на берегу р. Шараассогол [Teilhard de Chardin, Licent, 1924], позднее к ним присоединились М. Буль и А. Брэйль [Boule et al., 1928]. Во время полевых работ на правом берегу реки была вскрыта площадь ок. 2 тыс. м². Высота выхода культурного горизонта над речной долиной составляла ок. 7 м. На глубине 50 м в метровом слое бурой песчаной глины с железистыми конкрециями были обнаружены сильно фоссилизованные

кости плейстоценовых животных и ок. 200 мелких каменных изделий [Ларичев, 1980; Абрамова, 1994]. Индустрия оказалась необычной, прежде всего по своим размерам: все артефакты могли поместиться в двух горстях. Самое крупное орудие имело размеры 65×80 мм. Это объясняется не только особыми технологическими приемами, но и наличием в данном районе преимущественно речных галек диаметром 20–40 мм.

Индустрия нижнего культуроодержащего горизонта Шараассогола отличается от индустрии средне- и ранневерхнеплейстоценовых местонахождений Китая. В качестве исходного сырья использовался стекловидный фтанит и в небольшом количестве кварцит. Все нуклеусы миниатюрные. С них снимали мелкие отщепы, среди которых имеются и пластинчатые. Нуклеусы максимально использовались для снятия заготовок, некоторые в дальнейшем превращены в скребки и скребловидные инструменты (рис. 8, 6, 10, 12, 14, 19, 21). Наличие реберчатых пластин свидетельствует о том, что на начальной стадии ядра были более крупные (рис. 8, 22, 23). Выделяется один нуклеус, который типологически можно отнести к клиновидным. На торце у него имеются негативы снятия нескольких микропластин (рис. 8, 1).

Самую многочисленную серию орудий составляют скребки и мик-

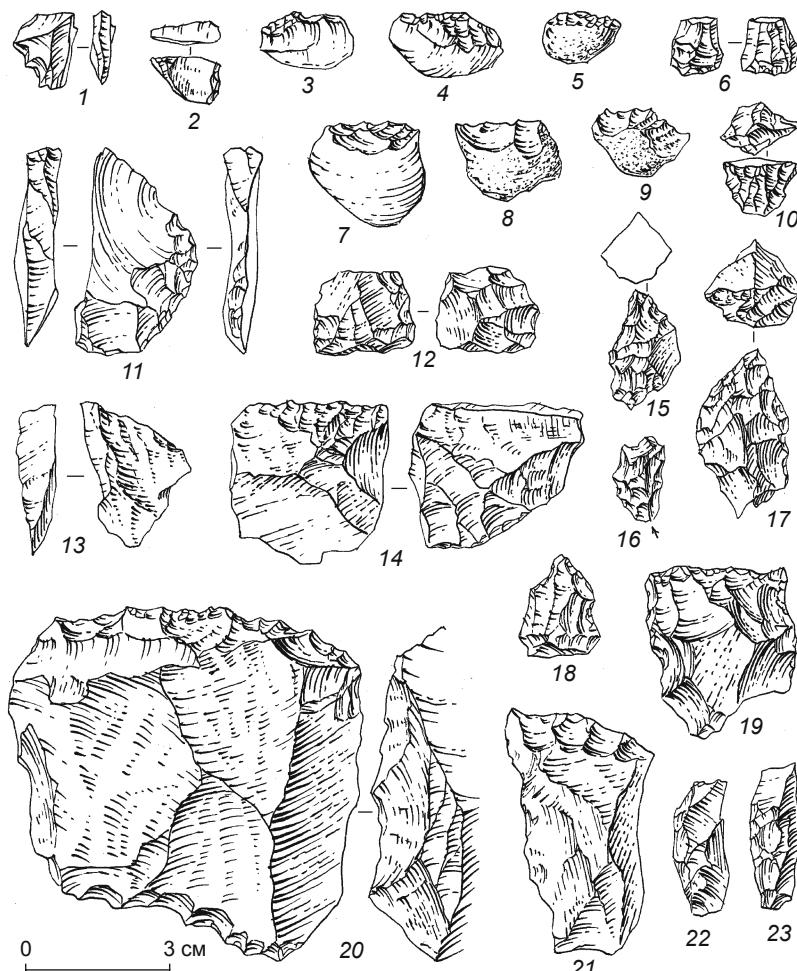

Рис. 8. Каменный инвентарь с местонахождения Шараассогол (по: [Цзя Ланьпо, 1984]).

1 – клиновидный нуклеус; 2, 11, 13 – многофасеточные резцы; 3–5, 7–9, 20 – скребла; 6, 10, 12, 14, 19, 21 – нуклеусы; 15, 17, 18 – остроконечники; 16 – зубчатое изделие; 22, 23 – реберчатые пластины.

роскребки (рис. 9, 11–13, 16–19, 24–29, 36). Скребки изготовлены из подчетырехугольных и треугольных отщепов и пластин. Прямое или овальное рабочее лезвие оформлено одно-, двух- и многорядной полукруглой ретушью. Некоторые скребки обработаны крутой зубчатой ретушью, иногда имеются выемки. Микроскребки выполнены на миниатюрных отщепах или пластинах. Лезвие у них оформлено мелкой ретушью.

Скребла изготавливались из крупных, по сравнению с другим инвентарем, отщепов. Одно выполнено на массивном отщепе – 65×80 мм (см. рис. 8, 20). Рабочие лезвия у него оформлены на двух противолежащих сторонах: одна обработана крутой зубчатой ретушью, другая – крупными сколами с центральной плоскости и

подправлена мелкой ретушью. Остальные скребла также оформлены крутой ретушью, в отдельных случаях с подправкой более мелкой (см. рис. 8, 3–5, 7–9; 9, 31–35, 37). Лезвие у них прямое, иногда с выемками.

А. Брейль [Boule et al., 1928] среди находок выделил острия (см. рис. 8, 15, 17, 18; 9, 4–7). Они изготовлены из отщепов и пластин и оформлены крутой, а иногда зубчатой ретушью, некоторые имеют небольшую выемку. Почти все острия, за исключением одного, обломаны, и невозможно определенно что-либо сказать о форме основания. Целый экземпляр имеет листовидную форму и оформлен мелкой ретушью по всему периметру (см. рис. 9, 8). А. Брейль выделил значительное количество резцов (см. рис. 8, 2, 11, 13;

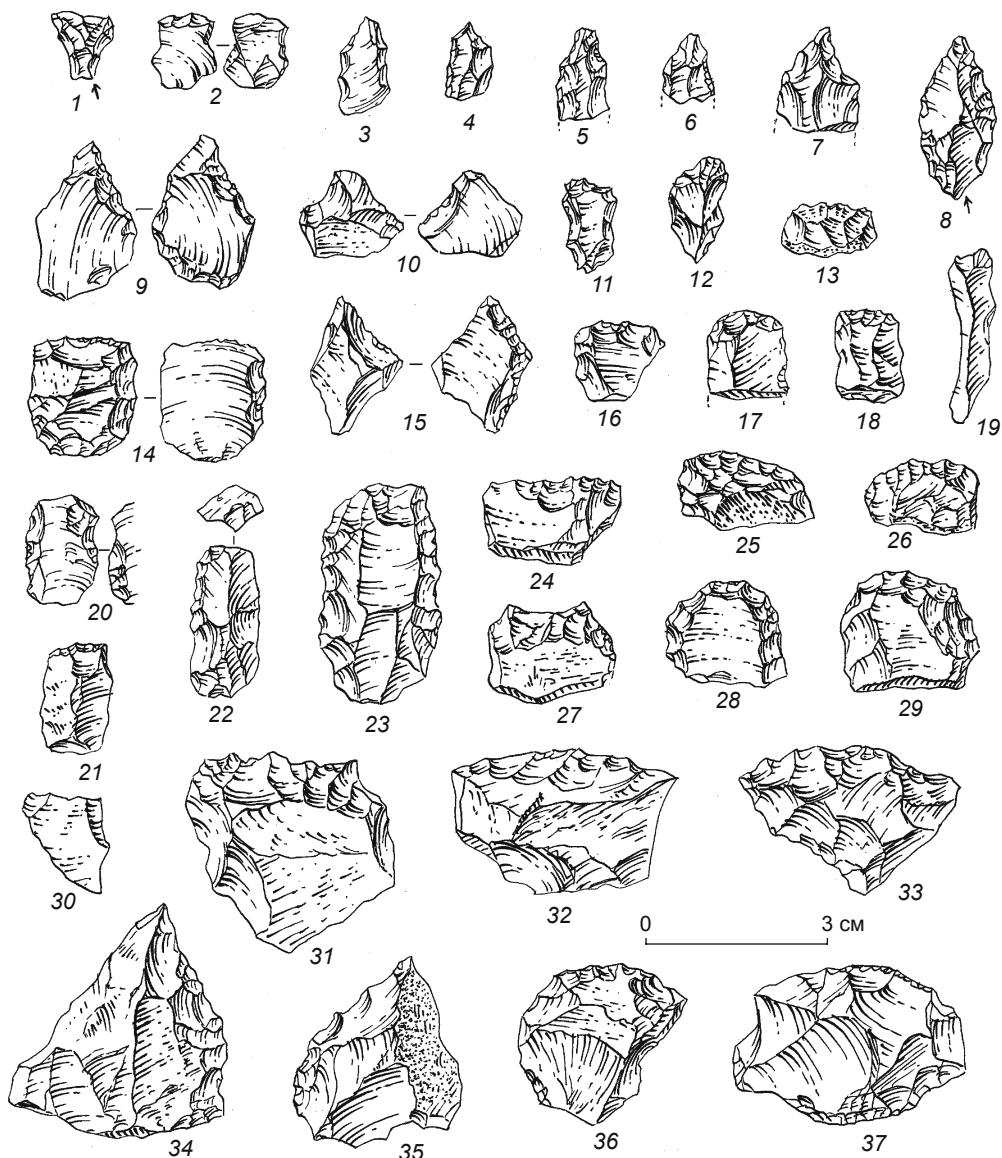

Рис. 9. Каменные изделия с местонахождения Шараассогол (по: [Цзя Ланьпо, 1984]).
1, 2, 9, 10 – отщепы с ретушью; 3, 22, 23 – пластины с ретушью; 4–7 – фрагменты острий; 8 – острие; 11–13, 16–19, 24–29, 36 – скребки; 14, 15, 20 – орудия с выемкой; 21 – резец; 30 – отщеп; 31–35, 37 – скребла.

9, 21), основная масса которых, по его мнению, многофасеточные срединного типа. К этому типу резцов отнесены и микронуклеусы.

Среди отщепов и пластин имеются экземпляры с мелкой, иногда противолежащей ретушью по одному или двум краям (см. рис. 9, 1–3, 9, 10, 22, 23). У некоторых отщепов ретушью выделено клювовидное острье. Несколько небольших галек, у которых одна длинная сторона обработана сколами, а затем подправлена ретушью, типологически можно отнести к микрочопперам.

Среди фаунистических остатков А. Брейль выделил несколько костей с заложенным или ретушированным краем. К этим выводам необходимо отнести с осторожностью. Не в материалах из культуросодержащего горизонта, а среди подъемных находок имеется фрагмент изделия из кости с заостренным с двух сторон концом, возле которого сделаны треугольные нарезки.

После публикации результатов полевых исследований в Шараассоголе это местонахождение вызвало большой интерес археологов, антропологов, геологов, палеоботаников, геохронологов и ученых других специальностей, и его изучение продолжается до настоящего времени.

В 1956 г. Ван Юйпин [1957] уточнил геологическую и геоморфологическую ситуацию в районе р. Шараассогол и обнаружил еще две палеолитические стоянки. Было найдено ок. 80 каменных изделий, в т.ч. несколько отщепов с ретушью, которые он определил как скребки. Особый интерес представляют палеоантропологические находки, обнаруженные в районе д. Дишаагуувань: две теменные и бедренная кости. В непосредственной близости от них в слое найдены кости носорога и лошади. У Жукан [1958] после изучения палеоантропологических находок пришел к выводу, что морфологически они ближе к современному человеку, чем к неандертальцам Западной Европы, тем самым определив положение «ордосского человека» в системе эволюции как прямого предка современного человека. В последующие годы Ван Юйпин обнаружил новые палеоантропологические находки.

Позднее полевые работы в Шараассоголе проводились под руководством Пэй Вэньчжун [Пэй Вэньчжун, Ли Юхэн, 1964]. С 1978 г. в течение ряда лет исследования в этом районе вел Дун Гуанчжун. Только в отчете за 1981 г. сообщается о шести палеоантропологических находках, четыре из которых были извлечены из слоя [Дун Гуанчжун и др., 1981]. В 1980 г. под руководством Хуан Вэйвэня начались раскопки стоянки Фаньцзягоувань, открытой Ван Юйпином [Хуан Вэйвэнь и др., 2004].

В результате многолетних исследований различными специалистами получен обширный материал. Спорово-пыльцевой анализ показал, что растительный покров в данном районе начиная с верхнего плейстоцена неоднократно менялся от смешанной

лесостепи «свиты Шараассогол» (хвойные и широколиственные деревья) до пустынной степи «свиты Чэнчуань». Затем на смену пришла безводная степь «свиты Дагоувань» и «свиты Дишаагуувань» (степь с редким кустарником и безводная степь). Состав фауны был весьма разнообразен. Всего определено 35 видов. Из них 3 относятся к насекомоядным, 4 – к плотоядным, 12 – к отряду грызунов, 1 – к хоботным, 3 – к непарнокопытным, 12 – к парнокопытным. Десять видов исчезнувшие.

Самый сложный и до конца не решенный вопрос – датировка наиболее ранних культуросодержащих горизонтов Шараассогола. На основании геологических, палеоботанических данных песчанистые глины датируются ранним и средним верхним плейстоценом. Начиная с 1980-х гг. используются различные радиометрические методы. Но результаты также сильно расходятся. По угольной крошки радиоуглеродным методом получена дата $35\ 340 \pm 1900$ тыс. лет до н.э. [Ли Синго и др., 1984]. На основании метода стимулирования инфракрасным светом люминесценции (IRSL) культуросодержащий горизонт местонахождения Фаньцзягоувань датирован 68–61 тыс. лет до н.э. [Инь Гунмин, Хуан Вэйвэнь, 2004]. По костным остаткам методом урановых серий получена дата 50–34 тыс. лет до н.э. [Юань Сысионь и др., 1983]. Результат датирования термолюминесцентным методом (TL) – 124–93 тыс. лет до н.э. [Дун Гуанчжун и др., 1998].

Главная проблема, с моей точки зрения, заключается не в расхождении взглядов исследователей на датировку культуросодержащих горизонтов в интервале 120–35 тыс. л.н., а в том, что, судя по технико-типологической характеристике каменного инвентаря, все обсуждаемые даты завышены. Можно согласиться с Тан Чуном и Гай Пэем [Tang Chung, Gai Pei, 1986], которые отнесли Шараассогол к числу местонахождений с усеченными отщепами и орудиями типа бола (первая фаза верхнего палеолита), датируемых в хронологическом интервале 40–30 тыс. л.н. И даже эта дата несколько завышенная. Судя по основным технико-типологическим характеристикам индустрии, возраст самого раннего культуросодержащего горизонта Шараассогола не более 35 тыс. лет. Клиновидные нуклеусы, которые относят к основному культуросодержащему горизонту, видимо, попали туда случайно, или этот слой не древнее 25 тыс. л.н.

Четкий рубеж в палеолите на территории Китая намечается с появлением там пластинчатой индустрии, уже, бесспорно, верхнепалеолитической. Эта индустрия, основанная на пластинчатом расщеплении и орудиях на удлиненных заготовках, сформировалась на базе местных технокомплексов ок. 30 тыс. л.н. Остановимся более подробно на двух наиболее ранних верхнепалеолитических местонахождениях на территории Китая – Чжиной и Шуйдунгуй.

Чжиюй открыто в 1963 г. [Цзя Ланьпо и др., 1972; Ларичев, 1980; Абрамова, 1994]. Находится оно в окрестностях одноименной деревни в 15 км к северо-западу от г. Шосянь в пров. Шаньси, в юго-западной части котловины Датун. Местонахождение расположено в истоках р. Санганьхэ, в месте слияния Чжиюйхэ и Сяоцанькоу. Культуросодержащий слой залегал в отложениях останца 25–30-метровой второй террасы р. Чжиюйхэ. Он был чрезвычайно насыщен находками: на площади 70 м² выявлено ок. 15 тыс. каменных изделий и более 5 тыс. сильно фрагментированных и обожженных костей плейстоценовых животных. Из десяти видов животных четыре вымерших. Наибольшее количество определимых костей относится к лошади Пржевальского (130 экз.) и кулану (88 экз.). Очень важно, что в слое найдены также затылочная часть черепа, фрагменты нижних челюстей, зубы и отдельные части посткрайиального скелета человека.

Индустрия местонахождения Чжиюй, бесспорно, верхнепалеолитическая. Исходным материалом для изготовления орудий служили гальки жильного кварцита, кварца, кремнистого песчаника и небольшого количества вулканических пород. Несмотря на плохое качество сырья, древние мастера, уже в совершенстве владевшие техникой обработки камня, даже с кварцевых и кварцитовых желваков скальвали ножевидные пластины и микропластины.

На стоянке помимо обычных для палеолита Китая нуклеусов для снятия отщепов найдены и подпризматические одно- и двухплощадочные (рис. 10, 1–3). Ударные площадки у них образованы одним поперечным сколом с последующей подправкой по краю. У одноплощадочных ядрищ конец приострялся сколами, и они близки по типу к торцовым. Имеется и типичный торцевый нуклеус (рис. 10, 17). У него ударная площадка подготовлена одним сколом и с торца произведено снятие нескольких микропластин. Все нуклеусы сильно сработанные, небольших размеров. Орудия, изготовленные из пластин и отщепов, также небольших размеров. Видимо, уже в это время стала применяться отжимная техника.

Сырье плохого качества не позволяло при первичном расщеплении получать пластины и микропластины правильных очертаний, тем не менее многие из них являлись заготовками орудий. По мнению исследователей, в орудийном наборе пре-

обладают острия и остроконечники (рис. 10, 11, 12), которые разделены на пять групп [Цзя Ланьпо и др., 1972]. Нельзя не согласиться с З.А. Абрамовой [1994], которая высказала сомнение в справедливости отнесения к этому типу многих изделий. Орудия, определенные как острия и остроконечники, могли являться скребками, миниатюрными скребками с «рыльцем» или «носиком» и т.д. Выделены также резцы, зубчатые изделия, скребла небольших размеров, долотовидное

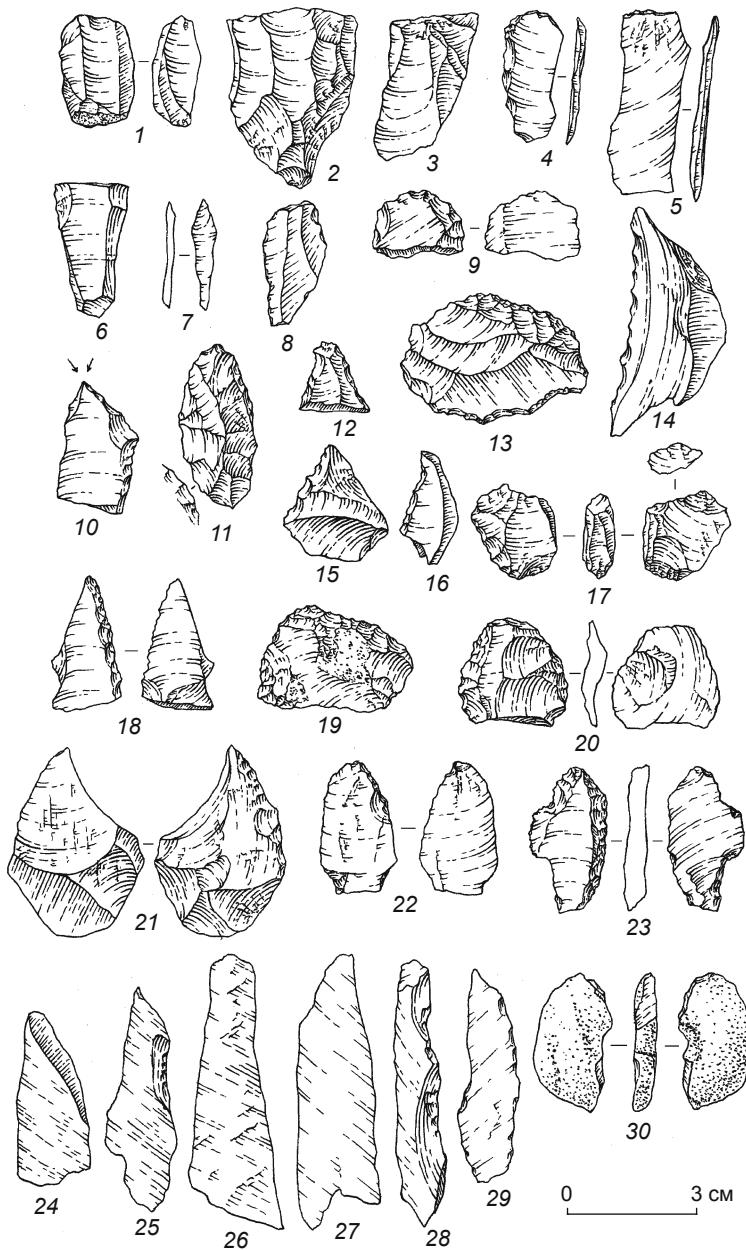

Рис. 10. Каменные и костяные изделия со стоянки Чжиюй (по: [Цзя Ланьпо, 1984]).
1–3, 17 – нуклеусы; 4–6, 8, 16, 22 – фрагменты пластин с ретушью; 7 – микропластина; 9 – скребок; 10 – резец; 11, 12 – остроконечники; 13, 19–21, 23 – скребла; 14, 15, 18 – зубчатые изделия; 24–29 – обломки костей со следами обработки; 30 – фрагмент подвески.

орудие, скребки, пластины и отщепы с ретушью. Из крупных орудий представлены только рубящие, но и они сравнительно небольшие.

На стоянке обрабатывался не только камень, но и кость. На фрагментах костей имеются следы оббивки и насечки (рис. 10, 24–29). Найдено и одно костяное орудие типа остроконечника. Особого внимания заслуживает фрагмент окружной подвески из плитки графита (рис. 10, 30), напоминающей подвеску из Верхнего грота Чжоукоудяня, также изготовленные из плиток графита.

Для местонахождения Чжиюй по костям буйвола получена дата $28\ 945 \pm 1\ 370$ тыс. л.н. Это один из самых ранних в Китае памятников верхнего палеолита, где прослеживаются зачатки пластинчатой индустрии.

Одновременно с Шараоссоголом началось изучение местонахождения Шуйдунгоу, открытого в 1923 г. П. Тейяр де Шарденом и Е. Лисаном [Licent, Teilhard de Chardin, 1925; Boule et al., 1928]. Оно находится в 5 км к востоку от одноименного села и в 28 км от административного центра Нинся-Хуэйского автономного округа г. Инчuanь, в 18 км к западу от р. Хуанхэ. Местонахождение расположено на возвышенности высотой 15 м. Неподалеку находится овраг, представляющий собой в настоящее время сезонное русло реки, впадающей в Хуанхэ. Во время первых раскопок было вскрыто 80 м² в пункте, который получил обозначение F1. Культурносодержащий горизонт имел мощность ок. 50 см и содержал зольные очажные пятна. Напротив первой стоянки на южном берегу оврага открыт второй пункт (F2), а в полукилометре к югу от с. Шуйдунгоу еще три (F3, F4, F5). Пункты F3 и F4 были сильно разрушены, а F5 сохранился хорошо. Помимо пяти пунктов, в этом районе обнаружены мезолитические и неолитические находки. В ходе последующих работ в 1957, 1960, 1963, 1980, 2001 гг. была уточнена стратиграфия стоянок и получен новый значительный материал. По мнению большинства исследователей, к палеолиту относятся стратифицированные пункты F1 и F2, к более позднему времени (мезолит и неолит) – три другие.

Каменный инвентарь, собранный во время раскопок в 1923 г., изучал А. Брейль. Он выделил дисковидные мусьеоподобные нуклеусы, с которых скальвавли отщепы, и ядрища для снятия пластин. Орудийный набор включал скребки, остроконечники типа шательперрон, проколки, анкоши, резцы, микролиты, скребла. Оценивая индустрию Шуйдунгоу, А. Брейль отмечал, что западному типологу она «представляется как нечто, находящееся на полпути между развитым мусье и зарождающимся ориньяком, или как комбинация этих двух элементов» [Boule et al., 1928, р. 121]. Он пришел к выводу, что эта индустрия могла быть принесена носителями культуры мусье из Европы, Западной Азии или Северной Африки. Некоторые скребки, резцы и сверла напоминают азильские.

Индустрия Шуйдунгоу занимает промежуточное положение между развитым мусье и азилем либо является результатом их смешения.

Ф. Борд, изучивший ту же коллекцию, определил пластинчатый показатель индустрии (31 %), выделил скребла (27 %), зубчатые орудия (16,6 %), бифасы (1%), чопперы (ок. 2 %), верхнепалеолитические типы орудий (скребки, резцы, проколки, ножи со спинкой, тронкированные пластины, микролиты и т.д. – 28 %) [Bordes, 1968]. По его мнению, эта индустрия представляет собой очень развитое мусье и могла оказать сильное влияние на верхнепалеолитическую культуру Сибири.

Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь [1964], изучавшие материалы раскопок 1923 г., и участники Китайско-советской экспедиции 1960 г. обратили внимание на большое разнообразие остроконечников, скребел, скребков, ножевидных пластин и микропластин и пришли к выводу, что индустрию Шуйдунгоу, несмотря на сочетание типологических признаков средне- и верхнепалеолитических комплексов, следует отнести к верхнему палеолиту. П.Д. Брантингхэм [Brantingham et al., 2004] и другие специалисты, достаточно детально исследовавшие эту индустрию, также отмечают признаки многих среднепалеолитических традиций в первичном расщеплении, вторичной обработке, типах каменных орудий, но, учитывая преобладание верхнепалеолитических элементов и геохронологию местонахождения, относят Шуйдунгоу к начальному этапу верхнего палеолита.

Наиболее полные сведения об исследованиях в Шуйдунгоу содержатся в отчете о работах, проведенных в 1980 г. в этом районе [Шуйдунгоу..., 2003]. Несмотря на наличие целого ряда монографических изданий и большого количества статей, посвященных полевым и лабораторным исследованиям памятника, по многим вопросам, связанным со стратиграфией, геохронологией, технико-типологическим анализом инвентаря и др., у исследователей различные точки зрения. Дискуссионность проблемы культурно-исторической принадлежности Шуйдунгоу можно объяснить тем, что одни обращали внимание на некоторую архаичность черт первичной и вторичной обработки и типов орудий труда, другие – на элементы, характерные для развитого верхнего палеолита [Kozłowski, 1971]. Китайские и западные палеолитоведы придерживаются разных подходов к оценке типологии каменных орудий и технологии их изготовления.

Индустрия Шуйдунгоу ранневерхнепалеолитическая и оставлена человеком современного физического типа [Деревянко, 1975, 2006б, 2009]. Первичное расщепление связано с дисковидными, параллельными, двухплощадочными монофронтальными, торцовыми нуклеусами и микронуклеусами (рис. 11; 12, 1–6). Ядрища для снятия отщепов, напоминающие диско-

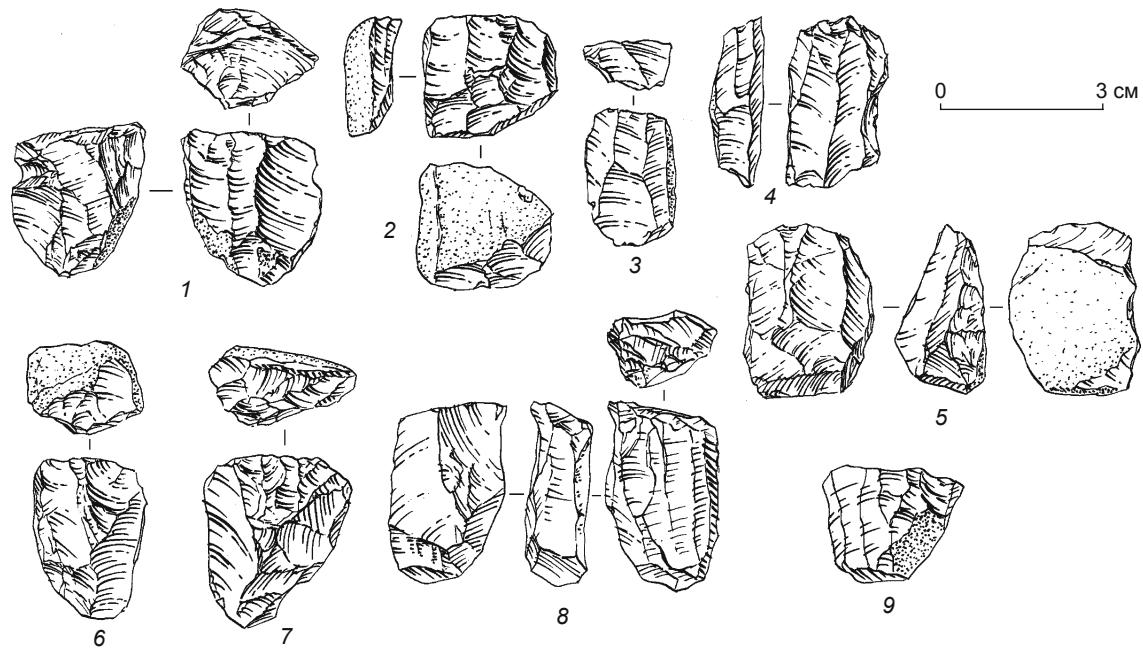

Рис. 11. Нуклеусы с местонахождения Шуйдунгоу (по: [Шуйдунгоу..., 2003]).

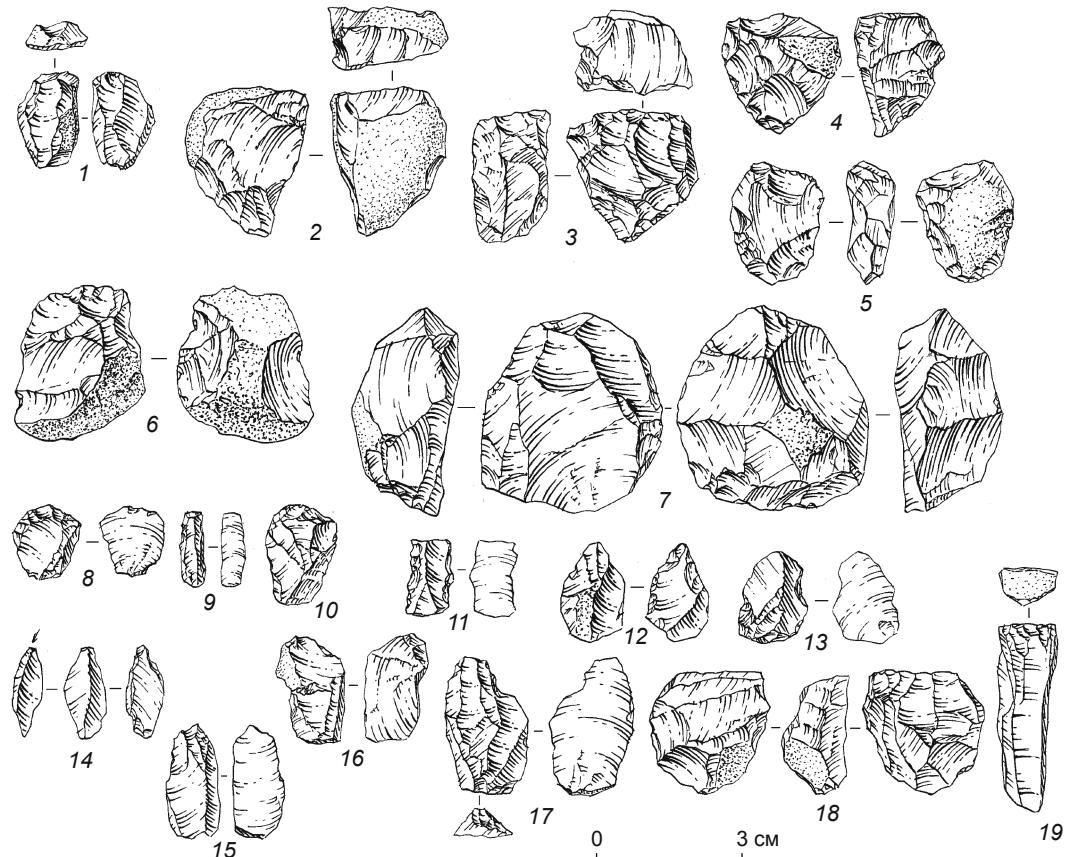

Рис. 12. Каменный инвентарь с местонахождения Шуйдунгоу (по: [Шуйдунгоу..., 2003]).
1–7, 18, 19 – нуклеусы; 8, 10, 12 – скребки; 9 – микропластина; 11 – пластина с зубчатой ретушью; 13, 17 – выемчатые изделия; 14 – резец; 15, 16 – сверла.

видные, встречаются не только на верхнепалеолитических, но и на неолитических стоянках. Двухплощадочные монофронтальные нуклеусы из Шуйдунгоу некоторые исследователи относят к леваллуазским. Но это субъективная оценка, обусловленная очень расширенным пониманием леваллуа. В Шуйдунгоу такие нуклеусы сильно сработанные, т.е. с них многократно снимались заготовки, что сопровождалось подправкой ударной площадки, в результате могла создаться иллюзия ее фасетирования. Торцовые нуклеусы и микронуклеусы достаточно типичны для развитого и позднего палеолита. К леваллуазским можно отнести небольшое количество ядриц для снятия отщепов (рис. 12, 7). В Шуйдунгоу не найдено ни одного классического леваллуазского нуклеуса, хотя имеются остроконечные пластинчатые сколы с фасетированной площадкой (рис. 13, 14, 15).

Орудийный набор разнообразен. Для всех стоянок характерны острия. Они достаточно типичны для переходного этапа и верхнего палеолита. Края остроконечников обрабатывались со спинки однорядной и реже двурядной ретушью (рис. 14, 1–3). Большой удельный вес в коллекции имеют концевые скребки с прямым и скошенным рабочим лезвием (см. рис. 12, 8, 10, 12; 13, 3–8). Ретушировалось не только лезвие, но и один-два края. Имеются скребки высокой формы, напоминающие карене. На пластинках и пластинчатых сколах оформлялись скребла, ножи, зубчатые и выемчатые изделия. В небольшом количестве представлены резцы, проколки.

В 1963 г. при раскопках были найдены костяное изделие длиной 58,8 мм, определяемое как пробойник или лощило, и округлое украшение из скорлупы страусового яйца с просверленным в центре отверстием. В районе украшения отмечен красный пигмент. Обуглившееся орудие с серповидным краем, изготовленное из расщепленной кости, было обнаружено в очаге, для которого получена дата $26\ 650 \pm 170$ л.н. На внутренней и внешней поверхностях изделия имеются следы полировки и стертости, появившиеся, видимо, в результате эксплуатации. Один его конец расщеплен.

Геохронология стоянок Шуйдунгоу достаточно сложная. Для нижних культуроодержащих горизонтов разными методами были получены даты, которые имели большое расхождение между собой и не могли быть приняты за основу. В 1999–2000 гг. проводились специальные исследования, связанные с датировкой местонахождения. В пункте F2 были выявлены очаги и очажные пятна, из которых взяты образцы для радиоуглеродного датирования. Полученные даты в основном укладываются в диапазон 27–25 тыс. л.н., минимальное значение $23\ 700 \pm 180$, максимальное – $29\ 520 \pm 230$ л.н. [Madsen et al., 2001; Brantingham et al., 2004]. Имеются даты, определенные урановым методом, – $38\ 000 \pm 2\ 000$ и $34\ 000 \pm 2\ 000$ л.н. [Шуйдунгоу..., 2003]. С моей точки зрения, эти даты завышены, возраст индустрии нижнего горизонта Шуйдунгоу не более 30 тыс. лет.

Хронологически стоянки Чжиюй и Шуйдунгоу относятся к среднему этапу верхнего палеолита. Мес-

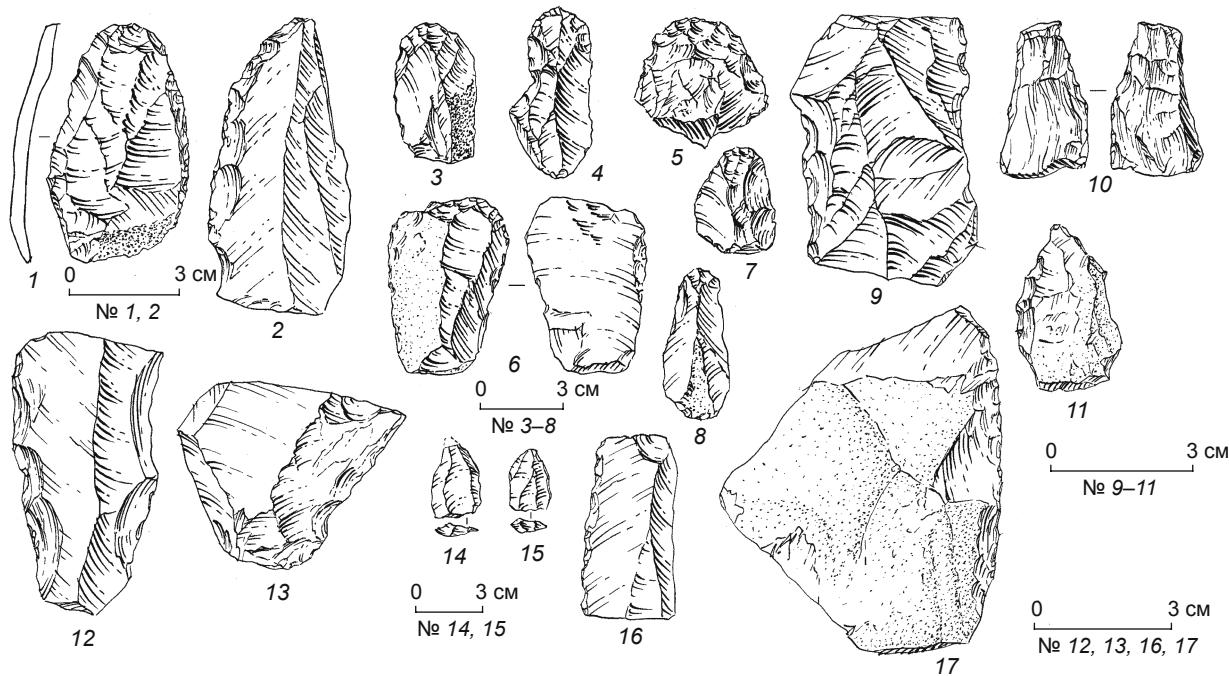

Рис. 13. Каменные изделия с местонахождения Шуйдунгоу (по: [Шуйдунгоу..., 2003]).
1, 2 – скребла; 3–8, 12, 13 – скребки; 9–11 – зубчато-выемчатые изделия; 14, 15 – леваллуазские пластины; 16, 17 – ножи.

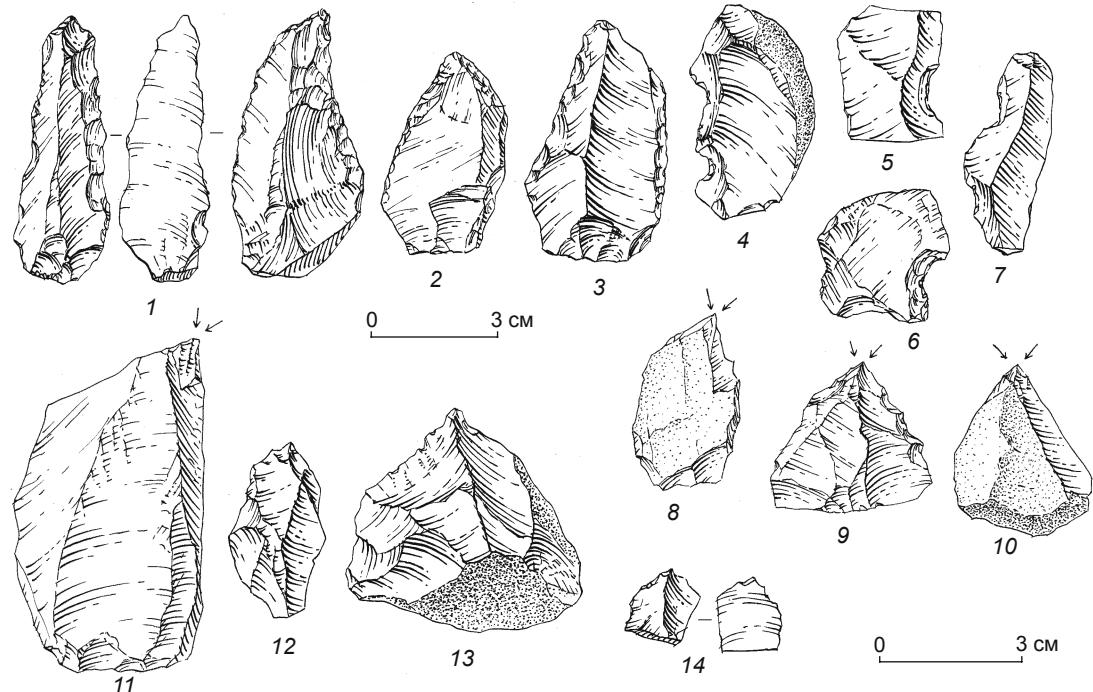

Рис. 14. Каменные изделия с местонахождения Шуйдунгоу (по: [Шуйдунгоу..., 2003]).
1–3 – остроконечники; 4–7 – зубчато-выемчатые изделия; 8–11 – резцы; 12–14 – сверла.

тонахождения переходного от среднего к верхнему палеолиту периода и ранней стадии верхнего в Китае выделить пока проблематично из-за отсутствия убедительных критериев. На стоянках Шуйдунгоу и Чжийю в первичном расщеплении, оформлении орудий и их типологии прослеживаются определенные связи с местонахождениями типа Динцунь, Салавусу и Даши. Модель перехода к верхнему палеолиту на территории Китая можно представить следующим образом: в начале – середине позднего плейстоцена здесь произошло дальнейшее прогрессивное развитие более древних отщеповых индустрий, формировалась та основа, на которой с приходом 35–30 тыс. л.н., а может быть и ранее, носителей пластинчатой техники с территории Монголии и Южной Сибири складывались индустрии типа Шуйдунгоу и Чжийю. Наиболее ранние памятники с пластинчатыми комплексами древностью 30–35 тыс. лет могут быть обнаружены в Синьцзяне и на северо-востоке Китая, т.е. в приграничных с Алтаем, Монгoliей и Забайкальем районах.

Пластинчатая индустрия на территории Китая, как и во всей Восточной и Юго-Восточной Азии, не имеет собственных корней и привнесена из сопредельных западных и северо-западных регионов. Наиболее ранние пластинчатые комплексы зафиксированы в Горном Алтае, Прибайкалье, Забайкалье и Монголии [Деревянко, 2001, 2006а, б; 2009]. На территории Китая эта индустрия могла появиться в результате либо прямой инфильтрации ее носителей из Юж-

ной Сибири и Монголии в Синьцзян и Внутреннюю Монголию, либо передачи инноваций эстафетным путем вследствие контактов древних популяций 35–30 тыс. л.н. Несколько позже она проникла в другие районы Северо-Западного и Северного Китая. В этом отношении примечательна индустрия Шуйдунгоу, сохранившая некоторые леваллуазские традиции. По многим технико-типологическим показателям она близка к индустриям Орхона-1 и -7, Орон-Нора-1 и -2, где 40 тыс. л.н. также еще сохранялись леваллуазские традиции в первичной обработке и в формах орудий некоторых типов [Деревянко и др., 2010].

Вызывает большое сомнение датировка нижних культуросодержащих горизонтов Шараассогола временем ранее 30 тыс. л.н. На этой стоянке обнаружены торцовые и клиновидные нуклеусы для снятия микропластин. Самое раннее проявление микроиндустрии зафиксировано в Северной, Центральной и Восточной Азии на памятниках каракольской культуры, где торцовые и кареноидные нуклеусы для снятия микропластин появились ок. 35 тыс. л.н. Попытки найти истоки верхнепалеолитической микроиндустрии в Китае на нижнепалеолитическом местонахождении Дунгуто [Хоу Ямэй, 2005] вызывают искреннее недоумение: хронологически эти комплексы отделяют более 1 млн лет. Микропластинчатая индустрия не могла появиться на территории Китая раньше 30 тыс. л.н. Первое ее проявление фиксируется на стоянке Чжийю. Нуклеусы для снятия микропластин на местонахож-

дении Шараоссогол, видимо, связаны не с основным культуроодержащим горизонтом, а с вышележащими, или этот горизонт не древнее 25 тыс. л.н.

О том, что пластинчатая индустрия на территории Китая, как и во всей Восточной Азии, привнесенная, свидетельствует ее распространение в хронологическом интервале 30–20 тыс. л.н. Вначале она появилась в Синьцзяне и Внутренней Монголии, затем в других районах Северного Китая и на Корейском полуострове, позже 25 тыс. л.н. – в Южном Китае. Примечательно, что в Восточной Азии древние автохтонные приемы в первичной и вторичной обработке камня сохранялись длительное время. На протяжении почти 10 тыс. лет на этой территории наряду с пластинчатой индустрией существовала и традиционная отщеповая, что в какой-то мере связано, видимо, с отсутствием достаточного количества источников качественного сырья для производства каменных орудий. Кроме того, адаптационные стратегии автохтонного населения были хорошо приспособлены к местным экологическим условиям и традиционные технические приемы в обработке камня вполне успешно конкурировали с инновациями извне. И только широкое распространение микропластинчатой индустрии 20–15 тыс. л.н. привело к окончательному изменению всего технокомплекса.

По аналогичному сценарию происходило формирование верхнепалеолитической индустрии во всей Восточной и Юго-Восточной Азии. Еще одним примером может быть процесс перехода от среднего к верхнему палеолиту на Корейском полуострове.

Переход от среднего к верхнему палеолиту на Корейском полуострове

Развитие палеолитических индустрий на Корейском полуострове также происходило на местной основе. Местонахождения раннего палеолита, древнее 200 тыс. л.н., здесь достаточно дискуссионны, однако наличие таких памятников в Китае предполагает их существование и на Корейском полуострове. Одним из дискуссионных местонахождений является пещера Комын-мору, расположенная в 2 км от пос. Сонвон на севере КНДР. Она представляет собой узкую и длинную карстовую полость, частично уничтоженную при строительстве дороги [Предварительный отчет..., 1969; Ким Сингю, Ким Кёгён, 1974]. На местонахождении выделено пять литологических слоев. Корейские археологи считают, что возраст рыхлых отложений в пещере не выходит за рамки среднего плейстоцена. Они выделяют среди монупортов бифасиально обработанное изделие, трапециевидное орудие, остроконечник, скребло, отбойник и кливер. Я ознакомился с находками из пещеры Комын-мору и сомневаюсь, что эти предметы изготовлены человеком [Деревянко, 1983].

Проблема среднего палеолита на Корейском полуострове рассматривалась рядом исследователей, но наиболее аргументированное ее решение, с моей точки зрения, у Ли Хонджона [1997, 1998а, б, 1999, 2000, 2002, 2003; Ли Хонджон и др., 2005]. К среднему палеолиту он относит местонахождения финала среднего – первой половины верхнего плейстоцена. На их материалах Ли Хонджон выделяет три технико-типологических варианта индустрии. К первому он относит ручные рубила – орудия, типичные для корейских среднепалеолитических памятников. Второй вариант представлен галечной индустрией, основанной на рубящих орудиях типа чопперов, чоппингов и полиэдрах, но без ручных рубил. К третьему варианту относятся орудия на отщепах, в т.ч. ручные рубила и изделия, обработанные тонкой ретушью.

Самые ранние палеолитические местонахождения на Корейском полуострове – Джонгокри-1 (Чонгокни), Гаволри, Джухволри, Янмунри, пещеры Кымгуль и Ёнгок и др. Наиболее изученной и вместе с тем вызывающей противоречивые толкования является стоянка Джонгокри-1 (Чонгокни), расположенная на небольшом холме у р. Хонтханган в 2 км от д. Джонгокри уезда Енчхон пров. Кенгу. Для нее характерны грубые рубящие орудия, бифасы, пики, изделия, напоминающие кливеры, отщепы, пластинчатые сколы и др. (рис. 15, 1–6). Появление этой индустрии связано с приходом на Корейский полуостров популяций древних людей с территории Китая: каменные орудия из Джонгокри-1 имеют много общего с динцуньской индустрией.

У корейских археологов нет единой точки зрения на геохронологию местонахождения. Имеется дата, определенная термолюминесцентным методом: 190–70 тыс. л.н. [Ли Хонджон, 2002]. Бэ Гидонг датирует культуроодержащий слой в интервале 200–180 тыс. л.н. [1989]. Ли Сонбок ранее считал, что возраст стоянки 40–50 тыс. лет [1989]; в настоящее время он относит нижний культуроодержащий слой к периоду 130–75 тыс. л.н. [Li Seonbok, 1999]. По моему мнению, возраст Джонгокри-1 70–120 тыс. лет и с точки зрения технико-типологической оценки индустрия связана с динцуньским технокомплексом Китая.

Материалы Джонгокри-1 являются базовыми для характеристики индустрии конца среднего – первой половины верхнего неоплейстоцена. На этом местонахождении представлены практически все основные типы орудий, которые в разных сочетаниях встречаются на памятниках, датируемых в хронологическом диапазоне 80–40 тыс. л.н. (рис. 16). Вероятно, отсутствие на том или ином местонахождении отдельных категорий инструментов объясняется слабой его изученностью, а не культурными различиями. Хотя, конечно, нельзя отрицать наличия на Корейском полуострове локальных вариантов индустрии.

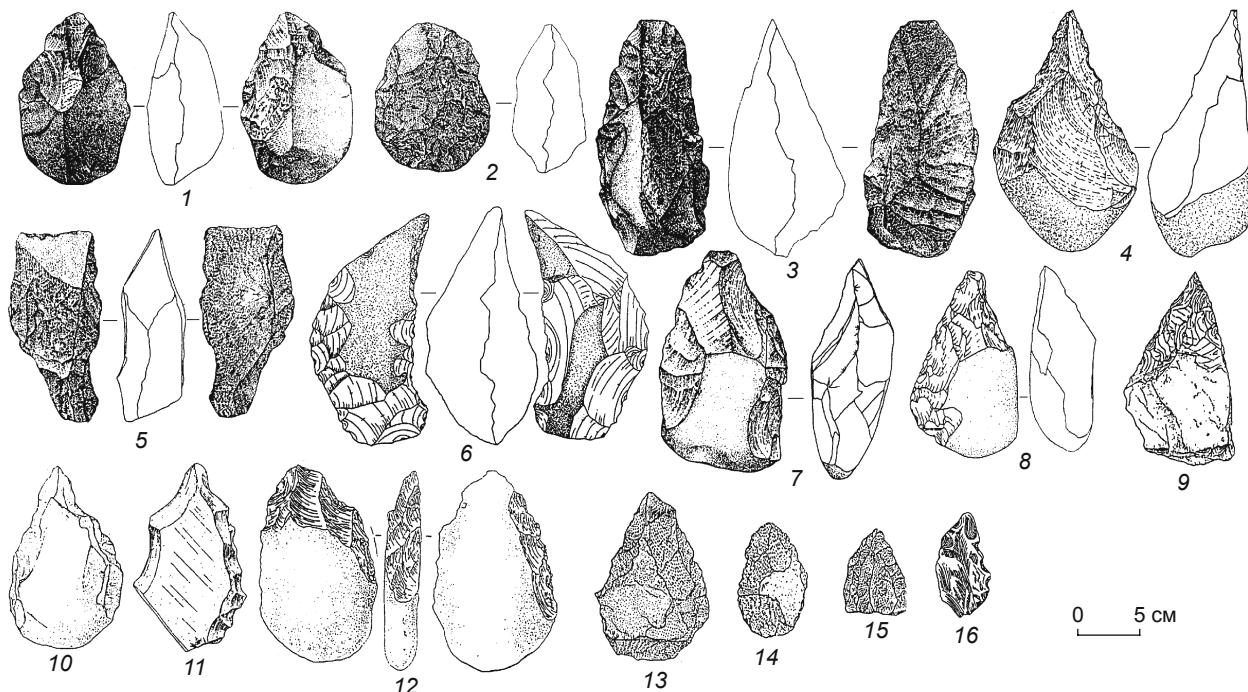

Рис. 15. Ручные рубила (1–4, 6–15) и кливер (5) с памятников Корейского полуострова (по: [Ли Хонджон, 2002]).
1–6 – Джонгокри; 7 – Кымпари; 8 – Бёнсари; 9 – Балхандонг; 10, 11 – Кымгул (пещерный памятник); 12 – Деджи;
13–15 – Сокджанри; 16 – Рёнгок (пещерный памятник).

На Корейском полуострове открыты местонахождения, содержащие по несколько культурных слоев: Чуннэри, Ёнгок, Хахваджери – по четыре горизонта финала верхнего палеолита, Горёри, Чинджиниль, Хопъёнтон, Чанхэнри, Синбук, Вольпъён – по два – четыре верхнепалеолитических [Ли Ги-Кил, 2005].

Очень важное значение для решения проблемы перехода к верхнему палеолиту имеют местонахождения, датируемые 50–30 тыс. л.н. К этому периоду относятся второй горизонт пещеры Ёнгок – $49\ 200 \pm 2\ 000$ и $46\ 100 \pm 2\ 000$ л.н. (рис. 17), нижний слой местонахождения Бонмёндон – $49\ 860 \pm 2\ 710$ и $48\ 450 \pm 1\ 970$ л.н. [Ли Хонджон, 2003]. На данных стоянках преобладает галечная традиция в первичной и вторичной обработке камня, в основном кварцита. Количество орудий на отщепах, в т.ч. небольших размеров, увеличивается, но в целом трудно проследить появление принципиально новых приемов в подготовке нуклеусов к скальванию отщепов и возникновение новых типов каменных орудий. Эта тенденция сохраняется и на многих местонахождениях древностью ок. 30 тыс. лет,

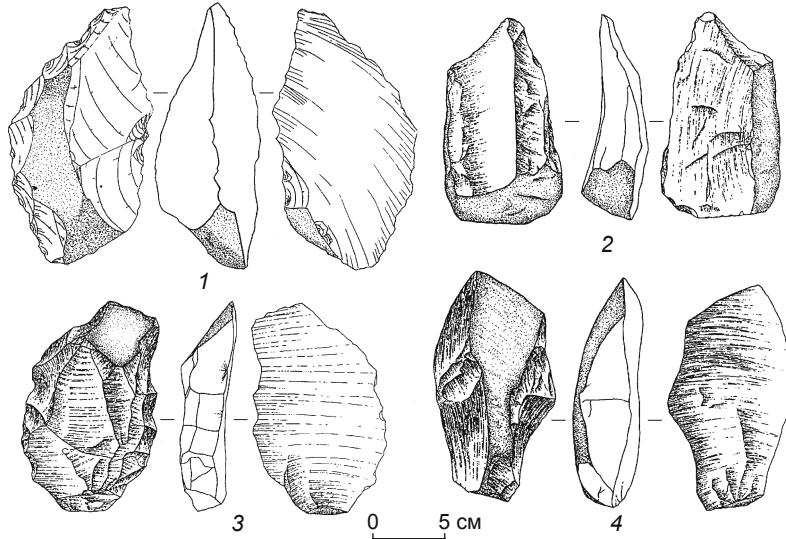

Рис. 16. Орудие типа «пик» (1), ручные рубила (2, 3) и кливер на крупном отщепе (4) с местонахождений Корейского полуострова (по: [Ли Хонджон, 2002]).

в т.ч. Чончжари, где зафиксированы три объекта, возраст которых 25–30 тыс. лет [Ли Хонджон и др., 2005].

Для всех палеолитических стоянок финала среднего и начала, середины верхнего плейстоцена на Корейском полуострове характерны галечная техника, наличие бифасов, пик, чопперов, чоппингов, скребел,

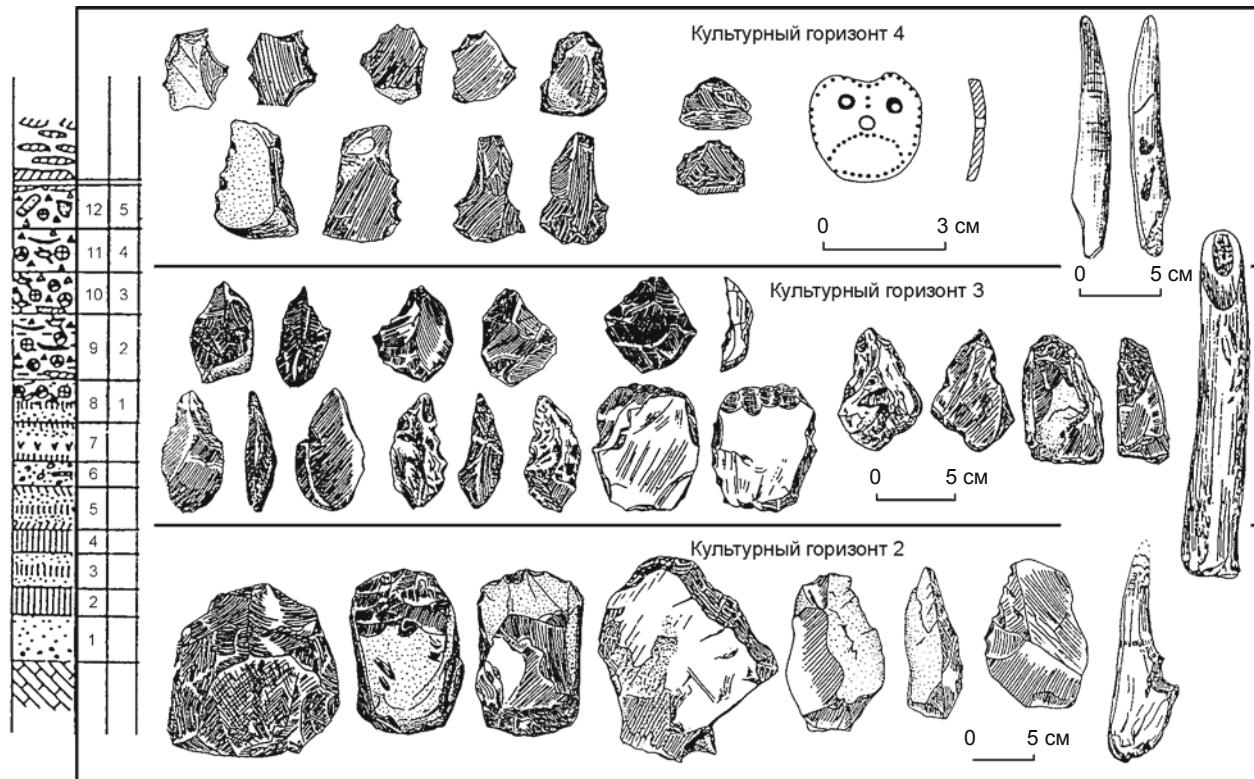

Рис. 17. Артефакты с пещерной стоянки Ёнгок (по: [Ли Хонджон, 2003]).

орудий на отщепах. Первичное расщепление представлено дисковидными, галечными и ортогональными нуклеусами. Леваллуазская техника, как и в Китае, не прослеживается. На Корейском полуострове, а также в других регионах китайско-малайской зоны со временем первоначального заселения этих территорий человеком до появления пластинчатой индустрии происходило медленное эволюционное развитие индустрии, основанной на мелких и крупных отщепах. При детальном изучении палеолитических местонахождений, безусловно, выделяются локальные варианты со спецификой первичной и вторичной обработки каменных орудий. Однако еще раз подчеркну, что среднепалеолитические традиции, характерные для африканской и евразийской зон, на этих территориях не прослеживаются. На Корейском полуострове в индустриальных комплексах не выявлены элементы, позволяющие выделить средний палеолит и проследить переход к верхнему. На корейских местонахождениях, относящихся к середине позднего плейстоцена, наряду с проявлением галечной и дисковидной техники в первичной обработке, наличием макроорудий (чопперы, чоппинги, бифасы, скребла) обнаружены многочисленные изделия из мелких отщепов, т.е. происходил процесс микролитизации индустрии, и в качестве сырья использовался уже не кварцит, а в основном кремень и другие мелкокристаллические породы.

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту на Корейском полуострове продолжает оставаться дискуссионной. И если когда-то специалисты соглашались с проведением границы на каком-то хронологическом рубеже, она все равно будет спорной, потому что на протяжении второй половины среднего и большей части верхнего плейстоцена происходило эволюционное развитие каменной индустрии. К примеру, заключение о начале верхнего палеолита после 40 тыс. лет до н.э. [Yi Seonbok, 2001] абсолютно не аргументировано. И справедливо утверждение К. Бэ [Bae, 2009], что верхнепалеолитическая культура на этой территории сформировалась под влиянием различных популяций человека.

Каменная индустрия на Корейском полуострове претерпела существенные изменения с появлением нуклеусов для снятия пластин и изготовлением орудий из пластин. Это произошло, видимо, не ранее 30–25 тыс. л.н. На местонахождениях предшествующего этапа найдены нуклеусы, с которых могли скальывать пластинчатые отщепы, но в целом пластинчатая индустрия пришла с юга российского Дальнего Востока и северо-востока Китая. Какие события стояли за этим, установить трудно. Новая технология могла распространяться в результате контактов с соседними племенами или (и) вследствие прямой их инфильтрации. Но сам процесс представлял собой не замену старой отщеповой ин-

дустрии на новую пластинчатую, а аккультурацию: в хронологическом интервале 25–15 тыс. л.н. произошло смешение двух индустрий и постепенно отщепы как первооснова для многих типов каменных орудий были вытеснены пластинами, а затем и микропластинами.

Рассмотренные среднепалеолитические местонахождения Китая и Корейского полуострова при множестве различий объединяет использование для изготовления орудий отщепов, которые скальвали с дисковидных, ортогональных, галечных и других нуклеусов. На Корейском полуострове значительно шире и дольше были распространены бифасы. Некоторые корейские археологи называют их ашельскими рубилами, но это неточное обозначение. Корейские и китайские бифасы отличаются от ашельских рубил и по форме, и по технике обработки. Их отождествление приводит к досадным недоразумениям, в частности, к выводу, что на Корейском полуострове «производство каменных орудий ашельского типа» продолжалось до 20 тыс. л.н. [Ли Сонбок, 1996, с. 156]. И очень важно, что на всех китайских и корейских палеолитических местонахождениях, где имеются бифасы, ни в первичном расщеплении, ни в орудийном наборе нет ашельских элементов. Бифасы, видимо, применялись как рубящие орудия. На территории Японии начиная с 27 тыс. л.н. в этом качестве использовались бифасиально обработанные изделия с прислифовкой рабочего лезвия [Деревянко, 1984].

В целом средний палеолит Восточной Азии, включая Японию, принципиально отличался от такового западных районов Азиатского континента, и переход к верхнему палеолиту здесь, так же как и в Юго-Восточной Азии, происходил совершенно по-другому. На протяжении всего раннего и среднего палеолита в китайско-малайской зоне развивались индустрии, отличные от индустрий в остальной части Азии.

Антрапологический аспект (вместо дискуссии)

Весь обширный археологический материал по палеолиту Восточной Азии свидетельствует о том, что на этой территории в течение более 1 млн лет происходило эволюционное развитие индустрий на автохтонной основе без какого-либо существенного влияния извне. Верхнепалеолитические индустрии формировались здесь на базе местной отщеповой и привнесенной из Южной Сибири и Монголии пластинчатой. Никакого миграционного потока людей современного физического типа с другой индустрией из Африки в хронологическом диапазоне 100–30 тыс. л.н. на основе всего имеющегося археологического материала не прослеживается. Этот вывод подтверждается и формированием на эректоидной основе человека современного антропологического типа на данной территории.

В настоящее время наибольшее количество скелетных остатков *Homo erectus* найдено в Китае и Индонезии. Несмотря на некоторые различия, они составляют достаточно гомогенную группу. Важное значение имеют юньсяньские *Homo erectus* (936 тыс. л.н.) [Le Site..., 2008]. Объем их головного мозга (1152 и 1123 см³), а также наличие в индустрии этого местонахождения бифасов и рубящих орудий типа кливеров свидетельствуют о значительной продвинутости физического типа и культуры человека. Важное значение для установления дальнейших путей эволюции *Homo erectus* имеют находки из пещеры Чжоукоудянь-1 – черепа, зубы, части посткрайиальных скелетов 44 индивидуумов. Физический тип синантропа удалось восстановить достаточно детально. Эти гоминиды, сходные с яванскими питекантропами, были включены в вид *Homo erectus* как подвид *Homo erectus pekinensis* [Зубов, 2004]. Слои 1–10 Чжоукоудяня датированы различными методами в пределах 460–230 тыс. л.н., 11, 12 – приблизительно 500 тыс. л.н., 13 (палеомагнитным методом) – 690 тыс. л.н. [Pope, 1988; Bada, 1987; Keates, 2001; и др.]. С более поздним временем, концом среднего – верхним плейстоценом, связаны палеоантропологические находки с местонахождений Хэсянь (prov. Аньхой), Чаньян и Юньсянь (prov. Хубэй), Маба (prov. Гуандун), Динцунь и Дали (prov. Шаньси), Салавусу, Люцян и Лайбинь (prov. Ганьсу), Цзыян (prov. Сычуань), из Верхнего грота Чжоукоудяня и др.

Ф. Вайденрайх, крупнейший знаток палеоантропологических материалов Китая, одним из первых обосновал гипотезу, согласно которой расселившиеся в Евразии африканские *Homo erectus* в течение длительного времени эволюционировали в *Homo sapiens*. Африканские и азиатские *H. erectus* различались по анатомическим особенностям, но сохраняли сходство в главных диагностирующих признаках. В результате эволюционного развития и естественного отбора человек современного физического типа мог сформироваться независимо в различных районах земного шара [Weidenreich, 1939, 1943, 1945, 1946, 1947].

Идеи, высказанные Ф. Вайденрайхом более 50 лет назад, нашли в какой-то мере поддержку у сторонников мультирегиональной эволюции. М. Вольпофф, А. Торн, Ф. Смит, Д. Фрайер, Дж. Поуп [Wolpoff et al., 1994] считают, что ископаемые антропологические остатки более ранних и более поздних форм свидетельствуют о непрерывности их эволюционного ряда. Позднеплейстоценовые краинологические материалы «иллюстрируют продолжающуюся сапиентацию китайского черепа и представляют убедительное свидетельство уникального регионального черепно-лицевого комплекса, который связывает древнейшие китайские останки с современными китайскими популяциями» [Ibid., p. 187]. В последние 50 лет в Китае выявлены многочисленные палеоантропологические

находки, позволяющие проследить преемственность не только между древним антропологическим типом и современными китайскими популяциями, но и между представителями плейстоцена от *Homo erectus* до *Homo sapiens sapiens*. У Синьчжи [Wu Xinzhi, 2004] отмечает, что у всех древних черепов есть много общих показателей, подтверждающих преемственность. Кроме того, у них наблюдается мозаичность морфологических признаков *Homo sapiens erectus* и *Homo sapiens sapiens*. Это указывает на постепенность перехода от одного подвида к другому [Ibid., p. 131, 133] и свидетельствует о том, что *H. sapiens sapiens* является хронологическим подвидом *H. sapiens erectus* [Wolpoff et al., 1994]. Эволюцию человека на территории Китая характеризуют и преемственность, и гибридизация, или межвидовое скрещивание. Последнее сократило степень морфологической изолированности различных популяций и сохранило единство человечества как вида [Wu Xinzhi, 2004].

Между яванскими и китайскими *H. erectus* существовали различия, которые в результате эволюции и естественного отбора в течение почти 1 млн лет могли привести к формированию на основе китайских *H. erectus* монголоидной расы, а на основе яванских – австралоидной.

Важным подтверждением возможности формирования человека современного физического типа на территории Китая являются новые даты, полученные новейшими методами для семи палеолитических местонахождений с костными остатками *Homo sapiens sapiens* [Shen, Michel, 2007]. Датирование осуществлено по зубам или другим образцам из литологических горизонтов, вмещающих палеоантропологические находки. Его результаты доказывают, что люди современного физического типа появились на территории Китая самое позднее 100 тыс. л.н. [Ibid., p. 162].

Новые данные получены по пещерной стоянке Люцзян в Гуанси-Чжуанском автономном районе Южного Китая. В 1958 г. там нашли хорошо сохранившийся человеческий череп и несколько фрагментов костей конечностей. Череп принадлежал одному из самых ранних представителей человека современного физического типа в Восточной Азии. Вместе с ним были найдены кости *Pongo* sp., *Ailuropoda* *augustus*, *Sus* sp. и др., которые представляют типичную фауну позднего плейстоцена. Наиболее часто приводимая дата люцзянского черепа – ок. 20 тыс. л.н. Повторные стратиграфические исследования показали, что он может иметь минимальный возраст ок. 68 тыс. лет, максимальный – более 153 тыс., а наиболее вероятный – 111–139 тыс. лет [Shen et al., 2002, p. 827].

Очень важные подтверждения возможности формирования человека современного анатомического типа в Восточной Азии получены при исследовании палеоантропологических находок в пещере Чжижэнь

в Гуанси-Чжуанском автономном районе Южного Китая [Wu et al., 2010]. Пещера представляет собой карстовую камеру, выполненную в триасовых отложениях. Она расположена на высоте 34 м над уровнем р. Хэцзян и 179 м над ур. м. В дальней части пещеры имеется галерея, которая в раннем плейстоцене заполнилась рыхлыми отложениями. Впоследствие большая их часть была удалена, видимо, водными потоками. Частично эти осадки остались на стенах и потолке пещеры. В дальнейшем пещера вновь стала заполняться более поздними рыхлыми отложениями. Аналогичная ситуация прослеживается во многих пещерах Северного Вьетнама. Перерывы в осадконакоплении фиксируются по натечным кольцевым образованиям, перекрывающим рыхлые отложения. Их было несколько. Возраст двух верхних натечных образований, определенный урановым методом, соответствует 3-й кислородно-изотопной стадии (среднее значение 28–52 тыс. лет). Для следующего получена серия дат от 87 до 74 тыс. л.н. Рыхлые отложения, содержащие два моляра и внешнюю часть нижней челюсти человека, датированы 113–100 тыс. л.н. ($106,2 \pm 6,7$ тыс. л.н.). В этом слое обнаружены остатки фауны позднего среднего или раннего верхнего плейстоцена (*Elephas kiangnanensis* и *Elephas maximus* и др.). В ее составе 25 % вымерших видов. По мнению исследователей, даты, полученные урановым методом, и анализ фаунистических остатков позволяют соотносить палеоантропологические находки из пещеры Чжижэнь с началом кислородно-изотопной стадии 5 или, возможно, 6.

Нижняя челюсть (Чжижэнь 3) демонстрирует характерную для людей современного типа развитую морфологию внешнего симфиза с отчетливым подбородочным выступом, четко выраженным подбородочными ямками, умеренно развитыми латеральными бугорками и вертикальным положением симфиза, что, по мнению исследователей, отличает ее от любой известной челюсти поздних архаичных людей. В то же время строение лингвальной поверхности симфиза и массивность тела челюсти сближают данную находку с плейстоценовыми архаичными людьми. Исследователи считают, что возраст и морфология человеческих останков из пещеры Чжижэнь свидетельствуют о том, что человек современного типа появился в Восточной Азии либо в результате миграции и последующей ассимиляции, либо вследствие непрерывного популяционного развития на этой территории древних форм человека в сочетании с генообменом.

По имеющемуся обширному археологическому материалу не прослеживается никакой миграции людей с запада на территорию Китая в хронологическом интервале 120–100 тыс. л.н. Учитывая близость палеолитических индустрий в китайско-малайской зоне и их отличие от индустрий сопредельных западных регионов, можно утверждать, что в конце средне-

го – начале верхнего плейстоцена человек современного физического типа сформировался в Восточной и Юго-Восточной Азии, наряду с Африкой.

Возможность эволюционного развития человека и формирования человека современного физического типа в Восточной и Юго-Восточной Азии подтверждается новыми фактами. Обширный археологический материал сотен изученных палеолитических памятников свидетельствует о непрерывности развития индустрии на этой территории на протяжении последнего миллиона лет. Возможно, в результате палеоэкологических катастроф (похолодания и т.д.) ареал древних популяций человека в китайско-малайской зоне сужался, но архантропы никогда не покидали ее. Здесь эволюционно, без каких-либо существенных влияний извне развивались и сам человек, и его индустрии. Дополнительным аргументом в поддержку этого вывода является тот факт, что в китайско-малайской зоне эпоха среднего палеолита представлена не так, как в другой части Евразии и в Африке. Ее можно выделить условно, обосновать начало и конец нельзя из-за отсутствия убедительных диагностических признаков. Переход к верхнему палеолиту в этой зоне, видимо, начался 45–30 тыс. л.н. и завершился с появлением пластинчатой технологии. Ее распространение связано с проникновением сюда популяций с территории Южной Сибири и Монголии. При этом происходила аккультурация, а не замещение автохтонного населения. Данный процесс нашел отражение на китайских и корейских палеолитических местонахождениях древностью 20–30 тыс. лет, где наряду со старыми традициями в первичной и вторичной обработке камня представлены новые технологии, связанные с пластинчатой индустрией.

Таким образом, имеющийся археологический и палеоантропологический материал, с моей точки зрения, вполне достаточен для утверждения, что волна миграции людей современного типа из Африки не дошла до берегов Тихого океана. Развитие индустрии в Юго-Восточной и Восточной Азии в хронологическом интервале 100–30 тыс. л.н. происходило совершенно иначе, чем на остальной территории Азии и в Африке. Это позволяет говорить об особом китайско-малайском сценарии перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Северного Китая // Палеолит Центральной и Восточной Азии. – М.: Наука, 1994. – С. 61–135.

Бэ Гидонг. Джонгокри. – Сеул: Сеулдехакгё, 1989. – 74 с. (на кор. яз.).

Ван Цзянь, Ван Ижэнь. Открытия и исследования археологии палеолита в провинции Шаньси // Чжунго каогусюэ яньцзюэ шицзи хуйгу: Цзюшици шидай каогу цюань (Вековая ретроспектива изучения археологии Китая: Археология палеолитической эпохи). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. – С. 111–145 (на кит. яз.).

хеология палеолитической эпохи). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. – С. 111–145 (на кит. яз.).

Ван Цзянь, Тао Фухай, Ван Ижэнь. Краткий отчет об исследовании и раскопках палеолитического комплекса Динцунь // Вэньь цзикань. – 1994. – № 3. – С. 1–75 (на кит. яз.).

Ван Юйпин. Краткий отчет об археологической разведке в долине Шараассогол на территории аймака Икэчжаомэн // Вэньь цанъкао цзыляо. – 1957. – № 4. – С. 22–25 (на кит. яз.).

Вэй Ци. Первоначальные исследования палеолита в Дунгуту // Нихэвань яньцзю луньвэнь сюань бянь (Избранные труды по Нихэваню). – Пекин: Вэньь, 1989. – С. 115–128 (на кит. яз.).

Вэй Ци. Палеолит в котловине Нихэвань // Чжунго каогусюэ яньцзюэ шицзи хуйгу: Цзюшици шидай каогу цюань. (Вековая ретроспектива изучения археологии Китая: Археология палеолитической эпохи). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. – С. 83–110 (на кит. яз.).

Гай Пэй, Хуан Ваньпо. Культурные памятники среднего палеолита, открытые в уезде Чаньцзы провинции Шаньси // Жэньльэйсюэ сюэбао. – 1982. – Вып. 1 (1). – С. 18–29 (на кит. яз.).

Гао Син. Дискуссия о «среднем палеолите Китая» // Жэньльэйсюэ сюэбао. – 1999. – Вып. 18. – С. 1–16 (на кит. яз.).

Гао Син. Расщепление нуклеусов местонахождения Чжоукоудянь-15 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 2–12.

Деревянко А.П. Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии: курс лекций. – Новосибирск: Новосибирское ун-т, 1975. – 232 с.

Деревянко А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. – Новосибирск: Наука, 1983. – 215 с.

Деревянко А.П. Палеолит Японии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 272 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70–103.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 22–36.

Деревянко А.П. Миграции, конвергенция, аккультурация в раннем палеолите Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М.: Наука, 2006а. – Кн. 1. – С. 25–47.

Деревянко А.П. Палеолит Китая: итоги и некоторые проблемы в изучении. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006б. – 83 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Азии (Китай, Корейский п-ов). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006в. – 82 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 326 с.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Дун Гуанчжун, Гао Шаньюй, Ли Баошэн. Новое обнаружение окаменелостей ордосского человека // Кэсюэ тунбао. – 1981. – № 19. – С. 1192–1194 (на кит. яз.).

- Дун Гуанчжун, Су Чжичжу, Цзинь Хэлин.** Новые данные о возрасте верхнеплейстоценовой свиты Шараоссогол // Кэсюэ тунбао. – 1998. – № 43 (17). – С. 1869–1872 (на кит. яз.).
- Зубов А.А.** Палеонтологическая родословная человека. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. – 551 с.
- Инь Гунмин, Хуан Вэйвэнь.** Датирование пункта Фаньцзягоувань стоянки Шараоссогол по методу ISRL // ЖЭНЬЛЭЙСЮЭ СЮЭБАО. – 2004. – Вып. 23 (4). – С. 272–276 (на кит. яз.).
- Ким Сингю, Ким Кёгён.** Отчет о раскопках палеолитического памятника Комын-мору в уезде Санвон // Когоминск нонмунджип (Сборник статей по археологии и этнографии). – Пхеньян: Сахве квахагвон чхульпханса, 1974. – № 4. – С. 3–39 (на кор. яз.).
- Ларичев В.Е.** Верхний палеолит лесовых районов Центральной и Восточной Азии // Палеолит Средней и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 122–164.
- Ли Ги-Кил.** К вопросу о переходе от среднего к верхнему палеолиту в Корее // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 117–132.
- Ли Сингю, Лю Гуанлянь, Сюй Гоин, Ван Фулинь, Лю Куньшань.** Возраст ордосского (хэтаоского) человека и культуры Шараоссогол // Дии цы цюаньго ^{14}C сюэшу хуй луньвэньцзи (Сборник статей Первой Всекитайской науч. конф., посвящ. проблемам радиокарбонного метода датирования). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1984. – С. 141–143 (на кит. яз.).
- Ли Сонбок.** Донбукасиы гесеокги (Палеолит Северо-Восточной Азии). – Сеул: Сеулдехакгё, 1989. – 283 с. (на кор. яз.).
- Ли Сонбок.** Хроностратиграфия палеолита в бассейне реки Имджин // Хангукгогохакбо. – 1996. – Вып. 34. – С. 135–160 (на кор. яз.).
- Ли Хонджон.** Различные аспекты производства каменных орудий в верхнем палеолите в Корее // Suyanggae and Her Neighbors: Second International Symposium. – Danyang: s.n., 1997. – Р. 215–229 (на кор. яз.).
- Ли Хонджон.** Распространение палеолитических стоянок в бассейне реки Еонсан и их изучение // Джихансау джиханмунхуа. – 1998а. – Вып. 1. – С. 189–219 (на кор. яз.).
- Ли Хонджон.** Предварительные исследования консервативного характера традиции каменных орудий в Корее // Кенхисахак. – 1998б. – Вып. 22. – С. 1–14 (на кор. яз.).
- Ли Хонджон.** Хронология верхнего палеолита в Корее // Suyanggae and Her Neighbors: 3rd International Symposium. – Danyang: s.n., 1999. – Р. 98–109 (на кор. яз.).
- Ли Хонджон.** Изучение среднепалеолитической культуры в Северо-Восточной Азии // Хангуксангосахакбо. – 2000. – Вып. 33. – С. 7–48 (на кор. яз.).
- Ли Хонджон.** Исследование культуры среднего палеолита на Корейском полуострове // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 87–104.
- Ли Хонджон.** Переходный период от среднего к позднему палеолиту и традиция орудий на отщепах на Корейском полуострове // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1. – С. 65–79.
- Ли Хонджон, Ким Чонбин, Вим Хъюнсо, Ли Хейон, Чан Тэхон.** Сохранение традиции изготовления галечных орудий в верхнем палеолите Кореи // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 133–140.
- Предварительный отчет о раскопках памятника Комын-мору в уезде Санвон // Когоминск нонмунджип** (Сборник статей по археологии и этнографии). – Пхеньян: Сахве квахагвон чхульпханса, 1969. – № 1. – С. 31–40 (на кор. яз.).
- Пэй Вэнчжун, Ли Юхэн.** Начальное исследование речной системы Шараоссогол // Гуцзичжуйдунь юй гужэньлэй. – 1964. – № 8 (2). – С. 99–118 (на кит. яз.).
- Ранов В.А.** Ранний палеолит Китая (изучение и современные представления). – М.: ИНКВА, 1999. – 110 с.
- У Жукан.** Теменная и бедренная кости ордосского человека // Гуцзичжуйдунь сюэбао. – 1958. – № 2 (4). – С. 208–212 (на кит. яз.).
- У Маолинь.** Исследование височной кости человека из Сюйцзяо // ЖЭНЬЛЭЙСЮЭ СЮЭБАО. – 1986. – № 5. – С. 220–226 (на кит. яз.).
- Хоу Ямэй.** Нуклеус Дунгуто индустрии нижнего плеистоценова в бассейне Нихэвань (Северный Китай) и его признаки // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 209–223.
- Хуан Вэйвэнь, Дон Гуанчжун, Хоу Ямэй.** Стратиграфический, хронологический и экологический контекст обнаружения ордосского *Homo sapiens* // ЖЭНЬЛЭЙСЮЭ СЮЭБАО. – 2004. – Вып. 23. – С. 258–271.
- Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хонгён.** Галечные орудия в палеолите Китая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1. – С. 2–15.
- Цзя Ланьпо.** Цзюющици шидай каогу луньвэнь сюаинь (Избранные труды по палеолиту Китая). – Пекин: Вэньчубаньшэ, 1984. – 253 с. (на кит. яз.).
- Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь.** Новые материалы с палеолитической стоянки Шуйдунгую // Vertebrata PalAsiatica. – 1964. – Vol. 8, N 1. – P. 75–83 (на кит. яз.).
- Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ю Юйчжу.** Отчет о раскопках палеолитического памятника Чжижуй в провинции Шаньси // Каогу сюэбао. – 1972. – № 1. – С. 39–58 (на кит. яз.).
- Цю Чжунлан.** Среднепалеолитическая культура в Китае // Чжунго юаньшиэдэ жэньлэй (Первобытный человек в Китае). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1989. – С. 195–220 (на кит. яз.).
- Чжан Сэньшуй.** Чжунго цзюющици вэньхуа (Палеолитические культуры Китая). – Тяньцзинь: Тяньцзинь кэсюэ чубаньшэ, 1987. – 134 с. (на кит. яз.).
- Шуйдунгую – 1980** нянь фацюэ баогао (Шуйдунгую – доклад о раскопках 1980 года). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2003. – 233 с. (на кит. яз.).
- Юань Сысионь, Чэн Темэй, Гао Шицзюнь.** Датирование ордосского человека и культуры Шараоссогол методом урановых серий // ЖЭНЬЛЭЙСЮЭ СЮЭБАО. – 1983. – № 2 (1). – С. 90–94 (на кит. яз.).
- Aigner J.S.** Archaeological Remains in Pleistocene China. – München: s.n., 1981. – 351 p.
- Bada J.K.** Paleoanthropological applications of amino acid racemization dating of fossil bones and teeth // Anthropologischer Anzeiger. – 1987. – N 45. – S. 1–8.
- Bae K.** Origin and patterns of the Upper Paleolithic industries in the Korean Peninsula and movement of modern Humans in East Asia // Quaternary Intern. – 2009. – Vol. 30. – P. 1–10.
- Bordes F.** Le Paléolithique dans le monde. – P.: Hachette, 1968. – 256 p.
- Boule M., Breuil H., Licent E., Teilhard de Chardin P.** Le Paléolithique de la Chine // Archives de l'Inst. Pal. Hum. – 1928. – Vol. 4. – P. 1–136.

- Brantingham P.J., Gao X., Madsen D.B., Bettinger R.L., Elston R.G.** The Initial Upper Paleolithic at Shuidonggou, Northwestern China // The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe. – Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 2004. – P. 223–241.
- Chen T.M., Yuan S.X.** Uranium-Series dating of bones and teeth from Chinese Palaeolithic sites // Archaeometry. – 1988. – Vol. 30 (1). – P. 59–76.
- Chia L.P., Wei Q.** A Palaeolithic site at Hsue-chia-yao in Yangkao County, Shansi Province // Acta Archaeologica Sinica. – 1976. – Vol. 2. – P. 97–114.
- Chia L.P., Wei Q., Li C.** Report on the excavation of Hsuchiayao man site in 1976 // Vertebrata PalAsiatica. – 1979. – Vol. 17 (4). – P. 277–293.
- Gao X.** A study of flaking technology at Zhoukoudian Locality 15 // Acta Anthropologica Sinica. – 2000a. – Vol. 19 (3). – C. 199–215.
- Gao X.** Interpretation of Lithic Technology of Zhoukoudian Locality 15 // Acta Anthropologica Sinica. – 2000b. – Vol. 19. – P. 156–165.
- Gao X., Olsen J.W.** Similarity and variability within the Lower Paleolithic: East Asia, western Europe and Africa compared // Evidence for Evolution – Essays in Honor of Prof. Chung-chien Young on the Hundredth Anniversary of His Birth / eds. Y.S. Tong et al. – Beijing: China Ocean Press, 1997. – P. 63–76.
- Jia Lanpo.** Preliminary report on the excavation of Zhoukoudian Locality 15 // Shijie Ribao. – 1936. – 19 yiyue, 2 eryue.
- Keates S.G.** Early and Middle Pleistocene Hominid Behaviour in Northern China / eds. John and Erica Hedges. – Oxford: BAR, 2000. – 387 p. – (BAR Intern. Ser.; N 863).
- Keates S.G.** Perspectives on «Middle Paleolithic» Settlement Patterns in China // Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age / ed. by N.J. Conard. – Tübingen: Kerns Verlag, 2001. – P. 153–175.
- Kozłowski J.K.** The problem of the so-called Ordos culture in the light of Paleolithic finds from Northern China and Southern Mongolia // Folia Quaternaria. – 1971. – Vol. 39. – P. 63–99.
- Le Site de L'homme de Yunxian.** Quyuanhekou, Qingqu, Yunxian, Province du Hubei. – P.: CNRS Editions, 2008. – 587 p.
- Li Seonbok.** On the temporal change of Korea Paleolithic industry // World Views of the Early and Middle Paleolithic in Japan: A Symposium to Commemorate the 80th Birthday Celebrations of Professor Chosuke Serizawa. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1999. – P. 115–122.
- Licent E., Teilhard de Chardin P.** Le Paléolithique de la Chine // L'Anthropologie. – 1925. – Vol. 35, N 3/4. – P. 201–235.
- Licent E., Teilhard de Chardin P., Black D.** On a presumably Pleistocene human tooth from the Sjara-osso-gol (south-eastern Ordos) deposits // Bull. Geol. Soc. China. – 1928. – Vol. 5 (3/4). – P. 285–290.
- Madsen D.B., Li J., Brantingham P.J., Gao X., Elston R.G., Bettinger R.L.** Dating Shuidonggou and the Upper Palaeolithic blade industry in North China // Antiquity. – 2001. – Vol. 75, N 290. – P. 706–716.
- Palaeoanthropology** and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China. – Orlando; San Diego; N.Y.; L. et al.: Academic Press, 1985. – 293 p.
- Pei W.C.** The upper cave industry of Choukoutien // Paleontologia Sinica. New Ser. D. – 1939. – Vol. 9. – P. 1–58.
- Pei Wenzhung, Wu Rukang, Jia Lanpo, Zhou Mingzhen, Liu Xianting, Wang Zeyi.** Report on the excavation of Palaeolithic sites at Ting-tsun, Hsiangfenghsien, Shansi province, China // Memoirs of the Inst. of Vertebrate Palaeontology and Palaeoanthropology. Ser. A. – Beijing: Science Press, 1958. – N 2. – P. 1–111.
- Pope G.G.** Recent advances in Far Eastern paleoanthropology // Ann. Rev. Anthropology. – 1988. – N 17. – P. 43–77.
- Schick K.D.** The Movius Line Reconsidered // Integrative Paths to the Past / eds. R.S. Corruccini, R.L. Ciochon. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1994. – P. 569–596.
- Schick K.D., Dong Z.A.** Early Paleolithic of China eastern Asia // Evol. Anthropologia. – 1993. – Vol. 2 (1). – P. 22–35.
- Shen G., Michel V.** Position chronologique des sites de l'homme moderne en Chine d'après la dation U–Th // L'Antropologie. – 2007. – N 111. – P. 157–165.
- Shen G., Wang W., Wang Q., Zhao J., Collerson K., Zhou C., Tobias P.V.** U-series dating of Liujiang hominid site in Guangxi, Southern China // J. Human Evolution. – 2002. – N 43. – P. 817–829.
- Tang Chung, Gai Pei.** Upper Paleolithic Cultural Traditions in North China // Advances in World Archaeology. – 1986. – Vol. 5. – P. 339–364.
- Teilhard de Chardin P., Licent E.** On the discovery of a Paleolithic industry in northern China // Bull. Geol. Soc. of China. – 1924. – Vol. 1 (3). – P. 45–50.
- Yi Seonbok.** Middle-Upper Paleolithic Transition in Korea: A Brief Review // J. of the Korean Palaeolithic Society. – 2001. – N 4. – P. 17–24.
- Weidenreich F.** On the Earliest Representatives of Modern Mankind Recovered on the Soil East Asia // Bull. of the Natural History Society of Peking. – 1939. – N 13. – P. 161–174.
- Weidenreich F.** The skull of *Sinanthropus pekinensis*: A comparative study of a primitive hominid skull // Paleontologia Sinica. Ser. D. – 1943. – Whole Ser. 127. – P. 1–484.
- Weidenreich F.** Giant early man from Java and South China // Anthropological Papers of the American Museum. – 1945. – N 40. – P. 1–134.
- Weidenreich F.** Apes, Giants and Man. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1946. – 122 p.
- Weidenreich F.** The trend of human evolution // Evolution. – 1947. – N 1. – P. 221–236.
- Wolpoff M.H., Thorne A.G., Smith F.H., Frayer D.W., Pope G.G.** Multiregional evolution: A world-wide source from modern human populations // Origins of Anatomically Modern Humans. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1994. – P. 176–200.
- Wu L., Jin Ch.-Zhu, Zhang Ying-Qi et al.** Human Remains from Zhirendong, South China, and Modern Human Emergence in East // PNAS. – 2010. – Vol. 107, N 45. – P. 19201–19206.
- Wu Xinzhī.** On the origin of modern humans in China // Quaternary Intern. – 2004. – Vol. 117. – P. 131–140.
- Wu Xinzhī, Poirier F.E.** Human evolution in China: A Morphometric Description of Fossils and Review of Sites. – N.Y.: Oxford University Press, 1995. – 317 p.
- Zhang Senshui.** A study on the stone artifacts from 54 : 100 site in Dingcun region // Acta Anthropologica Sinica. – 1993. – Vol. 123. – P. 195–213.
- Zhou Y.** Amino Acid Dating of Peking Man and Dingcun Man // Acta Anthropologica Sinica. – 1989. – Vol. 8. – P. 177–181.

УДК 903

Е.Л. Лычагина

Пермский государственный педагогический университет
ул. Сибирская, 24, Пермь, 614990, Россия
E-mail: LychaginaE@mail.ru

О ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ НЕОЛИТА ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Радиоуглеродное датирование неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья, проведенное в последнее время, определяет хронологические рамки неолита региона в пределах второй половины VI – конца V тыс. до н.э.: ранний – вторая половина VI тыс. до н.э., развитый – первая половина – середина V тыс. до н.э., поздний – середина – вторая половина V тыс. до н.э. Для первых двух этапов характерны памятники как с гребенчатой, так и с накольчатой керамикой.

Ключевые слова: *неолит, хронология, радиоуглеродное датирование, периодизация, гребенчатая керамика, накольчатая керамика, отщеповая индустрия, пластинчатая индустрия.*

Введение

История исследований неолита Прикамья насчитывает более 100 лет. Однако многие вопросы до сих пор остаются слабо разработанными и дискуссионными. Это, в частности, касается хронологии и периодизации неолита региона. Так, еще в начале XXI в. ни один неолитический памятник на территории Верхнего и Среднего Прикамья не имел абсолютной даты. Работы, проведенные в этом направлении в последнее время, требуют осмысления.

Камская неолитическая культура была выделена О.Н. Бадером в 1960-х гг. Он же предложил ее периодизацию [Бадер, 1970, 1973]. Поскольку ранненеолитические памятники на территории Прикамья в тот момент не были открыты, то первый этап исследователь отнес к развитому неолиту. Бадер назвал его боровоозерским (по стоянке Боровое Озеро I) и датировал концом IV тыс. – серединой III тыс. до н.э. Он считал, что для данного этапа характерны полуйцевидные сосуды закрытой формы, орнаментированные гребенчатым штампом. При этом основным узором являлась «шагающая гребенка». В каменном инвентаре боровоозерского этапа преобладают листо-

видные наконечники стрел, двусторонне обработанные ножи, резаки. Микролитическая техника, столь характерная для мезолита Прикамья, на памятниках этой группы отсутствует. Второй этап Бадер назвал хуторским и датировал серединой – второй половиной III тыс. до н.э. Он тоже относился к развитому неолиту и отличался от предыдущего прежде всего появлением ямочной орнаментации на посуде, а также большим разнообразием и сложностью узоров. Для каменной индустрии хуторского этапа характерно абсолютное преобладание отщеповой техники. Особо следует отметить наличие на памятниках данной группы длинных подчетырехугольных домов с нишами и рядом очагов вдоль центральной линии. В таких жилищах, по мнению Бадера, могло проживать 25–30 чел. [1970]. Третий, левшинский этап Бадер отнес к позднему неолиту и датировал концом III – началом II тыс. до н.э. Для этого этапа характерны круглодонные сосуды с цилиндрической верхней частью, венчиками без напльва, узором в виде «решетки» и ямками по венчику. В кремневом инвентаре появились наконечники стрел вытянуто-треугольной формы, типичные для бронзового века. Позднее О.Н. Бадер несколько усовершенствовал предложенную периода-

зацию, объединив хуторской и боровоозерский этапы в один, посчитав, что разница между ними незначительна [1978].

Открытие в 1980-х гг. памятников Усть-Букорок, Мокино с гребенчатой керамикой и микролитическим кремневым инвентарем позволило говорить о наличии на территории края ранненеолитических стоянок [Мельничук и др., 2001]. Таким образом, современная периодизация камской неолитической культуры предполагает выделение трех основных этапов (ранненеолитического, хуторского, левшинского). Из них наименее изученным является первый.

Помимо камской неолитической культуры, на территории Верхнего и Среднего Прикамья изучены также памятники с накольчатой керамикой (волго-камская культура [Халиков, 1969, с. 49–85]). Все они до последнего времени соотносились с левшинским этапом камской неолитической культуры [Лычагина, 2004]. Поэтому их периодизация не разрабатывалась. Исследование «чистых» комплексов с накольчатой керамикой позволило наметить два этапа в развитии волго-камской культуры на территории региона [Лычагина, 2006а].

К ранней группе были отнесены материалы памятников Лёвшино, Чернушка, Чашкинское Озеро VIII, часть инвентаря со стоянки Чашкинское Озеро VI. Для них характерна тонкостенная (0,6–0,8 см) плоскодонная посуда со слабой орнаментацией, изготовленная из слабозапесоченной ожелезненной глины. Основной искусственной примесью в формовочной массе был шамот. Для большинства сосудов характерны прямые шейки, уплощенные или округлые срезы венчиков, украшенные насечками. В орнаментации преобладали овальные, пунктирные и треугольные ряды «отступающей палочки». Сложные узоры и полное заполнение орнаментального поля практически не встречались [Лычагина, 2006б].

К более поздней группе были отнесены материалы стоянок Чашкинское Озеро IV, Заюрчим, основной комплекс памятника Чашкинское Озеро VI. Формовочные массы, использовавшиеся для изготовления посуды на данном этапе, в целом такие же, как и на предыдущем. В то же время для этих памятников характерна более толстостенная керамика (0,8–1,0 см). Формы сосудов разнообразней, наряду с плоскодонными встречаются емкости с округлым дном. Венчики также более разнообразны: с утолщениями и утончениями верхней части, округлые, скошенные, уплощенные, с наплывами на внутренней стороне и т.д. При орнаментации посуды активно использовались ногтевидные и другие виды насечек. «Отступающая палочка» присутствовала, но не являлась ведущим элементом декора. Некоторые сосуды орнаментировались полностью, иногда создавались достаточно сложные композиции. Отмечена верти-

кальная зональность. В единичных случаях встречаено сочетание гребенчатого и накольчатого приемов орнаментации [Там же].

Подтвердить или опровергнуть предложенные периодизации камской и волго-камской культур можно было только при условии абсолютного датирования материалов ключевых памятников. Такая работа была проведена в 2004–2007 гг. Часть дат уже опубликована [Лычагина, Зарецкая, 2005; Выборнов, 2008а, с. 246–247; 2008б, с. 20; Выборнов, Габышев, Галимова и др., 2008].

Обсуждение материалов

К сожалению, отсутствие достаточного количества материалов для радиоуглеродного датирования на ранненеолитических памятниках Мокино и Усть-Букорок не позволило получить абсолютные даты. В то же время в соседних регионах, где также встречается гребенчатая керамика камского типа, такие даты есть, в частности, для стоянки Пезмог IV на р. Вычегде – $6\ 820 \pm 70$ л.н. (ГИН-11915) [Карманов, 2003, с. 50], Тархан I в Камско-Вятском междуречье – $6\ 280 \pm 90$ л.н. (Ки-14433) [Выборнов, Гусенцова, Ковалюх и др., 2008, с. 91]. Они показывают, что ранний этап камской неолитической культуры может быть отнесен к первой половине VI тыс. до н.э. [Лычагина, 2007].

Ситуация с датированием памятников развитого, хуторского этапа значительно более благоприятная. Наибольшее количество дат (шесть) получено для эталонной стоянки Хуторская (табл. 1). При этом те, которые определены по углю в лаборатории СО АН, существенно отличаются от полученных по керамике в Киевской лаборатории. Возможно, это связано с тем, что уголь для датирования брался в прибрежной части памятника, где также присутствовали материалы энеолитического времени, а культурный слой подвергся значительному антропогенному воздействию. Поэтому, вероятно, даты оказались «омоложенными». Результаты датирования по керамике достаточно близки друг другу, хотя использовался материал различных лет раскопок (1954, 1975, 2006 гг.) с разных частей хуторской дюны и объектов (табл. 1). Это может свидетельствовать о функционировании стоянки не очень продолжительное время в первой половине V тыс. до н.э.

К возрастным определениям Хуторской стоянки близки даты памятника Боровое Озеро I, что подтверждает правомерность объединения этих памятников в рамках одного этапа. Возможно, его окончание фиксируют материалы Кряжской стоянки (табл. 1). В целом же на сегодняшний день развитый этап камской неолитической культуры может быть датирован

Таблица 1. Итоги радиоуглеродного датирования памятников камской неолитической культуры на территории Верхнего и Среднего Прикамья

Памятник	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванное значение, л.н.*
Хуторская (2006 г.)	СОАН-6817	5 040 ± 130	3 962–3 706 4 053–3 628
То же	СОАН-6818	4 990 ± 110	3 938–3 860 3 995–3 627
»	Ki-14419	5 840 ± 80	4 790–4 590 4 860–4 490
Хуторская, жил. 1	Ki-14414	5 930 ± 80	4 860–4 710 5 000–4 590
То же	Ki-15093	5 750 ± 80	4 690–4 490 4 790–4 440
Хуторская, жил. 2	Ki-14420	5 920 ± 90	4 860–4 680 5 030–4 540
Боровое Озеро I	Ki-14415	5 760 ± 90	4 720–4 490 4 810–4 440
То же	Ki-15094	5 950 ± 80	4 940–4 710 5 050–4 610
Кряжская	Ki-14416	5 620 ± 90	4 540–4 350 4 690–4 320
Чернушка	ГИН-13449а	5 400 ± 70	4 340–4 220 4 360–4 040
»	Ki-14418	5 960 ± 80	4 940–4 770 5 060–4 670
Чашкинское Озеро VI	Ki-14538	5 695 ± 80	4 620–4 450 4 720–4 350
Усть-Залазнушка	Ki-14417	5 880 ± 80	4 850–4 670 4 940–4 540

*Первый интервал для 1 σ , второй – для 2 σ .

Таблица 2. Итоги радиоуглеродного датирования памятников с накольчатой керамикой (волго-камская культура) на территории Верхнего и Среднего Прикамья

Памятник	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванное значение, л.н.*
Чашкинское Озеро IV	ГИН-13449	6 160 ± 70	5 220–5 020 5 310–4 930
То же	Ki-14539	5 920 ± 80	4 860–4 690 5 000–4 580
Чашкинское Озеро VI	ГИН-13275	6 030 ± 140	5 080–4 720 5 300–4 600
То же	ГИН-13276	6 230 ± 160	5 370–4 990 5 500–4 750
»	Ki-14536	5 755 ± 90	4 710–4 490 4 810–4 440
Чашкинское Озеро VIII	Ki-14537	5 770 ± 90	4 720–4 500 4 810–4 440
То же	Ki-15095	6 310 ± 90	5 380–5 200 5 480–5 050

*Первый интервал для 1 σ , второй – для 2 σ .

Таблица 3. Периодизация неолита Верхнего и Среднего Прикамья

Годы до н.э.	Период неолита	Камская культура	Волго-камская культура
4000	Поздний		
4500	Развитый		
5000	Ранний		

Примечание: камская культура: 1–3 – Мокино, 4–7 – Усть-Буторок, 8–16 – Хуторская, 17–20 – Бойцово I, 21, 22, 24–29 – Лёвшино, 23 – Усть-Залазнушка; волго-камская культура: 1–11 – Лёвшино, 12–14 – Чашкинское Озеро VI, 15–20 – Чашкинское Озеро IV.

первой половиной – серединой V тыс. до н.э. Это подтверждают и даты, полученные по камской керамике с памятников Камско-Вятского междуречья Среднее Шадбеково и Кыйлуд III – соответственно $5\ 960 \pm 90$ (Ki-14437) и $5\ 820 \pm 90$ л.н. (Ki-14438) [Выборнов, Гусенцова, Ковалюх и др., 2008, с. 91].

Сложнее дело обстоит с позднеолитическим, левшинским этапом. Вследствие объективных причин сама Лёвшинская стоянка пока не датирована. На сегодняшний день получены даты для трех памятников этого этапа: Чашкинское Озеро VI, Чернушка и Усть-Залазнушка (табл. 1). Если данные датирования по керамике стоянки Чашкинское Озеро VI не вызывают особых возражений, то про два других памятника этого сказать нельзя. Так, для Чернушки получены две даты – по углю и керамике. Первая – $5\ 400 \pm 70$ л.н. – вполне соотносится с нашими представлениями о хронологических рамках позднего неолита Прикамья, а вторая – $5\ 960 \pm 80$ л.н. – выглядит удревненной. Возможно, какую-то роль сыграло то, что использованная для анализа керамика имела значительную естественную примесь слюды. Также удревненной выглядит дата, полученная по керамике со стоянки Усть-Залазнушка, – $5\ 880 \pm 80$ л.н. Это может быть связано как с качеством образца, так и с необходимостью пересмотра хронологии данного памятника. В любом случае, следует продолжить датирование стоянки Усть-Залазнушка всеми возможными способами. Для определения хронологических рамок левшинского этапа камской неолитической культуры можно привлечь материалы памятников соседних регионов, где также встречается керамика подобного типа. Так, для стоянок Кочуровское I и IV в Камско-Вятском междуречье получены сходные даты – соответственно $5\ 410 \pm 60$ л.н. (по углю) и $5\ 360 \pm 80$ л.н. (по керамике) [Там же]. Таким образом, левшинский этап камской неолитической культуры мы можем датировать серединой – второй половиной V тыс. до н.э.

Для памятников с накольчатой керамикой также получена серия дат (табл. 2). Она не позволяет нам говорить о наличии двух этапов развития этой традиции. Более того, даты показывают, что весь комплекс памятников с накольчатой керамикой синхронен хоторскому и, возможно, ранненеолитическому этапам камской неолитической культуры. На сегодняшний день бытование традиции накольчатой орнаментации керамики на территории Верхнего и Среднего Прикамья может быть отнесено к концу VI – первой половине V тыс. до н.э.

Заключение

Таким образом, схема развития неолитических культур на территории Верхнего и Среднего Прикамья может выглядеть следующим образом (табл. 3).

Первый этап – ранненеолитический – предположительно датируется в пределах второй половины – конца VI тыс. до н.э. Для него характерны памятники как с накольчатой, так и с гребенчатой керамикой.

Второй этап – хоторской – может быть отнесен к первой половине – середине V тыс. до н.э. Для него также характерно сосуществование памятников с различными традициями орнаментации посуды.

Третий этап – левшинский – можно датировать в пределах середины – второй половины V тыс. до н.э. На этом этапе нам известны только памятники с гребенчатой керамикой.

Предложенная схема в целом близка современной периодизации неолита сопредельных территорий Нижнего Прикамья и Камско-Вятского междуречья (табл. 4). Дальнейшая работа по датированию неолитических памятников региона, скорее всего, приведет к полной синхронизации этих периодизаций.

Проводимое в последнее время датирование памятников неолита Северо-Восточной Европы свиде-

Таблица 4. Периодизация неолита Верхнего и Среднего Прикамья и сопредельных территорий

Верхнее и Среднее Прикамье	Северо-Восточная Европа		Нижнее Прикамье	Камско-Вятское междуречье
<i>Ранний неолит</i>				
Вторая половина – конец VI тыс. до н.э.	Конец VI – начало IV тыс. до н.э.		Середина – конец VI тыс. до н.э.	Середина VI – начало V тыс. до н.э.
<i>Развитый неолит</i>				
Первая половина – середина V тыс. до н.э.	Первая половина – середина IV тыс. до н.э.	Первая половина – середина V тыс. до н.э.	Первая половина – середина V тыс. до н.э.	Первая половина – середина V тыс. до н.э.
<i>Поздний неолит</i>				
Середина – вторая половина V тыс. до н.э.	Конец IV – середина III тыс. до н.э.	Середина V – первая половина IV тыс. до н.э.	Вторая половина V – начало IV тыс. до н.э.	

тельствует о необходимости удревнения неолитических культур на данной территории [Карманов, 2004]. В ходе корректировки периодизации, предложенной Л.Л. Косинской [1997, с. 153–161], возможно, произойдет сближение хронологических рамок основных этапов (см. табл. 4).

Список литературы

- Бадер О.Н.** Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 157–171. – (МИА; № 166).
- Бадер О.Н.** Волго-Камская этнокультурная общность эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. – М.; Л.: Наука, 1973. – С. 99–106. – (МИА; № 172).
- Бадер О.Н.** Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. – 1978. – Вып. 153. – С. 72–74.
- Выборнов А.А.** Неолит Волго-Камья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008а. – 490 с.
- Выборнов А.А.** Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008б. – № 4. – С. 15–24.
- Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В.** Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2008. – Вып. 2. – С. 36–45.
- Выборнов А.А., Гусенцова Т.М., Ковалюх Н.Н., Николаев В.В., Скрипкин В.В.** К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2008. – С. 88–94.
- Карманов В.Н.** Памятники Камского гребенчатого неолита на европейском Северо-Востоке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. – С. 49–50.
- Карманов В.Н.** Неолит европейского Северо-Востока: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 2004. – 24 с.
- Косинская Л.Л.** Неолит // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 146–212.
- Лычагина Е.Л.** Поздний неолит Пермского Предуралья (к вопросу о соотношении памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2004. – 24 с.
- Лычагина Е.Л.** Новые исследования поселения Чашкинское Озеро VI в Пермском Предуралье // Вопр. археологии Поволжья. – Самара, 2006а. – Вып. 4. – С. 126–135.
- Лычагина Е.Л.** О связях «леса» и «лесостепи» в эпоху неолита (на примере памятников с накольчатой керамикой) // Пятые Берсовские чтения: мат-лы регион. конф. – Екатеринбург, 2006б. – С. 121–124.
- Лычагина Е.Л.** Хронология неолита Среднего Предуралья // XVII Уральское археологическое совещание: мат-лы Всерос. конф. – Екатеринбург; Сургут, 2007. – С. 104–105.
- Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е.** Новые данные по хронологии памятников с накольчатой керамикой на территории Пермского Предуралья // Современный музей как важный ресурс развития города и региона. – Казань: Школа, 2005. – С. 184–186.
- Мельничук А.Ф., Бординских Г.А., Мокрушин В.П., Дегтярева М.И., Лычагина Е.Л.** Новые позднемезолитические и ранненеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Березники: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. – С. 142–161.
- Халиков А.Х.** Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 396 с.

Материал поступил в редакцию 22.04.09 г.

УДК 903.2

Э.А. Королева

Институт культурного наследия АН Республики Молдова
бульв. Штефана чел Маре, 1, Кишинев, MD 2001, Молдова
E-mail: korelf@mail.ru

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА

В статье на основе археологических материалов Карпато-Днестровского региона (стоянки Молодова I, Брынзены I, Косоуцы, Миток-Малул Галбен, Климэуць II), сопоставленных с предметами древнего искусства других регионов, а также с этнографическими данными народов, сохранившими элементы древнейших верований и обрядов, прослеживается формирование творчества от его истоков до создания в эпоху верхнего палеолита определенных канонов в изобразительном искусстве. Строгая соподчиненность всех компонентов произведений мелкой пластики, использовавшихся в первобытных синcretических художественных действиях, позволяет выдвинуть гипотезу о появлении в эпоху мустье знаков-символов искусства, которые в последующие периоды раскрыли свой глубинный смысл, обусловленный религиозными представлениями.

Ключевые слова: эпоха мустье, верхний палеолит, эпоха бронзы, гриффады, углообразный орнамент, треугольники, крест, символика цвета, женские изображения, амулет, культ медведя, пантомимно-хореографические действия.

Введение

Памятники художественного творчества эпохи палеолита Карпато-Днестровского региона хорошо известны, однако до настоящего времени семантика их образной сферы еще не привлекала внимания исследователей. В данной статье на основе сравнительно-исторического и семиотического методов исследования впервые сделана попытка раскрыть значимость памятников искусства в духовной жизни населения Карпато-Днестровского региона в контексте западноевропейского искусства.

Произведения искусства эпохи мустье и раннего этапа позднего палеолита

Анализ описанного А.П. Чернышем жилища стоянки Молодова I, признанной одним из эталонных памятников мустерьской эпохи на территории Восточной Европы, и обнаруженных в нем артефактов подводит к новому видению мустерьской культуры. Жи-

лище представляло собой искусственное ограждение овальной формы. В качестве строительного материала использовались специально подобранные кости мамонта: 12 расколотых черепов, 34 лопатки и тазовые кости, 51 кость конечностей, 14 бивней, 5 нижних челюстей. Внутри ограждения сохранились следы 15 кострищ преимущественно овальной формы [Черныш, 1960; Молодова I..., 1982, с. 20, 23].

Овальная форма объекта с выкладкой специально подобранных крупных костей мамонта и 15 кострищ (некоторые находились непосредственно у выкладки костей или по линии их скопления) внутри него, по мнению Н.Д. Праслова, «осложняют понимание данного жилища» [1984, с. 109]. Очевидно, неслучайны и численные показатели представленных костей: они кратны 3, 5, 7 или составляют группировки этих чисел. Об их магическом значении убедительно писал Б.А. Фролов [1981, с. 58–105].

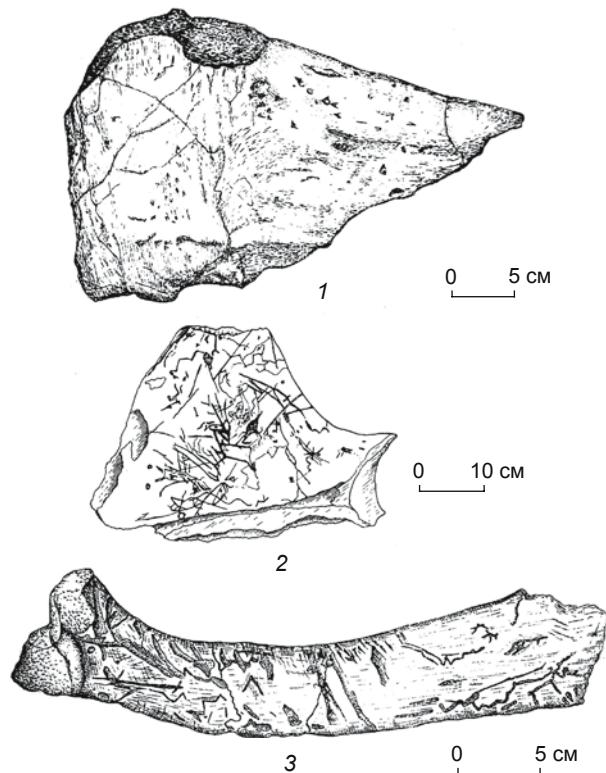
Обращает на себя внимание лопатка с нарезными линиями – параллельными, пересекающимися, образующими крест, с ямками, следами черной и красной краски (рис. 1, 1) [Молодова I..., 1982, с. 54, рис. 22].

На другой лопатке также видны параллельные, пересекающиеся линии, ямки, зигзаги, нарисованные черной краской следы углов и остроугольников. В центре выделяется не очень четкая фигура оленя или лося, возле которого имеется углубление. Обращают на себя внимание змеевидные линии (рис. 1, 2) [Там же, с. 65, рис. 27].

На ребре мамонта нанесены параллельные, пересекающиеся, змеевидные нарезные линии и зигзаги [Там же, с. 55, рис. 23] (рис. 1, 3). Нельзя не заметить и составленную из двух параллельных линий небольшую фигурку, завершающуюся ромбовидным образованием. Ее сходство с изображением животного на правом дистальном конце продольно расчлененной кости зубра из мустерьской стоянки Пронятин под Тернополем (Украина) [Сытник, 1983, с. 44, рис. 4] может свидетельствовать о формировании неких семантических традиций изображения. Через несколько тысячелетий на уникальном амулете из бивня мамонта носители позднепалеолитической культуры, обитавшие в гроте Брынзены I (Мoldova), также изобразят, но уже по определенным канонам, остроугольные символы, параллельные линии, точки (ямки), овалы [Кетрару, 1989, рис. на с. 6]. На ребре и лопатку мамонта нанесены и схематические изображения птиц.

Параллельные линии на костях мамонта и на стенах пещер эпохи мустье в разных вариантах обнаружены и в Европе. А.Д. Столляр приводит наиболее интересные, с его точки зрения, примеры и их интерпретации, в т.ч. противоположные, принадлежащие разным ученым. Он придерживается мнения исследователей, которые полагают, что «для зарубок и регулярно расположенных нарезок числительный смысл нельзя считать исключением; начиная с мустье, люди могли испытывать потребность в счете лунных месяцев и лет» [1985, с. 127–128]. А.Д. Столляр не отвергает предположение о семантической связи мустерьских изображений в виде параллельных насечек с гриффадами пещерного медведя [Там же, с. 131–132]. Он ссылается на мнение археологов об активном заселении пещер в мустье, для чего с помощью рогатин, дубин, метательных камней и огня из полости требовалось выгнать мощного животного, это было нелегко и часто не обходилось без потерь. Результатом «отчаянной борьбы человека с этим ужасом пещер» в случае победы были не только мясо, шкура, кости, но и, что особенно важно, освобождение естественного укрытия для стоянки, а значит, возможность для выживания [Там же, с. 172].

По мнению А.Д. Столляра, выгравированные на костях параллельные линии, обнаруженных в погребении Ла Ферраси рядом с мужчиной, возможно охотником, напоминают следы, оставленные страшной лапой пещерного хищника [Там же, с. 124, 131, 132]. Медведь занимал особое место в жизни населения Карпато-Днестровского региона, о чем можно судить

Rис. 1. Лопатки и ребро мамонта со стоянки Молодова I (по: [Молодова I..., 1982, с. 54, рис. 22; с. 65, рис. 27; с. 55, рис. 23]).

1 – лопатка с нарезными параллельными линиями, пересекающимися линиями, образующими крест, с ямками, следами черной и красной краски; 2 – лопатка с параллельными, пересекающимися, зигзагообразными линиями, ямками, следами черной и красной краски, фигурами оленя или лося в центре, около которой имеется углубление; 3 – ребро с изображениями параллельных, пересекающихся, змеевидных и зигзагообразных линий, треугольников и фигуры с ромбообразным завершением.

по артефактам из грота Тринка II, среди которых имеется «массивное острье из локтевой кости пещерного медведя» [Анисюткин, Борзяк, 1985, с. 17], а также по изображению медведя в гроте Чокура-2 [Молодова I..., 1982, с. 55]. Обращает на себя внимание череп медведя, обнаруженный рядом с остатками костища в самом центре жилища Молодова I. «Возможно, – предполагает А.П. Черныш, – что он перекрывал верх жилища» [Там же, с. 25]. А.Д. Столляр пишет об использовании головы зверя «в качестве решающего семантического символа» [1985, с. 196]. Учитывая это, можно предположить, что насечки на лопатках и ребре мамонта со стоянки Молодова I (рис. 1) были символическими изображениями следов когтей пещерного медведя. В начале верхнего палеолита они преобразуются в ритмичные параллельные линии, появляются и на женских статуэтках, которые могли иметь связь с охотничьей магией.

Острые углы, изображенные на лопатке и ребре мамонта, могут рассматриваться как часть треугольника, который признан контурно-знаковым символом всего женского тела. А.Д. Столяру удалось также раскрыть женскую природу «углового» орнамента [1972а, с. 213]. На лопатке мамонта (рис. 1, 2) и на ребре (рис. 1, 3) он представлен зигзагообразной линией.

Аналоги изображениям креста на лопатках известны в памятниках мустьерской эпохи на других территориях. Гравированные кресты изображены на известняковой плитке из Цонской пещеры (Грузия), на фрагменте нижней челюсти животного из Виленса (ФРГ); прочерченная крестовидная фигура нанесена на нуммулет из пещеры Тата (Венгрия) [Столяр, 1985, с. 127, рис. 91–93]. Уже «примерно 250–300 тысяч лет назад ашельский человек, как кажется, уже обращал внимание своих сородичей на что-то с помощью линий, расположенных по-особому. Такова гравировка на плоской стороне ребра быка из ашельского слоя Пеш-дель-Азе во Франции» [Филиппов, 1997, с. 19]. Все эти изображения позволяют говорить о «знаковом творчестве» людей мустьерской эпохи, которое, согласно исследованиям А.Д. Столяра, проявляется как «генетическое развитие мустьерского символического прототипа» [1985, с. 129]. «Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой... С одной стороны, пронизывая толщу культур, символ реализуется в своей инвариантной сущности. В этом аспекте мы можем наблюдать его повторяемость. Символ будет выступать как нечто неоднородное окружающему его текстовому пространству, как посланец других культурных эпох (других культур), как напоминание о древних (“вечных”) основах культуры. С другой стороны, символ активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует. Его инвариантная сущность реализуется в вариантах. Именно в тех изменениях, которым подвергается “вечный” смысл символа в данном культурном контексте, контекст этот ярче всего выявляет свою изменяемость» [Лотман, 1992, с. 192–193]. Иконографическая неизменность символов в более поздних культурах, где они предстают в контексте развернутой и сформировавшейся образной системы, позволяет приблизиться к расшифровке семантики этих символов.

Создается впечатление, будто в древнейший период людям были даны определенные знаки-символы, которые в течение последующих тысячелетий в разных регионах мира раскрыли свой тайный смысл. Крест – один из них. Он изображен на стенах пещер Антальи [Мелларт, 1982, с. 79–80], бочонке бронзового века, обнаруженном на могильнике в Туве [Дэвлет, 1976, табл. XIII, 4]. Крест образуют символизировав-

шие женщин две наложенные друг на друга «птички» с нанесенными на них изображениями острых углов и меандра с поселения Мезин (Украина) [Столяр, 1972б, рис. 18]. На стенах святилища Чатал Гуюк, самого большого неолитического поселения на Ближнем Востоке, «рядом с двойной секирой помимо женских фигур помещены три креста, составленные два из наложенных друг на друга двойных секир и один – из четырех женских фигур» [Брентьев, 1976, с. 89]. Б. Брентьев полагает, что широко распространенные в культовых изображениях Передней Азии, Ирана и Крита двойные секиры находились в «определенной связи с “великой матерью” и с культом мертвых, как на знаменитом саркофаге из Агия Триады. В Кноссе они наряду с крестом стояли в часовне богини-матери» [Там же, с. 89].

В волнистых линиях на лопатках и ребре можно увидеть изображения змей, также связанных с образом женщины. Углубление на лопатке, находящееся рядом с фигурой оленя или лося (рис. 1, 2), А.П. Черныш осторожно интерпретирует как знак женского пола [Молодова I..., 1982, с. 64]. Заметим, что это углубление, как и описанное жилище, овальной формы. Возможно, мустьерские жители стоянки Молодова I видели в углублениях такой формы символ женщины: Homo sapiens позднего палеолита тоже воспринимали пещеру с петроглифами зверей и символическими знаками «как женщину, по крайней мере, в некоторых ее частях. ...Эквивалентность: женский знак – рана – открывает интереснейшую сеть сопоставлений. Если на боку бизона могут быть и вульва, и рана, перед нами открывается доступ к настоящей метафизике смерти» [Леруа-Гурлан, 1971, с. 89].

В контексте этих рассуждений уже не кажутся случайными схематические изображения птиц на ребре и лопатках мамонта. Посредством образа птицы первобытный человек выражал свои представления о «душах» как жизненных началах, которые вполне логично связывались с образом «женщины вообще». С ним ассоциировался круговорот «жизни и смерти в общественном бытии». Наглядным воплощением этого мироощущения может служить сцена гибели охотника, запечатленная на стене верхнепалеолитической пещеры Ляско (Франция). Образ охотника передан в виде птицеобразной личины «мертвеца», а рядом с ним обозначена «душа» как нечто материальное, т.е. «птица», которая покидала тело [Столяр, 1985, с. 254]. О зарождении «если не полностью анимистических верований, то анимистических представлений», по мнению В.П. Алексеева, свидетельствует достаточно сложное жилище Молодова I, для обитателей которого особое значение имели число и порядок расположения костей мамонта и голов животных, исключающие возможность видеть в них «только запасы мяса» [1984, с. 162].

Нельзя обойти вниманием и многочисленные ямки на всех трех предметах, которые описал А.П. Черныш. А.Д. Столляр связывает с ямками гипотезу «ран», которая «подтверждается и перспективой верхнего палеолита и ретроспективными по отношению к мусье источниками» [1985, с. 126]. Анализируя ямки на «самой древней статуе мира», глиняном медведе пещеры Монтеспан, у которой тщательно были вылеплены только когти, А.Д. Столляр доказывает, что медведь «поражался копьями и дротиками подобно тому, как это происходило при реальной охоте». В этом исследователь видит эволюцию «палеолитического обрядового отношения к изображению и применяемых при этом средств» [Там же, с. 196]. Возможно, нечто подобное нашло отражение в символических ямках на лопатках и ребре мамонта со стоянки Молодова I.

А.П. Черныш пишет о красной и черной красках, которые были нанесены на костяные предметы со следами насечек, линий, ямок, зигзагов [Молодова I..., 1982, с. 55]. Как предполагает А.Д. Столляр, «применение красной краски в мусье скорее всего обозначало кровь – конечно, кровь зверя, а иногда, по-видимому, и человека» [1985, с. 134.]. И хотя мустерьеры принадлежали к совершенно иной ветви развития человека, нежели появившиеся позднее люди верхнего палеолита, их символические знаки раскрыли свою семантику в произведениях искусства позднего палеолита. А.П. Окладников предполагал, что женщина из Лосселя держит в руке ритон со свежей кровью, «она, подобно оленеводам и охотникам Севера, совершила помазание и возлияние» [1967, с. 79]. Устойчивость символики красной и черной краски и наполнение ее новым смыслом наблюдается на протяжении многих последующих тысячелетий. Безусловно, в каждом регионе смысл проявился по-своему. На петроглифах пещеры Когул (Испания), относящихся к эпохе мезолита, черной и красной краской изображены фигуры женщин в колоколовидных юбках. Верхняя часть их тела обнажена. Женщины танцуют вокруг небольшой обнаженной мужской фигуры. Как сообщает Г. Обермайер, «там же имеются фигуры охотников, преследующих с луками в руках оленей и диких быков» [1913, рис. 258, б]. По мнению З.А. Абрамовой, эта сцена имела «магическое значение... для обеспечения плодовитости женщин и животных» [1966, с. 86].

Сравнительно-исторический подход позволяет выявить, что «одни и те же персонажи – животные, люди, фантастические существа и т.п. – повторяются на изображениях, относящихся к заведомо разным, не соприкасающимся между собой во времени и пространстве культурам» [Шер, 1980, с. 11]. Опираясь на семиотический подход, Я.А. Шер рассматривает изображения на памятниках древнего изобразительного искусства «как элементы “текстов”... в контексте того ритуала, при котором они могли создаваться» [Там же, с. 10].

Ю.М. Лотман обращает внимание «на конкретные механизмы взаимоотношений текста и его адресата» и «на то, как сообщение воздействует на адресата, трансформируя его облик. Явление это связано с тем, что всякий текст (в особенности художественный) содержит в себе то, что мы предпочли бы называть *образом аудитории*, и что этот образ аудитории активно воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом. Этот последний навязывается сознанию аудитории и становится нормой ее собственного представления о себе, переносясь из области текста в сферу реального поведения культурного коллектива. Таким образом, между текстом и аудиторией складывается отношение, которое характеризуется не пассивным восприятием, а имеет природу диалога» [1992, с. 161].

Это подтверждается этнографическими источниками. Как отмечает П. Винджеерт, все формы изобразительного искусства были неразрывно связаны с церемониями и ритуалами и прямо или косвенно являлись их пластическим воплощением [Wingert, 1962, p. 35]. Наиболее древние палеолитические рисунки, воспроизведившие не целостный образ животного, а только одну какую-нибудь характерную его черту, например круп, рога и т.д., по мнению С.Н. Замятнина, «могли доходить от “художника” до “зрителя” только в процессе какого-то совместного действия, которое делало понятным то, что изображается» [1961, с. 52]. Возможно, с параллельными линиями, воспроизведившими гриффады медведя, была связана обрядовая сторона культа этого животного. Все это позволяет предположить, что две лопатки и ребро мамонта с выгравированными разнообразными линиями, зигзагами, острыми углами, крестами являются своеобразными символами древнейших «пантеонов», а жилище стоянки Молодова I с его особым образом подобранными костями мамонта и черепом медведя, перекрывавшем верх жилища, могло быть своего рода жилищем-святыни «великой матери», в котором совершались некие ритуалы и магические обряды. Но невозможно сказать, что они собой представляли и как исполнялись. Хорошо известно, что проводить параллели между зачатками художественного творчества раннего палеолита, даже высокоразвитым искусством позднего палеолита и этнографическими материалами можно весьма условно. Тысячелетия развития человечества не могли пройти для художественного творчества бесследно. Но без этнографических материалов невозможно составить даже приблизительное представление о семантике его первоначальных форм.

В.Р. Кабо видит «во многих этнографически зафиксированных зоографических культурах, прежде всего в медвежьих праздниках народов Севера и Дальнего Востока: ритуальное умерщвление зверя как условие его последующего возрождения, а меж-

ду смертью и возрождением зверя – коллективное его употребление в пищу» [1991, с. 48]. Люди верили, что умерщвление и поедание зверя происходят «на уровне макрокосма – космоса, мезокосма – общества, микрокосма – человека», о чем пишет Б. Линкольн (см.: [Там же]).

Рассматривая происхождение медвежьего ритуала, Г.М. Василевич подчеркивал, что он совершался только над медведем, убитым в берлоге. У эвенков Сибири в начале XX в. был зафиксирован длительный магический обряд «погребения» (свежевания туши), после которого происходил медвежий праздник, длившийся несколько дней и завершившийся похоронами черепа медведя. Шаман устраивал камлание. Для очищения хоронивших забивали оленя. «Считалось, что после этого душа медведя становилась посредником между экиэри (дух-хозяин Верхнего мира) и людьми». Шкуру с головы медведя передавали шаману. В костюме из медвежьей шкуры шаман камлал в поисках души болящего (проводил «лечение») [1971, с. 160, 162].

Т. Эндрюс, разработавший систему обучения «энергетическому» танцу, пишет о шаманах, хранителях тайного знания, «в силу и искусство перевоплощения которых свято верило племя. Ритмика их танца естественно совпадала с ритмами природы. С помощью магического танца и различных ритуальных одеяний шаманы могли преодолевать границу между реальным и потусторонним миром» [1996, с. 95].

Из этнографических источников известно, что к охоте на медведя люди, оставшиеся на первобытной стадии развития, тщательно готовились. Например, охотники племени сиу (Северная Америка), сохранившие до второй половины XIX в. первобытный уклад жизни, прежде чем отправиться на охоту, исполняли «танец медведя», который сопровождался песней, посвященной «медвежьей душе». Считалось, что тогда медведь быстрее давался в руки охотников. Надев медвежьи маски, люди подражали движениям животного. Одни имитировали его бег, другие изображали, как, сидя на задних лапах, медведь настороженно следил за приближением врага [Catlin, 1876, р. 245]. Индейцы племени квакиутл (Северная Америка) с той же целью показывали, как медведь, сидя на задних лапах, двигал своим мощным корпусом: время от времени он ревел и скреб землю лапами. В другом танце индейцы изображали разъяренного медведя, который ходил на четвереньках, раздирая землю когтями [Boas, 1897, р. 467].

С.А. Токарев считал сделанные людьми захоронения пещерного медведя и других животных более убедительными свидетельствами существования религиозных верований в мустьерскую эпоху, нежели неандертальские погребения, которые «могли быть одним из источников, из которых впоследствии раз-

вились такие представления» [2005, с. 33]. О том, что верования бытовали, свидетельствуют многочисленные захоронения мустьерской эпохи, обнаруженные в Европе и на Ближнем Востоке. Подробный анализ 18 из них позволил А.П. Окладникову сделать вывод о том, что все погребенные «обращены головой или на восток, или на запад, но не на юг и не на север» [1952, с. 167]. Исследователь объясняет, что такие совпадения в положении костяков «никак не могут быть объяснены случайностью». Они, очевидно, указывают на какие-то общие черты мустьерских захоронений, связанные с отношением людей того времени к мертвым и с их представлениями о смерти» [Там же]. А.П. Окладников рассматривает и другие особенности, которые не могли быть случайными: «сочетание челюсти кабана и скелета неандертальца в пещере Мугарет эс Схул. Еще интереснее такое же сочетание костей человека и костей животного в Тешик-Таше» [Там же]. Об умении обитателей стоянки Молодова I ориентироваться по сторонам света писал и А.П. Черныш [Молодова I..., 1982, с. 95].

На территории Молдовы и прилегающих к ней регионов захоронения представителей мустьерской эпохи пока не обнаружены. Но это не означает, что их не было или нет. Мустьерцы хоронили своих сородичей преимущественно в пещерах и гротах, которые могли быть разрушены еще в палеолитическое и мезолитическое время; например, от огромной пещеры остался лишь грот Брынзены I [Кетрару, 1989, с. 5]. Следовательно, можно предположить, что и мустьерцы Карпато-Днестровского региона совершали ритуалы, проводили довольно сложные обряды при подготовке к охоте, захоронении зверей и сородичей. Важными элементами в них были пантомима-перевоплощение в изображаемое существо, обладающая когнитивным воздействием, и танец, заражающий мощной эмоциональной энергией. Пантомимно-хореографические действия мустьерцев, судя по символическим изображениям на костях мамонта, еще не подчинялись определенным канонам.

Свидетельствами формирования этих канонов являются произведения искусства раннего этапа позднего палеолита. По описаниям Н. Кетрару, амулет из грота Брынзены I, вырезанный из бивня мамонта, «состоит из двух частей. Верхняя – это плоская килевидная пластина, треугольная в сечении, с круглым сквозным отверстием в верхней суживающейся части... Посередине оно (отверстие. – Э.К.) образует два усеченных конуса. Нижняя часть амулета имеет форму неправильного треугольника. Верхняя часть треугольника почти ровная, нижняя закруглена» [Там же, с. 7]. Нижняя часть амулета имеет сходство с левым концом продольно расчлененной кости зубра со стоянки Пронятина (Украина). Похожие сдвоенные треугольники с закругленными углами обозначены в бусах из резцов

зубра, найденных в жилище на памятнике Межирича (Украина) [Пидопличко, 1976, рис. 82]. По форме амулет из Брынзы I напоминает антропоморфные женские статуэтки из Межирича, у которых верхняя часть туловища, шея и голова сильно стилизованы и вытянуты вверх. Свидетельством того, что это женские фигурки, могут служить резко подчеркнутые на двух статуэтках «так называемые срамные треугольники» [Там же, с. 203, рис. 80]. «На правой стороне верхней килевой части (амулета из грота Брынзы I. – Э.К.) нанесен точечный орнамент, состоящий из небольших ямок, расположенных в четыре ряда. В первом (верхнем) ряду насчитывается 27 ямок, во втором – 10, третьем – 9, в четвертом, сильно поврежденном нижнем ряду имеются только 3 ямки... Такие же точечные углубления нанесены и на поверхности нижней треугольной части фигуры: на левом и нижнем краях сделаны по два ряда углублений, а на правом – три. Место соединения килевидной части с треугольником отмечено тремя рядами ямок, расположенных полуовалом. В рядах, сделанных по краю треугольной части фигуры, насчитывается до сотни ямок, однако, учитывая поврежденность в этом месте, следует предположить, что их было значительно больше. В трех рядах полуovala имеется всего 78 ямок» [Кетрару, 1989, с. 7–8]. Н.А. Кетрару отмечает округлые, неправильной формы ямочки-углубления, многие напоминают даже овал. На дне и боковых стенках углублений замечены следы красной и темно-красной краски (охры) [Там же].

Исследователи отмечают, что «в искусстве эпохи бронзы Переднего Востока туловища разных животных представляют собой как бы два треугольника» [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с. 68]. Обращают на себя внимание изображения животных в Саймале-Таше. «У всех четырех животных одинаковый корпус, как бы составленный из двух треугольников или, возможно, из двух вогнутых друг к другу дуг, между которыми заключены треугольники» [Шер, 1980, с. 28]. Нетрудно провести аналогию между этими фигурами и двумя усеченными конусами в верхней части амулета из грота Брынзы I.

Этот амулет, залегавший в культурном слое со смешанной индустрией, в которой «присутствуют предметы, типичные, с одной стороны, для эпохи мустье, а с другой – для начального этапа (ориньяка) позднего палеолита», свидетельства раннего этапа развития позднего палеолита, позволяет предположить сохранение на раннем этапе позднего палеолита знаков-символов эпохи мустье. Судя по наличию рядом с амулетом костей животных, а на нем самом – признаков длительного использования [Кетрару, 1989, с. 6–8], в этом артефакте из грота Брынзы I были сконцентрированы многие значимые символы эпохи мустье. В амулете эти символы представали в строгом

соподчинении. Плоская, треугольная в сечении пластина, обозначающая вытянутое тело, которая соединена полуовалом с двумя треугольниками, создает основу многозначного условного образа женщины. По сочетанию полуovala в нижней части фигуры с верхним круглым сквозным отверстием, который в сечении выглядит как два усеченных конуса, можно предположить, что в амулете воплощен образ женщины, возможно, богини-матери или жрицы, совершающей охотничью и другие обряды. В пользу этой гипотезы свидетельствуют находящиеся на заостренном выступе точки в виде полуovalов с красной охрой по бокам, их число кратно 3 и 5. По этнографическим данным, женщины Сибири с незапамятных времен были хранительницами лунного календаря. По fazам луны они высчитывали сроки родов. Беременность длится 10 лунных месяцев, на середину этого срока приходится первое движение ребенка в чреве матери [Фролов, 1981, с. 78–79].

О магическом сочетании чисел 3 и 4 можно судить по знаменитой гравировке на кости из французского грота Раймонден. Там изображены три фигуры, похожие на женские, и четыре, возможно, мужские, всего

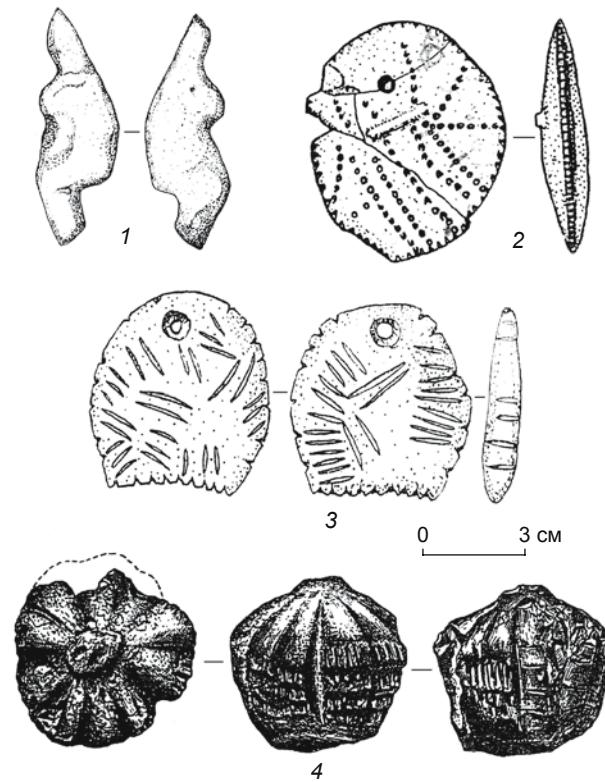

Рис. 2. Предметы искусства позднего палеолита. 1 – женская статуэтка со стоянки Косоуцы (по: [Борзияк, Коваленко, 1990, с. 19, рис. 6, 2]); 2 – амулет-подвеска из мергеля со стоянки Косоуцы (по: [Там же, рис. 6, 4]); 3 – амулет-подвеска со стоянки Миток-Малул Галбен (правобережье Прута) (по: [Борзияк, 1989, с. 17, рис. 3, 6]); 4 – ископаемый «морской еж» (по: [Борзияк, Давид, Обадэ, 1992, с. 87, рис. 7, 32]).

семь. Известно, что «шумеры обозначали в клинописи одним символом число 7 и Вселенную. В этом, очевидно, и состоит смысл слов Пифагора: “Все есть число 7”» [Там же, с. 83]. Примером пластического воплощения магического единства мужского и женского начала может служить женская статуэтка из позднепалеолитической стоянки Косоуцы на среднем Днестре (рис. 2, 1) [Борзияк, Коваленко, 1990, с. 19, рис. 6, 2]. По изображению головы она похожа на скульптуру женщины из Савиньяно (Италия). Головы обеих статуэток напоминают голову «комбинированной» антропоморфной скульптуры из района Тразименского озера (Италия). Суть последней, по мнению А.Д. Столляра, «заключается в соединении в одном произведении и женских и мужских атрибутов, что достигается разными способами синтезирования… Обычно это изображения женских фигур с фаллосом на месте головы» [1985, с. 245].

Учитывая магическое значение произведений палеолитического искусства, можно предположить, что статуэтка из второго культурного слоя (его абсолютный возраст $18\ 200 \pm 300$ лет) (ГИН-4148) [Борзияк, 1989, с. 12] стоянки Косоуцы, соединявшая в себе женское и мужское начало, как и другие сходные с ней по пластике фигурки, могла быть предметом культа и связана с обрядами женского божества, дарующего плодовитость женщин и животных.

Подкреплением гипотезы о бытовании обрядов, связанных с женскими амулетами в палеолите, может служить обнаруженная на позднепалеолитической стоянке Молодова V «подвеска из бивня мамонта грушевидной формы с искусственным ушком, представляющая собой миниатюрную схематическую фигурку сидящей женщины… На поверхности изделия наблюдается орнамент в виде тонких прочекенных линий (амulet?)» [Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V..., 1987, с. 34], возможно, гриффад медведя.

В том же втором слое стоянки Косоуцы был найден мергелевый амулет-подвеска с многозначными символами женской магии. Его овальная форма сочетается с формой отверстия, просверленного «с двух сторон таким образом, что образовались два неполных конуса, обращенных вершинами друг к другу» (рис. 2, 2) [Борзияк, Коваленко, 1990, рис. 6, 4 на с. 19; с. 20]. По форме отверстие такое же, как и в амулете из грота Брынзены I. Точками на амулете из Косоуц обозначены два треугольника, соединенные острыми углами; над ними – составленная из точек змеевидная линия, уходящая за выступ, который одним концом как бы фиксирует вершину треугольника, а другим перекрывает антропоморфную фигуру (?) с сомкнутыми ногами. Между крылообразной рукой и телом (?) образуется еще один треугольник. Исследователи отмечают на амулете участки, окрашенные черным цветом, а

также вкрапления охры [Там же, 1990, с. 20], которые также могут ассоциироваться с женской магией. Символично, что число точек в каждой линии кратно 3, 5 и 7. Насечки по периметру могли означать гриффады. Выступ, возможно, был символическим изображением одной из них. На гладкой, отшлифованной тыльной стороне амулета «имеются слабые следы стертости, возникшие, вероятно, при ношении амулета на меховой одежде» [Борзияк, 1989, с. 16].

Прослеживаются черты сходства между амулетом-подвеской из Косоуц (рис. 2, 2) и амулетом-подвеской с многослойной палеолитической стоянки Миток-Малул Галбен на правобережье Прута (рис. 2, 3). Последняя изготовлена «из меловой корки кремневого желвака… датированном временем $20\ 945 \pm 850$ лет назад (GX-8503)» [Там же, 1989, с. 18]. Оба амулета овальной формы. У амулета из Косоуц в нижней части «имеются две широкие, но неглубокие выемки» [Борзияк, Коваленко, 1990, с. 20], а у амулета из Миток-Малул Галбен – одна выемка, но глубокая. Заметим, что «насечки на краях амулета выполнены так же, как и на амулете из Косоуц» [Борзияк, 1989, с. 18]; это свидетельствует о связи данных насечек-гриффад с магией охоты. Символические рисунки из насечек-гриффад покрывают амулет с обеих сторон. На его краях по семь насечек, на вогнутой части – девять. Символы генетической памяти о страшных когтях пещерного медведя должны были способствовать охотничьей удаче. Девять насечек (число, кратное 3) на овале символизировали женское начало. Сохранялась и магия числа 7: она зафиксирована в насечках, напоминающих гриффады, по краям амулета. Можно предположить, что амулеты с нанесенными на них насечками-гриффадами из грота Брынзены I, со стоянок Косоуцы и Миток-Малул Галбен использовались для увеличения силы женской магии во время совершения обрядов воздействия на охотничью удачу. Связанные с женской магией обряды хорошо известны по археологическим и этнографическим источникам [Замятнин, 1961; Brodrick, 1948]. По мнению А.П. Окладникова, в рельефах Лосселя, как и в некоторых якутских обрядах, «развертывается одинаковая сцена магического убийства оленя, в которой охотник являлся только орудием колдовского убийства зверей. Главная роль принадлежит колдующим женщинам – участницам обряда, и стоящим за ним сверхъестественным силам» [1967, с. 79]. З.А. Абрамова предполагает, «что образ женщины стройной, удлиненных пропорций мог иметь отношение именно к охоте. Вполне возможно, что молодые женщины сами принимали активное участие в охоте, девушкам могли приписывать особый успех, а те женщины, которые “сидели у очага”, производили обряды, способствующие этому успеху» [1966, с. 86]. Амулет в виде удлиненной фигурки из грота Брынзены I мог олицетворять такую женщину или девушку.

Верхний культурный слой верхнепалеолитической стоянки Климэуць II датирован 20 350 л.н. (ЛУ-2481) [Борзияк, Давид, Обадэ, 1992, с. 92]. Скопление культурных остатков включало преимущественно кости мамонта, кремневые изделия, песчаниковые и известняковые камни. Как отмечают исследователи, оно представляло собой «округлое образование» диаметром 9,5–10,0 м из установленных по периметру в основном крупных костей мамонта – бивней, челюстей, костей. Расположение костных остатков, наличие очага в центре, правда небольшого размера, черепов по внутреннему периметру скопления позволяют предположить, что объект является одной из разновидностей наземных жилищ [Там же, с. 77]. В контексте данной статьи особый интерес вызывает обнаруженная на площади скопления костных остатков моделированная из ископаемой раковины «морского ежа», «видимо, головка антропоморфной статуэтки, которая имеет следы орнамента и окрашена также красной охрой» (рис. 2, 4) [Там же, с. 87, рис. 7, 32]. Шарообразной формой находка напоминает голову «Венеры» из Виллендорфа. Вместе с тем сложная прическа или головной убор на головке из Климэуць II из десяти треугольников со слаженными углами, вершины которых соприкасаются с полуovalным выпуклым навершием с двумя достаточно большими глубокими ямками, вызывающими в памяти западины глаз у женской фигурки со стоянки Брассампуи (Франция), символизирует семантически сложный образ женщины.

Таким образом, можно предположить, что образ женщины служил воплощением самых важных представлений человека эпохи палеолита о жизни и смерти, благополучии всего рода и отдельного человека. Главная «жрица» выступала одновременно и предводительницей рода и земным олицетворением самой Богини-Матери. Ее магическая связь с животными, с луной, а возможно, и с космосом выражалась в особых обрядах, синcretических художественных действиях, в которых находили выражение все основные виды художественного творчества. Изобразительное искусство не только фиксировало семантику обряда в знаках и символах, но и являлось его действенной частью, по которой в определенной мере можно представить движения танца и пантомимы, исполнявшиеся одновременно с созданием рисунков в сопровождении музыки. О характере этой музыки в какой-то мере можно составить представление по флейтам, обнаруженным на верхнепалеолитической стоянке Молодова V [Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V..., 1987, с. 58, 71], которые «относятся к подгруппе тростевых инструментов с боковыми отверстиями, определяющими высоту звука, то есть аналогичны свирелям» [Бибиков, 1981, с. 87]. На примере собранных на Мезинской стоянке т.н. музыкальных костей С.Н. Бибикову удалось показать наличие у кро-

маньюнцев целого «оркестра» из духовых и ударных инструментов и раскрыть семантическое значение нанесенных на них орнаментов – сложных комбинаций острых углов и меандра [Там же, с. 51–98].

В отличие от мостью в эпоху верхнего палеолита сформировались достаточно строгие каноны в изобразительном искусстве и в исполнении ритуалов и обрядов. Свидетельства тому – не только подвеска из бивня мамонта грушевидной формы (миниатюрная схематическая фигурка сидящей женщины из Молодова V), амулеты, головка антропоморфной статуэтки из «морского ежа», но и ритмически точные насечки на костях животных и костяных изделиях со стоянок Климэуць II и Косоуцы, символизировавшие в числах и интервалах космогоническое мировосприятие человека каменного века.

Заключение

Анализ произведений искусства эпохи палеолита Карпато-Днестровского региона в контексте достаточно хорошо изученного западно-европейского художественного творчества этого периода расширил представление о зарождении искусства на самых ранних этапах развития человека. Сопоставление произведений искусства эпохи мостью и раннего этапа позднего палеолита с этнографическими данными народов, сохранившими элементы древнейших верований и обрядов, позволило проследить появление знаков-символов искусства, которые в последующие периоды раскрывали свой глубинный смысл, обусловленный религиозными представлениями.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. – М.; Л.: Наука, 1966. – 223 с.
- Алексеев В.П.** Становление человечества. – М.: Полит. лит., 1984. – 462 с.
- Анисюткин Н.К., Борзияк И.А.** Исследование грота Тринка II // Археологические исследования в Молдавии в 1981 г. – Кишинев: Штиинца, 1985. – С. 14–22.
- Бибиков С.Н.** Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. – Киев: Наук. думка, 1981. – 108 с.
- Борзияк И.А.** Предметы изобразительной деятельности человека на многослойной позднепалеолитической стоянке Косоуцы на Среднем Днестре // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1989. – С. 11–26.
- Борзияк И.А., Давид А.И., Обадэ Т.Ф.** Климэуць II – верхнепалеолитическая стоянка с мамонтовой фауной в Поднестровье // Anuarul Muzeului Național de istorie a Moldovei I. Anul 1991. – Chișinău, 1992. – С. 75–94.

- Борзияк И.А., Коваленко С.И.** Исследование второго культурного слоя многослойной стоянки Косоуцы на Среднем Днестре // Археологические исследования Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1990. – С. 3–23.
- Брентъес Б.** От Шанидара до Аккада. – М.: Наука, 1976. – 359 с.
- Васиlevич Г.М.** О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л.: Наука, 1971. – С. 150–169.
- Дэвлет М.А.** Большая боярская писаница. – М.: Наука, 1976. – 20 с.
- Замятнин С.Н.** Памятники изобразительного искусства эпохи палеолита и их значение для проблемы происхождения искусства. Очерки по палеолиту. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 43–62.
- Кабо В.Р.** Религия палеолитического человека: возможности ее реконструкции // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – СПб.: Гос. музей истории религии, 1991. – С. 45–51.
- Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А.** Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). – М.: Наука, 1975. – 173 с.
- Кетрапу Н.А.** Амулет из позднепалеолитической стоянки в гроте Брынзы I // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1989. – С. 5–10.
- Леруа-Гуран А.** Религии доистории // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 81–90.
- Лотман Ю.М.** Избранные статьи. – Таллин: Александра, 1992. – Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. – 479 с.
- Мелларт Дж.** Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
- Многослойная палеолитическая стоянка Молодова В.** Люди каменного века и окружающая среда. – М.: Наука, 1987. – 184 с.
- Молодова И.** Уникальное мустьерское поселение на среднем Днестре. – М.: Наука, 1982. – 238 с.
- Обермайер Г.** Доисторический человек. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913. – С. 637–679.
- Окладников А.П.** О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры // СЭ. – 1952. – № 3. – С. 159–180.
- Окладников А.П.** Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 135 с.
- Пидопличко И.Г.** Межирические жилища из костей мамонта. – Киев: Наук. думка, 1976. – 239 с.
- Праслов Н.Д.** Ранний палеолит Русской равнины Крыма // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 94–134.
- Столяр А.Д.** К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита // МИА. – 1972а. – Т. 7, № 185. – С. 202–219.
- Столяр А.Д.** О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания (К постановке проблемы) // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972б. – С. 30–72.
- Столяр А.Д.** Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 298 с.
- Сытник А.С.** Гравированный рисунок на кости с мустьерской стоянки под Тернополем // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 39–46. – (Первобытное искусство).
- Токарев С.А.** Религия в истории народов. – М.: Республика, 2005. – 543 с.
- Филиппов А.К.** Происхождение изобразительного искусства. – СПб.: Академ Принт, 1997. – 103 с.
- Фролов Б.А.** О чем рассказала сибирская мадонна. – М.: Знание, 1981. – 111 с.
- Черныш А.П.** Остатки жилища мустьерского времени на Днестре (предварительное сообщение) // СЭ. – 1960. – № 1. – С. 149–152.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Эндрюс Т.** Магия танца. Ваше тело как инструмент силы. – Киев: Веклер, 1996. – 256 с.
- Boas F.** The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians // Report of the US National Museum for 1895. – Wash.: US National Museum, 1897. – P. 311–738.
- Brodrick A.** Prehistoric Art. – L.: Avalon Press, 1948. – 37 p.
- Catlin G.** Illustrations of the Manners, Customs and Condition of the North American Indians. – L.: Brooklyn Museum, 1876. – 264 p.
- Wingert P.S.** Primitiv Art. Its traditions and styles. – N.Y.; Oxford: University Press, 1962. – 305 p.

Материал поступил в редакцию 23.12.09 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.024

О.Л. Шарганова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр., 27, корп. 4, Москва, ГСП-1, 119991, Россия
E-mail: ol-sharganova@yandex.ru

СЫРЬЕ И ФОРМОВОЧНЫЕ МАССЫ КРУГОВОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ГНЁЗДОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В работе изложены результаты технологического изучения круговой керамики из Гнёздовского могильника. Анализ исходного сырья, способов его подготовки и составления формовочной массы показал, что местные гончары добывали глину из нескольких источников, но преобладала традиция применения пластичной слабо- и среднезапесоченной ожелезненной глины, которая использовалась преимущественно во влажном состоянии. Доминирующий рецепт формовочной массы – глина + дресва + органический раствор. Ему заметно уступают другие: глина + дресва; глина + дресва + органика неизвестного происхождения; глина + песок + органический раствор. Смешение гончарных традиций наблюдается на уровне отбора исходного сырья, что фиксируется по двум сосудам, изготовленным из смеси двух глин. Полученные данные свидетельствуют об относительно неоднородном составе населения Гнёздора и о преобладании групп гончаров со сходными гончарными традициями.

Ключевые слова: гончарные традиции, технология, исходное сырье, формовочная масса.

Гнёздовский комплекс археологических памятников (рубеж IX–X – начало XI в.) расположен к западу от Смоленска на берегу Днепра. Он состоит из двух городищ, прилегающих к ним открытых поселений и восьми курганных групп (см. рисунок). Исследования Гнёздора, которые продолжаются более 130 лет, охватывают широкий круг проблем, а керамический материал памятника рассматривается в качестве важнейшего источника при изучении этнокультурного состава населения, его происхождения. Традиционно внимание при этом уделяется в основном морфологическим характеристикам глиняной посуды, а отдельные замечания о некоторых технологических деталях высказываются в качестве предположений, основанных на визуальном изучении керамики.

Круговая керамика в Гнёздове составляет ок. 90 % и встречается, наряду с лепной, как на поселении, так и в курганах [Каменецкая, 1998, с. 125]. Она получает наибольшее распространение в середине – второй половине X в., а ее появление связывается (по данным анализа форм посуды) с притоком населения из запад-

ных и частично северо-западных славянских земель, Моравии и Южной Польши [Там же, с. 133].

Целью данной работы является анализ и введение в научный оборот полученных данных о некоторых аспектах технологии производства круговой керамики Гнёздора. В задачи исследования входило получение исходной информации о технологии изготовления сосудов и ее последующее обобщение для выделения технологических традиций гнёздовского населения*.

Всего было изучено 162 сосуда**. Они происходят из четырех курганных групп Гнёздовского могильника

*Выражаю искреннюю признательность за помощь в работе сотрудникам лаборатории «История керамики» Института археологии РАН А.А. Бобринскому, Ю.Б. Цетлину, И.А. Гей, а также доценту исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Т.А. Пушкиной за предоставленные материалы.

**В работе были использованы коллекции, хранящиеся на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (раскопки Д.А. Авдусина, Т.А. Пуш-

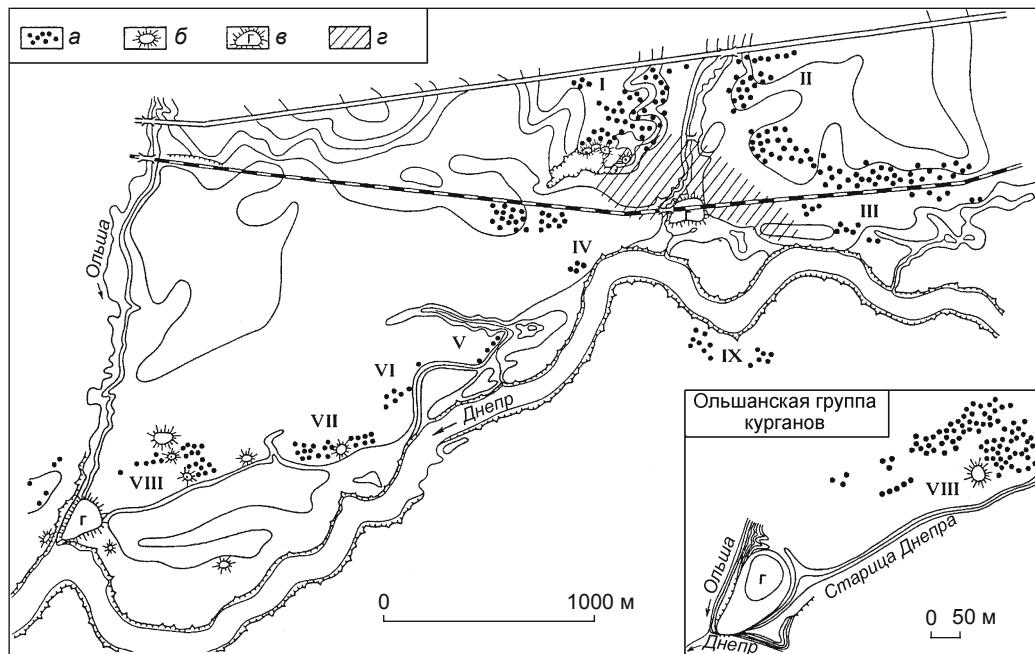

Схема памятников у д. Гнёздово [Гнёздовский могильник, 1999, с. 129].

I – Центральная группа; II – Глущенковская; III – Лесная; IV–VII – Днепровская: IV – Приднепровская, V – Днепровская (восточная часть), VI – Днепровская (центральная часть), VII – Днепровская (западная часть); VIII – Ольшанская; IX – Левобережная группа.

a – курганы; *б* – большие курганы; *в* – городища; *г* – территория селища.

(Центральной, Лесной, Заольшанской и Днепровской), достаточно близких по времени функционирования, а на определенном этапе одновременных. Поэтому технологическая информация по этой керамике рассматривается в обобщенном виде. Обоснованность такого подхода к материалу подтверждается в ходе последующего изложения результатов проведенного анализа.

Вся рассматриваемая керамика входит в состав курганных комплексов в качестве либо погребальной урны, либо сопровождающего погребение сосуда. Керамика, связь которой с инвентарем кургана представлялась сомнительной (происходящая из насыпи, заполнения ровика и т.п.), не использовалась в работе. Недоступным для технологического исследования остался ряд полностью реставрированных сосудов. В общей сложности из материалов Центральной группы проанализировано 68 экз., Лесной – 38, Заольшанской – 48, Днепровской – 8 экз.

Технологическое изучение керамики проводилось по методике А.А. Бобринского [1978, 1999] в рамках историко-культурного подхода, основанного на знаниях о закономерностях сложения и поведения культурных традиций в гончарстве. В рамках этого подхода

киной 1973, 1974, 1976–1989, 1991–1993 гг.) и в Смоленском государственном музее-заповеднике (раскопки Д.А. Авдусина 1949, 1950 гг.).

гончарная технология рассматривается как источник информации о культурно-историческом прошлом населения, а выявлению, учету и изучению подвергаются прежде всего конкретные навыки труда, с помощью которых делалась керамика.

А.А. Бобринский рассматривает гончарную технологию как особым образом организованную систему навыков труда. Выделяются три основные стадии гончарного производства, которые подразделяются на ступени:

I. Подготовительная стадия: 1) отбор, 2) добыча, 3) подготовка исходного сырья, 4) составление формовочных масс;

II. Созидательная стадия, включающая конструирование сосуда: 5) изготовление начиня, 6) полого тела, 7) формообразование, 8) механические способы обработки поверхностей;

III. Закрепительная стадия: 9) приданье изделиям прочности, 10) влагонепроницаемости.

Устойчивое состояние системы гончарной технологии обеспечивается прежде всего эмпирическим характером знаний о технологии и их передачей от поколения к поколению преимущественно по родственным линиям и проявляется в неизменности навыков труда. Оно характеризует определенную замкнутость по отношению к окружающему миру носителей такой технологии.

Условия, в которых гончар вынужден вводить новшества в используемую им систему технологии, возникают, когда он попадает в производственную зону, где господствуют иные технологические традиции. Гончар приспосабливается к ним, но не нарушает собственную систему. Чтобы «встроить» в нее новые навыки, он соединяет их со своими прежними навыками решения той или иной узкой технологической задачи, что приводит к образованию смешанных (гибридных) приемов ее выполнения. Таким образом, факты «встраивания» новых навыков выполнения работы в существующие системы технологии допустимо рассматривать в качестве проявлений процессов смешения между носителями разных систем гончарной технологии, возникавших внутри домохозяйств, члены которых находились в родственных отношениях [Бобринский, 1999, с. 63–68].

В настоящей работе рассматривается подготовительная стадия производства: отбор и подготовка исходного сырья, составление формовочной массы. Эти навыки называются приспособительными. Они могут изменяться в течение жизни одного поколения гончаров. Исследование включало: 1) отбор образцов керамики от разных сосудов, 2) вторичный обжиг образцов в муфельной печи при температуре 800 °C для оценки степени относительной ожелезненности глинистого сырья и создания одинаковых условий для наблюдений, 3) качественный и количественный анализ состава глинистого сырья и формовочных масс керамики. Изучение образцов велось по свежим изломам керамики с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10.

Отбор исходного сырья (пластичного, минерального и органического). В качестве пластичного сырья использовалась природная глина. Чтобы определить, какие требования к ней предъявлялись, при анализе исходного сырья внимание обращалось на такие характеристики, как относительная степень ожелезненности глины и качественный состав естественных примесей (песка, бурого железняка, известняка и др.).

Степень ожелезненности определялась по цвету фрагментов керамики после повторного обжига в окислительной среде при температуре 800 °C. Как известно, ожелезненные глины окрашиваются в различные оттенки терракотового цвета, а слабоожелезненные и неожелезненные приобретают цвет от кремового до белого. Из 162 изученных сосудов 148 были изготовлены из ожелезненной глины, 12 – из неожелезненной, 2 – из смеси ожелезненной и неожелезненной.

Наличие и особенности естественной примеси песка в глине влияют на одну из важнейших ее характеристик – пластичность. Поскольку методика определения пластичности глины по обожженным черепкам не разработана, заключения об этой характеристике сырья сейчас можно делать, основываясь

лишь на анализе особенностей естественной примеси песка в глине. Известно, что древние гончары, как и современные, пользовались глинами, которые по пластичности разделяются на жирные и тощие. В жирных очень мало или почти нет пылевидного песка (с величиной зерен менее 0,1 мм), а тощие содержат по преимуществу мелкий окатанный песок (с песчинками от 0,1 до 0,3 мм) или пылевидный, часто сочетающийся с отдельными более крупными окатанными песчинками [Там же, с. 24]. Для определения степени запесоченности глины в каждом образце оценивалось количество следующих фракций песка: менее 0,1 мм; 0,10–0,25; 0,25–0,40; 0,4–1,0 и больше 1,0 мм. Поскольку точные подсчеты очень мелких фракций затруднительны, для их характеристики использовались понятия «единичные», «редкие», «мало», «есть», «много».

Помимо песка, наиболее распространенной естественной примесью в глине является бурый железняк, который присутствует во всех образцах из неожелезненной и в части образцов из ожелезненной глины. Известняк отмечен только в одном случае (включение размером 0,5 мм). В этом же образце встречены естественные включения глинистого сланца белого цвета размером от 0,2 мм до 2,0×0,5 мм.

На основании полученных данных о степени ожелезненности и запесоченности глин можно выделить несколько видов.

Глина 1 (20 экз.). Ожелезненная, слабозапесоченная: единичные или редкие зерна размером 0,2–1,0 мм и практически нет пылевидного песка. По степени запесоченности к ней близка глина с естественными включениями известняка и глинистого сланца, которую можно рассматривать как разновидность глины 1 и обозначить 1а (1 экз.).

Глина 2 (47 экз.). Ожелезненная, слабозапесоченная: очень мало пылевидного песка и зерен размером 0,1–0,4 мм, иногда единичные более крупные песчинки.

Глина 3 (74 экз.). Ожелезненная, среднезапесоченная: зерна размером 0,1–0,4 мм, редкие более крупные и мало пылевидного песка.

Глина 4 (5 экз.). Ожелезненная, сильноzapесоченная: много пылевидного песка и зерен размером 0,10–0,25 мм, меньше песчинок 0,25–0,40 мм и редкие более крупные зерна.

Глина 5 (1 экз.). Ожелезненная, среднезапесоченная: зерна размером в основном до 0,3 мм и редкие более крупные. Мельчайшие естественные включения, вероятно, полевого шпата придают излому характерный блеск.

Глина 6 (9 экз.). Неожелезненная, очень слабо запесоченная, практически не содержит различимого под микроскопом пылевидного песка, но с редкими включениями песчинок размером 0,1–0,3 мм и еди-

ничными более крупными зернами. Для этой глины характерно присутствие бурого железняка как оолитовой, так и обломочной формы, иногда в достаточно большом количестве.

Глина 7 (3 экз.). Неожелезненная, по степени запесоченности близка к глине 3. В ней содержатся пылевидный песок, песчинки размером 0,1–0,3 мм, а также отдельные зерна до 1,0 мм и крупнее. Бурый железняк, чаще оолитовый, присутствует в меньшем количестве, чем в глине 6.

О естественном характере песка в описанных глинах свидетельствуют его концентрация и размер. Считается, что песок, искусственно введенный в формовочную массу, обычно имеет зерна более 0,4–0,5 мм и его содержание составляет не менее 15–20 %, поскольку более мелкий песок, особенно в большой концентрации, способен заметно ухудшить пластичные свойства сырья [Там же, с. 25].

Таким образом, чаще всего использовались глины с незначительным содержанием пылевидного песка и, следовательно, достаточно пластичные (96,2 %); сильнозапесоченные выявлены только по пяти образцам (3,1 %).

Наблюдения за особенностями глинистого сырья могут дать определенную информацию о его источниках, в частности, выявить «факты использования разных или очень сходных источников пластичного сырья» [Там же]. Качественный состав естественных примесей указывает на предполагаемый «район» добычи, а их соотношение – на условное «место» добычи внутри «района» [Там же]. А.А. Бобринский отмечает, что «данные о соотношении естественных примесей могут давать разброс внутри “района” из-за различий добываемого сырья, например, по глубине его залегания. Качественный состав естественных примесей оказался более надежным для однозначных объяснений» [Там же, с. 26].

Применяя данную методику к изученному материалу, можно заключить, что ожелезненные глины 1, 2–4 относятся к одному «району», но разным «местам» добычи сырья: все они содержат естественную примесь песка и редкие включения бурого железняка. С разными «районами» можно связывать глины 1а, 5–7 с различным качественным составом естественных примесей. Так, для глины 1а характерны включения глинистого сланца, для глины 5 – вероятно, полевого шпата, неожелезненная глина 6 содержит большое количество обломочного рыхлого бурого железняка, в неожелезненной глине 7 встречается оолитовый бурый железняк.

В качестве искусственно введенного в формовочную массу минерального сырья гончары использовали гранитно-гнейсовую дресву и песок. Органические добавки представлены растворами, вероятно, выжимкой из навоза.

Подготовка исходного сырья. Большинство сосудов изготовлено из природной глины во влажном состоянии (98,8 %). Использование предварительно высушенной и дробленой глины зафиксировано только по одному образцу. Два сосуда изготовлены из смеси неожелезненной и ожелезненной глин, причем в одном случае первая была сухая, вторая влажная, а в другом – обе во влажном состоянии.

Распределение образцов керамики по максимальному размеру зерен дресвы следующее: 1,1–2,0 мм – 65 экз., 2,1–3,0 – 82; 3,1–4,0 – 13 и 4,1–5,0 мм – 1 экз. Заметно преобладают группы сосудов с дресвой размером 1–2 и 2–3 мм (соответственно 40,4 и 50,9 %). Дресва в большинстве случаев не калибрована, и в каждом образце обычно встречаются зерна от 0,3 мм. В четырех образцах зерен менее 0,3–0,4 мм очень мало, поэтому можно предполагать ее просеивание с целью удалить наиболее мелкую фракцию, образовавшуюся при дроблении.

Таким образом, на стадии подготовки исходного сырья преобладала традиция использования природной глины во влажном состоянии и некалиброванной дресвы с максимальным размером зерен 2–3 мм.

Составление формовочной массы. Зафиксированы следующие рецепты формовочных масс: глина + дресва; глина + дресва + органический раствор; глина + дресва + органика неизвестного происхождения; глина + песок + органический раствор (табл. 1).

Наиболее распространенным рецептом был Г + Д + Ор (86,4 %), в котором использовались в основном ожелезненные слабо- и среднезапесоченные глины (глины 1–3). Он же характерен и для сосудов из неожелезненных глин (глины 6 и 7). Для рецепта Г + Д (6,8 %) также использовались все виды глин (за исключением тех, которые представлены единичными образцами). Редкий рецепт Г + П + Ор сочетается с неожелезненной глиной (глина 6).

Таким образом, наиболее массовой искусственной примесью, обнаруженной почти во всех образцах керамики, является дресва. Ее концентрация в формовочных массах разных сосудов варьирует от 1 : 2 до 1 : 4...1 : 5. В большинстве образцов (96,2 %) она составляет 1 : 3 и 1 : 4, и явных зависимостей между различными по степени запесоченности глинами и большей или меньшей концентрацией дресвы не обнаруживается (табл. 2). Это может быть связано с тем, что изученные фрагменты керамики происходят от сосудов, изготовленных двумя группами гончаров, одна из которых использовала слабо-, а другая – среднезапесоченные глины в качестве основного исходного сырья. Можно также отметить, что в рецептах с очень слабо запесоченной (высокопластичной) глиной чаще применялась дресва в концентрации 1 : 3. Сильнозапесоченная глина 4 представлена небольшим количеством образцов, поэтому сделать в отношении нее какие-

Таблица 1. Связь видов глин и рецептов формовочных масс

Вид глины	Рецепты формовочных масс				Всего сосудов
	Г + Д	Г + Д + Ор	Г + Д + О?	Г + П + Ор	
Глина 1	3	16	1	—	20
Глина 1а	—	1	—	—	1
Глина 2	3	40	4	—	47
Глина 3	2	68	4	—	74
Глина 4	1	4	—	—	5
Глина 5	—	1	—	—	1
Глина 6	1	6	1	1	9
Глина 7	1	2	—	—	3
Смесь двух видов глин	—	2	—	—	2
<i>Всего сосудов</i>	11	140	10	1	162

Примечание: Г – глина, Д – дресва, П – песок, Ор – органический раствор, О? – органика неизвестного происхождения.

Таблица 2. Концентрация дресвы в сосудах из разных видов глин

Вид глины	Концентрация дресвы в формовочной массе*						Всего сосудов
	1 : 2	1 : 2...1 : 3	1 : 3	1 : 3...1 : 4	1 : 4	1 : 4...1 : 5	
Слабозапесоченная (1, 1а, 2, 6)	—	2	28	21	24	1	76
Среднезапесоченная (3, 5, 7)	1	—	24	27	24	2	78
Сильнозапесоченная (4)	—	—	—	4	1	—	5
Смесь двух глин	—	—	1	1	—	—	2
<i>Всего сосудов</i>	1	2	53	53	49	3	161

*По образцам, представленным в столбцах 2, 4 и 6, точно определить концентрацию дресвы оказалось затруднительно.

Таблица 3. Концентрация дресвы в разных рецептах формовочных масс

Рецепт*	Концентрация дресвы						Всего сосудов
	1 : 2	1 : 2...1 : 3	1 : 3	1 : 3...1 : 4	1 : 4	1 : 4...1 : 5	
Г + Д	1	—	5	4	1	—	11
Г + Д + Ор	1	1	44	47	44	3	140
Г + Д + О?	—	—	4	2	4	—	10

*Усл. обозн. см. в примеч. к табл. 1.

либо определенные выводы трудно. Анализ концентрации дресвы в разных рецептах формовочных масс показал, что в большинстве случаев она также составляет 1 : 3 и 1 : 4 (табл. 3).

Что касается связи между размером зерен дресвы и ее концентрацией в формовочных массах (табл. 4), то можно отметить следующее. Самая мелкая дресва (до 2 мм) чаще встречается в концентрации 1 : 4 (15,5 % от общего числа сосудов с этой примесью) и 1 : 3...1 : 4 (13,7 %), реже – 1 : 3 (8,7 %), а наиболее крупная (до 4 и 5 мм) – 1 : 3 (5 %) и 1 : 3...1 : 4 (2,4 %). Во всех трех образцах с большой концентрацией дресвы (1 : 2 и

1 : 2...1 : 3) она мелкая: в двух – до 2 мм, в одном – до 3 мм. Дресва размером до 3 мм присутствует в формовочной массе обычно в концентрации 1 : 3 (19,2 %) и 1 : 3...1 : 4 (16,7 %), реже – 1 : 4 (13,6 %).

Еще одним непластичным компонентом формовочных масс является песок. Эта примесь зафиксирована только в одном сосуде в концентрации 1 : 2. Зерна имеют размеры от 0,2 до 0,8 мм, но преобладает фракция 0,2–0,3 мм.

Органические компоненты формовочных масс наиболее сложны для идентификации и анализа. Разные признаки присутствия органики были обнару-

Таблица 4. Зависимость между размером дресвы и ее концентрацией

Размер зерен, мм	Концентрация дресвы						Всего сосудов
	1 : 2	1 : 2...1 : 3	1 : 3	1 : 3...1 : 4	1 : 4	1 : 4...1 : 5	
1,1–2,0	1	1	14	22	25	2	65
2,1–3,0	–	1	31	27	22	1	82
3,1–4,0	–	–	7	4	2	–	13
4,1–5,0	–	–	1	–	–	–	1
<i>Всего сосудов</i>	1	2	53	53	49	3	161

жены в подавляющем большинстве образцов (151 из 162). Среди этих признаков следует отметить: а) отпечатки обрывков травянистых растений; б) пустоты от сильно измельченных растительных материалов; в) связанные с жидкой фракцией навоза пленки на поверхностях линзовидных пустот (густые красные блестящие пленки, бесцветные или красноватые прозрачные блестящие, густые темно-коричневые «маслянистые»). Вероятно, с примесью навоза связаны зафиксированные в ряде образцов белые рыхлые кочочки, часто с полостью внутри, размером в некоторых случаях 0,1–0,2 мм, иногда 0,2–0,5 мм, не вскипающие под воздействием соляной кислоты. В части образцов следы органики настолько редкие, что относить их к искусственным добавкам сложно.

По особенностям включений условно можно выделить несколько разновидностей органического раствора, под которым в данном случае подразумевается т.н. выжимка из навоза. Все они содержат единичные или редкие растительные включения размером до нескольких миллиметров, мелкую растительную фракцию (фиксирующуюся обычно в виде пустот от выгоревших включений диаметром ок. 0,1 мм) в большей или меньшей концентрации. Жидкая фракция, напротив, неоднородна. Во фрагментах пяти сосудов она представлена ярко-красными густыми блестящими пленками, хорошо заметными и часто многочисленными. В большинстве образцов (от 130 сосудов) пленки прозрачные, иногда местами красноватые, но почти всегда с пятнами густого темно-коричневого «маслянистого» налета. Эта разновидность представлена двумя вариантами – с многочисленными и редкими пленками (по 65 сосудов), что, вероятно, обусловлено разной концентрацией сходных органических компонентов. В отдельную группу выделяются шесть сосудов. В их фрагментах зафиксированы только единичные крупные следы растительных включений, а мелкой растительной фракции практически нет или очень мало. Пленки отсутствуют, но иногда отмечается неоднородность окрашивания глины, особенно по краям линзовидных пустот. Кроме того, почти все эти образцы содержат в относительно большом количестве светлые рыхлые включения, описанные выше,

размером обычно 0,1–0,2 мм. Пока нельзя сказать, с чем связано такое разнообразие: с различным происхождением исходного органического сырья или с неодинаковой его подготовкой. Можно только фиксировать различия, наблюдаемые при микроскопическом исследовании фрагментов сосудов.

Подводя итоги технологического изучения серии круговых сосудов из гнёздовских курганов в рамках подготовительной стадии гончарного производства, можно сделать следующие выводы.

У гнёздовских гончаров доминировала традиция отбора пластичной (слабозапесоченной – 42 % и среднезапесоченной – 45,7 %) ожелезненной глины. Пластичная неожелезненная глина (5,5 %), и ожелезненная сильно запесоченная (3,1 %) использовались значительно реже.

Самым распространенным рецептом формовочных масс был Г + Д + Ор (86,4 %), причем органический раствор в большинстве образцов представлен одной разновидностью. Формовочные массы без органических компонентов (Г + Д) и с органикой неизвестного происхождения (Г + Д + О?) зафиксированы в небольшом количестве образцов (соответственно 6,8 и 6,2 %). Рецепт с песком в качестве минеральной примеси (Г + П + Ор) представлен только одним образцом. Выявленные сложные рецепты нельзя связывать со смешанным характером традиций их составления, поскольку функции примесей в каждом из них различны, а смешение произошло, вероятно, на более раннем этапе, вне пределов памятника.

Анализ формовочных масс показал заметное преобладание одного рецепта, что может свидетельствовать об относительном единстве традиций на этой ступени гончарного производства, а значит, и об этнокультурном родстве населения Гнёздова. На существование разных групп среди гончаров, владевших сходными навыками составления формовочных масс, указывают особенности глинистого сырья, происходящего из различных источников его добычи.

Смешение традиций наблюдается только на уровне отбора исходного сырья. Наличие в материалах Гнёздова двух сосудов, изготовленных из смеси разных по ожелезненности глин, скорее всего, отражает процесс

приспособления пришлых гончаров к новым источникам сырья, что обычно происходит при переселении на новое место жительства [Там же, с. 67]. Это подтверждается немногочисленностью таких сосудов.

Еще одним признаком переселения гончаров можно считать использование «пластичного сырья одного сорта», но отличного по пиromетрическим свойствам от традиционно применяемого [Там же, с. 71]. Такая ситуация возможна в том случае, если мастер, делавший посуду на новом месте, использовал глинистое сырье, близкое по своим внешним признакам к привычному, но оказавшееся после обжига необычным для него по степени окисленности. Относительно немногочисленные сосуды из неожелезненной глины в материалах Гнёздова могут свидетельствовать о подобных «ошибках», тем более что по степени запесоченности и, следовательно, по своим «рабочим» характеристикам неожелезненные глины здесь близки к окисленным. Такие «ошибки» типичны для гончаров, не знакомых с местными залежами глинистого сырья.

Два сосуда из рассмотренных в настоящей работе заслуживают особого внимания. Первый (курган Л-85, № 14) не только сделан из необычной для местных гончаров глины (глина 5), но и выделяется среди других горшковидных сосудов высокой формой. Однако рецепт его формовочной массы традиционен. Это может указывать на вероятную принадлежность изготовленного его гончара к той же культурной группе, что и население, оставившее Гнёздовский могильник. Другой сосуд (курган Л-153, № 3) изготовлен из неожелезненной слабозапесоченной глины по рецепту Г + П + Ор, зафиксированному только в данном случае. Фактов, указывающих на смешение этой традиции со ставления формовочной массы с доминирующей, нет. По форме сосуд относится к керамике, происхождение которой связывается с районом Среднего Поднепровья [Каменецкая, 1988, с. 261]. Проведенный технологи-

ческий анализ дал еще одно основание для выделения подобной керамики в особую группу, возможно попавшую в Гнёздово в качестве импорта.

Таким образом, изученные материалы позволяют говорить о неоднородности местных гончарных традиций, однако характерно то, что на всех уровнях выделяются преобладающая традиция и более редкие. Это касается и отбора исходного сырья, и его подготовки, и составления формовочных масс. Такая картина может быть связана с относительно неоднородным составом населения, оставившего Гнёздовский могильник. Это проявляется в значительном преобладании гончаров, владевших сходными приспособительными гончарными навыками, наряду с вероятным присутствием мастеров с другими традициями.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Гнёздовский могильник: исследования и публикации. – М., 1999. – Ч. 1: Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). – 160 с. – (Тр. ГИМ; вып. 36).

Каменецкая Е.В. О некоторых типах керамики Гнёздува // СА. – 1988. – № 1. – С. 258–262.

Каменецкая Е.В. Керамика Гнёздова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология: Традиции и перспективы. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – С. 124–134.

Материал поступил в редакцию 13.01.10 г.

УДК 903-034.4

А.-М. Влад¹, Г. Никулеску², И. Вилья³, Г.У. Каспер⁴, К. Кирьяк⁵, Й. Сырге⁶¹*Реставрационно-консервационный центр Национального музеиного комплекса «Молдова», Яссы, Румыния
Restoration-Conservation Centre, National Museum Complex «Moldova», Stefan cel Mare 1, Iasi, Romania**E-mail: amvlad@gmail.com*²*Национальная исследовательская лаборатория культурного наследия, Бухарест, Румыния
Calea Victoriei 12, Bucharest, Romania**E-mail: niculescu.geo@gmail.com*³*Институт геологии Университета Берна, Швейцария
Universität Bern, Institut für Geologie, Baltzerstrasse 3, Bern, 3012, Schweiz**E-mail: igor@geo.unibe.ch*⁴*Кёльнский университет, Германия
Universität Köln, Zuelpicher Str. 49A, Köln, Germany**E-mail: hu.kasper@uni-koeln.de*⁵*Институт археологии, Яссы, Румыния
Institute of Archaeology, Lascăr Catargi 18, Iasi, Romania**E-mail: chiriaccostel@yahoo.com*⁶*Технический университет Г. Асачи, Яссы, Румыния
Gh. Asachi Technical University, Dimitrie Mangeron 73, Iasi, 700050, Romania*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ СВИНЦОВОГО СЫРЬЯ МЕТОДОМ МАСС-СПЕКТРОМЕТРИИ (по археологическим материалам)

Проведен анализ свинца, из которого изготовлены метательные снаряды для пращи преимущественно из случайных сборов в Добрудже (Румыния). Такие снаряды использовались предположительно в македонской и римской армиях. Для определения следовых элементов применяли масс-спектрометрический анализ с индуктивно связанный плазмой, для определения соотношения изотопов – тот же анализ с мультиколлектором. Сопоставление результатов с литературными данными об известных свинцовых копях на территории Балкан и Греции позволяет установить источники свинцового сырья.

Ключевые слова: свинец, метательные снаряды, эпоха Римской империи, Добруджа, масс-спектрометрия.

Введение

В статье излагаются результаты анализа свинца, из которого были сделаны метательные снаряды для пращи, случайно обнаруженные на территории Добруджи (Румыния). Данная территория с I в. до н.э. являлась частью провинции Внутренняя Мёзия Римской империи.

На разных этапах истории Добруджа, расположенная между Дунаем и Черным морем, была ареной столкновения разных цивилизаций. Сюда проникали племена с Востока, эта область попадала в сферу контроля и влияния великих цивилизаций древности –

греческой, македонской и римской. Материальные остатки этих цивилизаций хранят свидетельства бурного исторического прошлого. Определение источников сырья, из которого изготавливались металлические изделия, представляет интерес для реконструкции истории данного стратегически важного района.

Поставленную задачу позволяют решить композиционный и изотопный анализы свинцовых изделий. В настоящее время принято анализировать однотипные артефакты, происхождение которых устанавливается с достаточной вероятностью, и сопоставлять результаты с литературными данными о возможных источниках сырья.

Анализ следовых элементов, хотя и не дает определенных указаний на источник сырья (в ходе выплавки металла из руды и последующей его очистки химический состав может несколько измениться [Tylecote, Ghaznavi, Boydell, 1977, p. 305]), однако он важен для отбора и группировки находок для изотопного анализа. Изотопный анализ свинца – надежный метод, который помогает установить происхождение сырья [Gale, 1989]; он основан на различиях изотопного состава в зависимости от геологического возраста и особенностей условий формирования рудной залежи. Изотопный состав практически постоянен для определенного рудника и не меняется в ходе металлургической обработки или выветривания [Barnes et al., 1978; Pollard, Heron, 1996].

Цель данного исследования – определить географическую принадлежность источника свинцовой руды, использованной при производстве изучаемых метательных снарядов для пращи.

Представление объекта исследования

В статье исследуются свинцовые артефакты, многие из которых были обнаружены случайно в прибрежной зоне Добруджи, вблизи античных греческих городов Истрия, Томис, Каллатитис и Аргамум на побережье Понта Эвксинского (Черного моря). Несколько свинцовых метательных снарядов найдено в районе Северной Добруджи (область Тульчи между Дунаем и Понтом Эвксинским). Находки могут быть отнесены к интервалу между IV в. до н.э. и поздним периодом Римской империи (I–III вв. н.э.). Сегодня эти предметы хранятся в Музее национальной истории и археологии (Румыния, Констанца).

Согласно современным данным, свинцовые метательные снаряды делали во время военных кампаний и даже непосредственно на поле боя путем отливки в двусторчатой глиняной литейной форме, подобной образцам, обнаруженным в г. Фанагории к северу от Понта Эвксинского или в районе греческого г. Олинтос [Völling, 1990]. Свинец, вероятнее всего, доставляли с месторождений в виде слитков. Исследуемые артефакты изготавливались и использовались на территории Добруджи солдатами македонской и римской армий со времен Александра Македонского, о чем свидетельствуют имеющиеся на некоторых образцах (335 г. до н.э.) надписи с его именем, а также полководца Зопириона, руководившего походом против Ольбии к северу от Дуная [Suceveanu, 1993].

Надписям на свинцовых метательных снарядах посвящено несколько исследований [Guarducci, 1987; Tuck, 1999–2001]. Метательные снаряды, относящиеся, вероятно, к эпохе Римской империи, не имеют надписей, они веретенообразной формы, в отличие от изделий яйцевидной формы греческого периода [Völling, 1990].

Таблица 1. Состав следовых элементов в метательных снарядах, мкг/кг

Элемент	Образец						B11
	A2	A3	A4	A5	A6	B9	
Mg	4 281 ± 205	53 461 ± 2 138	8 386 ± 436	10 519 ± 431	306 34 ± 1 531	4 564 ± 273	952 ± 53
Ca	78 998 ± 3 159	749 047 ± 19 475	150 304 ± 5 260	91 779 ± 3 671	8 405 ± 403	82 418 ± 3 708	0
Mn	15 765 ± 1 261	1 529 ± 122	541 ± 43	190 ± 15	297 ± 24	296 ± 22	0
Co	246 ± 21	427 ± 36	26 ± 2	16 ± 1	67 ± 6	0	79 ± 7
Ni	8 981 ± 987	381 ± 39	6 605 ± 726	5 347 ± 588	26 738 ± 2 941	1 087 ± 119	2 127 ± 233
Cu	844 610 ± 42 230	293 381 ± 14 669	271 928 ± 13 243	532 560 ± 23 965	1 179 657 ± 47 186	498 103 ± 19 924	441 491 ± 17 659
Zn	92 585 ± 2 777	89 858 ± 3 594	9 994 ± 419	77 434 ± 317	80 886 ± 3 235	98 857 ± 3 954	81 969 ± 3 278
As	20 277 ± 1 419	446 980 ± 33 532	710 388 ± 51 147	20 144 ± 1 410	166 ± 14	48 875 ± 3 421	373 488 ± 26 144
Ag	155 981 ± 18 717	114 597 ± 13 751	121 925 ± 18 299	77 662 ± 9 872	97 221 ± 11 666	136 386 ± 17 730	61 362 ± 8 590
Sb	209 576 ± 12 574	1 434 699 ± 71 734	160 721 ± 8 036	491 560 ± 2 4578	15 887 ± 794	379 745 ± 17 088	391 011 ± 18 768
Au	747 ± 29	1 232 ± 49	881 ± 35	2 744 ± 109	1940 ± 78	208 ± 8	1 380 ± 55
Tl	9 ± 1	124 ± 5	327 ± 13	147 ± 6	21 ± 2	129 ± 6	131 ± 6
Bi	28 018 ± 1 120	276 898 ± 11 075	3 920 ± 231	178 222 ± 7 128	4 205 ± 189	36 042 ± 1 441	74 175 ± 2 967

Проблема установления источника свинца, использованного для производства метательных снарядов, занимает особое место в историко-археологических исследованиях, особенно при определении географического расположения свинцового месторождения. Решение этой проблемы помогло бы прояснить некоторые вопросы, касающиеся передвижения македонской и римской армий во время военных конфликтов на территории между Дунаем и Черным морем на протяжении нескольких столетий.

Для анализа были взяты 11 образцов: шесть из снарядов, которые по яйцевидной форме и соответствующей надписи отнесены к македонской армии, (группа А) и пять из артефактов вытянутой формы с заостренными концами, датированных римской эпохой, (группа Б).

Химический анализ

Анализ следовых элементов осуществлялся с помощью метода квадрупольной масс-спектрометрии с индуктивно связанный плазмой (ИСП-МС, Perkin Elmer/Scieux Elan 6000). Образцы (70–110 мг) обрабатывались 1 мл концентрированной азотной кислоты (65 %) и нагревались в течение 1 ч. при 60 °C. Полученный раствор был осторожно упарен почти досуха, остаток помещен в 5 мл 2%-го раствора HNO₃ и нагрет в течение нескольких минут при 100–120 °C. Охлажденный раствор поместили в 50-миллилитровую вольюметрическую колбу и довели до необходимого объема 2%-м раствором HNO₃. Полученный раствор был совершенно прозрачным и не содержал никакого осадка.

Для ИСП-МС анализа 0,5–5,0 мл аликвота исследуемого раствора была разбавлена до 10 мл 2%-м рас-

твором HNO₃. Для минимизации эффектов смещения показаний прибора к раствору добавляли внутренний стандарт 10 нг/мл Rh. Конечный фактор разбавления составлял 5 000–14 000 раз в зависимости от концентрации элемента.

Для калибровки использовался многоэлементный стандартный раствор (Merck), разбавленный в соответствии с концентрацией образца. Каждая серия из двух-трех образцов дважды прокалибрована. Все использованные реагенты, в т.ч. вода, были высокой степени чистоты. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Изотопный анализ свинца

Определение источника сырья производилось методом изотопного анализа свинца; он позволяет исследовать мельчайшие образцы и не требует их очистки. При проведении анализов использовался прибор Nu Instruments MK-ИСП-МС (мультиколлекторная масс-спектрометрия с индуктивно связанный плазмой).

В качестве стандартов служили эталонные материалы NIST SRM 981. Получены следующие величины (во всех случаях ошибка составляет 2 σ):

$$^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 16,937 \pm 0,002$$

$$^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 15,493 \pm 0,002$$

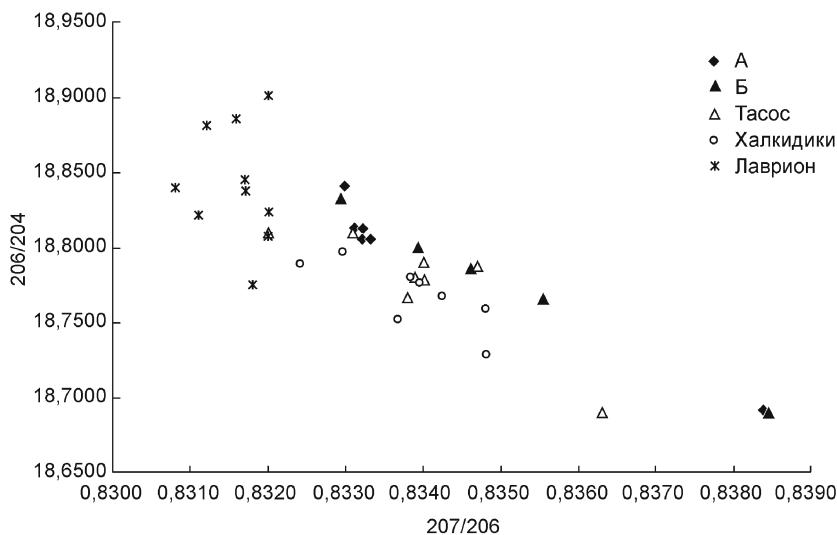
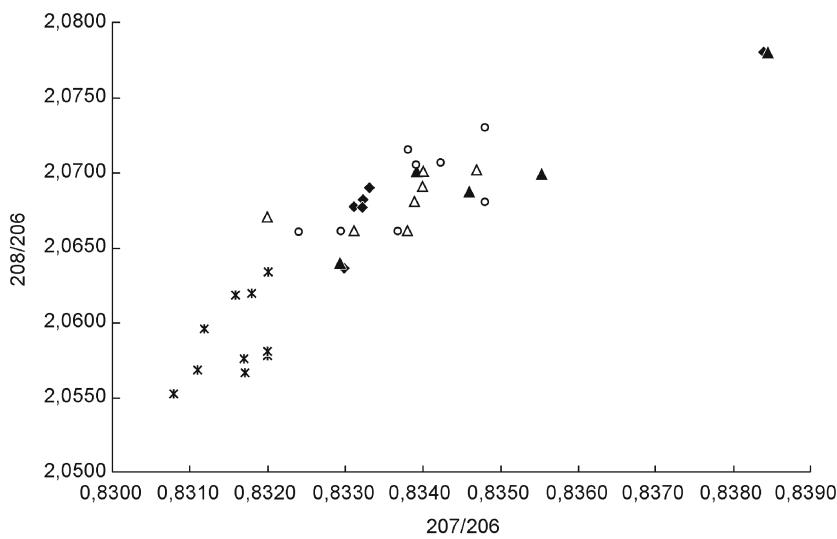
$$^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 36,708 \pm 0,004.$$

Образцы (примерно 1 мг) растворялись в концентрированной HNO₃. Полученные растворы разбавлены до концентрации 100-миллиардных долей.

Результаты изотопного анализа были обработаны методом двумерного дискриминантного анализа (табл. 2, рис. 1, 2). На этих же графиках, с целью

Таблица 2. Соотношение изотопов свинца в метательных снарядах

Образец	Pb 207/206	Pb 206/204	Pb 207/204	Pb 208/204	Pb 208/206
A1	0,83299	18,841	15,694	38,878	2,0635
A2	0,83312	18,813	15,673	38,899	2,0677
A3	0,83334	18,806	15,672	38,910	2,0690
A4	0,83323	18,813	15,675	38,897	2,0676
A5	0,83840	18,692	15,672	38,843	2,0680
A6	0,83321	18,806	15,670	38,895	2,0681
B7	0,83462	18,786	15,680	38,862	2,0686
B8	0,83393	18,800	15,678	38,916	2,0700
B9	0,83846	18,696	15,671	38,836	2,0779
B10	0,83555	18,766	15,680	38,844	2,0698
B11	0,83294	18,832	15,684	38,850	2,0638

Рис. 1. Соотношение $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ vs. $^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$.Рис. 2. Соотношение $^{208}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$ vs. $^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$. Усл. обозн. см. на рис. 1.

определения источников металла, приведены литературные данные свинцовых месторождений на п-ове Халкидики, о-ве Тасос и в районе Лавриона (Греция) [Stos-Gale, Gale, Annetts, 1996]. Полученные нами результаты хорошо совпадают с изотопными величинами месторождений Халкидики и Тасоса.

Результаты и обсуждение

Химический анализ

Среди элементов, обнаруженных в свинцовых изделиях в следовых количествах, наиболее важными являются серебро и висмут, поскольку они, находясь в

металлическом свинце в виде твердого раствора, позволяют характеризовать руду. Другими примесями являются мышьяк, медь и сурьма, причем меди обычно сопутствует никель. Содержание серебра невелико и в среднем составляет 109 мкг/г (незначительно варьируется в образцах). Учитывая, что в те времена использовались в основном среброносные свинцовые руды, полученные результаты можно рассматривать как свидетельства предварительного процесса отделения серебра или использования окиси свинца – побочного продукта процесса купелирования. Это предположение подтверждается и сравнительно низким содержанием в образцах висмута (среднее содержание 94 мкг/г), на что ранее указывал И. Кулевф [Kuleff et al., 2006]. Метательные снаряды характеризуются

также содержанием мышьяка, варьирующимся от 0,1 до 700 мкг/г, и концентрацией меди от 0,02 до 1,2 %. Наши результаты сопоставимы с показателями для свинцовых изделий эллинистического периода с территории античной Тракии (ныне Болгария) [Ibid.].

Мы сравнили полученные данные с результатами исследования якорей из дерева и свинца VI в. до н.э. – II в. н.э., найденных на черноморском побережье Болгарии [Kuleff et al., 1995, p. 64]. После обработки изотопных показателей главный компонент якоря' с учетом вероятного источника свинца были разделены на четыре группы. Результаты сопоставили со сведениями о свинцовых месторождениях, которые в те эпохи разрабатывались в районе Эгейского моря.

По составу примесей свинец из исследованных нами метательных снарядов сходен с таковым из известных месторождений на п-ове Халкидики (по содержанию Ag и Au), о-ве Фасос (по содержанию As, Bi, Cu и Sb) и около Лавриона (по содержанию As и Bi). Однако непостоянство содержания примесей в свинце в пределах месторождений не позволяет однозначно установить источник руды, тем более что содержание различных элементов сильно меняется при обработке.

Изотопный анализ свинца

Анализируя полученные данные, отметим, что на графиках все образцы группируются в одной узкой области (рис. 1, 2). Образцы группы Б по соотношению изотопов свинца совпадают с таковыми группы А. Если предположить, что обе армии закупали припасы непосредственно на месте военных действий, это совпадение вполне ожидаемо.

Внутри узкой области, которую формируют все образцы, можно выделить еще более близкие друг к другу объекты. Так, внутри группы А четыре образца демонстрируют исключительно близкий изотопный состав, что предполагает единый процесс производства. Очевидной проблемой является существенный разброс данных по следовым элементам этих изделий. Даже если бы был один источник руды, при низком уровне технологии производства неизбежны различия свинцовых метательных снарядов по концентрации примесей.

Близкий изотопный состав образцов групп А и Б указывает на то, что все исследованные изделия изготовлены из свинца, произведенного из руды месторождений одного региона. Высокие значения соотношения $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ – признак геологически молодого «альпийского» типа руды, характерного для Балкано-Греческого региона. Образцы вполне соответствуют изотопному составу руды или одного месторождения, или группы шахт, расположенных в одном районе. Оба графика свидетельствуют в

пользу гипотезы о существовании по меньшей мере двух близких источников металла.

Установить эти месторождения довольно сложно, поскольку большинство опубликованных данных относится к залежам, которые разрабатывались еще с бронзового века. Однако, возможно, некоторые из этих копей использовались и в последние века до нашей эры. Следует также подчеркнуть, что до сих пор в Добрудже в ходе археологических изысканий не обнаружены следы обработки руды и залежей, несмотря на многочисленные находки в виде свинцовых изделий.

Опубликованные данные, относящиеся к месторождениям свинцовой руды на Халкидики и Тасосе, соответствуют большинству наших результатов. Таким образом, эти месторождения являются наиболее вероятными источниками руды для изучаемых нами метательных снарядов. Учитывая низкие значения соотношения $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ в образцах A5 и B9, можно предположить, что источником руды для этих изделий было другое месторождение, расположенное вблизи от Родопского региона, геологически более древнего.

Артефакты группы Б могут быть римскими метательными снарядами, изготовленными из руды Халкидики и Тасоса. Не исключено также, что они были получены путем переработки старых свинцовых метательных снарядов. Относительно прямолинейное расположение значений образцов группы Б указывает, по-видимому, на двухкомпонентную смесь, причем данные чистых компонентов предстают в виде двух экстремумов на правой линии, а промежуточные точки представляют собой смеси разных пропорций [Pinarelli, 2004].

Все указанные выше районы находились под влиянием или же были подвластны Македонии и впоследствии Римской империи. Таким образом, простейшая гипотеза заключается в том, что металл для снарядов обеих армий добывался из свинцовой руды непосредственно на месторождениях, а сами метательные снаряды изготавливались, как правило, непосредственно во время военных кампаний; издалека доставлялось лишь оружие, производство которого требовало высокого мастерства (например, мечи или щиты). Тыловое снабжение войск давало возможность делать низко-технологичное оружие прямо на марше. Хотя используемый свинец имел переменный химический состав и много примесей, однородный изотопный состав металла позволяет тем не менее установить его географическое происхождение.

Заключение

ИСП-МС и МК-ИСП-МС-методами установлено происхождение двух групп свинцовых метательных снарядов для прапщей македонской и римской армий,

обнаруженных на территории Добруджи. Наиболее вероятными источниками руды являлись копи Халкидики и Тасоса. Это подразумевает использование и македонской, и римской армиями руды из одних месторождений для выплавки свинца, из которого изготавливались метательные снаряды для пращи во время военных кампаний. Применение изотопного анализа свинца при определении его происхождения позволяет получить важную информацию о торговле металлами и товарообороте в эпоху, когда праща была смертоносным оружием.

Список литературы

- Barnes I.L., Gramlic J.W., Diaz M.G., Brill R.H.** The possible change of the lead isotope ratios in the manufacture of pigments; a fractionation experiment // Archaeological Chemistry II. Advances in Chemistry. – 1978. – Vol. 171. – P. 273–279.
- Gale N.H.** Lead isotope analyses applied to provenance studies: A brief review // Archaeometry, Proceedings of the 25th International Symposium. – Amsterdam, 1989. – P. 469–502.
- Guarducci M.** L'epigrafia greca dalle origini al tardo impero. – Roma: Instituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1987. – 561 p.
- Kuleff I., Djingova R., Alexandrova A., Vakova V., Amov B.** INAA, AAS and lead isotope analysis of ancient lead anchors from the Black Sea // J. Radioan. Nucl. Ch. – 1995. – Vol. CXCVI, N 1. – P. 65–76.
- Kuleff I., Iliev I., Pernicka E., Gregova D.** Chemical and lead isotope compositions of lead artefacts from ancient Thracia (Bulgaria) // J. Cult Herit. – 2006. – Vol. VII. – P. 244–256.
- Pinarelli L.** Lead Isotope Characterization of Copper Ingots from Sardinia (Italy): Inferences on their Origins // Bull. of Geological Society of Greece. – 2004. – Vol. XXXVI. – P. 1173–1180.
- Pollard A.M., Heron C.** Lead isotope geochemistry and the trade in metals // Archaeological Chemistry. – Cambridge: The Royal Society of Chemistry Publication, 1996. – P. 302–336.
- Stos-Gale Z.A., Gale N.H., Annetts N.** Lead isotope data from the Isotrace Laboratory, Oxford: Archaeometry data base 3, ores from the Aegean, part 1, Lead isotope geochemistry and the trade in metals // Archeometry. – 1996. – Vol. 38. – P. 381–390.
- Suceveanu Al.** Alexandru cel Mare. – Bucureşti : Editura Academiei Române, 1993. – 240 p.
- Tuck S.L.** «Ouch!» Inscribed Greek sling projectiles // Missouri Annual of the Museum of Art and Archaeology. – 1999–2001. – Vol. 33/35. – P. 15–31.
- Tylecote R.F., Ghaznavi H.A., Boydell P.J.** Partitioning of trace elements between ores, fluxes, slags and metal during smelting of copper // J. Archaeological Science. – 1977. – Vol. 4. – P. 305–333.
- Völling T.** Fundidores in römischen Heer // Saalsburg Jahrbuch. – 1990. – Vol. 45. – P. 20–58.

Материал поступил в редакцию 04.02.10 г.

УДК 903.222

Ю.Ф. Кирюшин¹, К.Ю. Кирюшин², В.П. Семибраторов³¹*Алтайский государственный университет
ул. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия**E-mail: rector@asu.ru*²*Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири
Института археологии и этнографии СО РАН
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия**E-mail: kirill-kirushin@mail.ru*³*Институт гуманитарных исследований
Алтайского государственного университета
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия**E-mail: niigi@hist.asu.ru*

КЕЛЬТЕМИНАРСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ПОСЕЛЕНИЙ АЛТАЯ*

За пределами Средней Азии кельтеминарские наконечники стрел – очень немногочисленная и редкая категория находок в неолитических комплексах. На Алтае самая значительная на сегодняшний день коллекция таких наконечников происходит с поселений Тыткескень-2 и -6 в бассейне средней Катуни (7 и 1 экз. соответственно). Еще 2 экз. имеются в материалах поселенческих комплексов Юго-Западного Алтая – Перешеечное VI (Гульбище) и Кривое-1. Алтайские кельтеминарские наконечники стрел по технико-типологическим признакам относятся к трем типам: южно-кызылкумскому, хорезмскому и тыткескеньскому. Их появление на Алтае – результат этнокультурных контактов местного населения с носителями кельтеминарской культуры. Вероятно, данная традиция здесь эволюционировала, вследствие чего появились наконечники тыткескеньского типа.

Ключевые слова: археология, неолит, энеолит, поселение, классификация, типология, асимметричный наконечник стрелы на пластине, кельтеминарская культура, конвергентное развитие.

Материалы исследования

В данной работе анализируются условия обнаружения кельтеминарских наконечников стрел на поселениях Алтая и возможности их использования при реконструкции этнокультурных процессов на этой территории в эпоху неолита. Комплекс памятников в устье

р. Тыткескень в настоящее время является наиболее изученным неолитическим объектом в бассейне средней Катуни (рис. 1). С поселений Тыткескень-2 и -6 происходит самая значительная на сегодняшний день на Алтае коллекция кельтеминарских наконечников.

На поселении **Тыткескень-2** слои, содержащие находки, отделены друг от друга прослойками песка золового происхождения. Благодаря этому мы имеем четкую относительную хронологию для восьми культурных горизонтов на временном отрезке от позднего мезолита до энеолита [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 113].

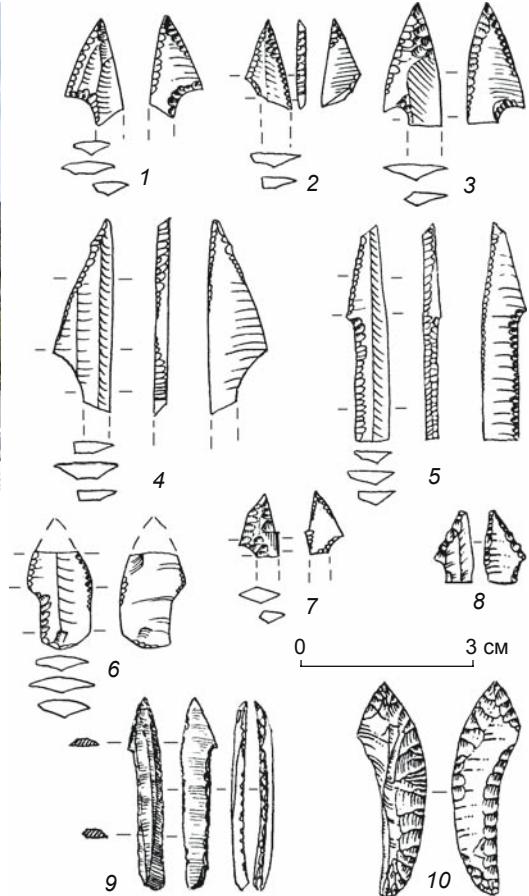
В результате изучения коллекций каменного инвентаря с поселения Тыткескень-2 выделена вырази-

*Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

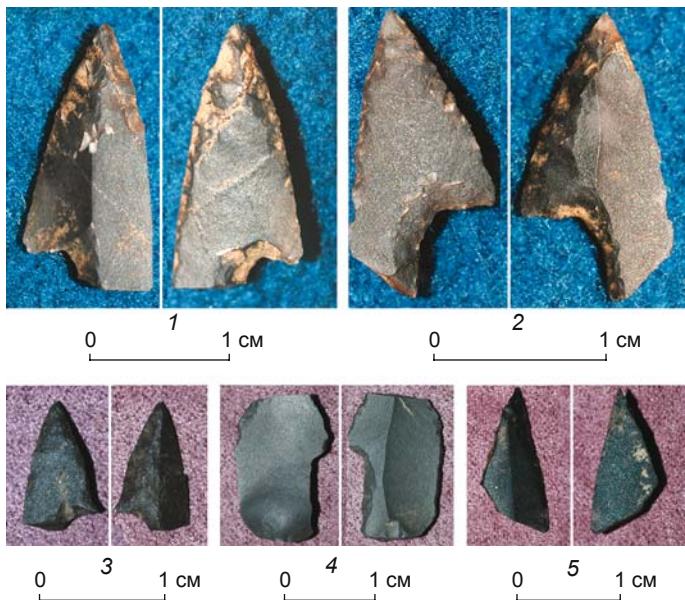

Rис. 1. Общий вид на устье р. Тыткескень.

тельная группа наконечников стрел кельтеминарского типа. В шестом горизонте (ранний неолит) найдены два обломка: пера (рис. 2, 7; 3, 3) и насадка (рис. 2, 6; 3, 4), в пятом (развитый неолит) – один наконечник (рис. 2, 5; 4), в четвертом (финальный неолит) – перо (рис. 2, 4; 5). Три обломка пера (см. рис. 2, 1–3; 3, 1, 2, 5) встречены в заполнении жилища 1 третьего горизонта, относимого нами к большемыссской энеолитической культуре [Там же, стр. 114]. В ходе раскопок этого жилища получен интересный материал, который имеет один недостаток: котлован постройки был врезан в поздненеолитический культурный слой,

Rис. 2. Кельтеминарские наконечники стрел из поселенческих комплексов Алтая.
1–7 – Тыткескень-2; 8 – Кривое-1; 9 – Тыткескень-6;
10 – Перешеечное VI (Гульбище).

Rис. 3. Кельтеминарские наконечники стрел с поселения Тыткескень-2.
1, 2, 5 – заполнение жилища 1 третьего горизонта; 3, 4 – шестой культурный горизонт.

Rис. 4. Кельтеминарский наконечник стрелы из пятого культурного горизонта поселения Тыткескень-2.

Rис. 5. Кельтескиндарский наконечник стрелы из четвертого культурного горизонта поселения Тыткескенъ-2.

в результате чего произошло механическое смешение каменного и керамического инвентаря энеолита и позднего неолита. Поэтому находки можно датировать только в указанном интервале.

Четыре наконечника (см. рис. 2, 1, 3, 4, 6) изготовлены из фрагментов пластин среднего размера (ширина от 7 до 10 мм), три – из мелких (см. рис. 2, 2, 5, 7). Шесть экземпляров выполнены на медиальных фрагментах (см. рис. 2, 1–5, 7), один – на проксимальном (см. рис. 2, 6). Боковая выемка у трех наконечников оформлена дорсальной вертикальной (см. рис. 2, 2, 4), у одного – притупливающей

(см. рис. 2, 6) ретушью, во всех остальных случаях – двусторонней полукруглой по одному краю. У одного экземпляра (см. рис. 2, 6) сторона, противоположная боковой выемке, подработана с дорсала полукруглой ретушью. Угол на стыке острия и боковой выемки в трех случаях (см. рис. 2, 2, 4, 5) тупой, в четырех (см. рис. 2, 1, 3, 6, 7) острый. Острие оформлено альтернативной ретушью (см. рис. 2, 4, 5), дорсальной (см. рис. 2, 2) или двусторонней (см. рис. 2, 3) по двум краям, двусторонней по одному краю при односторонней дорсальной (см. рис. 2, 1, 7) и вентральной (см. рис. 2, 6) по другому. В трех случаях по краю, на котором выполнена выемка, острие подработано дорсальной вертикальной ретушью (см. рис. 2, 2, 4, 5), во всех остальных – плоской, а по противоположному краю – вентральной полукруглой (см. рис. 2, 2), дорсальной плоской (см. рис. 2, 1, 4, 5, 7), двусторонней плоской (см. рис. 2, 3, 6) ретушью.

Поселение **Тыткескенъ-6** открыто в ходе раскопок южной группы курганов одноименного могильника в конце 80-х – начале 90-х гг. ХХ в. В раскопе площадью ок. 200 м² были получены материалы раннего неолита и энеолита, бронзового и раннего железного веков [Кирюшин Ю.Ф., Кунгурев, 1994]. В 2006 г. была вскрыта оставшаяся часть поселения (ок. 1500 м²) (рис. 6) [Кирюшин Ю.Ф., Семибраторов, Кунгурев, Грушин, 2006]. Материалы неолитического слоя представлены обломками неорнаментированных сосудов с высокой горловиной [Кирюшин Ю.Ф., Кунгурев, Семибраторов и др. 2006] и каменной индустрией, которую можно назвать микролитической. Керамика и большинство категорий каменного инвентаря

находят аналогии в коллекциях от раннего до финального неолита с поселения Тыткескенъ-2.

В данной работе мы рассмотрим только один артефакт из неолитического комплекса памятника – наконечник стрелы, выполненный на медиальном фрагменте мелкой пластины (рис. 7). Максимальная ширина в районе «шипа» 6 мм, толщина 2,3, длина 33,4 мм. На дорсальной поверхности хорошо просматриваются негативы от четырех предыдущих снятых пластин. Фрагмент слабопрофилированный, в районе «шипа» имеет трапециевидное сечение. Острие наконечника оформлено мелкой вертикальной ступенчатой модифицирующей дорсальной краевой ретушью, боковая выемка и «шип» – мелкой равногранечной ступенчатой модифицирующей вентральной. На стороне,

Rис. 6. Поселение и курганный могильник Тыткескенъ-6.

противоположной боковой выемке, на вентральной поверхности пластины просматривается эпизодическая краевая мелкая ретушь (см. рис. 2, 9).

В материалах поселенческих комплексов Юго-Западного Алтая имеются еще два кельтеминарских наконечника [Кирюшин, Клюкин, 1985, рис. 8, 26; 11, 26]. Целый экземпляр с поселения **Перешеечное VI (Гульбище)** (см. рис. 2, 10; 8) существенно отличается от тыткескенъских. Наконечник выполнен на пластине, имеет заостренное основание, выемка и округлая противолежащая ей сторона оформлены пологой модифицирующей ретушью.

Обломок кельтеминарского наконечника стрелы с поселения **Кривое-1** (см. рис. 2, 8) сходен с тыткескенъскими. Он также выполнен на пластине, аналогичным способом оформлены острие и асимметричная боковая выемка.

Обсуждение материалов

На современном этапе развития источников базы кельтеминарские наконечники стрел известны в Средней Азии [Коробкова, 1996], Южном [Таймагамбетов, Нохрина, 1998] и Восточном [Коробкова, 1969; 1996] Казахстане, на Южном Урале [Мосин, Григорьев, 2000], в Западной Сибири и на Урале [Матюшин, 1975]. А.П. Окладников в работе, посвященной неолиту и бронзовому веку Прибайкалья, анализировал два погребения хиньского типа (в падях Частые и Хиньская) [1950, с. 157–162], где встречены наконечники стрел на пластинах, у которых ретушью подправлены острие и основание и с одной стороны оформленена выемка [Там же, с. 158, рис. 15; 16]. Эти наконечники (как и предметы «даурской» культуры Забайкалья) он считал наиболее архаичными [Там же, с. 157]. А.П. Окладников не называл их кельтеминарскими, но отмечал, что в «Средней Азии своеобразные варианты таких наконечников обнаружены в памятниках кельтеминарской культуры» [Там же, с. 160]. Далее следует вывод: «...кельтеминарские наконечники являются не только что появившимися на свет формами, а лишь последними отзвуками несравненно более древних эпипалеолитических традиций» [Там же, с. 162].

По мнению Л.Я. Крижевской, кельтеминарские наконечники – «это наиболее древняя форма неолитических наконечников стрел, генетически связанная с близкими по форме наконечниками стрел конца мезолитического времени, широко распространенными

Рис. 7. Кельтеминарский наконечник стрелы из неолитического комплекса поселения Тыткескен-6.

Рис. 8. Кельтеминарский наконечник стрелы с поселения Перешеечное VI (Гульбище).

также на европейской части РСФСР» [1960, с. 272]. Близкая точка зрения изложена в работе А.А. Формозова. По его мнению, «асимметричные наконечники стрел из ножевидных пластин известны еще с позднего палеолита», «нередки они и в мезолите Восточной Европы» [1977, с. 117]. Вместе с тем автор отмечает, что кельтеминарские наконечники отличаются от палеолитических и мезолитических: у последних сравнительно короткий черешок и большая широкая боевая часть, а у кельтеминарских она, как правило, маленькая и составляет 1/4–1/5 от длинного узкого черешка [Там же].

В трудах А.П. Окладникова наблюдается определенная эволюция взглядов на проблему кельтеминарского влияния на неолитические культуры Сибири и Монголии. В более поздней работе он отмечает в каменном инвентаре этих культур некоторые черты сходства с кельтеминарскими комплексами, вместе с тем замечает: «Самое большое, что можно допустить – отражение в каменном инвентаре неолитических памятников Сибири и МНР каких-то слабых влияний и контактов с носителями степных культур кельтеминарского цикла» [Там же, с. 221]. Позже, описывая материалы погр. 1 в пади Частые, А.П. Окладников не говорит о наконечнике стрелы, а пишет о ножевидной пластинке, которая «заканчивается острием, у базы имеется боковая дугообразная выемка, оформленная мелкой кругой ретушью с брюшком» [1974, с. 129]. Аналогичный артефакт из погребения в Хинской пади он также называет остроконечной ножевидной пластинкой с боковой выемкой у базы, оформленной

ленной тонкой уплощающей ретушью [Окладников, 1975, с. 79]. В более поздней работе А.П. Окладникова и И.И. Кириллов, анализируя микролитические комплексы мезолита и раннего неолита Забайкалья, выделяют в отдельную категорию «даурские острия» и отмечают, что в «соседнем Прибайкалье они присутствуют в памятниках хиньского времени, а в исаковско-серовских могильниках встречаются реже [Окладников А.П., 1950, с. 162]» [1980, с. 107]. Ссылка на опубликованные материалы из погребений в падях Частые и Хиньская позволяет сделать вывод, что в итоговой монографии изделия на пластинах из этих погребений отнесены к категории «даурские острия».

В работах 1970–1980-х гг. более пристальное внимание уделялось проблемам датировки комплексов, в которых обнаружены кельтеминарские наконечники, и сохранности культурного слоя памятников. Г.Н. Матюшин отмечал, что материалы кельтеминарской культуры происходят в основном из сборов на песчаных выдувах, где вполне возможно переотложение и смешение разновременных артефактов. Он обращал внимание на то, что наконечники с боковой выемкой найдены на хорошо стратифицированных памятниках позднего палеолита Ближнего Востока и Прикаспия, в комплексах зарзийского типа. По мнению исследователя, на Урале и в Средней Азии они возникли на основе микрорезцов позднемезолитического типа [Матюшин, 1975, с. 150].

Близкая точка зрения изложена в работе А.В. Виноградова [1981]: широкое и затухающее по периферии распространение кельтеминарских наконечников обусловлено не инфильтрациями носителей кельтеминарской культуры и не прямым заимствованием их традиции, а развитием более ранней местной технической традиции, близкой среднеазиатской, или ее заимствованием из близлежащих районов, где таковая сохранилась. Истоки этой традиции, по мнению автора, следует искать в VIII–VI (или VII–VI) тыс. до н.э., а может быть, несколько позже [Там же, с. 164].

В работе А.А. Формозова, где он анализирует две микролитические зоны кремневого инвентаря в азиатской части СССР, опубликованы кельтеминарские наконечники стрел с неолитических и энеолитических памятников Средней Азии, а также один со стоянки Усть-Кяхта в Забайкалье [1959, с. 49–50]. Наконечники с боковой выемкой из Хорезма, Казахстана и Сибири автор относит к кельтеминарскому типу [Там же, с. 49] и считает, что сходство микролитического инвентаря этих зон обусловлено развитием культур в сходных природно-географических условиях [Там же, с. 47]. В.Ф. Зайберт поддержал А.А. Формозова. По его мнению, «лишь с этой точки зрения можно объяснить, например, находки кельтеминарских наконечников стрел в Забайкалье» [Зайберт, 1992, с. 109].

Некоторые исследователи считают, что наличие кельтеминарских наконечников в различных регионах свидетельствует о культурных контактах их обитателей в эпоху неолита с населением Арало-Каспия [Матюшин, 1975, с. 150]. Г.Ф. Коробкова появление этих наконечников на Урале, в Восточном Казахстане и Прибайкалье связывает с влиянием кельтеминарской культуры [1969, с. 169]. В.С. Мосин и С.А. Григорьев, говоря об установлении единого культурного пространства между населением Арало-Каспия и Зауралья в эпоху неолита, отмечают, что наиболее ярким и легко фиксируемым показателем такого единства является факт распространения наконечников кельтеминарского типа [2000, с. 237]. По мнению авторов, внутреннее содержание единого культурного пространства «определяется уже не односторонним влиянием с юга на север, а встречным движением, взаимовлиянием и установлением лингвистической и археологической непрерывности. Информация внутри такого единства распространялась не в результате миграций населения, а передавалась “по цепочке” от одной локальной группы к другой, поэтому полной идентичности в материальной культуре не могло быть» [Там же, с. 238]. В.С. Мосин отмечает, что кельтеминарские наконечники стрел в Зауралье изготовлены из местных пород камня, это исключает прямой импорт из Арало-Каспийского региона и свидетельствует о местной традиции. На Южном Урале они зафиксированы большей частью в смешанных нео-энеолитических слоях, в Среднем Зауралье – в памятниках раннего энеолита и датируются началом III тыс. до н.э. [Мосин, 2005, с. 26–27]. Г.Н. Матюшин, рассматривая проблему связи уральского населения с приуральским, отмечал, что «кельтеминарские наконечники – явление в общем чуждое и не типично для Урала, так как на сотни тысяч всевозможных изделий из камня на всей обширной территории Приуралья, Урала и Западной Сибири насчитывается не более 30 подобных орудий» [1975, с. 150].

В обсуждении вопроса о распространении кельтеминарских наконечников стрел можно обнаружить три основные точки зрения. Появление этих изделий в Средней Азии, на Урале, в Западной Сибири и Забайкалье объясняется:

- 1) конвергентным развитием микролитических культур в сходных природно-географических условиях [Формозов, 1959; Зайберт, 1992];
- 2) контактами (разной степени интенсивности) населения указанных регионов с носителями кельтеминарской культуры [Окладников, 1966; Коробкова, 1969; Мосин, Григорьев, 2000];
- 3) развитием более ранней (мезолитической или эпипалеолитической) традиции на территории Средней Азии, Урала, Сибири и Забайкалья [Матюшин, 1975; Виноградов, 1981].

«Даурские остирия» или кельтеминарские наконечники

В работах большинства исследователей в качестве критерии выделения кельтеминарских наконечников приводятся два признака: характер заготовки (пластина) и асимметричная боковая выемка [Крижевская, 1960, с. 272]. Более подробно типология этих артефактов рассматривается А.В. Виноградовым и Э.Д. Мамедовым. Исследователи выделяют среди кельтеминарских наконечников два варианта: хорезмский и южно-кызылкумский [Виноградов, Мамедов, 1975, с. 40]. Для последнего характерны заостренное основание и округленное очертание боковой стороны, противолежащей выемке, широкое применение ретуши с брюшком при отделке всего наконечника. Авторы отмечают «большее чем обычно применение пологой ретуши, в том числе и ретуши, формирующую щеку выемку» и единичные экземпляры со сплошной двусторонней обработкой всего наконечника или отдельных его частей [Там же, с. 41]. Хорезмский вариант подробно не описывается. Отмечается, что это «пластиначатые одношипные наконечники», «асимметричные», ретушь с брюшком применяется обычно только для обработки пера [Там же, с. 40–41]. В более ранней работе А.В. Виноградов, не называя варианта хорезмским, дает его описание: «...наконечники кельтеминарского типа – пластиначатые одношипные, с асимметричной боковой выемкой» [1968, с. 91]. Автор отмечает, что все они изготовлены по одной схеме: «треугольное острое перо, тщательно оформленное плоской ретушью по брюшку (а иногда и по спинке), и хорошо выраженная выемка с одной стороны, образованная крутой ретушью со спинки (редко с брюшка)» [Там же]. Небольшая часть наконечников имеет ретушь в основании черешка, причем как со спинки, так и с брюшка [Там же]. Рисунки [Виноградов, 1968, рис. 41; Виноградов, Мамедов, 1975, рис. 15, I, 39; 45, 42] не оставляют сомнений, что это наконечники одного и того же типа, который в дальнейшем исследователи назовут хорезмским. Мы считаем, что по способам оформления боковой выемки, основания и остирия их можно подразделить на несколько подтипов.

Выводы ряда исследователей о конвергентном развитии микролитических культур в сходных природно-географических условиях [Формозов, 1959; Зайберт, 1992] во многом основываются на тезисе о нахождении «кельтеминарских наконечников стрел в Забайкалье» [Зайберт, 1992, с. 109]. Ссылки на работу А.П. Окладникова присутствуют в большинстве публикаций, посвященных данной категории артефактов [Крижевская, 1960, с. 272].

Определенная эволюция взглядов прослеживается в трудах А.А. Формозова, который, анализируя проблему распространения кельтеминарских наконечников стрел

на территории Северной Евразии, вновь рассматривал «остирия с боковой выемкой» из Забайкалья и отмечал, что «некоторые из этих предметов достаточно резко отличаются от кельтеминарских наконечников, поскольку у остирий с боковой выемкой короткий черешок и широкая рабочая часть» [1977, с. 123]. По результатам траслогического анализа данные артефакты были определены как микрорезцы и сверла [Там же, с. 123–124].

«Даурские остирия» [Окладников, Кириллов, 1980, с. 66, табл. XXVIII, 2], выделенные А.П. Окладниковым и И.И. Кирилловым в отдельную категорию, морфологически очень похожи на кельтеминарские наконечники, и именно эти артефакты упоминаются в некоторых работах как «кельтеминарские наконечники стрел в Забайкалье» [Зайберт, 1992, с. 109]. С точки зрения типологии кельтеминарские наконечники хорезмского типа и «даурские остирия» относятся к одной категории. Различия обнаруживаются в приемах вторичной обработки (способах оформления) остирия (или жала). У кельтеминарских наконечников оно оформлено краевой крутой дорсальной либо пологой двусторонней ретушью, у «даурских остирий» – покрывающей вентральной плоской (приостряющей).

Процедура классификации и типологии каменных артефактов эпохи неолита строго не унифицирована. Ситуация, когда одни и те же предметы исследователи называют по-разному, не является исключительной. Пример иллюстрации этого тезиса – «острие с заостренным концом» из пещерного святилища Камня Дыроватого [Сериков, 2006, рис. 3, 32]. Данный артефакт является практически полным аналогом кельтеминарского наконечника с поселения Тыткескенъ-6. Ю.Б. Сериков считает, что склоненные остирия и остирия с заостренными концами, обнаруженные в пещере, были конечными вкладышами составных наконечников стрел [Там же, с. 90]. По его мнению, резцы, пластинки с притупленной спинкой и геометрические микролиты использовались для изготовления таких наконечников [Там же].

Кельтеминарские наконечники стрел – очень редкая, своеобразная категория каменных артефактов. Их количество за пределами Средней Азии будет увеличиваться. Возможно, в результате разработки единой терминологии к этой категории артефактов отнесут изделия, которые до сих пор фигурируют под другими названиями (например, конечные вкладыши составных наконечников стрел).

Типология кельтеминарских наконечников Алтая

Большая часть наконечников с поселения Тыткескенъ-2 представлена в обломках, но в коллекции имеется один целый экземпляр (см. рис. 2, 5; 4), один

почти целый (см. рис. 2, 4; 5) и еще у двух (см. рис. 2, 1, 3; 3, 1, 2) все обязательные элементы прослеживаются без сомнений. Относительно трех артефактов (см. рис. 2, 2, 6, 7) можно дискутировать, но, по нашему мнению, у них, как и у предмета с поселения Кривое-1, имеются все необходимые признаки. Еще два целых наконечника с поселения Тыткескень-6 (см. рис. 2, 9; 7) и Перешеечное VI (Гульбище) (см. рис. 2, 10; 8) дополняют выборку.

Имеющаяся в нашем распоряжении коллекция не оставляет сомнений в том, что по морфологическим и технико-типологическим признакам эти артефакты соответствуют выделенным вариантам кельтеминарских наконечников. Общими типологическими признаками являются характер заготовки (пластина) и наличие асимметричной боковой выемки. Наконечник стрелы с поселения Перешеечное VI (Гульбище) (см. рис. 2, 10; 8) можно с уверенностью отнести к южно-кызылкумскому варианту. Определяющими признаками для этого типа являются заостренное основание и округленное очертание боковой стороны, противолежащей выемке; широкое использование ретуши с брюшком при отделке всего наконечника, применение пологой ретуши, в т.ч. формирующей выемку, а также сплошная двусторонняя обработка всего изделия или отдельных его частей.

Наконечник с поселения Тыткескень-6 (см. рис. 2, 9; 7), без сомнения, относится к хорезмскому варианту, важной характеристикой которого, по нашему мнению, является расположение «точки жала» относительно оси пластины [Медведев, 1981, с. 31–32]. При выделении различных типов мы ориентировались на описание наконечников стрел Г.И. Медведевым [Там же, с. 30–32]. У наконечников хорезмского варианта «точка жала» находится на середине пластины (часто совпадает с осью скальвания). При оформлении краев использовалась ретушь либо вертикальная дорсальная модифицирующая, либо двусторонняя по двум краям.

Два наконечника с поселения Тыткескень-2 (см. рис. 2, 4, 5; 4; 5) относятся к иному типу. У них «точка жала» находится на краю пластины. Острое оформлено вертикальной дорсальной модифицирующей ретушью, его кончик и противолежащая грань пластины обработаны плоской центральной ретушью. Исходя из сложившейся практики давать наконечникам стрел на пластине с асимметричной боковой выемкой «географические» названия (южно-кызылкумский тип, хорезмский тип, даурские остряя), мы предлагаем именовать данный тип (с расположением «точки жала» на краю пластины) тыткескеньским.

Обломки наконечников стрел с поселения Тыткескень-2 сложно отнести к одному из двух типов – хорезмскому или тыткескеньскому. С точки зрения технологического анализа, эти варианты имеют общие

моменты (использование вертикальной ретуши при оформлении жала и боковой выемки).

Кельтеминарские наконечники стрел с поселений Алтая по технико-типологическим признакам относятся к трем типам: южно-кызылкумскому, хорезмскому и тыткескеньскому. По нашему мнению, их появление здесь – это результат этнокультурных контактов местного населения с носителями кельтеминарской культуры. Вероятно, данная традиция в Горном Алтае эволюционировала, вследствие чего появились наконечники тыткескеньского типа.

Датировка поселенческих комплексов Алтая с кельтеминарскими наконечниками стрел

Часть исследователей связывают появление кельтеминарских наконечников стрел на огромной территории от Урала до Забайкалья с развитием более ранних мезолитических либо позднепалеолитических традиций [Крижевская, 1960, с. 272; Матюшин, 1975, с. 150; Виноградов, 1981, с. 164; Формозов, 1977, с. 117]. Мы согласны, что в отдельных регионах Евразии в эпоху мезолита или позднего палеолита существовали изделия (резцы, сверла и т.д.), морфологически близкие кельтеминарским наконечникам, но эти артефакты отражают различные технологические традиции и с точки зрения типологического анализа относятся к разным типам или подтипам.

На Алтае ни в позднепалеолитических, ни в мезолитических материалах нет артефактов, морфологически и технико-типологически близких кельтеминарским наконечникам. В настоящее время на средней Катуни выявлены и исследованы 13 культурных горизонтов на девяти стратифицированных памятниках эпохи мезолита (всего более 22 тыс. артефактов) [Семибраторов, 2000, с. 4]. Наконечники стрел, выполненные на отщепах, встречены в 8 из 13 комплексов [Там же, с. 17–19], а наконечники на пластинах отсутствуют.

Наконечники стрел с поселений Юго-Западного Алтая обнаружены в результате сбора подъемного материала в разрушенной части памятников, что делает невозможным применение радиоуглеродного датирования. Поэтому исследователи ограничиваются очень общей датировкой, относя эти артефакты к эпохе неолита.

Для поселения Тыткескень-2 имеется серия радиоуглеродных дат, полученных по костям животных: шестой горизонт – $6\ 860 \pm 90$ л.н. (СОАН-5149), $6\ 620 \pm 95$ (СОАН-5150), $6\ 585 \pm 85$ (СОАН-5151), $6\ 510 \pm 130$ л.н. (ГИН-8455); четвертый – $5\ 360 \pm 90$ (СОАН-5148) и $5\ 430 \pm 140$ (ГИН-8456) л.н. Таким

образом, материалы шестого горизонта датируются концом VI – первой половиной V тыс. до н.э., пятого – второй половиной V тыс. до н.э., четвертого (предварительно) – второй третью IV тыс. до н.э. Жилище 1 третьего горизонта относится к концу IV – началу III тыс. до н.э. Для неолитического горизонта поселения Тыткескень-6, где обнаружен наконечник стрелы кельтеминарского типа, по костям животных получены две радиоуглеродные даты: $6\,200 \pm 210$ (СОАН-6763) и $5\,930 \pm 150$ (СОАН-6765) л.н.

На памятнике Тыткескень-2 фрагменты наконечников, типологически близких к хорезмскому типу, относятся к концу VI – первой половине V тыс. до н.э. Результаты радиоуглеродного датирования неолитического слоя поселения Тыткескень-6 позволяют уверенно говорить о том, что наконечники этого типа появились на территории Алтая-Саянского нагорья на рубеже V-IV тыс. до н.э. Наличие наконечника тыткескенского типа в заполнении жилища четвертого горизонта и трех обломков, типологически близких к хорезмскому и тыткескенскому типам, в заполнении жилища 1 третьего горизонта свидетельствует о продолжении традиции изготовления кельтеминарских наконечников стрел в финальном неолите (вторая треть IV тыс. до н.э.) и в энеолите (конец IV – начало III тыс. до н.э.).

В пятом горизонте поселения Тыткескень-2 вместе с наконечником хорезмского типа (см. рис. 2, 5; 4) найдена своеобразная керамика [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 113] с прорезанным декором, которая резко отличается от более ранней и более поздней на этом памятнике. Композиционное построение орнамента находит некоторые аналогии в материалах джейтунской культуры [Там же].

Датировка кельтеминарских наконечников стрел Алтая в целом согласуется с материалами Южного Урала, где подобные артефакты зафиксированы большей частью в смешанных нео-энеолитических слоях, в Среднем Зауралье они встречены на памятниках раннего энеолита и датируются началом III тыс. до н.э. [Мосин, 2005, с. 26–27]. Выводы ряда исследователей о конвергентном развитии микролитических культур в сходных природно-географических условиях [Формозов, 1959; Зайберт, 1992] во многом основываются на оценке А.П. Окладниковых наконечников из погребений в падях Частые и Хиньская как наиболее архаичных [1950, с. 157]. За прошедшие десятилетия после публикации этих материалов не появились новые свидетельства, подтверждающие данный тезис, в то же время на Урале и Алтае найдены кельтеминарские наконечники.

Трудности решения вопроса о распространении кельтеминарской традиции на территории Северной Евразии связаны с объективными проблемами залегания материалов, сохранности культурного слоя па-

мятников и субъективными причинами – отсутствием радиоуглеродных дат по стратифицированным комплексам. Пока можно констатировать, что широкое и затухающее по периферии (Урал и Алтай) распространение наконечников кельтеминарского типа обусловлено инфильтрациями носителей кельтеминарской культуры и прямым заимствованием их традиции. «Даурские острия» в Забайкалье – это, скорее всего, заимствования из вторичных очагов. Пока такие предположения можно рассматривать только в качестве рабочей гипотезы. Развитие источников базы позволяет вернуться к обсуждению этой проблемы.

Заключение

Кельтеминарские наконечники стрел в составе коллекций каменных артефактов с неолитических поселений Алтая – малочисленная, но очень выразительная категория изделий, позволяющая реконструировать этнокультурные процессы на юге Западной Сибири в эпоху неолита. Появление кельтеминарских наконечников стрел на поселениях Тыткескень-2 и -6, по нашему мнению, связано с миграциями либо инфильтрацией населения Средней Азии или Восточного Казахстана на территорию Горного Алтая. Характер и интенсивность этих контактов пока точно установить невозможно. Еще сложнее реконструировать этнокультурные процессы в эпоху неолита и энеолита на территории Юго-Западного Алтая, но с накоплением материалов можно будет вернуться к этим проблемам. Пока хотелось бы отметить, что обнаружение кельтеминарского наконечника стрелы южно-кызылкумского типа на поселении Перешеечное VI (Гульбиш) – единственный известный нам случай за пределами Средней Азии.

Широкое распространение кельтеминарских наконечников хорезмского типа, видимо, следует считать результатом этнокультурных контактов населения различных территорий Евразии с носителями кельтеминарских культурных традиций. Интерпретировать появление кельтеминарского наконечника южно-кызылкумского типа на Юго-Западном Алтае сложно в силу единичности находки. Мы считаем, что это свидетельство проникновения на Алтай носителей кельтеминарских культурных традиций.

Коллекция кельтеминарских наконечников стрел с поселений Тыткескень-2 и -6 в количественном отношении одна из наиболее представительных за пределами Средней Азии. Процесс камеральной обработки археологических материалов поселения Тыткескень-6 только начинается, и, возможно, будут еще обнаружены аналогичные артефакты. Особая ценность этой коллекции состоит в том, что она происходит из двух памятников, на которых стратиграфические наблюде-

ния дают четкую относительную хронологию, а данные радиоуглеродного анализа – абсолютные даты отдельных комплексов. Благодаря этому мы фиксируем существование кельтеских традиций на длительном историческом отрезке от рубежа VI–V до начала III тыс. до н.э. За пределами Средней Азии это редкий случай, когда мы имеем дело не с единичными находками, а с устойчивой кельтесской традицией, которая в Горном Алтае эволюционировала, в результате чего появились наконечники тытескенского типа.

Список литературы

- Виноградов А.В.** Неолитические памятники Хорезма. – М.: Наука, 1968. – 286 с. – (Материалы Хорезмской экспедиции; вып. 8).
- Виноградов А.В.** Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – 173 с.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д.** Первобытный Лявлякан (этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов). – М.: Наука, 1975. – 286 с. – (Материалы Хорезмской экспедиции; вып. 10).
- Зайберт В.Ф.** Атбасарская культура. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – 222 с.
- Кириюшин К.Ю., Кириюшин Ю.Ф.** Культурно-хронологические комплексы поселения Тытескенъ-2 (итоги работ 1988–1994 гг.) / науч. ред. А.П. Деревянко. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – 335 с.: ил.
- Кириюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А.** Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1985. – С. 73–117.
- Кириюшин Ю.Ф., Кунгурев А.Л.** Многослойное поселение Тытескенъ-6 на Катуни // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 111–124.
- Кириюшин Ю.Ф., Кунгурев А.Л., Семибраторов В.П., Кириюшин К.Ю., Шмидт А.В.** Неолитический комплекс поселения Тытескенъ-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 146–150.
- Кириюшин Ю.Ф., Семибраторов В.П., Кунгурев А.Л., Грушин С.П.** Материалы эпохи бронзы с поселения Тытескенъ-VI на Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 370–373.
- Коробкова Г.Ф.** Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. – М.: Изд-во АН СССР, 1969. – 216 с. – (МИА; № 158).
- Коробкова Г.Ф.** Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. – М.: Наука, 1987. – 320 с.
- Коробкова Г.Ф.** Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 87–126.
- Крижевская Л.Я.** Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на Северо-Востоке Башкирии // МИА. – 1960. – № 79. – С. 239–280.
- Матюшин Г.Н.** О наконечниках кельтеских типа на Урале // Памятники древнейшей истории Евразии. – М.: Наука, 1975. – С. 143–151.
- Медведев Г.И.** К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С. 16–43.
- Мосин В.С.** Мезолит–неолит Южного Зауралья (проблемы культурогенеза): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 56 с.
- Мосин В.С., Григорьев С.А.** Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2000. – Т. 1: Каменный век. Эпоха бронзы. – 532 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 415 с. – (МИА; № 18).
- Окладников А.П.** К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР // МИА. – 1966. – № 126. – С. 213–223.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники средней Ангары (от Щукино до Бурети). – Новосибирск: Наука, 1974. – 320 с.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975. – 320 с.
- Окладников А.П., Кириллов И.И.** Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Семибраторов В.П.** Раннеголоценовые комплексы среднего течения реки Катунь: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2000. – 24 с.
- Сериков Ю.Б.** Микропластинчатый комплекс святилища на Камне Дыроватом // Урал. ист. вестн. – 2006. – № 14: Материалы к II Междунар. Север. археол. конгр.: Спец. вып. – С. 75–92.
- Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И.** Археологические комплексы пещеры Караунгур (Южный Казахстан). – Туркестан: Мирас, 1998. – 186 с.
- Формозов А.А.** Микролитические памятники азиатской части СССР // СА. – 1959. – № 2. – С. 47–59.
- Формозов А.А.** Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. – М.: Наука, 1977. – 141 с.

УДК 903

В.В. Бобров

*Институт экологии человека СО РАН
пр. Ленинградский, 10, Кемерово, 650065, Россия
E-mail: bobrov@kemsu.ru*

КИНЖАЛ С ГОРОДИЩА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА РЕКЕ ЛЮСКУС

В работе дается типологический анализ кинжала с городища поздней бронзы на территории Южной Сибири. Нахodka имеет аналоги среди оружия этого типа из Юго-Восточной Европы (клад Хетин, случайные сборы). Образец из погребения Ковачици-Виногради позволяет отнести кинжалы этого типа к культуре Гава. Высказано предположение, что подобные кинжалы не характерны для Юго-Восточной Европы. Происхождение артефакта связано с культурогенезом эпохи бронзы Причерноморья. Предложена гипотеза о транзитном обмене между населением Европы и Южной Сибири в конце эпохи бронзы.

Ключевые слова: кинжал, городище Люскус, культура Гава, эпоха бронзы, ирменская культура, Западная Сибирь, Юго-Восточная Европа.

В музее археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского государственного университета хранится бронзовый кинжал, найденный в 1982 г. сотрудником кафедры археологии А.М. Коротаевым. По его словам, кинжал залегал на городище Люскус в культурном слое обрушенной стенки раскопа 1978 г. Этот памятник был открыт в 1972 г. на высоком правом берегу р. Томи, в месте впадения в нее р. Люскус. В первой половине 1970-х гг. городище было осмотрено А.В. Циркиным, Г.А. Максименковым, Б.Н. Пяткиным, а в 1976–1978 гг. на укрепленном поселении под руководством автора производились раскопки.

Принадлежность памятника к ирменской культуре не вызывает сомнения: на территории объекта распространена характерная для этой культуры керамическая посуда. Малочисленные находки из культурного слоя относятся к двум более поздним историческим периодам – гунно-сарматской эпохе (кулайская культура) и раннему средневековью (лачиновская культура) [Бобров, 1979]. Среди материалов городища, относящихся к эпохе поздней бронзы, много предметов из цветного металла, что не характерно для поселенческих комплексов ирмен-

ской культуры, впрочем, как и других культур эпохи бронзы лесостепной зоны Западной Сибири. Найденный артефакт несомненно связан с ирменским археологическим комплексом поселения, хотя не типичен для культур развитой и поздней бронзы Сибири и Центральной Азии.

Кинжал был отлит в двусторонней литейной форме из оловянной бронзы и затем тщательно обработан. Длина изделия 21,7 см, клинка – 14,5 см, рукояти – 6,8 см. В сечении рукоять овальная, плавно расширенная в средней части, где имеются узкие поперечные углубления. Навершие рукояти выполнено в виде плоского овала размерами 2,5×1,5 см. В основании клинка – рельефный дугообразный валик, который служит гардой. Под гардой клинок дополнительно отделен от рукояти боковыми выемками. Клинок плоский, немного асимметричный. Вдоль него практически по центру расположена нервюра (рис. 1; 2, I).

Аналогичные кинжалы были найдены на территории Венгрии и Сербии. Из семи европейских кинжалов, относящихся по морфологическим признакам к одному типу, пять близки к находке с поселения Люскус, сходство проявляется даже в асимметрии клинка, которая не обусловлена ни функционально,

Рис. 1. Кинжал с городища Люскус.

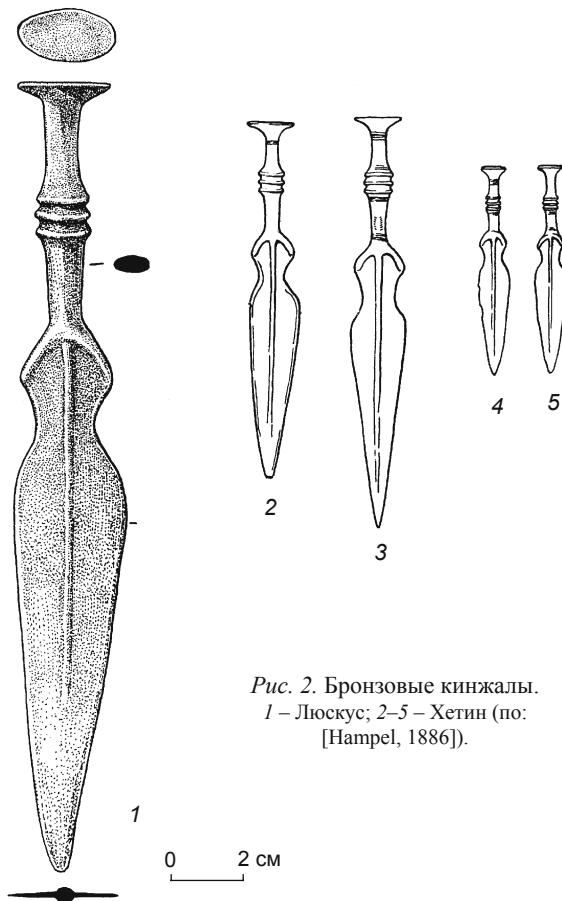

Рис. 2. Бронзовые кинжалы.
1 – Люскус; 2–5 – Хетин (по:
[Hampel, 1886]).

ни технологически. Четыре кинжала этого типа – из клада, обнаруженного у с. Хетин (старое название – Tamasfalva) (рис. 2, 2–5), остальные – из случайных сборов. В конце XIX в. были опубликованы четыре кинжала из клада [Hampel, 1886] и кинжал, найденный в местечке Домбовар в Венгрии [Wosinszky, 1896, Taf. 4]. Через 70 лет венгерская находка вновь была опубликована в научных изданиях, в которых она демонстрировала самостоятельный тип кинжалов эпохи поздней бронзы на территории Юго-Восточной Европы [Patek, 1968, Taf. LXXVIII, 17; Müller-Kargre, 1980, Taf. 385, Д 4]. Интерес к кладу у с. Хетин возник вновь в связи с обнаружением в 1976 г. близкого по типу кинжала в погребальной урне в местечке Ковачици-Виногради (рис. 3) [Буквић, 1994].

За многолетнюю историю археологического изучения эпохи бронзы Юго-Восточной Европы кинжалов указанного типа (назовем его хетинским) найдено немного. Возможно, они не характерны как для территории Венгрии и Сербии, так и Европы в целом. Не типичны такие кинжалы и для культур степной и лесостепной зон Северной и Центральной Азии. Кинжал с городища Люскус среди себе подобных выделяется оформлением рукояти и гарды. Своебразие клинку, несмотря на функционально предопределенную простоту его формы, придают боковые выемки ниже гарды (кинжалы с перехватом у основания клинка). Этот признак прослеживается у кинжалов, распространенных на обширной территории – от Причерноморья до среднего Енисея. На этом пространстве он сохранялся длительное время.

Впервые такие клинки-кинжалы появляются в культурах древнеямной общности. Перехват у них выражен еще слабо. Более отчетливые очертания на кинжалах он приобретает в последующее время на южной

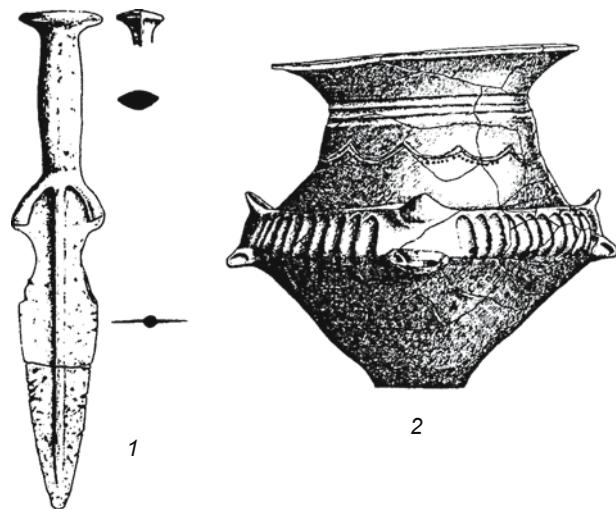

Рис. 3. Кинжал (1) и сосуд (2) из погр. 5 могильника
Ковачици-Виногради (по: [Буквић, 1994]).

территории Восточной Европы, например, в ареале полтавкинской культуры. Не исключено, что клинки с перехватом в лесостепных и степных районах Евразии не утратили актуальности в сейминско-турбинскую эпоху. Они представлены, например, в материалах памятника Шайтанское Озеро II, расположенного в горно-таежном районе Среднего Урала [Сериков, Корочкина, Кузьминых, Стефанов, 2009, рис. 4, 16, 17]. Распространение клинков такого типа на восток по лесостепным и степным районам до среднего Енисея связано с миграцией андроновского (федоровского) населения. Кинжалы с перехватом бытовали, видимо, с середины II тыс. до н.э. до пред斯基фского времени. Они представлены в срубной, поздняковской, абашевской, приказанской археологических культурах [Бадер, Попова, 1987, рис. 65, 11–13; Попова, 1985, с. 121, рис. 2, 8; Прягин, Халиков, 1987, рис. 60, б]. На западе в пределах Причерноморья среди предметов вооружения были кинжалы т.н. киммерийского типа с перехватом в основании клинка. На востоке в лесостепном Приобье и на территории Минусинской впадины в конце эпохи поздней бронзы традиция изготовления таких клинков-кинжалов начинает затухать. Возможно, это связано с распространением более эффективных карасукских кинжалов с цельнометаллической рукоятью [Членова, 1976]. Однако в северных лесостепных районах Западной Сибири, например Красноярской лесостепи, андроновская традиция изготовления клинков-кинжалов сохранялась до раннескифского времени [Максименков, 1961, с. 305; Кулемзин, 1974]. К востоку от Енисея кинжалы с перехватом не зафиксированы в памятниках ни эпохи бронзы, ни более поздних периодов.

Что же касается типологических признаков рукояти, то они не характерны для материалов из ареала клинков с перехватом. Но этот вывод следует дополнить замечанием: поскольку рукояти кинжалов часто делали, скорее всего, из дерева, они не сохранились. Цельнометаллические рукояти кинжалов эпохи поздней бронзы, известные в степной и лесостепной зонах Евразии, морфологически совершенно иные; они отличаются от кинжала с городища Люскус. Исключение составляют кинжалы сабатиновской культуры и сосновомазинского типа. Их рукоять в целом не похожа на рукоять образцов описанной серии из Подунавья, хотя близка по форме навершия и по расширению в средней части. Следует отметить, что Дж. Коледин также указывает на связь кинжалов хетинского типа с сабатиновскими [Koledin, 2001 / 2003, с. 30]. Последние были распространены в ареале сабатиновской культуры, но, вероятно, в большей степени они связаны с территорией Северного и Северо-Западного Причерноморья.

Таким образом, можно предположить, что тип кинжалов, представляющий собой синкетический вариант, сформировался в культуре населения Причерноморья

и Закарпатского региона. В этой связи небезынтересной представляется концепция В.А. Дергачева о юго-восточно-европейском и восточно-европейском факторах в культурогенезе эпохи бронзы и исторических процессах на территории Карпата-Поднестровья [1999, с. 212–218]. Появление своеобразных кинжалов на восточной периферии Западной Сибири можно традиционно объяснить обменом. Однако места обнаружения этих кинжалов удалены друг от друга на несколько тысяч километров. В этой связи следует отметить кинжал сосновомазинского типа из числа сборов на территории Минусинской впадины [Гришин, 1971, с. 46]. Другой кинжал этого же типа был обнаружен в погр. 3 кург. 9 могильника ирменской культуры Танай-7 в Кузнецкой котловине [Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2004, с. 18, рис. 7, 1]. О длительном использовании этого кинжала свидетельствует сильная изношенность клинка. Если кинжалы хетинского и сосновомазинского типов на сибирских просторах явление неслучайное, то можно предположить, что через данную территорию в эпоху поздней бронзы осуществлялся транзитный обмен. Подтверждением этого, вероятно, можно считать распространение роговых псалиев с отверстиями в одной и в разных плоскостях от Юго-Восточной Европы до Забайкалья и Китая. Как считает Н. Бороффка, псалии такого типа были известны до бассейна средней Волги [Boroffka, 1998, S. 109]. Однако они зафиксированы и в более удаленных восточных районах. И если в материалах с памятников на территории Забайкалья и Китая подобные вещи единичны, то в коллекциях с памятников лугавской культуры представлены значительной серией. Появление своеобразных стержневых псалиев в Среднеенисейском регионе приходится на период поздней бронзы, точнее на конец II – начало I тыс. до н.э.

Представленный вариант интерпретации отдельных находок не противоречит концепции Н.Л. Членовой о существовании общности в эпоху поздней бронзы в степном поясе Евразии (от ареала карасукской до ареала гальштатской культуры) [1972]. В основе этой концепции – некоторые общие черты материальной культуры обществ в пределах этого пространства.

В связи с обсуждением кинжала с укрепленного поселения Люскус возникает необходимость вновь обратиться к проблеме датирования развитого этапа ирменской культуры. По мнению большинства исследователей, культура существовала в первой трети I тыс. до н.э.; наиболее убедительно это определение обосновано в работе Н.Л. Членовой [1994]. Л. Буквит относит погребение с кинжалом из Сербского Подунавья к культуре Гава, бытовавшей от периода бронзы Д (Br D) до периода В гальштатской культуры (На В) [Буквић, 1994, с. 39]. Т. Клеменцеи обосновывает точку зрения о принадлежности культуры Гава к

XI–IX вв. до н.э. [1986, с. 130–131]. Нижние хронологические границы культур, ареалы которых разделяют значительное расстояние, явно не совпадают. По мнению большинства специалистов, временем существования ирменской культуры является X–VIII вв. до н.э. По результатам комплексных исследований городища Чича в Барабинской лесостепи ирменская культура датируется в пределах XIV–XI вв. до н.э. [Молодин, 2008; Молодин, Парцингер, 2009]. Современные данные, полученные традиционными археологическими методами, стратиграфические и планиграфические наблюдения, а также крупные серии радиоуглеродных дат позволяют синхронизировать ирменскую культуру с культурой Гава и, вероятно, другими культурами Юго-Восточной и Центральной Европы. Кинжал хетинского типа с укрепленного поселения Люскус и другие материалы, подтверждающие версию о том, что Западная Сибирь была зоной транзитного обмена, органично вписываются в хронологию финальной бронзы, предложенную В.И. Молодиным и Г. Парцингером.

Список литературы

- Бадер О.Н., Попова Т.Б.** Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 131–135. – (Археология СССР).
- Бобров В.В.** Поселение на реке Люскус // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1979. – С. 47–59.
- Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П.** К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. – С. 4–33.
- Гришин Ю.С.** Металлические изделия Сибири эпохи неолита и бронзы // САИ. – 1971. – В3-12. – С. 43–74.
- Дергачёв В.А.** Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы // Stratum plus. – 1999. – № 2. – С. 169–221.
- Клеменцеи Т.** Культура Гава // Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э.– I тысячелетие н.э. – М.: Наука, 1986. – С. 115–138.
- Кулемзин А.М.** Об эволюции тагарских кинжалов // Изв. Лаб. археол. исслед. – Кемерово, 1974. – Вып. 5. – С. 27–36.
- Максименков Г.А.** Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1961. – С. 301–316.
- Молодин В.И.** Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Том. гос. ун-т, 2008. – С. 155–163.
- Молодин В.И., Парцингер Г.** Хронология памятника Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т.3. – С. 51–77.
- Попова Т.Б.** Металлообработка у племен поздняковской культуры // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. – М.: Сов. Россия, 1985. – С. 119–132. – (Тр. ГИМ; вып. 60).
- Прихин А.Д., Халиков А.Х.** Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 124–131. – (Археология СССР).
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.** Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 67–78.
- Членова Н.Л.** Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.
- Членова Н.Л.** Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976. – 104 с.
- Членова Н.Л.** Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пущин. науч. центр РАН, 1994. – 170 с.
- Boroffka N.** Bronzen- und früheisenzeitliche Geweihknotenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. Alte Funde aus dem Museum für Geschichte Aiud. T. II // Eurasia antiquae. – 1998. – Bd. 4. – S. 81–135.
- Буквић Л.** Гава налази у јужном Банату // Културе гвозденог доба југословенског Подунавља. – Београд: б.и., 1994. – С. 39–44.
- Koledin J.** Ostava bronzanih predmeta iz Hetina // Rad museja vojvodine. – 2001/2003. – N 43/45. – С. 29–39.
- Muller-Karpe H.** Handbuch der Vorgeschichte. – München: s.a., 1980. – Bd. IV/3: Bronzezeit. – 602 S.
- Hampel J.** A Bronzkor emlekei Magyarhonban I. – Budapest, 1886.
- Patek E.** Die urnenfelderkultur in Transdanubien. – Budapest: Akademiai kiado, 1968. – 173 S.
- Wosinsky M.** Tolnavarmgye ar oskortol a honfoglalásig (Geschichte des Komitats Tolna von der Urzeit bis zur Landnahmezeit). – s.l., 1896.

Материал поступил в редакцию 10.03.10 г.

УДК 903.2

И.В. Ковтун, А.Г. Марочкин

Институт экологии человека СО РАН
 Ленинградский пр., 10, Кемерово, 650065, Россия
 E-mail: ivkovtun@mail.ru; comcon@yandex.ru

АРЧЕКАССКИЙ КЕЛЬТ И ПРОБЛЕМА СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОЙ ЭПОХИ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ И АЧИНСКО-МАРИИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Статья посвящена проблеме типологической и культурно-хронологической атрибуции сейминско-турбинских бронз, найденных на территории Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи. Дан обобщающий обзор ложнотекстильной керамики, распространившейся в начале II тыс. до н.э. от р. Томи до р. Тобола, и выдвинуто предположение о связи данного культурного комплекса Кузнецкой котловины с сейминско-турбинскими древностями. Аргументирует-ся датировка крохалевских ложнотекстильных керамических материалов финалом III тыс. до н.э. – первой четвертью II тыс. до н.э. Обосновывается мнение о некорректности определения «самусько-сейминская эпоха», как не отвечающего современным научным представлениям.

Ключевые слова: сейминско-турбинская эпоха, кельт, Арчекас, крохалевская культура, ложнотекстильная керамика, Кузнецкая котловина, Ачинско-Мариинская лесостепь.

Введение

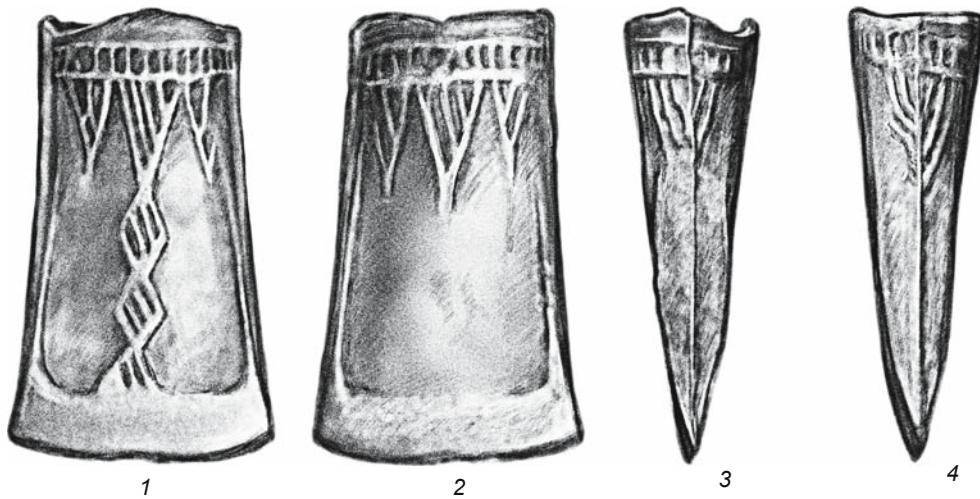
Поводом для данной статьи стал кельт, опубликованный в 1970 г. И.И. Баухником в составе археологических материалов с горы Арчекас в окрестностях г. Мариинска Кемеровской обл. К сожалению, рисунок не передает все детали орнаментации изделия и имеет недостоверные отличия от оригинала [Баухник, 1970, с. 53, рис. 1, 1]. Это обусловило необходимость повторного изучения и публикации данной находки. Сейчас кельт экспонируется в Мариинском краеведческом музее*. Документация, указывающая на точное место и обстоятельства его нахождения, отсутствует. Не проясняет ситуации и первая публикация. Автор приводит карту с тремя обнаруженными им

поселениями (?), но ни с одним из них кельт не ассоциируется. Вся информация об обстоятельствах и месте нахождения изделия сведена к фразе: «Кроме этого, на Арчекасе найдены бронзовый кельт и нож» [Там же, с. 50, рис. 1; с. 53]. Наши поиски достоверного места обнаружения арчекасского кельта продолжаются. Но пока обследование предполагаемых районов локализации открытых И.И. Баухником памятников успехом не увенчалось.

Кельт с горы Арчекас и его параллели

Арчекасский кельт относится к категории сейминско-турбинских топоров-кельтов (рис. 1; 2, 6). В классификационной схеме Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых он включен в конечный типологический разряд К-18 [1989, с. 281], а согласно альтернативному мнению, входит в число карасукских кельтов [Мартынов, 1979, с. 72]. Длина изделия по продольной оси достигает

*Авторы признательны директору Мариинского краеведческого музея Е.Н. Поливановой и главному хранителю Н.Е. Туркиной за предоставленную возможность ознакомления с экспонатом.

Rис. 1. Кельт с горы Арчекас.
1 – «лицевая» сторона; 2 – «оборотная» сторона; 3, 4 – боковые грани.

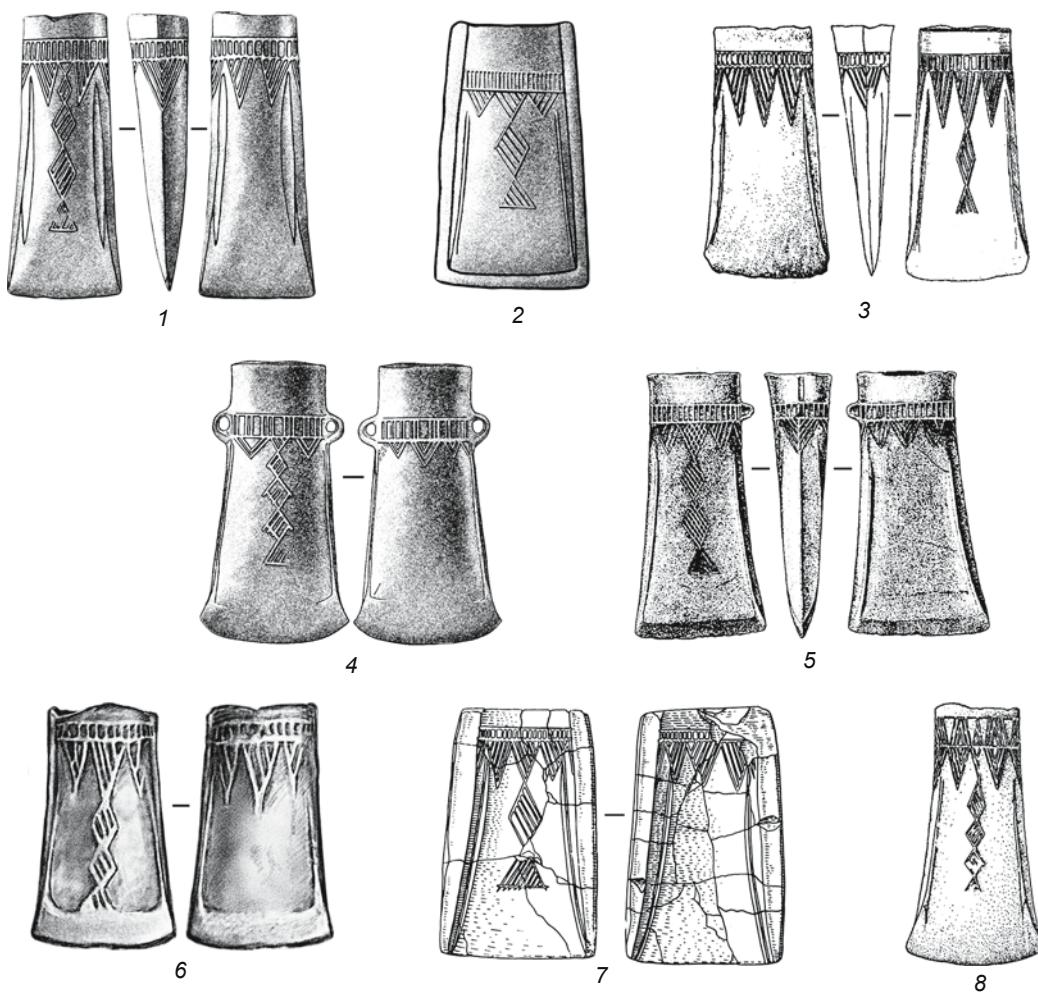

Рис. 2. Орнаментальные параллели арчекасскому кельту.
1 – Соколовка; 2 – Усть-Собакино; 3 – пос. Мундыбаш-1 (р. Кондома); 4 – Николаевка (Алтай); 5 – Шайтанское озеро II;
6 – гора Арчекас; 7 – Сопка II; 8 – устье р. Тарсымы.
1, 2, 7 – по: [Черных, Кузьминых, 1989]; 3, 8 – по: [Бобров, 2000]; 4 – по: [Уманский, 1992]; 5 – по: [Сериков и др., 2008].

9,5 см, максимальная ширина по лезвийной части 6,0 см. Размеры отверстия втулки 4,2×2,4 см, толщина стенок 0,4 см. Высота лезвийной части не превышает 1,5 см. Сохранность изделия удовлетворительная. При этом очевидна истертость орнамента вследствие интенсивного использования орудия. На стенке втулки с одной стороны имеется небольшая трещина. Почти вся поверхность кельта покрыта многочисленными вертикальными полосами и бороздками, являющимися следами от соприкосновения орудия с обрабатываемым материалом, грунтом и т.п. На лезвийной части с обеих сторон имеются горизонтальные фаски, свидетельствующие о заточке орудия (рис. 3). На боковых гранях присутствуют выраженные литейные швы (см. рис. 1, 3, 4).

Установлены отличия орнамента арчекасского кельта от копии И.И. Баухника. Помимо не представленных в его работе, но орнаментированных «оборотной» стороны и боковых граней орудия (см. рис. 1, 2–4), выявлены несоответствия в изображении «лицевой» части кельта. Принципиальным отличием первой копии [Баухник, 1970, с. 53, рис. 1, 1] от оригинала является неверная передача последнего элемента гирлянды из ромбов, оканчивающейся не ромбом, а треугольником (см. рис. 1, 1).

Орнаментальная композиция арчекасского кельта образована сочетанием трех мотивов. Первый – «пояс» из «решетки», охватывающий основание втулки. Второй – бордюр из треугольных элементов, обрамляющих «пояс», в т.ч. и на боковых гранях орудия. Третий – гирлянда из ромбических фигур, начинающаяся и оканчивающаяся треугольными элементами с обюодонаправленными вершинами (см. рис. 1). Орнаментальная схема арчекасского изделия обнаруживает серию параллелей среди типологически аналогичных сейминско-турбинских кельтов. Они найдены в Соколовке (Татарстан), на поселении Усть-Собакино (Красноярск), в с. Николаевка (Алтайский край), на Сопке II (Бараба), на стоянке Шайтанское Озеро II (к северу от Екатеринбурга) и поселении Мундыбаш-1 у р. Кондомы в южной горно-таежной части Кузнецкой котловины (Кемеровская обл.) (см. рис. 2). Кроме того, изделие с принципиально схожей орнаментальной схемой обнаружено в устье р. Тарсымы, притока р. Ини, в северо-западном секторе Кузнецкой котловины (Кемеровская обл.). Единственное отличие – декор «пояса», состоящего не из «решетки», а из зигзагово-треугольных элементов (см. рис. 2, 8).

Сопоставимость орнаментации ряда кельтов ранее уже отмечалась исследователями. В.В. Бобров указывает на сходство мундыбашского орудия с усть-собакинским и с кельтом из с. Николаевка [Уманский, 1992, с. 169, рис. 4; Бобров, 2000, с. 76]. Но симптоматичнее совпадение орнаментальных схем

Рис. 3. Лезвийная часть кельта с горы Арчекас.

кельтов из Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи (Мундыбаш-1, устье р. Тарсымы и гора Арчекас; см. рис. 2, 3, 6, 8). Показательно и то, что из восьми изделий с типологически аналогичной орнаментацией семь обнаружены к востоку от Урала (см. рис. 2, 2–8), причем шесть – на юге Западной Сибири (см. рис. 2, 2–4, 6–8). Следовательно, эта территория является основным ареалом рассматриваемого орнаментального типа сейминско-турбинских кельтов. Небезынтересно, что сама орнаментальная схема имеет сравнительно широкий хронологический диапазон бытования. Один из двух не западно-сибирских кельтов с такой орнаментацией со стоянки Шайтанское Озеро II отличает «ложное» ушко (см. рис. 2, 5), характерное для кельтов кижировского типа, принадлежащих самусьско-кижировской традиции металлообработки [Сериков и др., 2008, с. 340].

Помимо перечисленных кельтов, у д. Драчёнино, на левом берегу р. Ини (Кузнецкая котловина), был случайно найден еще и бронзовый наконечник копья сейминско-турбинского облика [Бобров, 2000, с. 76–77, рис. 1]. Таким образом, четыре бронзовых изделия сейминско-турбинского типа, обнаруженные в Кузнецкой котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи, нуждаются в культурно-исторической интерпретации. С каким из известных культурно-хронологических горизонтов рубежа III–II тыс. до н.э. – первой половины II тыс. до н.э. следует соотносить данные предметы? С какими культурами Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи связано их изготовление и использование? Наконец, были ли данные изделия отлиты на указанных территориях или они импортированы из других (каких?) регионов?

Крохалевские комплексы и сейминско-турбинская эпоха Кузнецкой котловины

Для установления хронологических рубежей искомого культурного горизонта обратимся к результатам радиоуглеродного датирования сейминско-турбинских памятников. Одна из калиброванных дат

получена для Сатыги XVI – 2140–1940 гг. до н.э. (95 % вероятности) [Епимахов и др., 2005, с. 94–97, табл. 3; с. 100, рис. 3]. Материалы Юринского могильника датированы 1950–1860 (40,6 %) и 1850–1770 (27,6 %) гг. до н.э. [Юнгнер, Карпелан, 2005]. Целесообразно также учесть и калиброванные даты синтадиального сейминско-турбинским древностям могильника Елунино I: 1960–1870 (67,5 %) и 1840–1830 (0,7 %) гг. до н.э. [Там же]. По данным радиоуглеродного датирования сейминско-турбинские древности имеют небольшой приоритет перед синташтинскими. Но в целом первые синхронизируют с материалами абашевско-синташтинского круга, датируя эту фазу бронзового века Урала XX–XVIII вв. до н.э. [Епимахов и др., 2005, с. 97–100]. Приведенные данные означают, что хронологические рамки горизонта, с которым следует соотносить кузнецкие и арчекасский кельты, XX (конец XXI)–XIX (XVIII?) вв. до н.э.

Какие культурные сообщества были на территории Кузнецкой котловины и Ачинско-Марийинской лесостепи в данный период? Первая и пока единственная характеристика сейминско-турбинской эпохи в указанных регионах принадлежит В.В. Боброву. Автор называет этот период самусько-сейминским временем и относит к нему четыре основных комплекса: гребенчато-ямочный, самуський, окуневский и третьяковский. Упоминавшиеся кельты сейминско-турбинского типа с р. Тарсымы (Кузнецкая котловина) и с горы Арчекас (Ачинско-Марийинская лесостепь) сначала рассматривались в контексте самусьской культуры [Бобров, 1992, с. 10–11]. Но позднее появилось предположение о связи кельта с поселения Мундыбаш-1 (по орнаменту типологически идентичного арчекасскому; см. рис. 2, 3) с одной из групп керамики крохалевской культуры [Бобров, 2000, с. 78]. В комплексах Кузнецкой котловины исследователем выделены две такие группы [Бобров, 1992, с. 9–10]. Первую составляют сосуды с плоским и круглым дном, сплошными ложнотекстильными отпечатками, орнаментом в зоне венчика из редких ямок или «жемчужника». Именно эта группа, с некоторыми отличиями, аналогична первоначально выделенному Н.В. Полосымақ крохалевскому типу керамики, диагностирующим признаком которого являются отпечатки веревки или растительного волокна с колотушки для выбивки стенок сосуда. Поскольку подобный «орнамент» имитировал текстильный рисунок, он был назван «ложным текстилем» [Полосымақ, 1978, с. 38]. При этом для эпохи бронзы в Западной Сибири известны и иные приемы имитации текстильных отпечатков: штампованием специальным орнаментиром, прокат орудия, рифленного «под текстиль», и др. [Глушков, 1996, с. 68–70]. Вторая группа представлена баночными и горшковидными сосудами с

зональным орнаментом, выполненным ногтевыми вдавлениями, насечками, пунктирной гребенкой и резной техникой. С этой группой В.В. Бобров и соотнес мундыбашский кельт сейминско-турбинского типа [2000, с. 78]. Хронологические рамки культуры определялись по сохранению в орнаментации первой группы крохалевской керамики признаков ирбинской традиции; по стадиальному сходству с памятниками одновского типа первой трети или первой половины II тыс. до н.э.; по параллелям с керамическими комплексами Забайкалья начала II тыс. до н.э. [Бобров, 1992, с. 27]. Кроме того, единичные экземпляры самусьской керамики в крохалевских комплексах позволили предполагать связи и синхронность данных культур [Бобров, 1988, с. 70].

Первой половиной II тыс. до н.э. крохалевские древности датируются Н.В. Полосымақ, разделяющей мнение М.Ф. Косарева об их верхнем хронологическом рубеже не позднее XVII–XVI вв. до н.э. Хронологически значимые наблюдения свидетельствуют о частичном сосуществовании населения, оставившего керамику крохалевского типа, и носителей кротовской культуры [Полосымақ, 1978, с. 45–46]. Аналогичная идея высказывалась и В.И. Молодиным [1985, с. 34]. Авторы монографии об археологических памятниках Тогучинского р-на Новосибирской обл. также относят материалы крохалевской культуры к первой половине II тыс. до н.э. [Бобров и др., 2000, с. 79]. В Барнаульско-Бийском Приобье ложнотекстильная керамика встречена на двух поселениях: Комарово и Костёнкова Избушка. Ю.Ф. Кирюшин отмечает ее стратиграфическое сочетание с елуинской и гребенчато-ямочной керамикой, а появление ложнотекстильной относит к периоду, «когда происходит переход в орнаментации к отступающей гребенке в различных сочетаниях, характерной для елуинской культуры» [2002, с. 33]. Вероятно, о сосуществовании населения, изготавлившего посуду с ложнотекстильным орнаментом, и елуинцев, но уже на сопредельных территориях свидетельствуют наблюдения С.П. Грушшина: «Крохалевские материалы в большинстве случаев сопровождаются елуинской керамикой. Такие памятники “окаймляют” основную территорию распространения елуинских комплексов, очерчивая границу распространения данной культуры» [2003, с. 54]. Время бытования ложнотекстильной керамики определяется Ю.Ф. Кирюшиным концом III тыс. до н.э. или рубежом III–II тыс. до н.э. – первой половиной II тыс. до н.э. [2002, с. 34]. При характеристике васюганских комплексов данная датировка получила эпохальные определения: «Посуда с текстильным орнаментом в Приобье появляется в позднем энеолите и существует в период ранней, а возможно, и развитой бронзы» [Кирюшин, 2004, с. 49]. Ф.И. Меc и Я.А. Яковлев, опираясь на выводы И.Г. Глушкова и

Т.Н. Глушкиной, датируют ложнотекстильную керамику Нарымского Приобья второй третью II тыс. до н.э. [1995, с. 29]. В.А. Зах полагает, что верхняя дата крохалевской культуры в Приобье и Присалайре совпадает с началом андроновской экспансии [1997, с. 26].

Восточная граница ареала ложнотекстильной керамики ограничена Средним Притомьем [Бобров, 1988, с. 70] и правобережьем нижнего течения р. Томи (Долгая-1). К западу от р. Оби такая керамика известна на р. Иртыше и р. Ишиме [Генинг и др., 1970, с. 19–20; Панфилов, 1989, с. 150–156]. Время ее появления на Иртыше А.Н. Панфилов относит к началу II тыс. до н.э. [1989, с. 156]. Еще западнее ложнотекстильная керамика, схожая с крохалевской, обнаружена в лесостепном Притоболье, в поселенческом комплексе Верхней Алабуги [Потёмкина, 1985, с. 160], что, возможно, позволяет «отодвинуть западную границу “текстильной” керамики до Тобола» [Там же, с. 276]. Т.М. Потёмкина относит ложнотекстильный керамический комплекс к первой половине II тыс. до н.э. Но применительно к Верхней Алабуге речь идет о рубеже III–II тыс. до н.э. Автором приводится стратиграфия жилища 4, на дне которого находился развал боборыкинского сосуда, а в верхнем заполнении зафиксированы скопления ложнотекстильной керамики [Там же, с. 277–278]. Т.М. Потёмкина называет данный керамический комплекс одиновско-крохалевским [Там же, с. 161], но эта стратиграфическая ситуация не позволяет нам сделать окончательный вывод о его характере и времени бытования.

И.Г. Глушкин выделял две различные типолого-хронологические группы «текстильной» керамики Обь-Иртышья. Первый тип отличается обработкой поверхности прокатыванием обмотанной шнуром палочки, псевдогребенчатыми оттисками и т.п., датируется концом III – началом II тыс. до н.э. К нему отнесена, например, одна из групп керамики поселения Ботай. Второй тип характеризуется обработкой твердыми штампами и выбивкой «под текстиль» с внутренней и внешней стороны сосуда, называется исследователем псевдотекстильным и датируется второй третью II тыс. до н.э. [Глушкин, 2005, с. 275]. Именно второй тип является предметом настоящей работы. Но поскольку И.Г. Глушкин датировал материалы в рамках традиционной хронологии, не учитывая полученные по ^{14}C калиброванные даты, необходима соответствующая корректировка.

В.И. Молодин не исключает сосуществования крохалевцев с носителями кротовской культуры, а последних с одиновским населением в Центральной Барабе [1985, с. 34]. При этом керамика, схожая с ложнотекстильной, известна именно по одиновским материалам Барабинской лесостепи [Там же, с. 29, рис. 10, 5, 6, 11; с. 30], разделяющей ареал «ложного текстиля» на его западную, Тоболо-Иртышскую,

и восточную, Приобско-Томскую, области. Вероятно, этот факт подтверждает тезис о сосуществовании создателей такой керамики с носителями кротовской культуры, в т.ч. и занимавшими сопредельную территорию Барабы, а также с одиновским населением региона. Связь одиновского комплекса с сейминско-турбинскими древностями, видимо, удостоверяется материалами Преображенки-6 [Молодин и др., 2007, с. 340–344]. В недавней же работе В.И. Молодин и А.В. Нескоров фактически констатировали хронологическую синхронность с сейминско-турбинскими бронзами не только кротовского, но и одиновского населения: «носители одиновской и кротовской культур, обитавшие в период ранней – развитой бронзы в Обь-Иртышской лесостепи, обладали мощной индустрией и самым современным для своей эпохи оружием» [2010, с. 70].

Учитывая тенденцию к удревнению памятников бронзового века, сосуществование создателей ложнотекстильной керамики с доандроновским одиновским и кротовским (ранним?) населением, стратиграфическое сочетание этой керамики с елунинской, калиброванные абсолютные даты сейминско-турбинских и елунинского комплексов, а также факт досамусьского бытования ложнотекстильной крохалевской керамики (подробнее ниже), ее можно датировать в пределах конца III – первой четверти II тыс. до н.э.

В.В. Бобров, характеризуя распространность выделенных им двух групп крохалевской керамики в Кузнецкой котловине, отмечает: «В предгорьях Кузнецкого Алатау обе группы не встречаются в смешанном виде (Кузнецк-1/1 – текстиль (вероятно, подразумевается Кузнецк-1/2. – И.К., А.М.); Мундыбаш, Печергол-2 – насечки)» [1992, с. 9]. Ю.В. Ширин предполагает хронологическую последовательность этих двух групп, что как будто подтверждается стратиграфией многослойного поселения Пашкино-1 на р. Ускат, левом притоке р. Томи, в лесостепной зоне Кузнецкой котловины. Здесь ложнотекстильная керамика залегала выше керамики с пунктирной гребенкой и насечками [Ширин, 2008, с. 10]. Но Ю.В. Ширин не исключает и «возможности сосуществования населения с двумя культурными традициями, опирающимися на разнотипное хозяйство, с разной долей производящего и присваивающего комплексов» [Там же].

На северо-западе Кузнецкой котловины, в Нижнем Притомье непосредственно у Новоромановской писаницы I, нами исследуется многослойный памятник Долгая-1. Здесь получены достоверные данные об относительной хронологии керамических комплексов эпохи бронзы. На стоянке собрана представительная коллекция ложнотекстильной керамики, залегавшей сразу под самусьской и гребенчато-ямочной. В сделанных ранее подъемных сборах

в равной степени представлены сосуды с ложнотекстильным орнаментом и «крохалевская» (?) посуда с насечками и ногтевыми вдавлениями [Марочкин, 2009, с. 90–91].

Предположение о сопряженности «крохалевской» керамики второй группы и кельта сейминско-турбинского облика на поселении Мундыбаш-1 [Бобров, 2000, с. 78] гипотетично. По мнению исследователя памятника, обстоятельства обнаружения орудия не дают бесспорных оснований для его соотнесения с каким-либо культурным комплексом поселения (консультация Ю.В. Ширина). Поэтому достоверных фактов нахождения изделий из бронзы совместно с собственно крохалевской ложнотекстильной керамикой пока нет. Но наличие бронзолитейного производства у крохалевцев подтверждается такими находками, как обломки литейных форм, тигли [Бобров, 1992, с. 9], лячка и другие предметы, связанные с металлургией бронзы. В Крохалёвке-4 обнаружены глиняная шишка для отливки копья и обломок неидентифицированной литейной формы [Молодин, 1977, с. 72]. В крохалевском комплексе поселения Иня-2 существует лячка из сланца [Зах, 1997, с. 25]. На юге Кузнецкой котловины Ю.В. Шириным исследовано поселение Кузнецк-1/2, давшее преимущественно крохалевскую керамику с ложнотекстильным орнаментом. Вместе с ней в слое встречены бронзовый сплеск, обломки тигля и литейных форм, фрагменты конической глиняной шишки для формовки втулки бронзовового изделия. Оформление получаемой втулки (широкий гладкий ободок и несколько массивных валиков), по мнению автора, схоже с таковым у наконечников копий сейминско-турбинского времени [Ширин, 2008, с. 10–11, рис. 6, 2]. В 2010 г. на стоянке Долгая-1 в Нижнем Притомье, на планиграфически обособленном участке локализации преимущественно ложнотекстильной керамики в северной части памятника, были обнаружены три фрагмента створки литейной формы кельта (?).

Стратиграфическая позиция собственно крохалевской ложнотекстильной керамики в Кузнецкой котловине свидетельствует о том, что она предшествует самусьской и гребенчато-ямочной и следует за керамикой, орнаментированной пунктирной гребенкой и насечками, вероятно, какое-то время сосуществуя с ней. Следовательно, время бытования крохалевской ложнотекстильной керамики соответствует переходному периоду от ранней к развитой бронзе. В этот же хронологический отрезок укладывается и сейминско-турбинская эпоха, датируемая XX (концом XXI)–XIX (XVIII?) вв. до н.э. Таким образом, непосредственная сопряженность или параллельное бытование в Кузнецкой котловине ложнотекстильной керамики и сейминско-турбинских древностей вполне допустимы.

Культурно-историческое содержание эпохи: «сейминско-турбинская» или «самусьско-сейминская»?

Проблематична и культурная атрибуция арчекасского кельта. Периодизация культур ранней и предандроновской бронзы в Ачинско-Мариинской лесостепи также представлена В.В. Бобровым [Бобров, 1992, с. 9–12]. Начало эпохи палеометалла здесь связано с керамикой карасевского типа, синхронной ирбинским и большемышским комплексам Верхнего Приобья и байрыкской керамике лесостепной Барабы. За карасевскими следуют памятники с баночкой посудой смирновского типа. Она украшена сплошным отступающе-накольчательным орнаментом, образующим горизонтальные ряды на тулове и концентрические окружности на дне сосудов [Там же, с. 9–12, 27–28]. Как признается автор, «определение хронологии смирновского типа гипотетично. Однако некоторое сходство орнаментальных элементов с крохалевскими, более развитая декоративная схема относительно предшествующих комплексов в Причулымье – позволяют синхронизировать крохалевскую культуру и смирновский тип» [Там же, с. 28]. К «самусьско-сейминскому времени» отнесены памятники с гребенчато-ямочной керамикой, самусьская и окуневская культуры, а также комплексы третьяковского типа [Там же, с. 10–12].

Позднее В.В. Бобров и П.В. Герман уточнили предполагаемую динамику региональных культурных взаимодействий в указанное время: «Вероятно, на территории Ачинско-Мариинской лесостепи в сейминско-турбинскую эпоху существовал локальный вариант самусьской культуры, с населением которой контактировали окуневцы...» [2007, с. 182]. Иначе говоря, исследователи относят самусьские древности Ачинско-Мариинской лесостепи, представленные погребением на оз. Утинка, к сейминско-турбинскому хронологическому горизонту. Истоки подобного подхода связаны с трактовкой культурно-исторического содержания и хронологии периода, охватывающего бытование сейминско-турбинских и самусьских древностей. Сложившееся в 70–80-х гг. XX в. восприятие материалов памятника Самусь IV как органичной части сейминско-турбинского комплекса, а главное, одновременных или хронологически близких ему [Черных, Кузьминых, 1989, с. 144], выражалось славосочетанием «самусьско-сейминская эпоха». Автор определения М.Ф. Косарев понимал под ним высокий уровень металлообработки и своеобразные типы бронзовых изделий, придавших «особый колорит этому историческому периоду» [1981, с. 77]. В.И. Молодин и Д.Г. Савинов описывают каракольскую культуру Горного Алтая, «синхронную по времени самусьско-сейминскому культурно-хронологическому пласту» [1992, с. 34]. Понятия «самусьско-сейминское время»

и «свита культур самусько-сейминского типа» употребляются В.В. Бобровым [1992, с. 10, 28]. С этим периодом связывается бытование в Кузнецко-Салаирской горной области керамики гребенчато-ямочного, самусьского, окуневского и третьяковского типов [Там же, с. 10–12]. Происхождение самусьской, окуневской, кротовской, каракольской и чаахольской культур объясняется миграцией «европеоидного населения из районов Передней Азии на территорию Южной Сибири, последствием которой явилось формирование круга культур самусько-сейминского времени» [Бобров, 1994, с. 54, 56]. Этот термин отражает концептуальную парадигму, сложившуюся в 70–80-х гг. XX в. Отдавая должное выдающемуся вкладу плеяды перечисленных исследователей и прежде всего нашего учителя В.В. Боброва, мы вынуждены констатировать не синхронность, а ранее установленную хронологическую последовательность сейминско-турбинских и самусьских древностей. Выявленные типолого-морфологические различия сейминско-турбинских и самусько-кижировских бронз [Кузьминых, Черных, 1988; Черных, Кузьминых, 1989, с. 144–146], результаты детального анализа керамического комплекса самусьского времени [Глушков, 1987, 1990; Молодин, Глушков, 1989, с. 98–113] позволили обосновать производный постсейминско-турбинский характер самусьской металлургии. Поэтому определение «самусько-сейминская эпоха» перестало соответствовать современным представлениям о культурно-историческом содержании рассматриваемого периода, охватывающего первую половину II тыс. до н.э. Ключевое отличие нашего понимания данного периода – существование не одного, «самусько-сейминского», а двух самостоятельных и различных культурно-хронологических этапов в культурогенезе эпохи бронзы на территории Западной Сибири: сейминско-турбинского и собственно самусьского.

Таким образом, у нас нет оснований синхронизировать арчекасский кельт сейминско-турбинского типа с самусьскими древностями Ачинско-Мариинской лесостепи. Согласно приведенным данным радиоуглеродного датирования сейминско-турбинских материалов, самуський комплекс, включая Утинкинский грунтовый могильник, относится ко времени не ранее, а вероятно, даже позднее XVIII в. до н.э.

Заключение

Исследование памятников эпохи бронзы в Ачинско-Мариинской лесостепи и примыкающих к ней северо-восточных отрогах Кузнецкого Алатау является важнейшей задачей лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН. Археологические

изыскания в этом чрезвычайно интересном районе были прекращены в 1985 г. и возобновлены в 2007 г. Следствием такого перерыва стала неравномерная изученность ряда древних исторических периодов на территории Кемеровской обл. Существование археологических «белых пятен» и исторических «темных веков» обусловлено еще и бытованием переживших свое время научных представлений. Переосмысление имеющихся материалов и исследование новых памятников призвано воссоздать древнюю историю района, являющегося историко-географическим преддверием – восточными «воротами» Кузнецкой котловины.

Список литературы

- Баухник И.И.** Археологические находки с горы Арчекас // Изв. лаборатории археологических исследований. – Кемерово, 1970. – Вып. 2. – С. 49–53.
- Бобров В.В.** Культурная принадлежность и хронология памятников предандроновского времени и поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: ИИФиФ СО АН СССР; Алт. гос. ун-т, 1988. – С. 68–71.
- Бобров В.В.** Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 41 с.
- Бобров В.В.** К проблеме миграции европеоидного населения на территорию Южной Сибири в сейминскую эпоху // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 53–56.
- Бобров В.В.** Бронзовые изделия самусько-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 76–79.
- Бобров В.В., Герман П.В.** Погребение сейминско-турбинского времени в Ачинско-Мариинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 178–183.
- Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И.** Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-производств. центр по сохранению культурного наследия, 2000. – 101 с.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С.** Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 12–51.
- Глушков И.Г.** Иконографические особенности некоторых самусьских изображений человека // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 89–95. – (Первобытное искусство).
- Глушков И.Г.** Технологическая гончарная традиция как индикатор этнокультурных процессов (на примере керамических комплексов доандроновской бронзы) // Древняя ке-

рамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 63–76.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Глушков И.Г. Проблема текстильно-декоративной керамики Обь-Иртышья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1. – С. 275–279.

Грушин С.П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 49–56.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4. – С. 92–102.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.

Киришин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2002. – 294 с.

Киришин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-тажской зоны Западной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. – 295 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Сейминско-турбинская и самусьская металлобработка: проблема соотношения // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: ИИФИФ СО АН СССР; Алт. гос. ун-т, 1988. – С. 71–74.

Марочкин А.Г. О связи петрографических комплексов Нижнего Притомья с близлежащими археологическими памятниками // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск: Апельсин, 2009. – С. 86–91.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.

Мец Ф.И., Яковлев Я.А. Пекол-до-тю – новый памятник энеолита и бронзового века Нарымского Приобья // Тр. Том. гос. объед. ист.-архитект. музея. – Томск, 1995. – Т. 8. – С. 8–40.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 58–71.

Молодин В.И., Савинов Д.Г. Изучение древних культур эпохи бронзы и железа Горного Алтая: Итоги и перспективы // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ООП Управления статистики Республики Горный Алтай, 1992. – С. 34–36.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-б в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 339–344.

Панфилов А.Н. Новый тип памятников раннего бронзового века в южнотаежном Тоболо-Иртышье // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1989. – С. 150–157.

Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалевка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 36–46.

Потёмкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. 1. – С. 341–346.

Уманский А.П. Найдены эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Барнаул гос. пед. ин-т, 1992. – С. 18–27.

Ширин Ю.В. Древние памятники на месте Кузнецка // Кузнецкая старина. – 2008. – Вып. 10. – С. 6–20.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника: прил. к ст. Б.С. Соловьёва «Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.)» // РА. – 2005. – № 4. – С. 112.

УДК 903

Н.В. Федорова

*Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского
ул. Чубынина, 38, Салехард, 629008, Россия
E-mail: mvk-fedorova@mail.ru*

КОСТЯНАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА СО СВЯТИЛИЩА УСТЬ-ПОЛУЙ*

Рассматривается уникальная костяная антропоморфная фигурка из комплекса древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н.э. – первые века новой эры), расположенного в черте г. Салехарда. Дается подробное описание находки и условий ее обнаружения. В широком хронологическом диапазоне (от раннего железного века до этнографической современности) прослеживаются аналоги скульптуры. Определена дата фигурки (примерно конец кулацкой эпохи), отмечается ее использование в ритуалах, предусматривающих «кормление» жиром или кровью.

Ключевые слова: антропоморфное изображение, костяная скульптура, древнее святилище Усть-Полуй, кулацкая эпоха, иконография, гравированные изображения, самодийцы, обские угры, культовая атрибутика, трехголовое изображение, личины, археологический комплекс у пос. Зеленый Яр, Холмогорская коллекция.

Введение

Археологический памятник, получивший название «древнее святилище Усть-Полуй» (официальное название: «городище (жертвенное место) Усть-Полуй»), расположен в черте г. Салехарда. Он был открыт в 1932 г. при строительстве здания гидропорта и раскапывался в 1935–1936 гг. (В.С. Адрианов, Ленинград), 1993–1995 гг. и с 2006 г. по настоящее время (Ямальская археологическая экспедиция, Екатеринбург, Салехард). Коллекции включают более 50 тыс. находок. Основной массив датируется по дендрохронологии и радиокарбону I в. до н.э. – началом нашей эры, небольшой комплекс (в т.ч. керамика т.н. бичевницкого типа) – эпохой раннего средневековья. Коллекции хранятся в МАЭ (Кунсткамера) РАН и Ямало-Ненецком окружном музейно-выставочном комплексе им. И.С. Шемановского. Благодаря публикациям В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской [Чернецов, 1953;

Мошинская, 1965, 1976; Chernetsov, Mozhinskaya, 1974] известны бронзовые отливки в виде антропо- и зооморфных фигур, а также резные изделия из кости с зооморфным декором. До 2009 г. антропоморфная костяная скульптура ни в Усть-Полуе, ни в других памятниках на севере Западной Сибири не встречалась.

Описание условий находки

Памятник расположен на высоком берегу р. Полуй, недалеко от ее впадения в р. Обь, на мысу, образованном двумя небольшими логами, которые рассекают террасу с северо-запада и юго-востока. Раскоп 2009 г. заложен на северном склоне мыса вплотную к раскопу 1995 г., в котором был зафиксирован необычно мощный для этого памятника культурный слой – до 1,5 м. Благодаря близости к уровню многолетней мерзлоты в отложениях, вскрытых в 2009 г., сохранились артефакты из дерева и бересты, ранее не встречавшиеся на памятнике.

Фигурка была обнаружена на уч. К/11 на глубине ок. 80 см от современной поверхности (см. ри-

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (09-06-00286).

Костяная скульптура из культурного слоя святилища Усть-Полуй.

сунок). Стратиграфия напластований на участке на момент находки была следующая: небольшой мощности слой дерна; обильный слой мусора XX в. с кусками кирпичей и битым стеклом; гумусированный слой, образовавшийся в период от окончания функционирования городища до начала строительства на этом месте в 1932 г.; культурный слой темно-серый, с включениями угольков, пережженных костей, древесных остатков, мелких фрагментов обгоревшей бересты, слоящейся керамики; культурный слой буро-коричневого цвета с обильными включениями древесной трухи и фрагментов деревянных изделий и конструкций. Фигурка залегала в темно-сером слое под углом ок. 30–40° к горизонтальной поверхности, лицом вверх, головой на северо-запад. Никаких следов сооружений или как-то организованных комплексов артефактов не зафиксировано. В этом же слое на уч. К/11 найдены еще три уникальных предмета из кости: фигурка рыбы, изображающая кого-то из осетровых, наконечник стрелы в виде двух перекрещивающихся полумесяцев, проколка с изображением головы оленя.

Описание фигурки

Фигурка сидящего (?) человека вырезана из рога (оленя) железным ножом. Ее высота 7,3 см, наибольшая ширина 2,3 см. Изображен мужчина с характерной прической – с косами, в фас, с коленями, поднятыми

чуть выше пояса, и руками, сложенными на уровне живота. Вверху голова уплощена, гладкая, головной убор или край прически нависает валиком над плоскостью лица. Косы начинаются от уровня ушей, свисают до уровня живота, плетение передано вертикальными зигзагообразными вырезанными ножом линиями. Верхняя часть кос отделена от головного убора глубокой резной линией. Лицо плоское, широкое; слегка нависающие брови образуют одну линию с прямым носом. Глаза крупные, миндалевидной формы, переданы глубокими желобками, зрачки не показаны. Под глазами – полукруглые углубления, повторяющие контур глаз. От крыльев носа к скулам вырезаны глубокие линии. Рот плоский, широкий, подбородок также широкий, прямоугольный. С левой стороны между косой и шеей фигурки прорезано круглое отверстие, в котором заметны следы потертости, очевидно, от ремешка. Руки трехпалые, пальцы отделены желобком от остальной части рук. На талии изображен наборный пояс с крупными пластинами прямоугольной формы. Колени сведены, плотно прижаты к животу, голени ног поставлены вместе. Ноги также трехпалые, пальцы отделены желобком. Фигурка при изъятии из слоя была слегка запачкана землей. При очистке ее, по свидетельству реставратора И.А. Карапаровой, замечены следы какой-то жирной и жидкой смазки, которые визуально не фиксировались.

Аналоги

Антропоморфная костяная скульптура в комплексах памятников эпохи железа на севере Западной Сибири не известна. Исключением до сих пор являлась костяная фигурка из случайных находок с Барсовой Горы, изображающая сидящее человекоподобное существо, которое опирается руками на колени. В профиль существование «горбатое», с головой, напоминающей голову совы [Угорское наследие, 1994, с. 129, рис. на с. 75–31]. Фигурка, вероятно, подвешивалась на ремешок, который продергивался между руками и животом. К сожалению, неизвестно, из какого комплекса и каким временем может датироваться эта фигурка. Она, как и усть-полуйская скульптурка, сделана из рога оленя, передает образ в сидячей позе, что не характерно для антропоморфных изображений Западной Сибири; предназначена для ношения на ремешке, который продергивается сквозь отверстие.

За пределами Западной Сибири аналогом усть-полуйской фигурки является костяная антропоморфная

скульптура, обнаруженная в погр. 19 Шиховского могильника на территории Европейского Северо-Востока (нижнее течение р. Печоры) [Васкул, 2002, с. 42, рис. 15]. Погребение относится к раннему комплексу могильника, датированному позднеананынским временем [Там же, с. 16]. Фигура изображает стоящего человека в фас, с прижатыми к груди руками. Лицо овальной формы, брови и нос обрисованы одной линией, конечности трехпалые [Там же, с. 12].

Материал и технология

Изделия из кости и рога северного оленя, в т.ч. украшенные скульптурными (зооморфными) изображениями, встречаются в комплексе Усть-Полуя в достаточно большом количестве. Техника их изготовления была изучена трасологическим методом, выводы проверены экспериментально (см.: [Алексашенко, 2006], описание экспериментов: [Алексашенко, 2008, с. 52]). Выяснено, что все работы производились по размягченной вымачиванием в воде кости или рогу с помощью железного ножа. На многих изделиях видны следы срезания (см., напр.: [Мошинская, 1976, табл. 19]). Костяная скульптура, в частности, плоские ложечки с изображением птиц или млекопитающих, орнаментированы желобками, в которые вписаны выпуклые прямоугольники [Там же, табл. 20], подобные желобки передают пояс на фигурке.

Сюжет и иконография

Имеется в виду не столько сюжет – он не может быть реконструирован на основании изучения антропоморфных изображений, а сам факт их наличия. Костяных изделий эпохи раннего железного века, да и средневековья за пределами Северного Приобья сохранилось ничтожно мало; антропоморфный сюжет (кроме усть-полуйской находки) известен лишь на пластине из рога с изображением фрагмента личины и части фигуры человека с кинжалом в поднятой руке с городища Дубровинский Борок-3 [Троицкая, 1979, с. 26, рис. на с. 105]. Практически это полный аналог знаменитой пластины из меж позвоночного диска кита, найденного В.С. Адриановым на Усть-Полуе [Усть-Полуй..., 2003, с. 65, кат. № 183]. Личина и часть фигуры в обоих случаях изображены достаточно обобщенно, подчеркнуты непропорционально большие «головы». На усть-полуйской пластине руки трактованы в виде головок животных, на голове персонажа – головной убор с зубцами-остриями, глаза и рот изображены в виде прямоугольников с отходящими вверх короткими штрихами, овал лица практически правильный, оружие изображено достаточно реалистично.

Гораздо чаще антропоморфные изображения встречаются в виде бронзовых отливок. К коллекции В.С. Адрианова (раскопки на Усть-Полуе в 1935–1936 гг.) относится антропоморфная фигурка из бронзы: крупная голова на маленьком, изображенном очень условно туловище [Там же, с. 22]. Личина очень напоминает лицо костяной фигурки, обнаруженной на Усть-Полуе в 2009 г.: полукруглые брови, образующие одну линию с носом; большие, обведенные двойным контуром миндалевидные глаза; довольно реалистично изображенный нос, от которого к скулам отходят резкие глубокие линии; рот щелевидной формы. Отливка, несомненно, относится к основному усть-полуйскому комплексу, датированному, по последним данным, временем ок. I в. до н.э. – I в. н.э. [Усть-Полуй – древнее святилище..., 2008, с. 65]. В культурном слое святилища обнаружено несколько круглых бронзовых блях с прочерченными ножом антропоморфными персонажами. Почти у всех большие миндалевидные глаза и характерные линии от носа к скулам [Усть-Полуй..., 2003, с. 18–19]. Практически все антропоморфные, изображенные на гравировках, трехпалые. Аналогичные по иконографии персонажи нарисованы на зеркалах из «разрушенных языческих святилищ» на реках Казым, Ляпин и Сев. Сосьва [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002, с. 7; Чернецов, 1953]. У многих обозначены такие же глубокие линии от носа к скулам и трехпалые конечности (см., напр.: [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002, с. 69]). Правда, там встречаются и вертикальные линии, как бы отсекающие сегмент щеки [Там же, с. 80]. Подобные линии имеются на щеках антропоморфных личин Холмогорской коллекции [Зыков, Федорова, 2001, с. 96–97].

Практически в виде кос появляются у антропоморфных персонажей, отлитых из бронзы, немного позднее – в начале средневековья. Единственное известное изображение личины с косами, датированное авторами публикации кулайским временем, – находка из Айдашинской пещеры [Молодин, Равнушкин, 1978, с. 46; Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 207]. Косвенным подтверждением предположения о существовании причесок в виде кос являются бронзовые накосники, найденные в погребениях могильников Каменный Мыс [Троицкая, 1979, с. 13; Бородовский, 1987, с. 117–118], Ближние Елбаны-7 и Усть-Абинский [Ширин, 2003, с. 181, 236].

Несколько «косатых» фигурок имеется в Холмогорской коллекции, датированной III–IV вв. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 145]. У одной фигурки стоящего антропоморфного существа косы орнаментированы ромбической сеткой и спускаются из-под головного убора до середины груди [Там же, с. 105]. Вторая фигурка стоящего персонажа, фланкированного двумя

животными, также с косами, украшенными ромбической сеткой и спускающимися из-под гладкого головного убора до локтей рук [Там же, с. 102]. Руки у обоих персонажей сложены внизу живота. Трехголовое существо в виде фигуры птицы с распахнутыми крыльями из Холмогорской коллекции имеет две профильные птичьи головы и одну антропоморфную [Там же, с. 104] с косами, спускающимися на грудь и также украшенными ромбической сеткой. В композиции из трех фигур птиц у центральной на груди размещена антропоморфная личина в плоском головном уборе. Косы у нее не фиксируются, но проведены отчетливые углубленные линии от носа к подбородку [Там же, с. 103].

Антропоморфные фигурки с косами встречаются в памятниках, относящихся к периоду до VI–VIII вв. Одна зафиксирована в могильнике Рёлка, несколько – в памятниках усть-ишимской культуры [Чиндина, 1977; Могильников, 1987, с. 330, табл. LXXXII, 3, 4]. Но у фигурок VI–VIII вв. косы, показанные сильно стилизованно, лишь отдаленно напоминают прическу на костяной фигурке с Усть-Полуя. О характерных для средневековых антропоморфных изображений трехпалых конечностях писал В.А. Могильников [1987, с. 226].

Все персонажи, о которых шла речь выше, изображены строго в фас; у фигурок с руками и ногами, за редким исключением, руки сложены внизу живота, ноги поставлены ступнями вовнутрь [Зеленый Яр..., 2005, с. 53, 58]. В «сидячей» позе показаны лишь два фантастических антропоморфных существа [Сокровища Приобья..., 2003, с. 80; Оборин, Чагин, 1988, с. 85], которые держат трех- или четырехпалыми лапами пушных (?) зверьков. Этот сюжет воплощен в отлитых из бронзы пронизках. Фигура из Чердынского р-на Пермской обл., опубликованная В.А. Обориным и Г.Н. Чагиным [1988], передает совершенно фантастический образ человека с птичьей головой. Пронизка из фондов Ямalo-Ненецкого окружного музеино-выставочного комплекса изображает человекоподобное существо с такими важными для рассматриваемого сюжета чертами, как большие миндалевидные глаза с двойным контуром, трехпальни нижние конечности, пояс на талии. Обращает на себя внимание изображение некоего жгута, которым как бы перевязаны колени персонажа, согнутые под острым углом. Данная пронизка обнаружена в погребении могильника Хето-се на юге п-ов Ямал. Вторая пронизка (из того же комплекса), очень похожая на первую, передает образ антропоморфного персонажа, который стоит к зрителю в профиль и, прижимая к себе небольшое животное, ест его (?). Отмечу, что обе фигуры – и животное, и человекоподобное существо – связаны на уровне колен жгутом.

Обсуждение результатов

В последние годы в результате раскопок памятников с т.н. мерзлым культурным слоем стало известно довольно много образцов деревянной антропоморфной скульптуры. Правда, все комплексы с деревянной скульптурой датированы XVI–XVII вв. Тем не менее, эти находки позволяют выстроить цепочку: современная (этнографическая) деревянная скульптура обских угров и самодийцев [Иванов, 1970, с. 40, рис. 28; с. 42, рис. 29; с. 44, рис. 31; с. 50, рис. 37; с. 78–79, рис. 62–64] – находки на вышеупомянутых памятниках и средневековые бронзовые отливки – костяная скульптура Усть-Полуя. Иными словами, антропоморфные изображения с эпохи раннего железа до этнографической современности были характерной чертой культовой атрибутики населения Нижнего Приобья. У них есть общие черты в иконографии, например, шлемообразные головные уборы, но самая заметная – изображение непропорционально большой головы. Современными северными хантами средневековые бронзовые личины воспринимаются как элементы «своей» культуры, например, используются в качестве «лиц» духов-покровителей [Бауло, 2005, с. 347].

Автору неоднократно приходилось писать об устоявшейся иконографии антропоморфных бронзовых изображений с воинскими реалиями [Федорова, 2002, с. 67]. Теперь уверенно можно говорить о формировании этого иконографического типа на территории Нижнего Приобья начиная с усть-полуйского времени. Личины и фигуры из Сургутского Приобья лишь напоминают человеческие, притом часто имеют в качестве декора зооморфные мотивы [Борзунов, Чемякин, 2006, с. 106–107]. Известные мурлинские и парабельские изображения относятся к несколько более позднему времени.

Информация о месте и обстоятельствах обнаружения усть-полуйской фигурки скучна. Известно, что большинство известных средневековых бронзовых антропоморфных изображений найдено либо в погребальных комплексах, либо в комплексах, которые можно связать с захоронениями посмертных изображений умерших [Зыков, Федорова, 2001, с. 60–62]. В этой связи интересно, что бронзовые антропоморфные персонажи изображены в той же позе, что погребенные, например, на некрополе у пос. Зеленый Яр [Зеленый Яр..., 2005, с. 69]. На этом же некрополе нами обнаружены останки умерших, которые при погребении были связаны ремешками на уровне плеч, груди, коленей, ступней [Там же]. Следы такой перевязки на уровне колен видны на пронизках в виде антропоморфных существ из могильника Хето-се.

Выводы

Мастерство древнего костореза, воплощенное в усть-полуйской фигурке, позволяет предположить, что подобные скульптуры не были единичными, но по разным причинам не дошли до нас.

Фигурка может быть датирована началом новой эры, вернее, самым концом кулайской эпохи. Такому определению соответствует изображение причесок в виде кос, которая получила распространение с III–IV вв. н.э. Этому выводу не противоречат радиоуглеродные даты для Усть-Полуя: I в. до н.э. – первые века новой эры [Усть-Полуй – древнее святилище..., 2008, с. 65].

О назначении фигурки по имеющимся данным судить сложно, но очевидно, что ее подвешивали на ремешке и, по-видимому, «кормили» жиром или кровью. Вполне вероятно ее использовали в каких-то ритуалах, сопровождающихся «кормлением» изображений духов и аналогичных действиям на современных святилищах обских угров [Мифологическое время..., 2003, с. 94]. Могла ли фигурка использоваться в обрядах почитания умерших, как раннесредневековые бронзовые отливки, – это вопрос, на который пока нет однозначного ответа.

Список литературы

Алексашенко Н.А. Усть-Полуй: техника художественной резьбы по кости // Урал. ист. вестн. – 2006. – Вып. 14. – С. 105–115.

Алексашенко Н.А. Отчет о работе экспериментально-трасологоческой группы на древнем святилище Усть-Полуй в 2007 г. // Научн. вестн. Ямало-Ненец. авт. окр. – 2008. – Вып. № 9. – С. 52–54.

Бауло А.В. Культовая атрибутика коренного населения р. Полуй // Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во УрО РАН, 2005. – С. 347–361.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароит, 2006. – С. 68–108.

Бородовский А.П. Интерпретация обойм-накосников и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) // Скифо-Сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 117–121.

Васкул И.О. Шиховский могильник раннего железного века (первые результаты исследований) // Науч. докл. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ, 2002. – Вып. 451. – 48 с.

Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Н.А. Алексашенко, А.В. Бауло, А.Г. Брусицына, М.Н. Литвиненко, П.А. Ко-синцев, Е.В. Перевалова, Д.И. Ражев, Н.В. Федорова / под

ред. Н.В. Федоровой. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во УрО РАН, 2005. – 368 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 175 с.

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 341 с.

Мифологическое время: альбом-каталог. – М.: Эпифания, 2003. – 215 с.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163–262. – (Археология СССР).

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.

Молодин В.И., Равнушкин В.Н. Новые находки кулайского облика из Айдашинской пещеры // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 43–50.

Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири. – М.: Наука, 1965. – 88 с. – (САИ; [вып.] Д3-8).

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 130 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 183 с.

Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в бесконечность. Бронзовые зеркала раннего железного века. – Ханты-Мансийск: [б.и.], 2002. – 88 с.

Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья: каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003. – 96 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 123 с.

Угорское наследие / А.П. Зыков, С.Ф. Кокшаров, Л.М. Терехова, Н.В. Федорова. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.

Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге // Научн. вестн. Ямало-Ненец. авт. окр. – 2008. – Вып. 61. – 89 с.

Усть-Полуй: I век до н.э.: каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003. – 76 с.

Федорова Н.В. Западно-сибирское средневековье в зеркале художественного металла // Северный археологический конгресс: доклады. – Екатеринбург, 2002. – С. 63–71.

Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // МИА. – 1953. – № 35. – С. 221–241.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на средней Оби. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. – 192 с.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (Погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – 287 с.

Chernetsov V.N., Mozhinskaya V.I. The Prehistory of Western Siberia / translated by H.N. Michael. – L.; Montreal: Arctic Institute of North America: McGheal-Queens University Press, 1974. – 256 с.

УДК 903.7(571.1)

Л.В. Панкратова

Томский государственный педагогический университет
ул. Киевская, 60, Томск, 634061, Россия
E-mail: tspu_kae@mail.ru

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ В БРОНЗЕ ОБРАЗЫ САРОВСКОГО КУЛЬТОВОГО КОМПЛЕКСА: РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕМАНТИКИ*

В статье реконструируются семантика образов металлопластики с культового места и обряды, совершившиеся куляйцами II–I вв. до н.э. на Саровском комплексе археологических памятников. Одновременное преднамеренное захоронение предметов на культовом месте позволяет рассматривать эту коллекцию бронз как текст и сопоставлять его с мифологическими и фольклорными текстами селькупов, предками которых, как показывают исследования томских археологов, по-видимому, являлись куляйцы. Аналогичные саровским образам персонажи в селькупской мифологии системно и непротиворечиво объединены фигурой небесного божества Кока. Вероятно, культовый комплекс был местом поклонения древнему прототипу селькупского бога, обряды почитания которого были приурочены к празднованию Нового года. Видимо, составной частью ритуальной практики являлись обряды заключения брака между представителями разных родов.

Ключевые слова: Западная Сибирь, ранний железный век, куляйская культура, бронзовое культовое литье (металлопластика), культовое место, семиотика, семантика, мировоззрение, реконструкции.

Введение

Комплекс археологических памятников Саровское городище и Саровское культовое место находится в восточной части д. Саровки Колпашевского р-на Томской обл., на правой террасе в приусьевой части р. Большой Саровки – правого притока р. Оби. Городище расположено на мысу, культовое место – в 180–190 м к северу за оборонительной системой, на возвышенности, граничащей с болотом. Городище исследовалось в 1971–1974, 1976 гг. Л.А. Чиндиной, раскопавшей 350 м² площади памятника. Раскопки на культовом месте в 1996 г. провел Я.А. Яковлев, вскрыв 800 м². Установлено, что городище относится к саровскому (второму) этапу эволюции куляйской культуры, возведено на месте, освоенном людьми в эпоху ранней бронзы и васюганского (первого) этапа развития куль-

туры. Культовое место существовало в начальный период функционирования городища во II–I вв. до н.э. [Чиндина, 1978; Яковлев, 2001].

Саровское культовое место обнаружено в результате распашки жителями д. Саровки площади древнего памятника под огороды. Первое бронзовое изделие, по сообщениям местных жителей, было найдено еще в середине 1970-х гг., но в руки археологов не попало. Расширение площади огородов в начале 1990-х гг. привело к окончательному разрушению культового места. В результате сельскохозяйственных работ предметы переместились в пахотный слой, часть из них была найдена хозяевами огородов и передана в Колпашевский краеведческий музей, после чего Я.А. Яковлев предпринял аварийно-спасательные раскопки [Яковлев, 2001]. Всего на культовом месте обнаружено 69 предметов: 2 из них найдены местными жителями, но впоследствии утрачены; 2 – переданы в Колпашевский краеведческий музей; 65 находок поступило в Томский областной краеведческий музей. В ходе стационарного иссле-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00103а.

дования памятника выявлены два объекта, содержащие кулайское культовое литье. На культовом месте найдены 62 бронзовых изображения, выполненные в технике плоского и объемного полого литья, 3 бронзовых и 2 костяных наконечника стрел [Там же, с. 18, 25–30, 158]. Синтаксический анализ образов металло-пластики с культового места дан в монографии Я.А. Яковлева [2001]. Таким образом, культурный слой, характеристика объектов, а также состав находок свидетельствуют о культовом характере памятника.

Не вызывает сомнения, что Саровское городище использовалось не только как укрепленное поселение, но и как сакральный центр. На эту функцию памятника указывают массовые скопления керамики и костей животных в мощных очагах жилищ; видовой состав животных; инвентарь, представленный значительным количеством оружия, ложками-лопаточками, гребнями, традиционно использовавшимися коренными народами Западной Сибири как ритуальные предметы. Погребение подростка в постройке 6 и женский череп в постройке 7 также указывают на культовое назначение объектов городища [Чиндина, 1978, с. 64–68]. Культовый характер и синхронность существования (по крайней мере, на начальном этапе функционирования городища) памятников позволяют рассматривать их как единый комплекс.

Постановка проблемы и методика исследования

Целью работы является реконструкция семантики образов металло-пластики с культового места и обрядов, совершившихся на Саровском комплексе археологических памятников. В обрядовой практике язык вещей использовался для «выражения тех идей, понятий, ценностей, которые не могли быть выражены столь же адекватно на других языках, в том числе и с помощью слов» [Байбурин, 1989, с. 83]. Поэтому расшифровка символического значения задействованных в обрядах вещей является одним из путей к пониманию смысла и цели священнодействия.

Металло-пластика кулайцев – явление древнего традиционного искусства и вместе с тем искусство каноническое. Особенность текстов последнего заключается в автоматизации, фиксированности области содержания при отсутствии ее в области выражения [Лотман, 1973, с. 17]. Это означает, что язык таких произведений может передавать только определенное содержание. А поскольку каноническое искусство обусловлено бытованием в той или иной культуре (при отсутствии письменности) относительно небольшой, целостной и более или менее известной всем информации, стабильность этого содержания зависела от размеров коллектива и его однородности [Антоно-

ва, 1981, с. 6–7]. Иначе говоря, коллектив, совершивший обрядовые действия на Саровском комплексе археологических памятников, был консолидированным объединением, имевшим общую систему представлений о мире, прежде всего мифологических.

В первобытном обществе мифологическое восприятие являлось универсальным средством структурирования мироздания. Обращение к одним и тем же моделям при осмысливании различных сторон реальности было продиктовано однообразной и ограниченной общественной практикой. Моделируемые части мироздания изоморфны друг другу и образуют «семантические ряды», где в качестве одного из равноправных выступает мир вещей. Поскольку структурирование мира базировалось на мифе, рассмотрение мира вещей в неразрывной связи с мифом оказывается методически обоснованным [Антонова, Раевский, 2002, с. 14]. Понять значение первобытного канонического и синкретического искусства можно, «только соотнеся его произведения с мифами, ритуалами» [Антонова, 1981, с. 7]. Это, в свою очередь, означает, что значительную роль в реконструкции семантики изобразительных образов древних культур играют данные этнографии, фольклора, лингвистики.

Основные этногенетические процессы, в результате которых сформировались современные западно-сибирские этносы, приходятся на эпоху раннего железа [Чернецов, 1971; Чиндина, 1984, 1991; История..., 1995]. Особенностью культурно-исторического развития Среднеобского региона является длительное сохранение традиций, что дает возможность связать ранний железный век с палеоэтнографией, которая ярко демонстрирует кулайские традиции и в релкинской, и в позднесредневековой культуре Среднего Приобья, характеризующих историю селькупов [Чиндина, 1991, с. 122]. Непрерывность историко-культурных процессов позволяет привлекать для реконструкции семантики изобразительных памятников региона данные этнографии, прежде всего селькупов. Хотя, безусловно, любая семантическая интерпретация должна рассматриваться лишь как один из возможных вариантов.

Источники и реконструкции

Независимо от техники литья, сюжета и количества образов персонификация полных и реконструированных изображений с Саровского культового места ограничена: антропоид, лось, птица, змея, рыба (?) и т.н. хтонические животные, биологическую видовую принадлежность которых не удается установить однозначно. Исследование мифологических представлений селькупов о перечисленных персонажах показывает, что подбор образов металло-пластики не случаен и может быть непротиворечиво интерпретирован. Реконструкцию се-

мантиki бронзовых изделий с культового места существенно дополняют материалы Саровского городища.

Анализ орнаментики керамического комплекса позволил сформулировать гипотезу о том, что на Саровском городище совершался обряд в форме потлача, о чем свидетельствует распределение фрагментовбитой посуды по разным постройкам памятника. Учитывая специфику потлача как обряда, призванного установить связи между представителями разных объединений [Мосс, 1996], Л.В. Панкратова высказала предположение об использовании городища членами экзогамных групп, составляющих эндогамное объединение [2008а]. По данным этнографии, подобные встречи были приурочены к новогодним торжествам, которые многие народы Западной Сибири, имеющие солнечно-луунное времяисчисление, устраивают дважды в течение астрономического года [Васильев, Головнёв, 1980; Соколова, 1990; Симченко и др., 1993; Головнёв, 1995].

Автохтонные жители рассматриваемой зоны Приобья – селькупы – отмечали Новый год весной и осенью. Весенний праздновали, когда зеленеет трава и деревья, а комаров еще нет [Селькупская мифология, 1998, с. 47], в день весеннего солнцестояния 17–21 марта [Ким, 1997, с. 161]; осенний – в августе, в день последнего полнолуния, по другим данным – новолуния [Там же, с. 15]. Считается также, что новогодние праздники были приурочены к прилету или отлету уток [Головнёв, 1995, с. 329]. Если сравнить элементы праздничной обрядности, можно заметить, что во многом новогодние торжества оказываются зеркально-симметричными (сходными и различными одновременно). Для организации праздников съезжались селькупы всех родов, живущих на определенной территории. Перед началом детьми (мальчиком осенью и девочкой весной) разжигались костры. Обязательным элементом праздников были спортивные состязания: весной – стрельба из лука по фигурам медведя, закрепленным на вершине деревьев, осенью – гонки на обласках и соревнования по плаванию [Селькупская мифология, 1998, с. 47; Ким и др., 1996, с. 210; Ким, 1997, с. 161]. К числу весенних обрядовых действий относятся мужские прыжковые танцы. Во время осеннего новогоднего торжества мужчины, парни и мальчики прыгали через костер [Селькупская мифология, 1998, с. 47; Ким, 1997, с. 161].

В мифологической версии селькупов новогодние праздники были связаны с образом небесного божества Нуна (Нома, Нопа). Известно, что весной и осенью жертвы этому божеству приносили и другие самодийские народы Сибири [Хомич, 1977, с. 5–6]. Представления о нем у самодийцев, как неоднократно указывали исследователи, размыты. Отсутствует характеристика божества. Нуна не имеет облика – это небо [Прокофьева, 1976; Хомич, 1977; Селькупская мифология, 1998; Ким, 1997]. Иконография божества у селькупов огра-

ничивается тремя зарубками, нанесенными на стволе дерева (пня или столба) и обозначающими глаза и рот. Верховного бога селькупы часто именуют Париде-нумом (Пари-Нумом). В то же время Пардом («великим зверем») они называли Поллака-нума – лесного бога, которого почтывали в образе медведя [Селькупская мифология, 1998, с. 38, 70, 75]. Таким образом, можно предположить, что небесное божество имело несколько ипостасей, проявляя себя в разных сферах мироздания в определенных обликах. А слово *нум/ном* обозначало обобщающее понятие «бог», поскольку в материалах Г.И. Пелих упоминаются также Квейд-ном, Кор-нум, Моньга-нум, Нго-нум [1972, с. 42, 49, 67, 70]. О том, что «бог не один, несколько их там на небе», сообщила этнографу одна из жительниц д. Напас [Там же, с. 339]. Считалось, что Нум в образе медведя являлся покровителем года-лета.

В период зимней спячки медведя самым большим и сильным в лесу остается лось. Он является одним из главных символов осеннего новогоднего праздника. Для диалектической группы обских селькупов (шёшкупов), на территории расселения которой расположен Саровский культовый комплекс, Лось служит маркером в годовом календарном цикле. Селькупы говорят: «Лось зиму начинает, лето кончает» [Мифология селькупов, 2004, с. 239]. Осенним праздником Лося отмечали переселение Нопа на «другое небо» [Ким, 1997, с. 159]. Но это не означает, что данное божество было центральной фигурой праздника, хотя лось считался духом именно небесного Нопа [Там же, с. 160; Мифология селькупов, 2004, с. 239]. Целый комплекс представлений в религии селькупов указывает на связь лося с другим обитателем неба. Поскольку на осеннем новогоднем празднике почтывались также вода и луна (месяц), а местом проведения обрядов был «берег реки, у жилища духа воды (*üt kok*)» [Ким и др., 1996, с. 205; Ким, 1997, с. 159–160], вероятно, именно божественный Кок ~ Кон ~ Кан олицетворял год-зиму. Одним из его воплощений являлся олень/лось [Прокофьева, 1976, с. 109, 110].

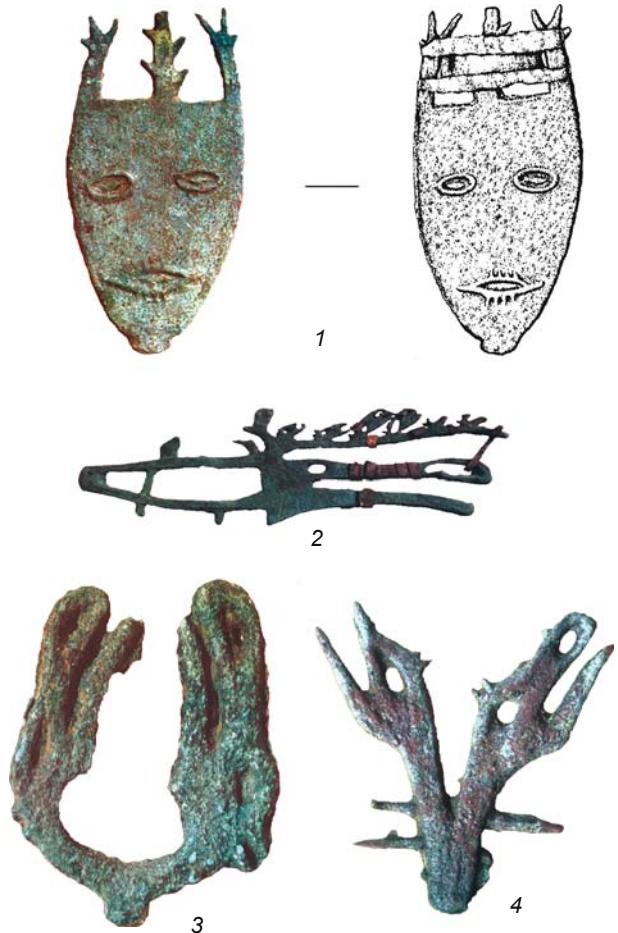
Е.Д. Прокофьева отмечала, что производные от имени Кок определения бытовали «как равнозначные с термином *нум*» [Там же, с. 109]. Однако, хотя прилагательные *нуль* и *коль* переводятся одинаково, синонимами они не являются, т.к. слова с определением *нуль* относятся к существам и предметам, посвященным богу, а с определением *коль* – к находящимся на небе [Прокофьева, 1949, с. 336]. Вероятно, Кок, обитающий на первом небе, не менее значимый персонаж селькупского пантеона, чем Нуна. Е.Д. Прокофьева также усматривала связь между именем небесного божества селькупов и социальными терминами «господин, князь» камасинцев, койбалов и маторов – gon, kond, kok, kåk, kån, gan, – предполагая, что имя можно перевести как «господин неба, князь неба» [1976, с. 110]. Вероятно,

термин не только передает социальный статус персонажа, но и позволяет определить его пол.

Очевидна фонетическая ассоциация при сопоставлении имени небесного Кока ~ Кона ~ Кана с именем Канда-нума – повелителя подземной вечной мерзлоты. Канда-нум (или Кандальдук) в прошлом был одним из особо почитаемых селькупами богов [Пелих, 1980, с. 8]. Семантику имени божества Г.И. Пелих связывала со словом *кondэ/кандэ* – «корень» и имя переводила как «корневой старик» или «старик-мороз, повелитель холода, ледяной старик» [Там же, с. 10–12]. Поскольку корнями небесного дерева, по представлениям селькупов, являются звезды, то иногда *кандаль/кандыль* переводят не только как «корневой», но и как «звездный». В таком переводе Канда-нум предстает «Звездным Небом» [Головнёв, 1995, с. 514, 515]. Реконструированный Г.И. Пелих мифологический образ Кандальдука находит очевидные параллели в мифологии ненцев (Нумгымбой) [Головнёв, 2004, с. 313], что может быть свидетельством существования такого персонажа в мифологии предков современных самодийцев.

И Кок, и Кандальдук имеют звериную ипостась в образе оленя, которая проявляется в его антропоморфном облике. Изображая Кандальдука, селькупы рисовали лицу с широко расставленными миндалевидными глазами, широким звериным носом и бородой [Пелих, 1980, с. 9]. Подобное изображение обнаружено в объёме 1 Саровского культового места [Яковлев, 2001, № 46] (см. рисунок, 1). Черты лица антропоида переданы предельно лаконично. Обозначены овальные глаза со зрачками и рот с вертикальными валиками-штрихами над верхней и под нижней губой. Последняя деталь, возможно, передает волоссяной покров на лице мужского персонажа. Еще одним символом, позволяющим увидеть в рассматриваемой личине Кандальдука, является изображение дерева, растущего из головы антропоида, поскольку селькупы считают, что если вместе с оленем, человеком или даже птицей изображен символический знак дерева, то перед нами – изображение этого божества [Пелих, 1980, с. 11].

Важно и то, что с моментом выхода Кандальдука из воды отождествляли начало нового года [Там же, с. 10]. Вероятно, на Саровском культовом комплексе проводились обряды, связанные с осенним новогодним праздником. Тем более что в коллекции бронз, образ лося повторяется неоднократно [Яковлев, 2001, № 1–3, 32]. Несмотря на то, что одно изображение (см. рисунок, 2) дополнено головами лосей, хтонических животных и антропоида, художественно передающими раскидистые рога животного, вся фигурка об разно воспринимается не как сюжетная композиция, а как портрет. Да и все эти персонажи, как будет показано ниже, не случайные, комплементарные рассматриваемому образу-символу. Среди одиночных изображений лося представлены животные с рогами (2 ед.) и

Бронзовые изделия с Саровского культового места (по: [Яковлев, 2001, № 26, 29, 32, 46]).

без них (2 ед.). Очевидно, древние мастера изобразили самок и самцов. Последние имеют рога в период гона, сроки которого приходятся как раз на конец лета – начало осени, что совпадает со временем проведения селькупами праздника Лося.

Другие символы осеннего новогоднего праздника – месяц, вода, гром. Образ небожителя неразрывно связан с представлениями селькупов о месяце. Личину, изображающую Кандальдука, называли *лоз Тылас*, что означает «месяц» [Пелих, 1980, с. 8]. Одной из отличительных черт этого божества является большой живот. Селькупы считают, что Кандальдук гоняется за небесным солнцем и, настигнув, проглатывает его. Это происходит каждый день. В результате живот божества раздувается, лопается и часть его тела отпадает. Небесная супруга Кандальдука укладывает его в волшебную колыбель и укачивает, как новорожденного. Постепенно отпавшая часть тела вырастает, и месяц вновь становится полной луной. Так селькупы объясняли фазы Луны [Селькупская мифология, 1998, с. 42]. В другой версии мифа два солнца – небесное

и подземное – являются женами Кандальдука и предстают в виде лосих Верхнего и Нижнего миров (*пенге-порыт* и *пенге-касе*) [Пелих, 1980, с. 14]. Данная метафора проясняет, зачем месяц преследует солнце, а мотив проглатывания, типичный для солярных мифов [Юнг, 1998, с. 352, 357], подтверждает намек на осенний гон лосей.

Еще одно подставное имя Канда-нума – Ира («Старик») –озвучно понятию *ирет* («месяц») [Головнёв, 1995, с. 515]. В этом имени актуализируется другое измерение времени – месяц, и Кандальдук-Ирет открывает путь к прочтению селькупского календаря. Таким образом, божество, которому посвящались осенние обряды годового цикла, воплощало понятия ночного времени суток (ночное/звездное небо), месяца (отрезка календарного года) и года-зимы (зимнее/холодное небо).

Олицетворением года-зимы и месяца у селькупов является также большая мифическая птица-человек Шор (Сор, Сэр) [Пелих, 1980, с. 17]. Во внешнем облике Кандальдука и Шора отмечаются общие черты. На их изображениях подчеркивается деформация соответственно левой руки и левого крыла-руки [Там же, с. 13, 17]. Так же как Кандальдук, Шора называют «ледяным стариком» или «чертом, делающим мороз» [Пелих, 1980, с. 18]. Несмотря на отмеченное сходство, Г.И. Пелих полагала, что рассматриваемые персонажи не могут быть ипостасями одного божества. По ее мнению, Сэр-ло – это могущественный дух холода, антипод небесного Нома, обитающий в северных широтах. Кандальдук также противопоставлен небесному Нопу [Селькупская мифология, 1998, с. 70] и, судя по селькупским сказаниям, является повелителем вечной мерзлоты, подземным духом, однако ему присущи черты народного трикстера [Пелих, 1980, с. 18–19]. С учетом того, что горизонтальная и вертикальная модели мира в представлениях селькупов сосуществуют и взаимно дополняют друг друга, указанные различия в дислокации мифологических существ не представляются непреодолимыми. Персонажи, в которых воплощаются черты бога Нижнего мира и «культурного героя» (нередко предстающего в облике трикстера), отмечены в мифологиях народов Старого Света и племен Америки [Голан, 1994, с. 44]. Характерные черты образов Кандальдука и Шора, а также функции существ оказываются подобными. Интересно, что имя мифической птицы Шор (Сэр) вызывает ассоциацию с ненецким божеством Сэр-но Ирико («Ледяного (Белого) острова старик») [Головнёв, 2004, с. 321] и, возможно, оно заимствовано селькупами.

И Кандальдук, и Шор в селькупской мифологии связаны со свадебной обрядностью. Селькупы использовали вместо слова «сватать» иносказательное «заморозить девку» [Пелих, 1980, с. 12, 18]. Не исключено, что сватовство и свадьбы были приурочены к

празднованию начала года-зимы. Связь свадебной обрядности с осенним («мертвым») сезоном отмечается во многих традиционных культурах [Геннеп, 1999, с. 128]. Идея брака у селькупов очень ярко выражена при помощи языка вещей. Так, сват шел к дому невесты, держа котел с подарками для ее семьи в левой руке, а посох с привязанным к верхнему концу красным платком – в правой. При согласии на брак котел оставляли в своем чуме или пустой выставляли наружу. Иначе говоря, он был одним из символов свадебных обрядов селькупов, «знаком брачного предложения» [Головнёв, 1995, с. 257]. У ненцев заключение брачного соглашения сопровождалось обменом котлами, которому придавалось значение установления союза между двумя «очагами» [Головнёв, 2004, с. 43]. Материалы Саровского городища указывают на то, что посуда в качестве символа обмена между «очагами» в брачной церемонии использовалась коренными обитателями Приобья издревле [Панкратова, 2008а].

Поскольку браки заключались между представителями экзогамных групп, могла возникать некоторая напряженность между брачующимися сторонами. Реальная или ритуальная враждебность между родственниками жениха и невесты отмечается в брачных церемониях самых разных культур. Рассказами о военных конфликтах, возникавших из-за желания героев овладеть «чужими» женщинами, изобилует фольклор коренных народов Приобья. Могущество и социальный статус мужчины часто оказывались напрямую связанными с количеством жен и их этнической принадлежностью. Женщины иного племени были социально более престижными женами, поскольку такие браки позволяли устанавливать дипломатические отношения с соседями [Головнёв, 2004, с. 44]. Показательно, что у обских угров эпитеты «безголовая» и «безвозвратная» применялись по отношению и к свадьбе, и к войне. Метафора «потерять голову» означала замужество и переход девушки в семью супруга. Брак разлучал женщину с «головой» родительского дома, которую символизировали черпак, чаше всего украшенный резной головкой животного, гребень и полог [Головнёв, 1995, с. 287]. Таким образом, брак и война оказываются связанными социальными явлениями.

Намек на военную тематику угадывается и в саровском антропоиде. Предположив, что в металло-пластике передан образ духа, называемого современными селькупами Кандальдуком, остановимся на одной детали его изображения. Верхняя часть изделия с наружной стороны была закрыта накладкой из медной пластины и двумя узкими медными лентами. Я.А. Яковлев считает, что полоски меди символизировали диадему [2001, с. 124]. Однако не исключена и другая интерпретация, тем более что реальная, а не символическая бронзовая диадема была обнаружена непосредственно на голове антропоида, а еще

одна – рядом [Там же, с. 26, 27]. Понять назначение металлических лент позволяет фольклорное описание ненецкого аналога селькупского Кандальдука – «бога звездного неба» Нумгымбоя. Он живет в чуме (избушке), верхушка (крыша) которого снесена стрелой. Следовательно, божественный обитатель чума принимал участие в военных действиях. Сам персонаж предстает больным, с головой, обмотанной железным бинтом [Хомич, 1976, с. 22; Головнёв, 2004, с. 313]. Возможно, медные накладки на голове саровского антропоида были неотъемлемой деталью иконографии образа. Вероятно, идол является изображением воина, к тому же в комплексе с ним обнаружен кулийский бронзовый наконечник стрелы. А медные ленты могут означать металлическую повязку на голове божества. Не исключено, что предложенная интерпретация является поздним толкованием, видимо, канонизированной детали внешнего облика персонажа.

По данным этнографии западно-сибирских народов, металлический венец – атрибут богов, элемент костюма шамана, участников обрядовых действий, похоронников. Иначе говоря, он символизировал включение человека в особый ритуальный пространственно-временной континуум, выход из обыденной реальности. Поражает и количество металлических венцов-диадем (13 экз.), обнаруженных на Саровском культовом месте. Видимо, не случайно в коллекции металлопластики преобладают изображения голов животных и человека. Селькупы верили, что в голове (в черепе) находится душа *кэдо*, которая после смерти человека превращается в паука. Кардинальным образом от головы обычного человека отличалась голова шамана. В ней вместо души *кэдо*, которую съедали *лозы* («черти») в момент обряда посвящения, поселялся *кава-лоз* – дух-предок, охранявший своего хозяина от злых духов [Пелих, 1972, с. 117; Селькупская мифология, 1998, с. 30–31]. После смерти шамана освободить *кава-лоза* можно было, только отделив голову от тела. При этом ее варили в котле над костром или сжигали и лишь потом закапывали в землю. Интересно, что аналогичным образом селькупы поступали с черепом медведя еще в начале XX в. [Пелих, 1972, с. 117]. Учитывая значение образа медведя в сибирской мифологии, можно предположить, что в его голове мог обитать *кава-лоз*. Вероятно, подобным типом погребального обряда маркировали медиаторов, связанных одновременно с реальным и потусторонним мирами.

Коронами в виде городских башен в разных культурах часто увенчаны изображения богини-матери, ведь укрепленные стенами города являются одним из символов архетипа матери. Города, охраняющие, словно мать, своих обитателей, часто сравниваются с неприступными девственницами. А овладение городом воспринимается как овладение женщиной, символизирует брак, совокупление [Юнг, 1998, с. 314–315].

Выделенность пространства укрепленных поселений, создание вокруг них реальных и символических границ, форма пространства, его структура – все эти признаки создают отношения подобия между городищами и т.н. дисками-пряслами и металлическими зеркалами-дисками (или секторами бронзовых дисков) кулийцев [Панкратова, 2008б]. Вообще переданное на ритуальной вещи пространство со всеми его атрибутами – это пространство особого рода, в котором фигурируют элементы реального пространства, продиктованные ритуально-мифологическим контекстом [Антонова, 1991, с. 20]. Подобие раскрывается и на символическом уровне их функционирования. Использование дисковидных предметов в качестве маховиков или наверший лучкового сверла для добывания священного огня еще раз актуализирует эротический аспект, связанный с символикой и городища, и дисков [Панкратова, 2008б].

Связь дисковидных предметов одновременно с солярной символикой и символикой огня не вызывает недоумения. Уже упоминавшиеся жены Кандальдука – солнца небесного и подземного миров – являются дочерьми небесной старухи, у которой «лицо-огонь» [Пелих, 1980, с. 14]. Г.Н. Грачёва отмечала, что и в представлениях нганасан *койка** огня смешивается с *койка солнца*. *Солнце-койка* (иначе – день/свет-койка) воплощалось в виде круглой металлической подвески или металлического зеркала. *Койка огня* мог представлять медный (металлический) кружок с орнаментом, расположенным концентрическими кругами, а также любая металлическая подвеска (предпочтительнее медная или бронзовая) или пуговица, нашитая на лицевую сторону мешочка с золой или угольками из костища чума. Мешочек мог быть украшен орнаментом из концентрических кругов, расшитых бисером. На его ремешок подвешивали бусины, металлические украшения. Старые нганасанки рассказывали, что прежде такой мешочек с угольком или золой родового очага носили все [Грачёва, 1977, с. 223–224]. Возможно, «линия жизни», которую часто можно увидеть на кулийских изображениях людей и животных, является обозначением такого металлического символа солнца-огня или символизирующего огонь-очаг расширенного мешочка.

В материалах Саровского комплекса археологических памятников символика совокупления передается на языке вещей многократно [Панкратова, 2008б]. Символические пары представлены и в металлоискусстве Саровского культового места. Метафора рождения передана в композиции, состоящей из голов двух лосей и лосенка между ними [Яковлев, 2001, № 28].

*Словом *койка* нганасаны называли «всякий видимый человеку, осязаемый предмет, наделяемый способностью к самостоятельным действиям» [Грачёва, 1977, с. 218].

В виде парных изображений представлены образы лосей, птиц, змей [Там же, № 25–27]. Животные в паре, с одной стороны, противопоставлены друг другу, с другой – повернуты друг к другу мордами. Подобным образом в древности принято было изображать супружескую пару [Антонова, 1991, с. 21]. Возможно, этим и объясняются различия в иконографии голов лосей. На одном изображении [Яковлев, 2001, № 26] голова животного, расположенного справа, более массивная, с четко обозначенным ухом и плотно закрытой пастью (см. *рисунок, 3*). На другом изделии [Там же, № 28] у обоих лосей показаны уши и открытые пасти. Различия прослеживаются в форме глаз: на обеих поделках у животных, расположенных слева, они миндалевидные, у лосей справа – округлые. Известно, что в представлениях коренных народов Западной Сибири противопоставление правого и левого означает в то же время оппозицию мужского и женского. Кроме того, противопоставление правой и левой сторон может рассматриваться как антагонизм солнечной стороны и темной [Прокофьева, 1951, с. 144]. Вероятно, в таком прочтении можно трактовать парную композицию, состоящую из голов хтонического животного и лося [Яковлев, 2001, № 29] (см. *рисунок, 4*). Оппозиция левого темного хтонического существа и правого светлого подчеркнута и положением голов, отвернутых мордами друг от друга.

Подобные композиции, имеющие форму разветвленных, зафиксированы этнографами у энцев, ненцев и селькупов. Последние считают, что из березовой разветвленности произошел человек. Развилка является значимой деталью шаманского бубна. При помощи развилки на кончике стрелы шаман возвращает душу больному человеку [Прокофьева, 1976, с. 114, 121]. Двухголовое антропоморфное изображение духов-покровителей огня чума – «огня-отца» и «огня-матери» – вырезала на разветвлении дерева энецкая шаманка для защиты обитателей жилища от свирепствующей эпидемии оспы [Прокофьева, 1951, с. 150]. Создание изображений в виде развилки было приурочено к особым ситуациям, когда происходило нарушение равновесия между мирами людей и духов. Поскольку это нарушение рассматривается как следствие действия деструктивных сил сферы «чужого», восстановить баланс возможно в результате контакта «своего» и «чужого» в ритуале [Байбурин, 1989, с. 83]. Универсальной формой ритуального восстановления равновесия, установления порядка в мироздании является новогодний праздник, в ходе которого с помощью вещей, символизирующих «свое» и «чужое», соединяются и блокируются разные миры [Там же, с. 85–86].

В развилке рек – на мысу в устье Большой Саровки, впадающей в Обь, – куйанды выбрали место для культового комплекса. И это не случайно, ведь именно речная развилка (место впадения в реку притока)

считалась обителью духа воды. Известно, что в таких местах приносили дары духу реки, здесь же стояли священные амбарчики [Прокофьева, 1977, с. 68]. И устье, и исток реки были особыми местами, открывающими проход между мирами [Мифология селькупов, 2004, с. 102]. Согласно представлениям селькупов, у истоков рек или у озер, из которых вытекают реки, обитает Кандальдук. Здесь для него строили «земляной чум» и из «живого» растущего дерева вырезали образ духа. Однако не только верховье реки могло быть местом обитания Кандальдука. Есть сведения о том, что подняться вверх по течению дух был вынужден, когда «на реку пришли враги» [Пелих, 1980, с. 8, 9, 11]. Возможно, прежде место его обитания располагалось ниже по течению реки. Во всяком случае, подарки хозяину лесной речки бросали в воду с мысом в ее устье [Селькупская мифология, 1998, с. 39].

Замечено, что нередко приклады на культовых местах помещали в бронзовые котлы. В связи с реконструируемым комплексом образов интересна подмеченная Л.А. Чиндиной особенность в передаче формы головы антропоидов и мотивов-развилок в куйандском художественном литье, напоминающих абрис бронзового котла [2003, с. 111–112].

В месте обитания Кандальдука – у «дыры», соединяющей реальный и потусторонний миры, – растет священное дерево. В его корнях обитают семь змей, оберегающих дорогу в Нижний мир от злых духов и караулящих души неродившихся людей [Прокофьева, 1961, с. 58, 62; Пелих, 1980, с. 11]. Змеи, обитающие в центре мироздания, делятся на красных и черных. Они выполняют разные функции, но и те, и другие на рисунках селькупских шаманов изображены крылатыми, летящими с неба на землю [Прокофьева, 1961, с. 58, 62, 68]. Змеи небесного князя Қока – это темные крылатые существа қат шүй. На шаманских бубнах их рисовали как изображение древнего духа. Считается, что они охраняют небо, солнце, а с наступлением ночи стерегут землю и солнце от посланников злого духа Нижнего мира тақъыль лоза [Там же, с. 68].

Однако есть еще одна змея. Е.Д. Прокофьева обратила внимание, что когда селькупы говорят «идти по дороге», они используют выражение со словом шу («змея»). Дословно это выражение переводится «по дороге змеи». Летнюю тропу и дорогу, ведущую на землю из Нижнего мира от священного дерева, называют сарты, что в переводе с санскрита тоже означает «змея» [Прокофьева, 1949, с. 369; 1961, с. 59]. Иначе говоря, змеи символизируют дороги, пространство, движение. Известно, что особенностью архаического мировосприятия пространства и времени является их неразделимость, образующая единство – хронотоп. Видимо, поэтому символы пространства и времени – лось и змея – объединены образом Кандальдука, олицетворяющего время и пространство космоса. Еще

нагляднее представления о пространстве-времени года-зимы и года-лета выражены потомками кулайцев – релкинцами (например, бронзовые зооморфные поделки с Обь-Енисейского канала, из могильника Рёлка, Васюганского клада, с Шутовского и Собакинского местонахождений). Вероятно, символом года-зимы в релкинской металлопластике являются изображения оленя/лося/кона, скачущего по змее (могильник Рёлка, Васюганский клад), а года-лета – изображения медведя, шагающего по животному (могильники Тимирязевский I и Рёлка, Васюганский клад и др.). Причем в представлениях о gode-зиме отмечается эволюция, которая выразилась в появлении нового образа – коня. Селькупы считают, что от небесного коня рождаются шаманские олени. Образ небесного коня сопровождают все те же символы – гром, который вызывается его бегом, огонь и молнии, полыхающие из его ноздрей. Примечательно, что обитает он на туче, т.е. там же, где и небесные змеи [Прокофьева, 1961, с. 56]. Иногда признак коня (длинный хвост) можно обнаружить и у лося (могильник Рёлка). В металлопластике появляется изображение всадника верхом на коне, лосе-коне (могильник Рёлка, Шутовское местонахождение).

Темных змей небесного Кока иначе именуют лэбира. Именем либбэ энцы называли орла [Прокофьева, 1951, с. 133; 1961, с. 68], поэтому лэбира (лэб-ира) можно перевести и «орел-старик» или «орел-месяц» [Пелих, 1992, с. 79]. Селькупы говорят, что лось может уйти от охотника, обернувшись орлом или осетром [Мифология селькупов, 2004, с. 24]. Признаки змеи, рыбы и птицы сочетаются в шаманских фетишиах, называемых иносказательно «золотая рыбка». Эти изображения связаны с образом летучей змеи-рыбы Мунга, о которой селькупы говорили, что она «все равно как наши боги». Змей летает как огненная стрела или молния, живет в подземных водах или земных (озерах) и небесных (тучах), может принимать человеческий облик. И в то же время это главный змей *Ло*, дракон, пожирающий солнце [Пелих, 1980, с. 24–25]. Мотив охоты, преследования и проглатывания солнца объединяет образ крылатой змеи-рыбы с месяцем-Кандальдуком. В связи с этим важно, что «золотая рыбка» неоднократно сочетается в комплексах шаманских предметов с изображением оленя. По мнению Г.И. Пелих, такой подбор фетишей не случаен. Фетиши, аналогичные «золотой рыбке», сопутствуют фигурке оленя и в энецком шаманском костюме [Там же, с. 35–36]. Интересно, что селькупы р. Кети использовали в качестве названия оленя слово *кавъя*, которое в разговорной речи имеет значение «линь», а у alexandrovskих хантов за именем *камъя-олень* скрывается «таежная рыба» [Там же, с. 37]. Изображения рыбы, выполненные в технике полого объемного литья, обнаружены на Саровском культовом месте [Яковлев, 2001, № 59, 60, 62]. Согласно мифологии селькупов, в мифическую щуку

камъя-эта на склоне лет превращается лось [Селькупская мифология, 1998, с. 37–38]. Название этого чудовища часто переводят на русский язык словом «мамонт». О нем рассказывают как о зубастом, иногда рогатом животном. У мамонта – могущественного духа Нижнего мира – был дух-помощник выдра. Возможно, в металлопластике Саровского культового места образ мифологического оленя-щуки – мамонта – передают изображения т.н. хтонических животных. А полое объемное изделие [Яковлев, 2001, № 61] может интерпретироваться как изображение выдры.

Выводы

Поскольку коллекция бронзовых изделий с Саровского культового места в археологическом контексте представляет одновременное захоронение предметов на ограниченном пространстве [Яковлев, 2001, с. 244], очевидно, набор мифологических образов был сформирован кулайцами сознательно и целенаправленно, а это означает, что он может рассматриваться как текст [Антонова, Раевский, 2002, с. 16]. Существа, изображения которых выявлены на памятнике, – антропоид, лось, змея, рыба, хтоническое животное и хищник – являются персонажами селькупской мифологии, причем они системно и непротиворечиво объединены образом Кока (Кандальдука). Сопоставление фольклорно-мифологических текстов селькупов с текстом, выраженным на языке вещей саровской коллекции, позволяет предположить, что представления о небесном Коке, его воплощениях и духах-помощниках уходят корнями в эпоху раннего железа. Вероятно, Саровский комплекс археологических памятников был культовым местом прототипа селькупского Кока. Возможно, Кок, Кандальдук, Шор являются тремя ипостасями одного мифологического персонажа, проявления которого в разных сферах мироздания имеют специфические воплощения и характеристики. Представляется, что принятое деление мифологических персонажей на духов Верхнего и Нижнего миров, как выражющее оппозицию священный/чистый – грешный/поганый, не вполне корректно.

По мнению Е.Д. Прокофьевой, селькупы не имели «богатого, четко выраженного пантеона богов» [1949, с. 336]. Однако исследования Г.И. Пелих и А.А. Ким показывают, что в их системе религиозных представлений существовала иерархия, уровни которой фиксируются фольклорными и этнографическими данными. Верхний уровень представляет Нум, его аналоги и антиподы. Следующую ступень иерархии занимают духи-хозяева природных объектов (рек, озер, лесов и т.п.). Еще ниже в мифологической стратификации расположены духи, подчиненные божествам, и шаманские духи-помощники. Последнюю ступень иерархии зани-

мают домашние духи-идолы [Ким, 1997, с. 126]. Персонажи самого высокого уровня пантеона имеют собственные имена (Илынтыль Кота, Нум, Кок, Ый, Кызы). Обычно их называют божествами. К представителям иных ступеней иерархии применяют термин *лоз*, который на русский язык обычно переводится как «хозяин», «дух», «черт». Он используется для обозначения и существ, негативно настроенных по отношению к людям, и доброжелательных представителей иного мира. Оценочный характер термин приобретает, видимо, в связи с семантикой русского слова «черт». Возможно, он использовался и для обозначения персонажей самого высокого ранга. Во всяком случае, один из селькупских духов Нижнего мира, занимающий высшее место в иерархии злых существ, антипод небесного Нуна, именуется *Лоб* [Мифология селькупов, 2004, с. 186]. Не исключено, что слово *лоз* селькупы использовали как подстановное при общении с представителями иных этносов, а подлинное название обитателей мифологического пространства скрывали или, что менее вероятно, забыли. На эту мысль наводят два обстоятельства. Во-первых, по словам Г.И. Пелих, один из информаторов проговорился, что «кава-лозы – это по-русски», а «как по-остяцки он забыл» или, по ее мнению, не хотел (боялся) произнести [1980, с. 64]. Термин *лоз* использовался, вероятно, постольку поскольку был хорошо известен русским. Во-вторых, А.А. Ким считает, что происхождение слова следует искать в Китае, откуда оно через тюркское посредничество попало к селькупам. В пользу данного предположения свидетельствует отсутствие этимологической связи с другими самодийскими языками [Ким, 1997, с. 127, 129]. Не исключено, что слово было заимствовано для замены табуированного наименования при общении с тюркоязычным населением, а позднее стало известно и русским. Таким образом, в эпоху раннего железа, вероятнее всего, кулайцы использовали для обозначения мифологических персонажей иные названия.

Есть основания предполагать, что у представителей высшего ранга мифологической иерархии была собственная система соподчинения. Об этом свидетельствуют имена ряда персонажей. Например, небесному божеству Коку (Кану) в Среднем мире соответствует божественный Кандальдук (Кандильдж, Кандель-Ира) – «корневой старик», обитающий у истока мифологической реки. В то же время у каждой конкретной реки в тайге имеется собственный хозяин – Канальлоз (Конджиль ира). По-видимому, к данной системе иерархии относится и разновидность селькупского шаманства – кандельок (шаманы, проводившие камлания преимущественно ночью). Возможно, в металлопластике с Саровского культового места представлены мифологические персонажи, составляющие иерархическую «свиту» небесного духа (божества?), дошедшего до этнографической современности под именем Кока

(Кана). Каждый из них актуализирует определенные функции этого духа в той или иной сфере мироздания, вместе с тем являясь частью сущности небожителя.

На связь саровской металлопластики с шаманизмом указывают металлические кольца, пластины, прикрепленные к изделиям. Таких поделок 11 [Яковлев, 2001, № 1, 12, 20, 22, 28, 31, 32, 34, 46, 59]. Одно изделие [Там же, № 26] было также обнаружено с металлической лентой, но обмотка была утрачена женщины, нашедшей его в пашне огорода [Там же, с. 215]. Я.А. Яковлев предполагает, что количество таких находок могло быть больше, поскольку при раскопках были выявлены фрагменты подобных металлических лент-кольец [Там же]. Металлическое кольцо (*лак*) прикрепляли к изображениям шаманских духов-помощников. Это означало, что дух «окольцован», т.е., приручен, подчинен воле шамана [Пелих, 1980, с. 27]. Учитывая, что подобные кольца обнаружены не на всех изображениях, можно, вероятно, среди однотипных выделить наиболее «значимые». Символически выделенными оказались все персонажи, выявленные на культовом месте: лоси (4 ед.) [Яковлев, 2001, № 1, 26, 28, 32], птицы (2 ед.) [Там же, № 20, 31], антропиды (2 ед.) [Там же, № 34, 46], змея [Там же, № 22], рыба (или хищник?) [Там же, № 59] и хтоническое животное [Там же, № 12].

Исходя из функций и характеристик мифологических образов, можно предположить, что на Саровском культовом комплексе памятников кулайцы совершили обряды, сопряженные с новогодним праздником, знаменующим окончание года-лета и начало года-зимы. Это важное событие в жизни древнего населения Среднего Приобья было связано с представлениями о мифологическом персонаже, оказывающем влияние на разные сферы и жизненные циклы мироздания. Можно предположить, что обряды празднования Нового года включали и брачные церемонии, сопровождавшиеся ритуальным обменом керамической посудой (или ее фрагментами). Возможно, частью обрядовой деятельности являлось изготовление бронзовых фигур мифологических существ, образующих иерархию божеств/духа, которому был посвящен праздник. Вероятнее всего, функции жреца выполнял шаман, поскольку значение образов раскрывается через шаманские представления о мире. Завершались церемонии у дерева, символизировавшего мировое древо. Топография памятника также соответствует мифологической концепции расположения мирового дерева на горе у водоема.

Список литературы

Антонова Е.В. Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках анаусской культуры (к проблеме значений) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). – М.: Наука, 1981. – С. 5–21.

- Антонова Е.В.** Вещь в контексте обряда: ваза из Урука // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М.: Наука, 1991. – С. 11–22.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С.** Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: Донецк. гос. ун-т, 2002. – Т. 1. – С. 11–26.
- Байбурин А.К.** Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – С. 63–88.
- Васильев В.И., Головнёв А.В.** Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов Северо-Западной Сибири // Духовная культура народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – С. 33–41.
- Генин А., ван.** Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов: пер. с фр. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. – 198 с.
- Голан А.** Миф и символ. – 2-е изд. – М.: Русслит, 1994. – 375 с.
- Головнёв А.В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 607 с.
- Головнёв А.В.** Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 344 с.
- Грачёва Г.Н.** Традиционные культуры нганасан // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1977. – Т. 33: Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – С. 217–228.
- История и культура хантов / В.И. Молодин, Н.В. Лукшина, В.М. Кулемзин, Е.П. Мартынова, Е. Шмидт, Н.Н. Фёдорова; под ред. Н.В. Лукиной.** – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – 162 с.
- Ким А.А.** Очерки по селькупской культовой лексике. – Томск: Том. гос. пед. ун-т, 1997. – 219 с.
- Ким А.А., Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А.** Селькупский праздник в Пиль эд и культ лося // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – С. 205–212.
- Лотман Ю. М.** Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. – М.: Наука, 1973. – С. 16–22.
- Мифология селькупов / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малони, С.В. Глушкин, А.В. Байдак; науч. ред. В.В. Напольских.** – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – 382 с.
- Мосс М.** Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность. – М: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1996. – С. 83–222.
- Панкратова Л.В.** Обменные отношения в кулайском обществе (по материалам керамического комплекса Саровского городища) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Аграф-Пресс, 2008а. – С. 293–297.
- Панкратова Л.В.** Реконструкция кулайских обрядов (по материалам Саровского комплекса археологических памятников) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008б. – Т. 2. – С. 265–267.
- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – 424 с.
- Пелих Г.И.** Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 5–70.
- Пелих Г.И.** Шелаб – крылатый дьявол: (Из истории селькупской мифологии) // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. – С. 77–91.
- Прокофьева Е.Д.** Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 11. – С. 335–375.
- Прокофьева Е.Д.** Энецкий шаманский костюм // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 13. – С. 125–152.
- Прокофьева Е.Д.** Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 20. – С. 54–74.
- Прокофьева Е.Д.** Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 106–129.
- Прокофьева Е.Д.** Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1977. – Т. 33: Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – С. 66–79.
- Селькупская мифология /** сост. Г.И. Пелих. – Томск: Науч.-техн. лит., 1998. – 80 с.
- Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П.** Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. – М.: Наука, 1993. – С. 201–253.
- Соколова З.П.** Времячисление у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. – М.: ИЭА РАН, 1990. – С. 74–103.
- Хомич Л.В.** Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. – Л.: Наука, 1976. – 188 с.
- Хомич Л.В.** Религиозные культуры у ненцев // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1977. – Т. 33: Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – С. 5–28.
- Чернцов В.Н.** Наскальные изображения Урала. – М.: Наука, 1971. – 119 с. – (САИ; [вып.] В4–12(2)).
- Чиндина Л.А.** Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 51–80.
- Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 255 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 184 с.
- Чиндина Л.А.** Новые данные о сакральной первооснове и функциональной специфике кулайского святилища // Археолого-этнографические исследования в южно-таежной зоне Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – С. 106–112.
- Юнг К.Г.** Символы матери и возрождения // Между Эдипом и Озириром: становление психоаналитической концепции мифа: пер. с нем. – Львов: Совершенство, 1998. – С. 313–378.
- Яковлев Я.А.** Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – 274 с.

УДК 903.531:004.65(470.61)

С.С. Востриков, С.И. Лукьяшко

Южный научный центр РАН

ул. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия

E-mail: sciphica@mtmbi.krinc.ru; sekoh@yandex.ru

**ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИ И ИНФОРМАЦИОННО ОБОСНОВАННОЙ
СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ БАЗОЙ ДАННЫХ
ДЛЯ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА
НА НИЖНЕМ ДОНЕ**

Рассматриваются наиболее известные на сегодня работы российских археологов по созданию баз данных археологических источников, оценивается современное состояние этой проблемы. Предлагается авторский вариант теоретически и информационно обоснованной системы управления базой данных (СУБД) для памятников предскифского периода на нижнем Дону. Подробно анализируется каждый этап проектирования приложения: описание предметной области, выделение информационных объектов и информационный анализ, определение связей информационных объектов, построение информационно-логической модели рассматриваемой предметной области. Дается общее представление о базах данных, информационных моделях и других технологиях, корректное использование которых необходимо для современного специалиста-археолога.

Ключевые слова: археология, курганы, погребения, погребальный обряд, предскифский период, ранние скифы, информационные технологии, базы данных.

Введение

Наиболее представительной работой по созданию базы данных археологических источников сегодня является совместный исследовательский проект «Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии» ИА РАН и итальянского Института Среднего и Дальнего Востока по теме «Погребальные памятники ранних кочевников евразийских степей: опыт компьютерной обработки археологических материалов», осуществленный под руководством М.Г. Мошковой [Статистическая обработка..., 1994, 1997, 2002]. Это первый проект подобного рода, успешно реализованный, широко известный и доступный большинству исследователей. Появление данных публикаций вызвало оживленную дискуссию (причем даже критически настроенные оппоненты признавали их несомненным шагом вперед в археологии), дало

толчок развитию археологической информатики в целом и сподвигло ряд исследователей (в т.ч. и нас) на создание того, что Ж.К. Гарден определил как «логически не связанные локальные вклады в источниково-видческий аппарат археологии, причем хотя и без запланированных взаимосвязей друг с другом, но тем не менее составляющих в сумме логическое единство» [1983, с. 82–83].

Признавая безусловные достоинства указанного исследования, нельзя не отметить и присущие ему (как и многим другим новациям) недостатки. Наиболее значимым нам видится отсутствие доступной для широкого круга исследователей самой базы данных (к публикации не прилагается каких-либо электронных носителей, содержащих хотя бы ознакомительную версию продукта, и авторы, очевидно, не сочли возможным поместить его на сайте ИА РАН). Таким образом, мы не можем оценить, насколько корректно

«система позволяет осуществлять ввод/редактирование и просмотр данных в структурированном виде, извлечение данных в пригодном для статистической обработки виде», а также целый ряд других характеристик интерфейса [Лазарев, Барбарунова, 1994, с. 42], хотя авторы позиционируют свою базу данных не как ориентированную на «разовую статистическую обработку», а «в некотором смысле универсальную», где «должно быть обеспечено максимальное отображение исходной информации» [Там же, с. 39].

Другой не менее серьезный недочет – недостаточно корректное, с точки зрения теории информатики, обоснование проекта. Например, авторы используют реляционную СУБД (очевидно, dBase III+, но прямо в работе об этом нигде не говорится), ориентированную, соответственно, на реляционную модель данных, обладающую особыми характеристиками. Но мы нигде в этой работе не найдем понятия «реляционная модель», хотя представление авторов о модели данных в принципе соответствует вышеуказанной: «набор данных (файл базы данных) фактически представляет собой таблицу, строки которой (“записи”) описывают один объект, а столбцы (“поля”) содержат значения определенной переменной. Поля могут быть разного типа (т.е. содержать значения разного качества – числа, слова и т.п.), разной длины, но набор этих полей и их характеристики одинаковы для каждого объекта. Иными словами, каждому набору данных соответствует своего рода формуляр, в который должна быть вписана информация о каждом из объектов» [Там же]. Это приводит к тому, что авторы не соблюдают требования нормализации отношений – в силу отсутствия представления о нем. В результате таблица «graves» [Там же, с. 43] оказывается ненормализованной и не соответствующей реляционной модели, что неизбежно влечет дублирование описательных данных и проблемы, связанные с поддержанием их целостности. В целом можно согласиться с информационно-логической моделью базы данных, если считать таковой главу 5 рассматриваемой работы «Организация базы данных» [Статистическая обработка..., 1994, с. 39–53], но приходится констатировать серьезные отступления от канонической модели. Также не используются авторами методики разработки программных систем (SADT, DATARUN) и реализующие их технологии (CASE-средства).

Еще одним недостатком, на наш взгляд, является некоторое несоответствие созданной базы заявленным требованиям в плане максимального отображения исходной информации. Представленная в работе логическая структура базы данных [Там же, с. 43] не включает графическую, фотоинформацию и вспомогательные данные о погребальных комплексах (например, авторство раскопок, адресация к источникам информации, сведения о публикациях и т.д.). Хотя добавле-

ние таких сведений (например, с помощью полей OLE, MEMO, гиперссылки или связанных файлов) не требует запредельных возможностей машинной памяти.

Некоторые исследователи отмечали также недостатки, связанные с применением авторами принципа кодировки значений признаков погребального обряда (для более эффективного использования машинной памяти и облегчения статистической обработки). Действительно, представление данных в виде того или иного значения из предусмотренного заранее стандартного набора и, соответственно, ввод/редактирование осуществляются человеком, что с очевидностью влечет за собой все сложности, связанные с т.н. человеческим фактором, – субъективизм, ошибки и т.д. Наличие в базе полей с дополнительной информацией (OLE, MEMO) могло бы устраниить часть этих трудностей. Но гораздо более серьезной проблемой является само выделение признаков и, соответственно, определение ряда их категорий-значений. В литературе уже рассматривалась сложившаяся в отечественной науке ситуация, связанная с отсутствием классификационной парадигмы и археологической типологии. К сожалению, в настоящее время этот вопрос все еще дискутируется и единый подход не выработан. Поэтому любую попытку создания системы определения признаков погребальной обрядности и их значений можно подвергнуть критике. Впрочем, это никак не умаляет достоинств, присущих тому или иному варианту формализации данных погребального обряда [Каменецкий, 1983; Генинг и др., 1990], в т.ч. и разработанному коллективом под руководством М.Г. Мошковой.

В нашей работе мы используем опыт, накопленный учеными ИА РАН в процессе создания баз данных по сарматской культуре [Статистическая обработка..., 1994, 1997, 2002] именно в плане предложенного варианта формализации. Создание собственной системы кодировки археологического материала не является целью предлагаемого исследования и выходит за пределы нашей компетенции.

Проектирование приложения

Приступая к проектированию приложения пользователя (представляющего собой объединение некоторого множества задач предметной области), включая его базу данных, необходимо, следуя теории и практике построения информационных систем, в первую очередь подготовить описание предметной области. Используя аналитический подход, основы которого были разработаны Дж. Мартином [1984], мы должны выявить «совокупность данных и различных сведений об объектах и процессах, характеризующих данную область» [Бекаревич, Пушкина, 2003, с. 68]. Далее

необходимо сформулировать «общие требования к приложению, функциональные ограничения, описание технологии работы с данными и документами, требования к интерфейсу пользователя при работе с базой данных, к вводу и корректировке справочной информации, к подготовке и вводу документов оперативно-учетной информации, а также просмотру ранее подготовленных и сохраненных документов и требования к отчетам из базы данных» [Там же, с. 656]. Наша предметная область может быть охарактеризована как погребальная обрядность кочевого населения нижнего Дона в предскифский и раннескифский периоды (по археологическим данным). Создаваемое приложение должно ограничиваться управлением учетом имеющихся (и вновь поступающих) данных по археологическим памятникам этого региона и периода с целью формирования информации об указанной группе погребальных комплексов для последующей обработки – традиционной аналитической или с использованием методов математической статистики. Объектом автоматизации является погребальный комплекс с присущими ему информационными линиями. К числу функций приложения, определяемых его целевой составляющей, можно отнести ввод, редактирование, упорядочивание, различные операции по структурированию, извлечение данных в пригодном для статистической обработки виде, анализ данных, формирование отчетов и т.д. Справочные и оперативно-учетные документы приложения содержат достоверные сведения об объектах, «которыми оперирует приложение на основе идентификаторов (кодов объектов)» [Там же, с. 657]. В нашем случае это материалы полевых исследований отечественных археологов – отчеты о работе экспедиций и отдельных исследователей, публикации различного уровня. Информация представляется как совокупность реквизитов, определяющих объект предметной области (к справочным документам относится и система кодировки признаков-реквизитов погребального обряда). Технология работы с данными предлагаемого приложения (в отличие от бизнес-процессов, для которых в основном разрабатывались используемые здесь методики) определяется их характеристиком – потребности оперативной обработки «в режиме реального времени» здесь не актуальны (это отмечают и В.В. Лазарев, З.А. Барбарунова [1994, с. 41]).

На следующем этапе проектирования приложения необходимо выделить информационные объекты и провести информационный анализ. Для этого мы должны «на основе описания предметной области... выявить документы-источники и их реквизиты, подлежащие хранению в базе данных» [Бекаревич, Пушкина, 2003, с. 70]. Если в бизнес-проектах основой для выделения информационных объектов обычно являются такие документы, как, например, счета-фактуры, накладные, платежные поручения и т.д., где «форма

внемашинного документа уже отображает структуру данных, т.к. любой документ объединяет логически взаимосвязанные реквизиты» [Там же, с. 69], то в нашем случае все гораздо сложнее. Процесс информационного анализа основан на представлении о том, что «структура информации внемашинной сферы находит отражение в ее представлении отдельными структурными единицами – реквизитами и их размещении в документах-источниках» [Там же, с. 68]. Источники археологических данных – отчеты о раскопках и публикации, – как правило, не являются четко структурированными документами, в т.ч. и в силу отсутствия единых подходов к классификации материала, о чем уже говорилось выше. Первый этап информационного анализа, т.е. структурирование информации предметной области, требует либо создания собственной системы определения признаков-реквизитов погребальной обрядности и их значений, либо использования уже имеющихся. В силу указанных выше причин мы сочли возможным реализовать вариант формализации, предложенный коллективом под руководством М.Г. Мошковой (создатели предполагали его последующее расширение и дополнение). Таким образом, в качестве документа-источника создаваемого приложения выступает отчет (или публикация) о раскопках, а в качестве реквизитов – признаки погребального обряда, выделенные в указанной работе (с некоторыми изменениями и дополнениями, внесенными в силу специфики собственного материала) [Статистическая обработка..., 1994, 1997, 2002].

В бизнес-проектах информация, как правило, содержится в целом ряде различных справочных и учетных документов, облегчая, таким образом, выделение информационных объектов. В нашем случае имеется лишь один вид документа-источника – либо отчет о раскопках, либо публикация, что несколько усложняет задачу. Согласно правилам выделения информационных объектов [Бекаревич, Пушкина, 2003, с. 70], необходимо определить функциональные зависимости между реквизитами документа и затем сгруппировать те из них, которые одинаково зависят от ключевых реквизитов (под последними понимаются идентификаторы всей информации документа). Такие группы и составляют информационные объекты. Для этого «анализируется роль реквизитов в структуре информации объекта», выявляется «реквизит (один или несколько), выполняющий роль общего идентификатора всей информации документа», т.е. ключевой, а затем описательные, которые «однозначно определяются установленным идентификатором документа» [Там же, с. 70]. Для каждого описательного реквизита определяется ключевой и проводится линия связи со стрелкой в сторону зависимого (табл. 1).

Из анализа документа очевидно, что реквизит Наименование локальной зоны (НЛЗ) является опи-

Таблица 1. Функциональные зависимости реквизитов (признаков погребального обряда)

Реквизит	Код	Функциональные зависимости
1	2	3
Номер погребения	НПОГР	•
Наименование локальной зоны	НЛЗ	• ←
Номер региона	НР	• ←
Номер кургана	НК	• ←
Наименование погребения	ИМЯ	←
Время сооружения кургана	ВРСООР	←
Величина насыпи	ВЕЛНАС	←
Состав насыпи	СОСНАС	←
Количество погребений одного периода в кургане	КПОПЕР	←
Место данного погребения	МПОГР	←
Положение погребения на плане	ПОЛПОГР	←
Надмогильные сооружения	НАДСООР	←
Номер находки в насыпи	ННАХНАС	• ←
Находки в насыпи	НАХНАС	←
Номер конструкции внутри могильной ямы	НКОНСТР	• ←
Конструкция внутри могильной ямы	КОНСТР	←
Форма могильной ямы	ФОРМА	←
Величина могильной ямы	ВЕЛМОГ	←
Обряд погребения	ОБРЯД	←
Номер кости	НКОС	• ←
Вид животного (для данной кости)	ВИДК	←
Место данной кости животного в могиле	МЕСК	←
Морфология (данной кости)	ЧАСТТ	←
Количество скелетов	КОЛСКЕЛ	←
Номер погребенного	НСКЕЛ	• ←
Пол и возраст данного погребенного	ПОЛСКЕЛ	←
Ориентировка данного погребенного	ОРИСКЕЛ	←
Положение данного погребенного по отношению к центральной оси ямы	ОСЬСКЕЛ	←
Поза данного погребенного	ПОЗСКЕЛ	←
Положение рук данного погребенного	ПОЛРУК	←
Положение ног данного погребенного	ПОЛНОГ	←
Способ сохранения тела	СПСОХР	←
Номер сосуда	НС	• ←
Количество сосудов данного вида	КС	←
Категория данного сосуда	КАТС	←
Материал данного сосуда	МАТС	←
Технология данного сосуда	ТЕХС	←
Место производства данного сосуда	МПРС	←
Местоположение данного сосуда	МЕСТС	←

Окончание табл. 1

1	2	3
Номер предмета вооружения	НВ	
Количество предметов вооружения данного вида	КВ	
Категория данного предмета вооружения	КАТВ	
Материал данного предмета вооружения	МАТВ	
Местоположение данного предмета вооружения	МЕСТВ	
Характер его расположения	ХАРВ	
Номер украшения	НУ	
Количество украшений данного вида	КУ	
Категория данного предмета украшения	КАТУ	
Стиль данного предмета украшения	СТИЛУ	
Материал данного предмета украшения	МАТУ	
Местоположение данного предмета украшения	МЕСТУ	
Номер предмета инвентаря	НИ	
Количество предметов инвентаря данного вида	КИ	
Категория данного предмета инвентаря	КАТИ	
Материал данного предмета инвентаря	МАТИ	
Зеркала (количество)	ЗЕРК	
Номер ритуального вещества	НРВ	
Вид ритуального вещества	ВРИТВ	
Номер ритуального предмета	НРП	
Вид ритуального предмета	ВРИТПР	

сательным и зависит только от ключевого реквизита Номер региона (НР). Время сооружения кургана (ВРСООР), Величина насыпи (ВЕЛНАС), Состав насыпи (СОСНАС), Количество погребений одного периода в кургане (КПОПЕР), Положение погребения на плане (ПОЛПОГР) – описательные реквизиты, и каждый из них зависит только от ключевого реквизита Номер кургана (НК). Необходимо обратить внимание на связь реквизитов Номер региона (НР) и Номер кургана (НК) – одному значению ключа НК соответствует одно значение реквизита НР, т.к. курган расположен в конкретном регионе. Аналогично определяется связь реквизитов Номер кургана (НК) и Номер погребения (НПОГР) – одному значению ключа НПОГР соответствует одно значение реквизита НК, поскольку погребение находится в конкретном кургане. Таким образом, реквизит НК является ключевым в одной связи и описательным в другой – т.н. транзитивная зависимость (но «специальных действий по расщеплению этой зависимости не потребуется при использовании приведенных правил» [Там же, с. 74]). Дальнейший анализ документа показывает, что ключевой реквизит НПОГР, в свою очередь, является описательным для реквизитов Номер находки в насыпи

(ННАХНАС), Номер конструкции внутри могильной ямы (НКОНСТР), Номер кости (НКОС), Номер погребенного (НСКЕЛ), Номер сосуда (НС), Номер предмета вооружения (НВ), Номер украшения (НУ), Номер предмета инвентаря (НИ), Номер ритуального вещества (НРВ) и Номер ритуального предмета (НРП). Действительно, и здесь одному значению перечисленных ключей ННАХНАС, НКОНСТР, НКОС, НСКЕЛ, НС, НВ, НУ, НИ, НРВ, НРП соответствует одно значение реквизита НПОГР, т.к. находки в насыпи, конструкции в могиле, кости животных, скелеты, посуда, вооружение, украшения и прочий инвентарь относятся к конкретному погребению. Соответственно, налишествует еще целый ряд транзитивных зависимостей, но вполне преодолимых, как уже указывалось выше. Теперь, согласно правилам выделения информационных объектов, мы можем «сгруппировать реквизиты, зависимые от одних и тех же ключевых реквизитов, и объединить их с ключевыми реквизитами в один информационный объект» [Там же, с. 74] (табл. 2).

Таким образом, на основе анализа наших данных выделяются следующие информационные объекты: *Регион*, с его наименованием; *Курган*, с общими сведениями о кургане; *Погребение*, с общими сведениями

Таблица 2. Группировка реквизитов внутри информационного объекта

Реквизиты информационного объекта*	Признак ключа, индекса	Имя информационного объекта	Семантика информационного объекта
1	2	3	4
НР	Уникальный	Регион	Территориальная принадлежность кургана
НЛЗ			
НК	»	Курган	Общие сведения о кургане
НР ВРСООР ВЕЛНАС СОСНАС КПОПЕР ПОЛПОГР			
НПОГР	»	Погребение	Общие сведения о погребении
НК ИМЯ МПОГР НАДСООР ФОРМА ВЕЛМОГ ОБРЯД КОЛСКЕЛ СПСОХР ЗЕРК			
ННАХНАС НПОГР	Уникальный, составной	Находки	Данные о связанных с погребением находках в насыпи кургана
НАХНАС			
НКОНСТР НПОГР	То же	Конструкции	Данные о конструкциях внутри могильной ямы
КОНСТР			
НКОС НПОГР	»	Кости	Наличие костей животных в погребении
ВИДК МЕСК ЧАСТТ			
НРВ НПОГР	»	Вещества	Наличие ритуальных веществ в погребении
ВРИТВ			
НРП НПОГР	»	Предметы	Наличие ритуальных предметов в погребении
ВРИТПР			
НСКЕЛ НПОГР	»	Погребенный	Общие сведения о погребенном
ПОЛСКЕЛ ОРИСКЕЛ ОСЬСКЕЛ ПОЗСКЕЛ ПОЛРУК ПОЛНОГ			
НС НПОГР	»	Посуда	Данные о керамическом инвентаре в погребении
КС КАТС МАТС ТЕХС МПРС МЕСТС			
НВ НПОГР	»	Вооружение	Сведения о вооружении в погребении
КВ КАТВ МАТВ МЕСТВ ХАРВ			

Окончание табл. 2

1	2	3	4
НУ НПОГР	Уникальный, составной	Украшения	Наличие украшений в погребении
КУ КАТУ СТИЛУ МАТУ МЕСТУ			
И НИ НПОГР	То же	Прочее	Данные о прочих категориях инвентаря (орудия труда, узда и т.д.)
КИ КАТИ МАТИ			

*См. табл. 1.

ми о погребении; *Находки*, с данными о связанных с погребением находках в насыпи кургана; *Конструкции*, с данными о конструкциях внутри могильной ямы; *Кости*, со сведениями о наличии костей животных в погребении; *Вещества*, со сведениями о наличии ритуальных веществ в погребении; *Предметы*, со сведениями о наличии ритуальных предметов в погребении; *Погребенный*, с общими сведениями о погребенном; *Посуда*, с данными о керамическом инвентаре в погребении; *Вооружение*, с данными о предметах вооружения в погребении; *Украшения*, со сведениями о наличии украшений в погребении; *Прочее*, с данными о прочих категориях инвентаря (орудия труда, узда и т.д.).

На следующем этапе разработки приложения необходимо выявить связи информационных объектов, определяемые, как правило, «природой реальных объектов, процессов или явлений, отображаемых этими информационными объектами» [Там же, с. 78]. В теории баз данных используются три типа связей информационных объектов: одно-однозначные, одно-многозначные и много-многозначные. Первые имеют место, когда каждому экземпляру одного объекта соответствует только один экземпляр другого, и наоборот. При одно-многозначных связях каждому экземпляру одного объекта может соответствовать несколько экземпляров другого, но не наоборот. При этом говорят о наличии иерархической подчиненности второго объекта первому. Много-многозначные связи (в реляционных базах не реализуются) представляют собой аналогичный вариант, где справедливо и обратное утверждение.

Отношения между объектами *Регион* → *Курган* одно-многозначные, т.к. регион включает много курганов, а курган располагается в одной, конкретной местности. Связь между ними осуществляется по уникальному ключу главного объекта *Регион* – Номеру региона, который в подчиненном объекте *Курган* является описательным реквизитом. Отношения между объектами *Курган* → *Погребение* также одно-много-

значные, поскольку курган включает много погребений, а погребение входит в один курган. Связь между ними осуществляется по уникальному ключу главного объекта *Курган* – Номеру кургана, который в подчиненном объекте *Погребение* является описательным реквизитом. Объект *Погребение* и объекты *Находки*, *Кости*, *Конструкции*, *Вещества*, *Предметы*, *Погребенный*, *Посуда*, *Вооружение*, *Украшения*, *Прочее* тоже находятся в отношениях типа «один ко многим», но здесь *Погребение* является главным объектом, а все остальные – подчиненными (аргументация та же самая: например, погребение может включать несколько сосудов, но конкретный сосуд входит только в одно погребение). Связь осуществляется поциальному ключу главного объекта – Номеру погребения, входящему в составные ключи подчиненных объектов.

На основе выявленных информационных объектов и связей между ними мы можем построить информационно-логическую модель рассматриваемой предметной области. На рис. 1 она приведена в каноническом виде и объекты размещены по уровням, где нулевой соответствует объектам, не подчиненным никаким другим.

Заключение

На основании созданной инфологической модели мы можем построить даталогическую – в конкретной СУБД. Логическая структура реляционной базы данных будет адекватным отображением полученной информационно-логической модели. Каждый информационный объект модели будет отображаться реляционной таблицей, где каждый столбец (поле) соответствует одному из реквизитов объекта, а строки (записи) – экземплярам объекта. Для управления нашей базой данных мы выбрали реляционную СУБД Microsoft Access как один из наиболее удобных и доступных инструментов. Кроме того, она может работать в качестве

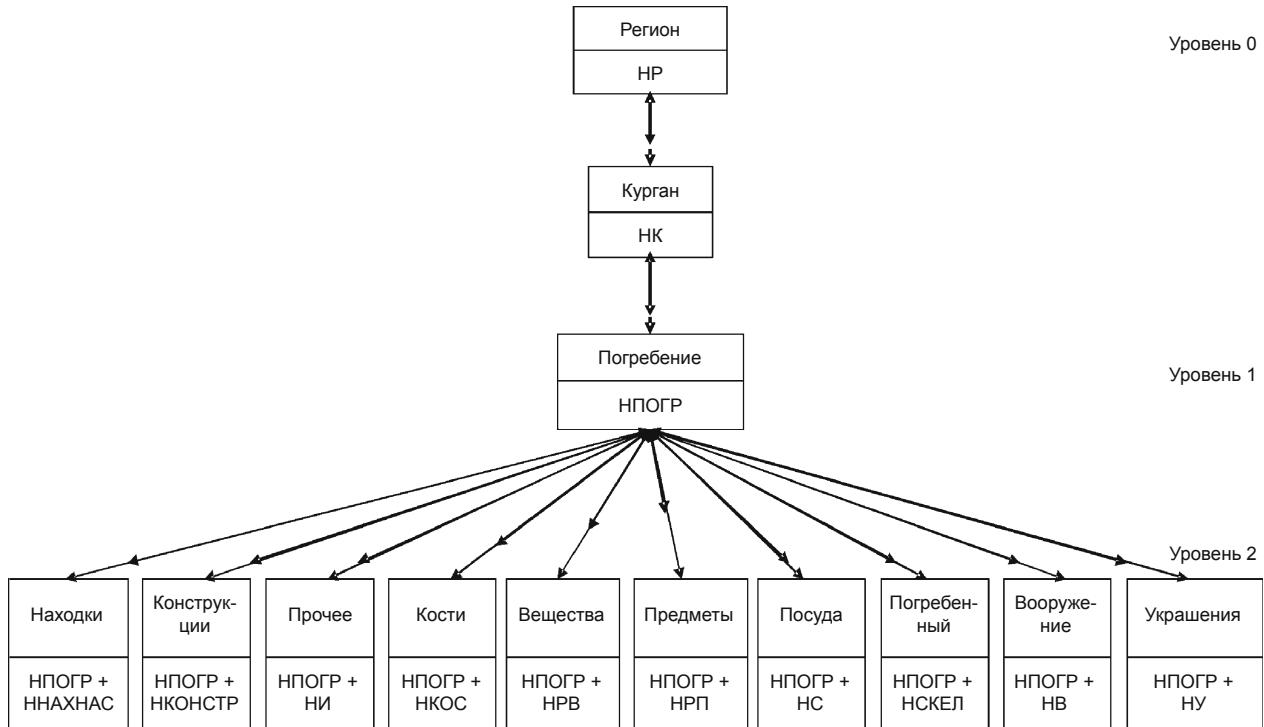

Рис. 1. Информационно-логическая модель рассматриваемой предметной области в каноническом виде.

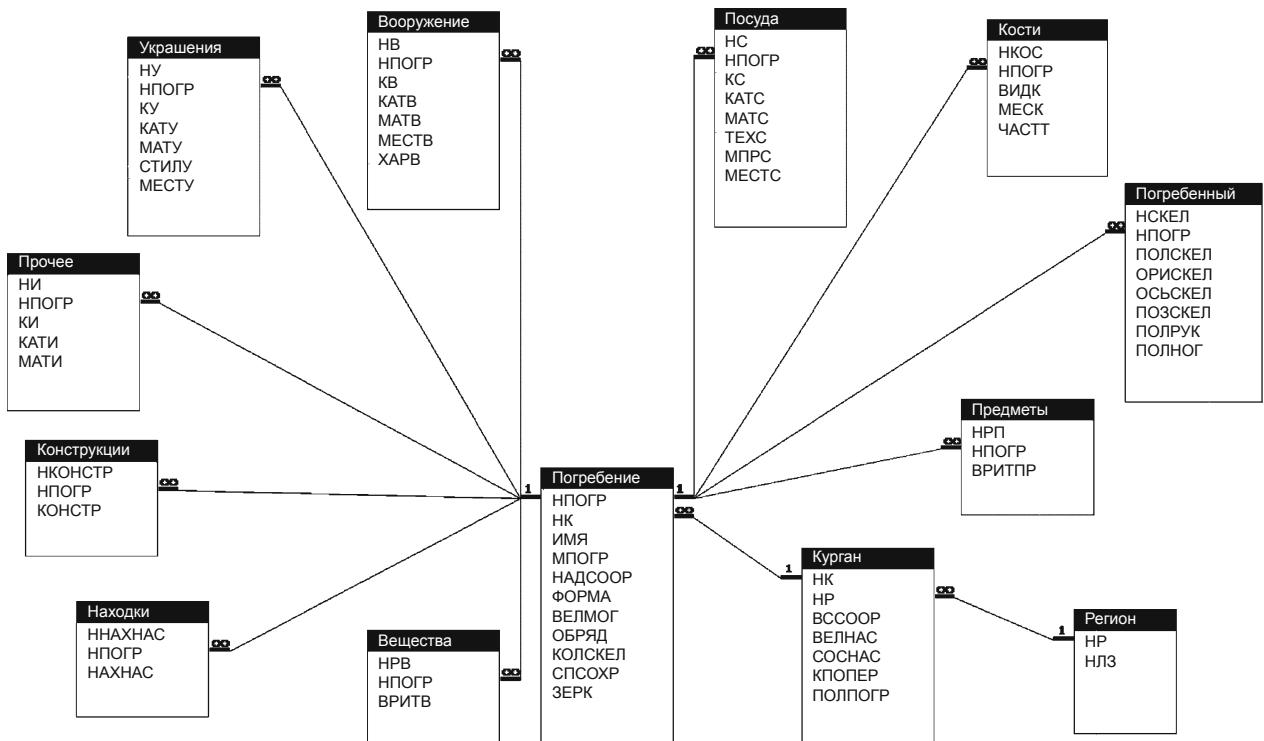

Рис. 2. Схема данных Access.

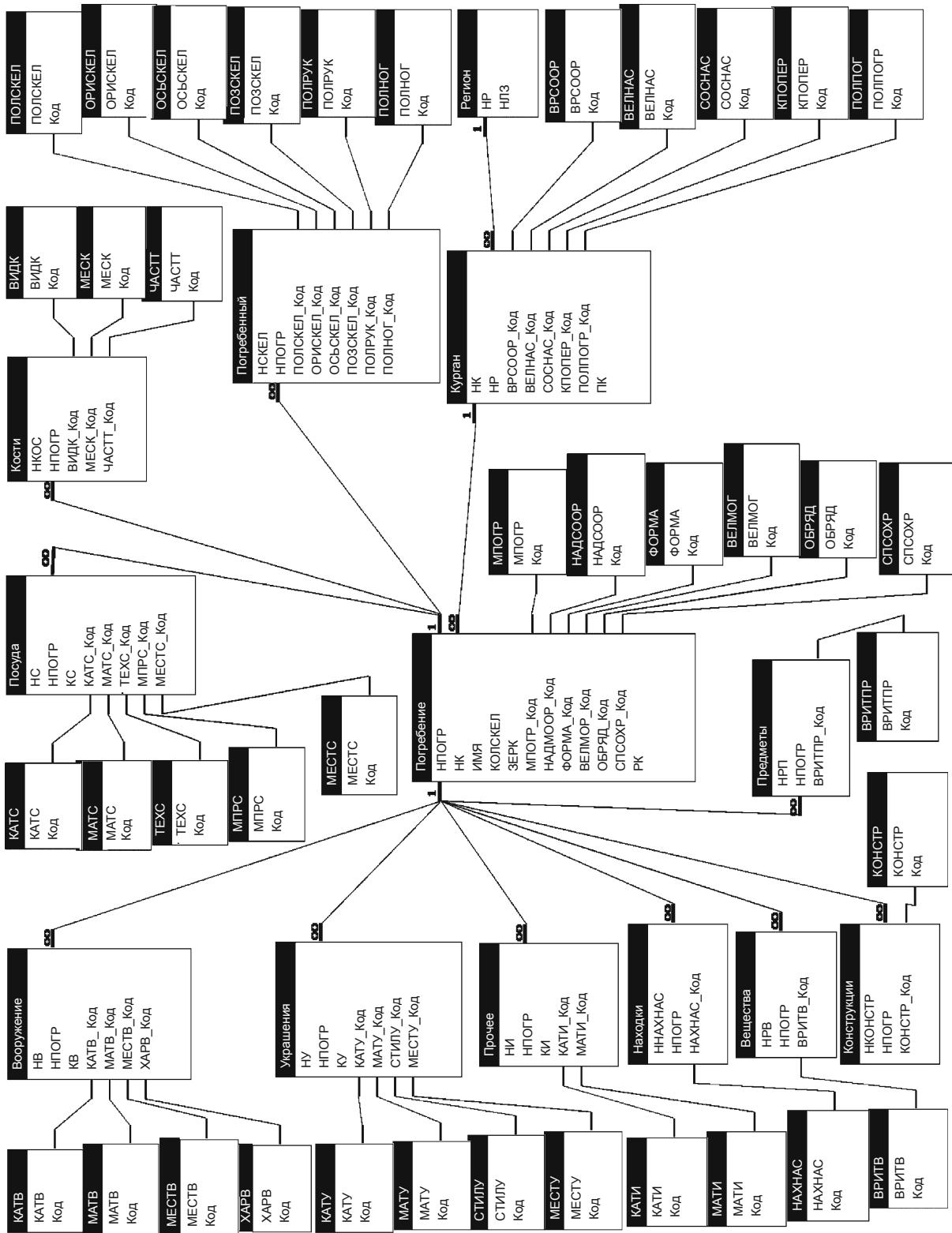

Рис. 3. Итоговая схема данных Access.

клиента SQL-сервера, такого, как, например, Microsoft SQL Server, выходя на более высокий уровень коллективного использования информации.

Схема данных Access, наглядно отображающая структуру нашей базы данных, приведена на рис. 2. В связи с тем, что мы используем специальную систему кодировки значений признаков, большинство полей таблиц содержат повторяющиеся наименования. С помощью мастера анализа таблиц (Table Analyzer Wizard) каждая была разделена на несколько новых связанных таблиц (преобразованная основная и таблицы-справочники по числу полей, содержащих повторяющиеся данные).

Таким образом, окончательно завершена процедура нормализации и разрешена проблема представления археологических данных в буквенных кодах для использования их в статистических расчетах. Кроме того, в таблицы добавлены поля OLE-объектов, содержащие исходную графическую и текстовую информацию (файлы JPEG). Созданная база данных по погребальному обряду кочевого населения нижнего Дона в предскифский и раннескифский периоды должна, по нашему мнению, предоставлять возможности как упрощенного использования данных для статистических расчетов, так и получения наиболее полной информации. Изменения, внесенные нами в схему данных Access, отражены на рис. 3.

Список литературы

- Бекаревич Ю.Б., Пушкина Н.В.** Самоучитель Microsoft Access. – СПб.: Бхв-Петербург, 2003. – 720 с.
- Гарден Ж.К.** Теоретическая археология. – М.: Прогресс, 1983. – 296 с.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А.** Формализованно-статистические методы в археологии: (Анализ погребальных памятников). – Киев: Наук. думка, 1990. – 304 с.
- Каменецкий И.С.** Код для описания погребального обряда // Древности Дона. – М.: Наука, 1983. – С. 221–250.
- Лазарев В.В., Барбарунова З.А.** Организация базы данных // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии / отв. ред. М.Г. Мошкова. – М.: ОНТИ ПИНЦ РАН, 1994. – Вып. 1: Савроматская эпоха. – С. 39–53.
- Мартин Дж.** Планирование развития автоматизированных систем. – М.: Финансы и статистика, 1984. – 196 с.
- Статистическая обработка** погребальных памятников Азиатской Сарматии / отв. ред. М.Г. Мошкова. – М.: ОНТИ ПИНЦ РАН, 1994. – Вып. 1: Савроматская эпоха. – 224 с.; 1997. – Вып. 2: Раннесарматская культура (IV – I вв. до н.э.). – 278 с.; М.: Вост. лит., 2002. – Вып. 3: Среднесарматская культура. – 143 с.

Материал поступил в редакцию 15.05.09 г.

УДК 903.3

Н.Н. Воропаева

Российский гуманитарный научный фонд
 Пресненский вал, 17, Москва, В-36, 123557, Россия
 E-mail: voropaeava@mail.ru, vnn@rfh.ru

КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДИЩА БОЛЬШОЕ СТОРОЖЕВОЕ НА СРЕДНЕМ ДОНЕ

Городище Большое Сторожевое на среднем Дону относится к скифскому времени. В 2009 г. в ходе исследований, которые проводились Донской археологической экспедицией РАН, на нем обнаружены материалы V–IV вв. до н.э., изучены хозяйственно-бытовые и культовые комплексы. В статье рассматриваются предметы ритуальной практики с данного памятника: вотивная керамика, миниатюрные сосуды, зооморфная глиняная пластика, а также жертвенник в виде цилиндрической площадки-вымостки. Рассмотренные культовые предметы и сооружения находят многочисленные аналогии в Днепро-Донской лесостепи и являются частью одной культовой и мифологической традиции, сформировавшейся на данной территории.

Ключевые слова: скифы, городища-поселения, лесостепное Подонье, культуры, жертвенник, культовая керамика, мелкая глиняная пластика.

Введение

Городище Большое Сторожевое находится на мысу правого коренного берега р. Дона у с. Сторожевое Острогожского р-на Воронежской обл. Общая площадь памятника составляет 7 тыс. м² (рис. 1, I). На материалах данного городища, которое является одним из самых крупных на территории среднего Дона, рассматриваются культовая практика его обитателей в контексте религиозно-мифологических представлений населения Днепро-Донской лесостепи. Культовая практика находится в неразрывной связи с религиозным мировоззрением, хозяйственной деятельностью человека и определенным типом общественных отношений.

Памятник известен с конца 1950-х гг. Первые полевые исследования на нем проводились Воронежской лесостепной скифской экспедицией под руководством П.Д. Либерова. В ходе работ были изучены укрепления городища, представлявшие собой три вала и два

рва [Либеров, 1962, с. 36; Пузикова, 1981, с. 45–46]. Выяснилось, что оборонительные сооружения городища были возведены в два этапа, наиболее ранний из которых относится к первой половине V в. до н.э. [Шевченко, 2008, с. 144]. В 1987 г. изучение городища продолжила экспедиция Воронежского педагогического института, которой руководил В.И. Погорелов [1987, с. 4–14]. Ею исследована территория площадью 500 м², получены интересные материалы, относящиеся преимущественно к раннему железному веку, а также доказано наличие культурного слоя бронзового века.

В 2009 г. к исследованию городища Большое Сторожевое приступила Донская археологическая экспедиция ИА РАН, возглавляемая В.И. Гуляевым. Ее целью было изучение культурного слоя в северо-западной части памятника, где предыдущими исследователями раскопки не проводились [Гуляев, 2010]. Площадь раскопа 2009 г. составила 80 м². Подробно исследовались участок, на котором в стратиграфи-

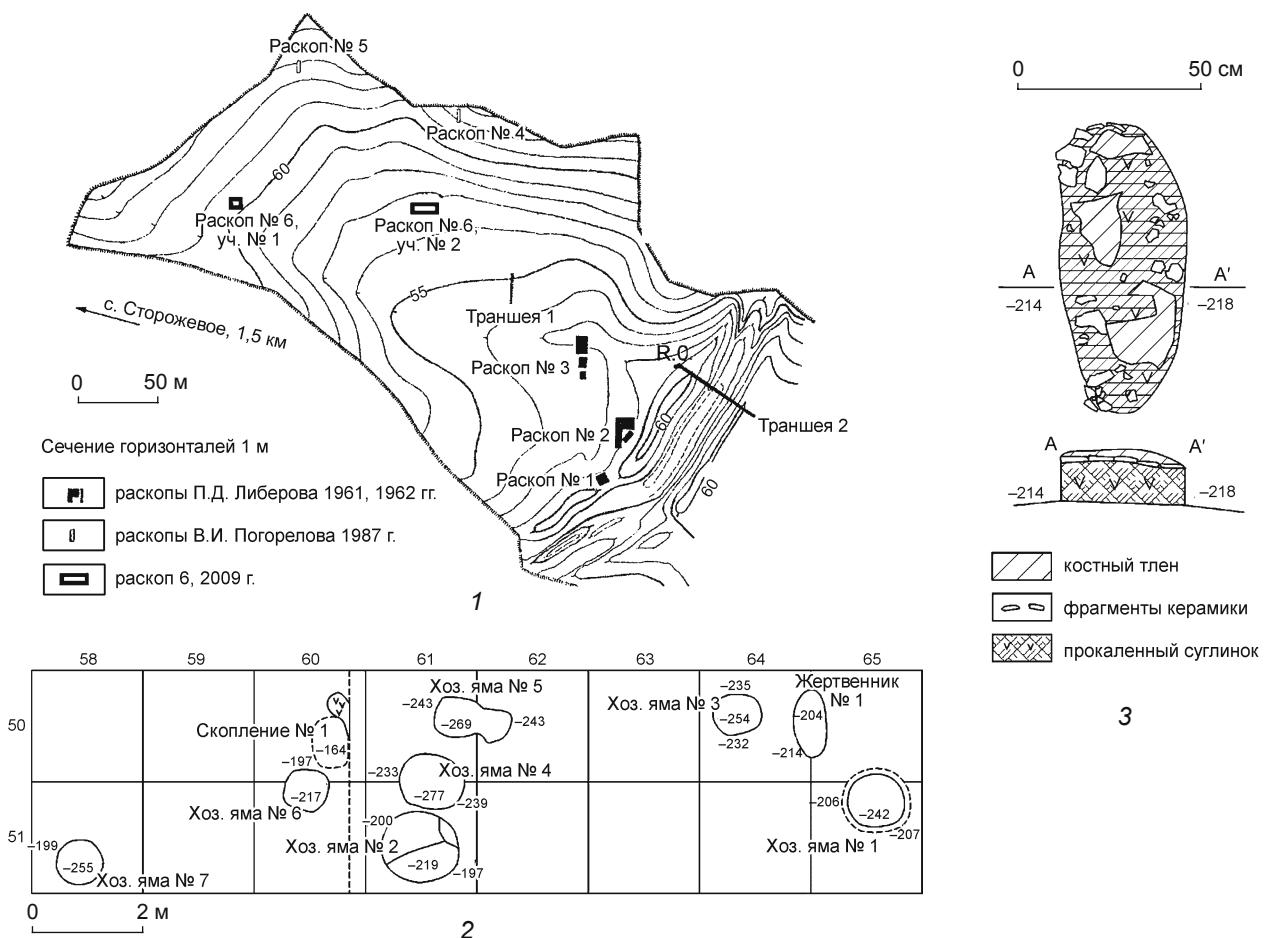

Рис. 1. Городище Большое Сторожевое.

1 – топографический план; 2 – план уч. 2 раскопа 6, 2009 г.; 3 – жертвенный № 1, план, разрез по линии А – А'.

ческой колонке прослежен культурный слой скифского времени (мощность 0,5 м), а также ряд объектов хозяйствственно-бытового и культового характера. Были открыты семь хозяйственных ям и площадка культового назначения в виде цилиндрического возвышения, сделанного из обожженного суглинка (рис. 1, 2).

Характеристика культовых комплексов городища

Городище Большое Сторожевое – памятник, на котором обнаружены все типы культовых предметов и комплексов скифского времени, характерные для территории лесостепного Подонья: культовая керамика, вотивные статуэтки, жертвенный.

Культовая керамика представлена миниатюрными сосудиками различных форм. Найдено три сосуда баночной формы. Два были обнаружены в ходе работ экспедиции П.Д. Либерова [1962, с. 48], один сосудик найден в хозяйственной яме № 6 раскопа № 6 экспедицией В.И. Гуляева. Высота последней емкости 3 см,

диаметр донца 2,5 см; на придонной части сохранились отпечатки пальцев (рис. 2, 1). Известен сосудик в виде миски на полом поддоне с отверстием под венчиком. Его высота 4 см, диаметр донца 3,5 см, венчика – 5,5 см [Там же, табл. XVII, с. 17]. Вероятно, сосуд выполнял функцию светильника, а отверстие служило для подвешивания. В 2009 г. найдены фрагмент стенки сосуда с придонной частью, орнаментированный прочерченными вертикальными линиями (рис. 2, 2), и донце миниатюрного сосудика (рис. 2, 3). В хозяйственной яме № 4 раскопа № 6 обнаружен уникальный миниатюрный горшок с сильно профицированным туловом и прямым коротким венчиком. Его высота 6 см, диаметр донца и венчика 4 см. В центральной части сосуд украшен орнаментом в виде прочерченного креста, заключенного в круг, диаметром 1,5 см (рис. 2, 4). Ближайший аналог данного горшка – сосуд, найденный на городище Волошино на среднем Дону. Он выполнен также в форме горшка, декорирован двумя горизонтальными прочерченными линиями по венчику и тремя горизонтальными линиями в придонной части. Эти два мотива соединены между собой двумя

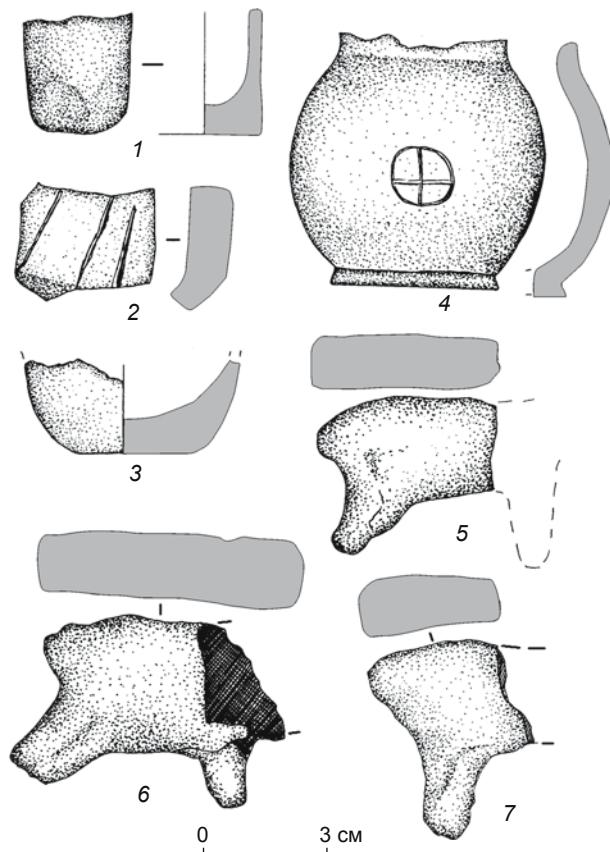

Рис. 2. Культовые предметы.
1–4 – миниатюрные сосуды; 5–7 – зооморфные статуэтки.

рядами тройных вертикальных линий. В центральной части горшок орнаментирован свастикой [Пузикова, 1969а]. Наиболее древние изображения крестов относятся к культурам Вавилона, Ассирии, Финикии, где они являлись символами бога солнца.

Свастика – символ огня или солнца – появилась как элемент орнаментации керамики в бронзовом веке, отмечена в материалах древнерусских памятников XII–XIII вв. По происхождению данный мотив близок к кресту, отличается лишь отростками, которыми заканчивается каждый луч – символ движения солнца по небу [Свешников, 1986, с. 11]. У языческих славян в некоторые праздничные дни было принято чертить кресты на хозяйственных постройках и посуде для изгнания злых духов [Даркевич, 1960].

Мелкая пластика представлена фрагментами зооморфных статуэток, которые обнаружены в раскопе № 2, в культурном слое скифского времени. Известны три фрагмента скульптурок грубой работы: вместе двух пар ног у них два толстых отростка; от двух фигурок сохранилась только задняя часть туловища; у одной статуэтки отколота голова. Изображения сделаны из желтой глины, в изломе черной; их длина ок. 5 см, высота 4,5 см (рис. 2, 5–7).

В современной историографии глиняная пластика скифского времени рассматривается как элемент культовой практики. В работе, посвященной городищам среднедонской культуры скифского времени, А.И. Пузикова выделяет особую категорию находок – предметы культа, к которым относит фигурки животных, найденные на городищах Волошино, Большое Сторожевое и Кировское, и связывает их с земледельческим культом [1969б, с. 79].

Комплекс глиняных антропо- и зооморфных скульптур Пекшевского городища на верхнем Дону кратко характеризует А.П. Медведев. Как считает исследователь, фигурки имели ритуальное назначение. Ссылаясь на аналоги с памятников на левом и правом берегу Днепра, он отмечает, что подобные предметы являлись важным элементом культуры населения лесостепных городищ [1999, с. 79].

Глиняная пластика с лесостепного правобережья Днепра рассматривается Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессоновой и С.А. Скорым. Ими отмечается отсутствие глиняных фигурок в погребальных комплексах, публикуются находки ранне- и среднескифского времени с Пастьрского, Шараповского городищ, поселений в урочище Скибовое и у с. Жаботин [1989, с. 52–54, 80]. С.С. Бессонова подчеркивает отличие верований скифов-степняков от религиозных представлений населения лесостепи и приводит мнение В.П. Андриенко о том, что зооморфные статуэтки восходят к белогрудовской, а антропоморфные – к чернолесской культурной традиции [Степи..., 1989, с. 121–122].

В контексте эпохальных поселенческих традиций, характерных для населения лесостепной зоны Евразии, рассматривает культовую глиняную пластику ирменской и саргатской культур М.А. Чемякина [2004]. Исследователь считает такие находки свидетельствами бытовавших поселенческих культов, связанных главным образом с плодородием, допускает возможность тотемистических проявлений в обрядовой практике, а также делает вывод о бытованиях в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири единой стилистической традиции. По мнению М.А. Чемякиной, западно-сибирские глиняные изображения по стилистическим особенностям и практическому применению сходны с древностями кизил-кобинской культуры и глиняной пластикой Бельского городища, что указывает на близость идеологических представлений у населения лесостепной зоны Евразии в переходное время [2004].

Наиболее многочисленной является коллекция глиняной пластики с Бельского городища. Анализируя ее, Б.А. Шрамко учитывает иранскую основу многочисленных и разнообразных культов, получивших распространение у обитателей городища, которое являлось культурным и религиозным центром. Основные образы и приемы изготовления мелкой глиняной

пластики, по мнению Б.А. Шрамко, восходят к древним традициям, сложившимся у земледельческих племен юга Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке. Появление на лесостепном левобережье Днепра религиозных верований, имеющих иранскую основу, объясняется контактами местного населения со степными скифами, а также проживанием на этой территории гелонов – ираноязычного народа. По антропоморфной скульптуре Б.А. Шрамко реконструирует совершившиеся обряды и описывает пантеон местных божеств и характер обрядов [1987, с. 127–140]. Оригинальную гипотезу предлагает Ю.Н. Бойко: он связывает изделия, использовавшиеся населением бассейна р. Ворскла для отправления земледельческих культов, с низшим сословием ремесленников и земледельцев, а глиняные изображения диких животных – с воинским [1987].

Глиняная пластика является частью материальной и духовной культуры общества. Древние общества отличались традиционностью, поэтому искусство носило синcretичный характер. Изучение глиняных изображений открывает определенные возможности для реконструкции эстетических, мифологических и религиозных представлений создавших ее людей. Глиняные вотовивные статуэтки в большинстве случаев связаны с комплексами жертвоприношений; воплощенный в глине образ являлся заместителем жертвенного животного.

В литературе приводятся многочисленные археологические и этнографические материалы, свидетельствующие об использовании в ритуале жертвоприношения скульптурного изображения как эквивалента животного. Традиция замещения предметов жертвоприношения их частями или эквивалентами получила отражение также в курганах, например, на среднем Дону встречаются ребра лошади – условное обозначение целой туши, а также конская упряжь, символизирующая захоронение коня [Савченко, 2001, с. 53–134]. Неслучайным является и круг изображаемых животных, каждое из которых занимало определенное место в иерархии; данная концепция имела широкое распространение у индоевропейцев, в т.ч. в скифской среде. Характеризуя символическую основу сюжета на пекторали из Толстой могилы и признавая композицию ее образов «эквивалентом магической формулы, обеспечивающей благополучие, умножение скота», Д.С. Раевский обращается к древнеиндийским представлениям. Согласно древнеиндийским источникам, человек, лошадь, корова, овца и коза – пять «частей скота»; эта пентада сопоставляется с другими пятичленными классификациями, отражающими различные стороны мироздания. Так, при закладке алтаря в центр обычно помещали человеческий череп, а по сторонам света – черепа коня, быка, барана и козла [Раевский, 2006, с. 486–488]. Для скифских памятников

характерны жертвенные с человеческими черепами или глиняными скульптурными группами, в которые входят антропоморфные, а также зооморфные статуэтки, изображающие животных различных биологических видов; подобные группы можно рассматривать как модели, обеспечивающие равновесие в природе и плодородие.

Глиняная вымостка культового характера обнаружена в восточной части раскопа № 6. Она представляла собой овальное возвышение, вытянутое по линии север – юг, из суглинка красновато-желтого оттенка (подвергался температурной обработке), высотой 0,2 м, размерами 1,2×0,7 м. Плоская поверхность сооружения выложена мелкими плоскими фрагментами стенок лепных сосудов скифского времени. Над слоем керамики находился слой костного тлена толщиной 0,03–0,05 м (см. рис. 1, 3). Данное сооружение являлось жертвеником, причем уникальным для территории среднего Дона, сооружения такого типа характерны скорее для памятников Поворскля и Северского Донца. Сходные по конструктивным особенностям культовые сооружения известны в Днепро-Донской лесостепи [Гавриш, 1992, с. 35; Білозор, 2004, с. 10; Шрамко, 1998, с. 31; и др.].

Некоторые предметы глиняной пластики связаны с жертвениками. В.П. Андриенко предложил типологию жертвеников (алтарей) лесостепи. К типу I он отнес глиняные вымостики с рельефным орнаментом, к типу II – цилиндрические возвышения с ровной побеленной поверхностью или чашевидным углублением вверху, к типу III – глиняные тарелкообразные возвышения [Андріенко, 1974, с. 93–94]. К этим типам И.П. Русанова добавляет также глиняные вымостики без орнамента, вымостики из камней и черепков, из костей животных, простые костища, на которых также совершались жертвоприношения [2002, с. 121]. Жертвеник на городище Большое Сторожевое является переходной формой между алтарями типов I и II (по В.П. Андриенко) и близок жертвеникам, принадлежащих кругу памятников, близких Восточному Бельскому городищу.

Жертвеники типа I (по В.П. Андриенко) относятся к культовым комплексам общинного назначения: подобные сооружения отмечены на Кнышовском городище [Гавриш, 1992, с. 40–41], Западном Бельском городище (зольник № 28), поселении Вишенка-2, Глинском городище; аналогичное святилище известно на позднесрубном поселении Богуслав [Задников, 2002, с. 31–32]. Алтари-вымостики из камня и глины, на которых происходило отправление общинных культов, открыты также на таких памятниках эпохи бронзы, как Пустынка, Усово Озеро; подобные жертвеники часто встречаются в зольниках белогрудовской и чернолесской культур, обнаружены на поселениях Адамовка, Собковка, Гиндешти [Русанова, 2002, с. 122].

Жертвеники типа II широко представлены на памятниках на левобережье Днепра; они локализуются около жилищ, причем каждая жилая постройка имеет свой жертвеник. Жертвеники использовали один раз, после совершения ритуала они утилизировались в прилегающих к ним хозяйственных ямах [Воропаева, Гавриш, 2009, с. 142–148].

Заключение

Таким образом, культовая практика людей, населявших городище Большое Сторожевое в скифское время, ориентирована на отправление культов плодородия. Цилиндрические жертвеники зачастую составляют единый комплекс с хозяйственно-бытовыми постройками. Можно предположить, что ритуалы совершились в рамках отдельной семьи. Глиняные зооморфные статуэтки демонстрируют идею замещения жертвы; их изготавливали для одноразового использования и ломали при совершении ритуальных действий, что, вероятно, должно было символизировать убийство жертвенного животного. Рассмотренные вотивные предметы и сооружения имеют многочисленные аналоги в Днепро-Донской лесостепи, прежде всего на памятниках Северского Донца и Поворослья и являются проявлением единой для этой территории культовой и мифологической традиции.

Список литературы

Андрієнко В.П. Основні культові обряди та споруди у племен лісостепової Скіфії (VII–V ст. до н.е.) // Вісник Харківського університету. – 1974. – № 104: Історія, вып. 8. – С. 89–96.

Білозор В.П. Про жертвники з людськими черепами в урочище Царина на Більському городищі // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології. – Київ: Наук. думка, 2004. – С. 8–20.

Бойко Ю.Н. Отражение социальной структуры в идеологии и культовой практике населения Ворсклинского региона скифского времени // Религиозные представления в первобытном обществе: тез. докл. – М., 1987. – С. 176–179.

Воропаєва Н.Н., Гавриш П.А. Глиняная антропоморфная и зооморфная пластика середины I тыс. до н. э. Кнышовского городища // РА. – 2009. – № 4. – С. 142–147.

Гавриш П.Я. Звіт про археологичні розкопки Книшівського городища скіфської доби (Полтавська область) будиногелонською археологічною експедицією Полтавського пединституту в 1992 р. // Архив ИА НАН Украины, № 149.

Гуляєв В.И. Отчет о работе Донской археологической экспедиции ИА РАН в 2009 г. // Архив ИА РАН.

Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. – 1960. – № 4. – С. 56–57.

Задников С.А. Культовый комплекс раннескифского времени на Бельском городище // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім. – 2002. – С. 31–32.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифского времени Днепровского лесостепного Правобережья. – Киев: Наук. думка, 1989. – 336 с.

Либеров П.Д. Отчет о результатах работы Воронежского отряда лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. // Архив ИА РАН, № 2489.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. – М.: Наука, 1999. – 160 с.

Погорелов В.И. Отчет к открытому листу № 278 об археологических исследованиях в Острогожском и Новохоперском районах Воронежской области в 1987 г. // Архив ИА РАН, № 12032.

Пузикова А.И. Работы Воронежской лесостепной экспедиции // АО 1968 года. – М.: Наука, 1969а. – С. 52–54.

Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. – М.: Наука, 1969б. – С. 70–79.

Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // МИА. – 1981. – № 151. – С. 45–74.

Раевский Д.С. Мир скифской культуры. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 600 с.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Черновцы: Прут, 2002. – 172 с.

Савченко Е.И. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. – М.: Изд-во ИА РАН, 2001. – 280 с.

Свешников И.К. О символике вещей михалковских кладов // СА. – 1986. – № 1. – С. 10–14.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – 464 с. – (Археология СССР).

Чемякина М.А. Мелкая глиняная пластика переходного времени от бронзы к железу лесостепной зоны Евразии // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології. – Київ: Наук. думка, 2004. – С. 95–97.

Шевченко А.А. Городище скифского времени Большое Сторожевое на Среднем Дону (реконструкция и хронология оборонительных сооружений) // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Б.А. Шрамко. – Харьков: Курсор, 2008. – 176 с.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – Киев: Наук. думка, 1987. – 184 с.

Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. – Харьков: Регион-информ, 1998. – С. 9–131.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 292/299

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: venariy@ngs.ru

ЭРЛИК-ХАН В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ХАКАСОВ*

В статье на основе архивных и литературных сведений рассматривается мифоритуальный комплекс, связанный с Эрлик-ханом – одним из главных персонажей хакасского пантеона. Выявляется его связь с культом предков и последующая трансформация этого божества. Проанализированы знаковый и функциональный аспекты.

Ключевые слова: Эрлик-хан, духи, мир мертвых, культ предков, обряд, шаманизм.

При исследовании религиозных верований народов Южной Сибири и Центральной Азии невозможно обойти стороной Эрлик-хана, который является одним из центральных религиозных персонажей тюркских и монгольских народов. В историко-этнографической литературе ему уделялось немало внимания [Катанов, 1907; Анохин, 1924; Алексеев, 1984; Неклюдов, 1988; Традиционное мировоззрение..., 1988; Потапов, 1991; Бутанаев, 2006]. Необходимо отметить, что столь колоритная фигура в мифоритуальном комплексе хакасов, к сожалению, изучена недостаточно полно. Сведения о нем содержатся в отдельных работах, посвященных духовной культуре хакасов.

*Работа выполнена в рамках проекта «Сравнительный анализ базовых духовных ценностей в культурах народов Сибири конца XIX – начала XXI в. Оценка перспектив сохранения и развития культурного наследия» программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 25, направления № 5, и проекта № 1.5.09 или ЗН-5-09 (ранее ЗН-17-08) «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии, этнографии и востоковедению в рамках УНЦ НГУ и ИАЭТ СО РАН».

Проблема изучения и интерпретации образа

Во многих этнографических сочинениях, в которых рассматривается мировоззрение хакасов, образ Эрлик-хана представлен лишь фрагментарно, порой противоречиво. Отчасти это объясняется тем, что в XIX–XX вв. исследователи фиксировали взгляды хакасов об Эрлик-хане (как и в целом религиозно-мифологические представления), испытавшие в прошлом значительное влияние буддизма, манихейства и христианства. Многие дореволюционные авторы в своих работах выделяли лишь отдельные грани этого образа, не замечая или сознательно «затушевывая» те, которые противоречили их концептуальным подходам.

Предки хакасов и других народов Южной Сибири впервые соприкоснулись с буддизмом, манихейством и христианством несторианского толка в древнетюркский период [Кляшторный, Султанов, 2000; Кызласов, 1999; Борисенко, Худяков, 2005; Бутанаев, 2003]. В этой связи А.М. Сагалаев справедливо отмечал, что сложный образ Эрлик-хана у тюрко-монгольских народов формировался с того времени [1984, с. 7, 70]. Ввиду ограниченности источниковой

базы трудно судить об интенсивности и степени воздействия указанных религий на всю мифоритуальную систему предков хакасов. Однако не вызывает сомнения то, что в результате длительных и сложных этнокультурных взаимодействий образ Эрлик-хана приобретал новые черты, а старые нивелировались и переосмысливались. Впоследствии, несмотря на эти изменения, мифологическая локализация и основные культовые функции Эрлик-хана сохранялись на протяжении длительного периода.

Воздействие мощных культурных импульсов мировых религий на мифологическую систему народов Саяно-Алтая продолжилось и в более позднее время [Лаппо, 1905, с. 38; Яковлев, 1900, с. 120]. К XVIII–XIX вв. в результате этнокультурного взаимодействия южно-сибирских народов с монголами и русскими местные архаические мифы и культовые практики существенно пополнились и тесно переплелись с буддийскими и христианскими воззрениями [Потапов, 1991, с. 254–260; Сагалаев, 1984, с. 8–48; Михайлов, 1980, с. 168]. На протяжении всего XIX в. мифоритуальная система хакасов продолжала подвергаться значительному влиянию православия. При дальнейшей трансформации пантеона глубоко переосмысливались отдельные мировоззренческие позиции.

С середины XIX в. с основанием Русского географического общества усилился интерес этнографической науки к духовной культуре коренных обитателей Сибири. Проводилось планомерное и систематическое изучение их культурного наследия. В некоторых историко-этнографических исследованиях того времени интерпретация отдельных аспектов этнической культуры была необъективной. Осмыслению верований сибирских народов мешал распространенный тогда подход к изучению традиционного мировоззренияaborигенов – рассмотрение его сквозь призму христианского мировидения.

«Демонизации» Эрлик-хана в христианской вариации способствовала недостаточная в то время разработанность в этнографической науке терминов, характеризующих отдельные грани духовной культуры разных народов мира, в т.ч. и этносов Сибири. Это находило свое отражение прежде всего при анализе мировоззрения, обрядовой практики и таких ключевых понятий, как «Бог» и «душа». На рубеже XIX–XX вв. в западно-европейской этнологической науке данную проблему четко обозначил известный французский исследователь Л. Леви-Брюль. Ученый критически высказался об использовании термина «душа» (в христианском понимании) при характеристике мышления первобытных людей, т.к. «ощущение сопричастности и единства» с жизненным началом, растворенным в природе, не имеет никакого отношения к «духовному гостю тела», именуемому

душой [Леви-Брюль, 1999, с. 73–74]. Позже с аналогичной критикой научного инструментария, применяемого при изучении верований народов Сибири, выступал и Л.П. Потапов [1991, с. 31]. Обозначенный подход проявлялся и при рассмотрении таких основополагающих мировоззренческих категорий, как «высшая сила», «добро и зло», «светлое и темное начала» и т.д. [Лаппо, 1905, с. 16–17]. Исходя из данных культурно-исторических и ментальных посылов, многие исследователи и собиратели фольклора нередко упрощали сложный и многозначительный мифологический образ Эрлик-хана. Результатом этого явилось неосознанное, а в отдельных случаях (христианскими миссионерами) намеренное наделение его чертами безжалостного «исчадия ада» [Александров, 1888, с. 94–95].

При более глубоком и детальном рассмотрении традиционного мировоззрения хакасов выясняется, что Эрлик-хан воспринимался коренными жителями Саяно-Алтая не столь однозначно. Аскизский священник В. Суховской обратил внимание на его существенную роль в ритуальной сфере, в т.ч. в обрядах, направленных на обеспечение плодородия [1884, с. 300]. Известный исследователь алтайского шаманизма А.В. Анохин «дистанцировал» этот образ от злых духов [1924, с. 6]. В мифоритуальной практике хакасов Эрлик-хана часто называли *Ада(зы)* – «отец, патрон», *Адам* – «мой отец», *Харахан* – «черный хан», *Ансах* – «старик», *Хайрахан* – «господин» и при обращении к нему нередко использовали эпитет «добрый»* (Архив МАЭ (Кунсткамера). Ф. 5. Оп. 6. Д. 15. Л. 23–24). Верили, что в немалой степени от его «благодушия» зависит непрерывность и благополучие жизни не только отдельного человека, но и его семьи, рода и т.д. Эрлик-хан почтился и «задабривался» всеми южно-сибирскими шаманистами, независимо от их родовой принадлежности. По материалам Н.П. Дыренковой, вполне коррелирующим с хакасскими, телеутские шаманисты обращались к Эрлик-хану со следующими словами:

...Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Лежа сотворяющий,
Лежа устремляющий к жизни,
Всего глава,
Всех и всего пуповина!

[Дыренкова, 1949, с. 137].

*Стоит отметить, что тюрки Южной Сибири при обращении к Эрлик-хану могли использовать прямо противоположные по смыслу слова и выражения [Анохин, 1924, с. 1–2].

В то же время в мифологическом сознании природные катаклизмы часто связывались с гневными действиями Эрлик-хана, требующего новую жертву. Двойственное отношение к этому божеству обуславливало определенную долю трепета и мистического страха перед ним и его ближайшим окружением. Верующие, боясь возмездия, старались лишний раз не произносить его имя [Бурнаков, 2006, с. 69, 75]. На такие черты менталитета хакасов и алтайцев, как «легковерие и склонность к суеверию», в свое время обращал внимание выдающийся тюрколог В.В. Радлов [1989, с. 172]. Ограниченностъ сведений об Эрлик-хане объясняется еще и нежеланием верующих беседовать с исследователями на данную тему из-за суеверного страха перед божеством Нижнего мира. По словам князя Н. Кострова, занимавшегося в середине XIX в. сбором этнографических материалов среди хакасов, на его вопросы об Эрлик-хане информаторы уклончиво отвечали: «Ерлик-хан до того ужасен, что даже нет возможности его изобразить» [1852, с. 62].

Сборы сведений о рассматриваемом мифологическом персонаже и интерпретация его образа затруднялись еще одним обстоятельством. Как известно, приоритет в мифоритуальном «взаимодействии» с Эрлик-ханом принадлежал шаманам. Следовательно, они обладали большей информацией о нем. Исследователям порой было сложно получить сведения непосредственно от самих шаманов. Не последнюю роль в этом играл социально-психологический защитный фактор. При коммуникации шаманов с представителями иных этноконфессиональных сообществ, равно как и с носителями властных административных полномочий и просто с незнакомыми людьми, эта проблема обострялась [Яковлев, 1900, с. 115]. На всем протяжении XIX–XX вв. шаманы часто подвергались преследованиям: в дореволюционное время со стороны православной церкви, в советский период – самого государства. Многие из них в целях личной безопасности сознательно избегали разговоров с исследователями по обозначенным вопросам либо давали поверхностную информацию. Указанные обстоятельства повлияли на общую информативность и, соответственно, цельность образа Эрлик-хана при изучении мировоззрения и обрядовой практики хакасов.

Эрлик-хан: многообразие имен и понятий

Согласно традиционному мировоззрению хакасов, как уже было сказано, Эрлик-хан (Ирлик-хан, Ильхан, Айна-хан, Кирей-хан) являлся владыкой Нижнего мира. Русское население, совместно проживавшее

с хакасским, чаще называло его шайтаном, чертом, дьяволом, сатаной, нечистью и т.д. Необходимо обратить внимание на то, что верования хакасов в XVIII–XX вв. испытывали влияние т.н. народного православия. По всей видимости, результатом адаптации образа Эрлик-хана к новым социокультурным реалиям того времени явилось наделение его демоническими чертами сатаны (дьявола), заимствованными из христианского вероучения. На происходившие в прошлом тесные контакты аборигенной шаманской и русской народно-православной традиций в свое время обращал внимание А.М. Сагалаев [1986, с. 167]. Д.Е. Лаппо отмечал, что в культуре хакасов «культ Кудаю (верховного божества. – Б.В.) ныне уживается с одной стороны с шаманизмом, а с другой – с православием» [1905, с. 42].

Жизнь в теснейшем контакте с коренными жителями Южной Сибири сказывалась на мировоззрении русского населения. Многие старожилы, изучая местный язык, заимствуя способы хозяйствования и другие компоненты жизнеобеспечения, одновременно с этим воспринимали отдельные элементы автохтонного мифоритуального комплекса. Часто это выражалось в почтительном отношении к сакральным местам, совершении там некоторых обрядовых действий, соблюдении определенных промысловых норм, правил и т.д. В связи с этим можно согласиться с А.А. Люцидарской, утверждающей, что «принесенные из метрополии мистические обряды в сознании пришлого населения переплетались с элементами аборигенной культовой практики» [2007, с. 127]. В мифологическом сознании русских шаманизм чаще ассоциировался со служением «злому началу», идолопоклонством. Выдающийся российский академик В.В. Радлов, изучая в XIX в. традиционное мировидение тюркских народов, обращал внимание на то, что стремление шаманистов поддерживать с помощью шаманов добрые отношения с силами тьмы «создало у соседнего русского населения представление, будто **религия шаманистов – религия дьявола** (выделено мной. – Б.В.)» [1989, с. 366].

Русские, несмотря на суеверный страх и опасения, все же нередко прибегали к услугам шаманов. В конце XIX в. известный сибиревед и общественный деятель Н.М. Ядринцев по этому поводу писал: «Шаманы и их ворожба производили впечатления на русских казаков и промышленников, они усвоили веру в могущество шаманов и их чудесную силу, обращаясь к ним в трудных случаях» [1892, с. 459]. Распространенным явлением в XIX–XX вв. было присутствие русских на общественных жертвоприношениях хакасов – *тайыг* [Клеменц, 1884; Яковлев, 1900]. В большинстве случаев обращение русских к шаманам обуславливалось верой в их сверхъестественные силы и надеждой на быстрое разрешение бытовых проблем.

В отличие от ортодоксальной христианской религии, основанной на текстах Священного Писания, местные культуры базировались на тесном взаимодействии с окружающей их природой. В этой связи интересны наблюдения священника Н. Орфеева, наглядно демонстрирующие этнокультурные процессы в то время. Как отмечал автор, причину некоторых природных явлений мифологическое сознание хакасов объясняло магическими манипуляциями и колдовством русских [Орфеев, 1886, с. 43].

Следствием дальнейшего этнокультурного взаимовлияния хакасов и русских явилось то, что местные и заимствованные названия «властелина потустороннего мира» часто использовались как синонимы. Нередко производилась и подмена понятий. Многие хакасы, не в полной мере владея русским языком, имели лишь поверхностное знание основ православного вероучения. Доброе и злое начала шаманизма, как им казалось, были тождественны понятиям христианского Бога и сатаны.

В конце XIX в. на интенсивные процессы христианизации хакасов, проживавших вблизи русского населения, трансформации их мировоззренческой сферы обращал внимание Д.К. Клеменц. Исследователь констатировал, что «под влиянием христианства старые, шаманские божества, прежде бывшие и злыми и добрыми, переходят все в цикл злых духов, шайтанов, чертей» [Клеменц, 1884, с. 9–10]. Н.Ф. Катанов записал слова и выражения, заимствованные хакасами из религиозной терминологии русских. Они были адаптированы к специфике хакасского языка и наглядно иллюстрируют процессы межкультурного взаимодействия, происходившие в данной сфере. Вот некоторые из них: «Чорт – черт; че, чорт – ну, черт; кузуруктыг, мустуг чорт ағылганар – привели дьявола, имеющего хвост и рога; чорт пілер каідар-каідар парчангмын – черт знает, куда куда мне идти» [1893, с. 60]; «Почки – сокращенное “фу, черт”» [1907, с. 379].

Нередко хакасы употребляли слово «шайтан» (хак. *сайдан*) вместо «Эрлик-хан» в целях более доступной трактовки своих верований и традиций как для простого русского населения, так и для исследователей [Костров, 1852, с. 62]. Некоторые учёные полагают, что слово «шайтан» изначально было заимствовано русскими из ислама и в дальнейшем использовалось ими для обозначения «нечистой силы»aborигенных этносов [Львова, 1973, с. 174]. В литературном анализе хакасского пандемониума того времени в результате лексических замен нередко один и тот же персонаж одновременно выступал в качестве разноплановых самостоятельных фигур с соответствующими именами. Они якобы отличались спецификой функций [Орфеев, 1886, с. 42–43].

Обратимся к этимологии слова «Эрлик». Необходимо сказать, что самое первое упоминание об Эрлик-хане встречается в памятниках орхоно-енисейской письменности. Название этого божества передано в форме *erklig* со значением «сильный, властный» [Малов, 1952, с. 64]. Согласно глубоким исследованиям известного тюрколога С.Г. Кляшторного, в древнетюркских письменных источниках Эрклиг устойчиво соотносится с подземным миром [1981, с. 125–131]. С.Ю. Неклюдов при анализе фольклорно-этнографических текстов народов Сибири и Центральной Азии пришел к обоснованному выводу, что имя владыки Нижнего мира «восходит к древнеуйгурскому Эрклиг каган (”могучий государь”) – эпитету владыки буддийского ада Ямы. Прозвище Номун-хан – монгольская калька титула Ямы – “царь закона”, “владыка веры”» [Неклюдов, 1988].

Не лишена оснований и версия, выдвинутая знаменитым русским ученым-путешественником и общественным деятелем Г.Н. Потаниным. Он выявил семантические ряды, связывающие термин «Эрлик» с подземным пространством и некоторыми его обитателями. В монгольских языках это слово передается в форме Эрлен (хак. *Ирлен*). Исследователь связал данную лексему с названием таких животных, как крот и крыса. Место обитания их, как известно, чаще расположено под землей. Г.Н. Потанин, аргументируя свою мысль, привел распространенные в фольклоре тюркских и монгольских народов сюжеты, в которых эти грызуны имели непосредственное отношение к «войску» Эрлик-хана. Он же был их непосредственным властителем [Потанин, 2005, с. 694]. Стоит заметить, что в мифологических воззрениях хакасов многие животные, живущие в норах или в воде, наделялись сверхъестественными, а порой и вредоносными свойствами. Они воспринимались местным населением как существа, имеющие отношение к Эрлик-хану.

Любопытные сведения о понятии «Эрлик» привел В.В. Радлов. Исследователь зафиксировал это слово у народов Восточного Туркестана. Оно имело отношение к этнической самоидентификации [Радлов, 1989, с. 101]. Данное сообщение представляет интерес в том аспекте, что некоторые тюркские народы Средней Азии, по всей видимости, связывали термин «Эрлик» с понятиями «земляк», «сородич» и соотносили его с местом проживания. Не исключено, что это слово могло являться реминисценцией понятия «своя земля, земля своего рода (предков)» или, по крайней мере, его символических маркеров. В некоторых тюркских мифах говорится, что именно Эрлик-хан достал из Мирового океана первую землю, чем и утвердил свое право на нее. В связи с этим авторы известной работы «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» справедливо отме-

чают: «Все живое, обитающее в земле, под землей, в воде, считалось принадлежностью Нижнего мира» [1988, с. 5]. Кроме того, земля, имевшая непосредственное отношение к Нижнему миру, олицетворяла еще и последнее пристанище человека.

Взаимосвязь Эрлик-хана с землей и ее глубинными слоями отнюдь не исключала изначальную принадлежность этого персонажа к Верхнему миру, небесной сфере, что было отмечено Л.П. Потаповым [1991, с. 255]. В мифологии южно-сибирских тюрков первым местообитанием Эрлик-хана считались небеса. Впоследствии, как повествует фольклор, он был ниспровергнут на землю, а затем и в подземелье [Вербицкий, 1992, с. 122–123]. На небесную локализацию Эрлик-хана «в прошлом» указывает его первоначальное орнитоморфное обличье. В архаических мифах о сотворении мира он выступает в качестве одного из активных демиургов. Как уже упоминалось, именно Эрлик-хан в образе летающей утки опустился под воду и достал оттуда ил, из которого Худаем (верховным божеством) была сотворена земля. Однако Эрлик-хан утаил остаток ила во рту, а затем изрыгнул его на созданную Худаем ровную поверхность, в результате чего появились горы, сопки и болота. Так, согласно мифу, определился существующий ландшафт земли [Катанов, 1907, с. 246, 522, 527]. Демиург, создав по собственной инициативе необходимые для жизни людей условия, тем самым, возможно, предопределил свою роль прародителя.

В хакасской, как и в тюркской, традиции Эрлик-хан по своему творческому потенциалу, изобретательности и активности не уступает светлому верховному божеству (Худаю, Улгеню, Ёён (Чахыс)-чаяну). Порой он даже более креативен, хотя его деятельность все же в большей степени несет в себе отрицательное начало. Став первым кузнецом, Эрлик-хан изобрел инструментарий и создал обитателей Нижнего мира [Вербицкий, 1992, с. 90]. Считалось, что именно он вдунул душу в человека. Данный миф с давних пор использовался шаманами для обоснования фатальной зависимости души умершего от воли Эрлик-хана [Потапов, 1983, с. 105].

Эрлик-хан и Нижний мир

Как было сказано выше, в древнетюркском языке слово «Эрлик» означало «сильный». В этот термин вкладывались еще и такие понятия, как «могущественный», «имеющий власть», «правитель», «властелин», «владелец», «хозяин» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 180]. Все перечисленные значения указывают на высокий сакральный статус Эрлик-хана в мифоритуальной сфере тюрков.

Согласно традиционному мировоззрению хакасов, Эрлик-хан жил в Нижнем мире. Это пространство было неоднородным и делилось на многочисленные сферы (слои). Эрлик-хан обитал под «17 слоями земли» [Катанов, 1907, с. 216]. Мифологическая «стратиграфия» Нижнего мира была широко распространена среди народов Саяно-Алтая. Так, например, некоторые группы алтайцев верили, что «подземное царство тьмы состоит из девяти ярусов» [Радлов, 1989, с. 361]*. Согласно верованиям тувинцев, «земля имеет три слоя, под которыми находится 18 адских огней (тамы), в которых господами считаются 18 эрликов, старший из которых именуется Эрлик-ханом» [Катанов, 1893, с. 6]. По представлениям хакасов, владыка подземного царства жил в медном дворце. Его внутренняя обстановка и мебель были золотыми. Эрлик-хан «восседал в огромном золотом кресле за большим золотым столом» (Архив ХНКМ. Рукопись Тенишева. Л. 8). По другим сведениям, он жил «под высокой горой в каменном доме с сорока углами» [Катанов, 1907, с. 248].

Местообитанием Эрлик-хана и его помощников могла быть водная стихия. Как известно, в традиционной культуре хакасов вода (*суг*) воспринималась в качестве субстанции, связанной с Нижним миром. Она нередко наделялась амбивалентными свойствами [Традиционное мировоззрение..., 1988, с. 23; Бурнаков, 2006, с. 42–52]. Любопытно, что в хакасском языке родник обозначается *хара суг* – «черная вода». Семантика данной лексемы указывает на то, что в мифологическом сознании вода, вытекающая из-под земли, очевидно, воспринималась как субстанция, исходящая из потустороннего мира. Она, вероятно, наделялась тождественными этому пространству свойствами. Вода якобы могла и оживить, и погубить. В хакасской традиции существовало представление о живой (*мёги суг*) и мертвый воде (*чабал суг*). В фольклорных произведениях весьма распространен сюжет о воскрешении героя с помощью *мёги суг* [Алтын-Арыг, 1987, с. 123]. Мертвую считалась вода, которой обмывали покойника. Верили, что соприкоснувшись с ней либо случайно наступив на место, куда она была слита, человек непременно заболевал и впоследствии мог умереть.

В мифологическом сознании водная стихия соединяла Нижний и Средний миры и часто выступала каналом связи между ними [Традиционное мировоззрение..., 1988, с. 75]. В. Суховской писал: «Подземный ключ представляет удобную дорогу для сношения с далеким духом» [1884, с. 297]. Не удивительно, что Эрлик-хан воспринимался как имеющий

*По другой версии – из семи [Потапов, 1983, с. 103].

отношение к водной стихии либо как «живущий на берегу моря», «плывущий в лодке». В мифах часто встречается упоминание о его слугах – эрликах числом 88 (99)*, также обитающих на берегу «черного моря» [Катанов, 1893, с. 27; Анохин, 1924, с. 4]. В одном из своих обращений к Эрлик-хану шаман произносил следующие слова: «Если и есть место твоего жительства, так это в верховьях Малого Абакана! Если и есть место твоих игр, так это на берегу Большого Абакана!» [Катанов, 1907, с. 558]. Необходимо указать на то, что при описании места обитания Эрлик-хана часто употребляется эпитет «покрытый ракитниками». По фольклорным данным, из этого растения сделана коновязь, расположенная у дома владыки подземного мира [Там же, с. 219]. У хакасов ракитник еще носит название *юзют агадзы* – «дерево юзотов» (ПМА**). *Юзютом* называлась душа «окончательно» умершего человека, полностью ушедшая в мир предков. По всей видимости, ракитник воспринимался в качестве объекта, имеющего отношение к потустороннему пространству и непосредственно к Эрлик-хану. Вероятно, подобные суждения были обусловлены самим местом его произрастания – у водоемов, которые считались дорогой в иной мир. Вера хакасов в возможную локализацию этого духа в водных объектах подтверждается материалами И. Пестова [1833, с. 80–81].

В фольклоре хакасов Эрлик-хан нередко изображен в образе старика с копьем или тростью, которыми он способен поразить все живое. Однако по рассказам самих шаманов, владыка Нижнего мира представлялся им черным великаном с густой косматой шерстью, длинной бородой и рогами. «Его огромные красные глаза горели огнем. Длинные крепкие, как сталь, зубы блестели. На руках и ногах он имел медвежьи когти. Сзади у него торчал огромный хвост длиною в пять сажень» (Архив ХНКМ. Рукопись Тенишева, Л. 8). В мифологии других южно-сибирских тюрков облик повелителя подземного царства имеет определенное сходство с представленным описанием [Анохин, 1924, с. 3].

В мифopoэтической традиции хакасов гиперболизированный образ Эрлик-хана, перенасыщенный всевозможными демоническими признаками, отчетливо сохранял черты человека (старика, мужчины). Одновременно с этим «очеловечивались» и его жизнедеятельность, потребности, желания и т.д. [Яковлев, 1900, с. 119]. В одном из шаманских призываний к нему обращались со следующими словами:

*Согласно другим вариантам мифов, численность ближайших помощников Эрлик-хана составляет семь – девять эрликов [Катанов, 1893, с. 30; 1907, с. 215, 219–220, 248].

**Полевые материалы автора.

*Хара аргымаха минген
Хара албага тон кискен
Хара чылан хамчы тудынган
Хара каши чугенниг,
Хара узун сагаллыг
Хучак четтес пеллиг
Харыш четтес хабахтыг
Эрлик-хан чахши позынъ
Эр алдына кулеп-кел.

Ездящий верхом на аргамаке,
Носящий шубу из черных соболей,
С нагайкой из черной змеи,
С уздачкой из черных ремней,
С черной длинной бородой,
С спиной, которую не охватишь рукой,
С лбом длиннее четверти,
Добрый Эрлик-хан,
Прилети ко мне, мужчине.*

Архив МАЭ (Кунсткамера). Ф. 5.
Оп. 6. Д. 15. Л. 23 об.–24

В традиционном мировоззрении тюркских народов деление пространства осуществлялось как по вертикальному (модели мирового дерева и горы), так и по горизонтальному (по сторонам света) принципу. Интересны в этом смысле наблюдения В.П. Дьяконовой, отмечавшей у тюрков Саяно-Алтая многообразие представлений о месторасположении мира умерших [1975, с. 49]. Поливариативность его локализации характерна и для хакасской традиции [Майнагашев, 1915, с. 287; Катанов, 1893, с. 90].

Мир мертвых хакасами нередко назывался *Юзют-ханын чирі* – «земля Юзют-хана» или просто *Юзют чирі* – «земля юзотов». По традиционным взорваниям, душа умершего человека (*юзют*), переместившись в потустороннее пространство, всецело оказывалась во власти Эрлик-хана, именовавшегося еще Юзют-ханом. Верили, что он обладает высшей судебной функцией. Своим волевым беспристрастным решением владыка подземного царства якобы определяет судьбы умерших людей. По всей видимости, данные взгляды формировались под значительным влиянием мировых религий с их идеей посмертного воздаяния [Катанов, 1907, с. 215; Орфеев, 1886, с. 43].

Все вышесказанное позволяет согласиться с выдвинутым М.С. Усмановой предположением, что в архаическом мифологическом сознании хакасов Эрлик-хан соотносился с образом предка [1985, с. 154]. В пользу этого свидетельствуют уже упоминавшиеся наименования владыки преисподней: *Агадзы* – «отец, патрон», *Адам* – «мой отец». Более того, по материалистам В. Суховского, представители сеока *хый* называли Эрлик-хана своим родоначальником [1884, с. 298]. Не противоречат этому предположению и лингвистические данные. В тюркских языках основа *Эр/Ир* переводится как «мужчина», «самец» [Се-

вортян, 1974, с. 288]. Кроме того, у хакасов был распространен обычай посвящать священных лошадей (*ызыхов*) различным божествам. Многие из них воспринимались верующими в качестве предков. В этой связи Н.Ф. Катанов отмечал: «Татары, живущие по берегам Абакана, и теперь, и в прежнее время выбирали из табуна самую лучшую лошадь и посвящали Эрлик-хану, называя “ызых”» [1907, с. 216]. В хакасской традиции Эрлик-хан являлся покровителем красных (рыжих) *ызыхов* [Катанов, 1893, с. 29]. Как известно, в культуре этого народа красный цвет соотносился с целым рядом понятий, наиболее яркими из которых были «кровь», «огонь», «родство», «жизнь» [Бурнаков, 2006, с. 52–66]. Вызывают интерес правила, связанные с передачей *ызыха*. В случае смерти хозяина священного животного оно переходило во владение его брату [Катанов, 1907, с. 291]. Данные установления иллюстрируют нормы традиционного хакасского общества с преобладающими патриархальными чертами. По всей видимости, *ызых* как родовая святыня, непосредственно связанная со своим предком – Эрлик-ханом, передавалась родственникам по мужской линии. Собственно, на это и указывает рассмотренная этимология терминов *эрлик* – «сильный», *эр* – «мужчина».

О связи властителя Нижнего мира с культом предков свидетельствует и тот факт, что по религиозно-мифологическим взглядам хакасов Эрлик-хан являлся главным покровителем всех шаманов, многие получали свое посвящение непосредственно от него. Хакасские камы в своих молитвенных призывах называли Эрлик-хана господином, отцом и творцом души человека [Бурнаков, 2006, с. 69]. Верили, что он передавал новому шаману *тёсов* – духов-покровителей и духов-помощников, оставшихся «в наследство» от умерших шаманов своего рода, определяя, какие сделать бубен, колотушку и т.д. [Алексеев, 1984, с. 58–59; Бутанаев, 2006, с. 68–69]. Подобные представления отмечены и у шорцев [Потапов, 1947, с. 164].

Имеется еще один факт, указывающий на связь Эрлик-хана с культом предков. В культуре хакасов была распространена традиция изготовления изображений предков – *тёсов*. Г.Н. Потанин писал: «У качинских татар встречается деревянный онгон (*тёс*. – **Б.В.**) под названием Ирлик-хан агасте» [2005, с. 700]. Об изготовлении в прошлом хакасами Ирлик-тёса в виде человечка с распостертыми руками упоминает и исследователь хакасского шаманизма А.Н. Гладышевский [1954, с. 105]. Вполне возможно, что в материалах Н.Ф. Катанова этот фетиш обозначен как безымянный *тёс*, «украшенный красными лентами». Обращают на себя внимание отдельные молитвенные возгласы, адресованные ему во время ритуальных действий: «*Ты, царь земли и сын неба, украшаешь красными лентами, не истребляй*

людей». Кроме того, этому *тёсу*, как и Эрлик-хану, посвящали *ызыха* рыжей масти [1907, с. 568].

Важнейшая роль, отводимая владыке Нижнего мира в мировоззрении и обрядовой практике хакасов, способствовала сохранности теонима «Эрлик-хан». Это слово не исчезло из обихода и, проявив удивительную устойчивость, дошло до наших дней [Бурнаков, 2006, с. 68]. Более того, на волне вторичной христианизации (протестантизации) коренных народов Южной Сибири, активно начавшейся в конце 1980-х гг., образ Эрлик-хана вновь актуализировался. Протестантские миссионеры, повторяя путь своих христианских (православных) предшественников, направили усилия на адаптацию библейского вероучения к культуре этих народов. При переводах Священного Писания и другой религиозной литературы на местные языки они широко использовали лексику и образы из мифологии коренного населения Сибири. В частности, Эрлик-хан был отождествлен с библейским дьяволом/сatanой.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что в традиционном мировоззрении хакасов образ Эрлик-хана имел неоднозначные характеристики. Изначально он воспринимался в качестве одного из главных и активных божеств-демиургов. Впоследствии этот образ трансформировался в повелителя злых сил с соответствующими признаками. По всей видимости, в прошлом властелин мира мертвых имел непосредственное отношение к культу предков, что нашло отражение как в шаманистической лексике, так и в мифоритуальном комплексе хакасов. В своих основных чертах представления об Эрлик-хане оформились в древнетюркское время. Вероятно, с этого же периода под влиянием буддизма и христианства его образ и статус стали претерпевать существенные изменения. Из разряда языческих божеств Эрлик-хан был низведен в ранг властителя зла с подобающими характеристиками кровожадного и беспощадного демона. Он был наделен одиозной ролью «всепожирающего» источника зла, главного врага человека, а также высшей судебной функцией. Хакасские представления об Эрлик-хане развивались в русле общетюркских традиций, в результате чего прослеживается сходство с религиозно-мифологическими взглядами тюркских и монгольских народов, проживающих на сопредельных территориях.

Список литературы

Александров М.О. О религиозном мироустроении мунинских инородцев // Енисейские епархиальные ведомости. – 1888. – № 8/9. – С. 94–101.

- Алексеев Н.А.** Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – 233 с.
- Алтын Арыг.** – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1987. – С. 7–130.
- Анохин А.В.** Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю с 1910–1912 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1924. – 152 с. – (Сб. МАЭ; т. 4, вып. 2).
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Манихейство в восточном Туркестане в эпоху раннего Средневековья // Сибирь на перекрестье мировых религий: мат-лы Второй межрегиональной конф. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. – С. 120–124.
- Бурнаков В.А.** Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 197 с.
- Бутанаев В.Я.** Бурханизм тюрок Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та, 2003. – 260 с.
- Бутанаев В.Я.** Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та, 2006. – 253 с.
- Вербицкий В.** Алтайские инородцы. – 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1992. – 270 с.
- Гладышевский А.Н.** Шаманизм Хакасии и его реакционная сущность: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1954. – 245 с.
- Древнетюркский словарь.** – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
- Дыренкова Н.П.** Материалы по шаманству у телеутов // Сб. МАЭ. – 1949. – Т. 10. – С. 108–190.
- Дьяконова В.П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.
- Катанов Н.Ф.** Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. – СПб.: [б.и.], 1893. – 113 с. – (Прил. к т. 73 «Зап. Имп. Акад. наук»).
- Катанов Н.Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюрksких племен, изданные В.В. Радловым). – СПб.: [б.и.], 1907. – Т. 9. – 640 с.
- Клеменц Д.** Минусинская Швейцария и боги пустыни (из дневника путешественника) // Восточное обозрение. – 1884. – № 9. – С. 9–11.
- Кляшторный С.Г.** Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник-1977. – М.: Наука, 1981. – С. 119–134.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.** Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – 320 с.
- Костров Н.** Качинские татары. – Казань: [Тип. Губ. правления], 1852. – 66 с.
- Кызласов Л.Р.** Открытие государственной религии древних хакасов. – М.; Абакан: Роса, 1999. – 90 с.
- Лаппо Д.Е.** Троеверы: Из жизни минусинских инородцев // На сибирские темы. – СПб.: [Тип. Тов-ва «Общая польза»], 1905. – С. 9–52.
- Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 608 с.
- Львова Э.Л.** Материалы к изучению этнической истории чулымских тюрок по данным шаманистского культа // Происхождениеaborигенов Сибири и их языков. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – С. 174–175.
- Люцидарская А.А.** Колдовство и магия в жизни колонистов Сибири XVII века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4 (32). – С. 124–129.
- Майнагашев С.Д.** Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина. – 1915. – № 2, вып. 2/3. – С. 277–292.
- Малов С.Е.** Енисейская письменность тюрок. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 113 с.
- Михайлов Т.М.** Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.) – Новосибирск: Наука, 1980. – 320 с.
- Неклюдов С.Ю.** Эрлик // Миры народов мира. – М.: Совет. энцикл., 1988. – Т. 2. – С. 667–668.
- Орфеев Н.** Суверерия и предрассудки инородцев Минусинского округа // Енисейские епархиальные ведомости. – 1886. – № 3. – С. 40–44.
- Пестов И.** Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. – М.: [Тип. Моск. ун-та], 1833. – 297 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 1026 с.
- Потапов Л.П.** Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая // ТИЭ. – 1947. – Т. 1. – С. 159–182.
- Потапов Л.П.** Мифы алтас-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛИ, 1983. – С. 96–110.
- Потапов Л.П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- Радлов В.В.** Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
- Сагалаев А.М.** Мифология и верования алтайцев: Центрально-азиатское влияние. – Новосибирск: Наука, 1984. – 121 с.
- Сагалаев А.М.** О закономерностях восприятия мировых религий тюрками Саяно-Алтая // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 155–179.
- Севортян Э.В.** Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
- Суховской В.** Остатки языческой обрядности у кивинских инородцев // Енисейские епархиальные ведомости. – 1884. – № 21. – С. 296–300.
- Традиционное мировоззрение** тюрок Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.
- Усманова М.С.** Подземный мир в традиционных представлениях хакасов // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1985. – С. 152–155.
- Ядринцев Н.М.** Сибирь как колония. – СПб.: [Тип. М.М. Стасюлевича], 1892. – 720 с.
- Яковлев Е.К.** Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. – Минусинск: [Тип. В.И. Корнакова], 1900. – 212 с. – (Описание Минусинского музея; вып. 4).

УДК 391

В.В. Власова

*Институт языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН
Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, Республика Коми, Россия
E-mail: vv505@hotmail.com*

МЕДНОЕ ЛИТЬЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ КОМИ-СТАРОВЕРОВ

В статье предпринята попытка комплексного описания обрядовых и повседневных практик, связанных с бытованием культивого литья у коми-староверов. Работа основана на полевых материалах автора (интервью с информантами, личные наблюдения, фото- и видеоматериалы), собранных в ходе этнографических экспедиций 1999–2007 гг. в Удорском, Усть-Куломском, Троицко-Печорском районах Республики Коми, а также архивных данных. Являясь неотъемлемым атрибутом повседневной жизни и обрядов, определяющих конфессиональную принадлежность (тайства крещения и погребальных треб), литые образа стали одним из символов староверия у коми.

Ключевые слова: коми-старообрядцы, старообрядческое медное литье, этноконфессиональные символы, семейная и праздничная обрядность.

Введение

С момента разрыва с официальной церковью староверам было важно, исходя из идеологических соображений, получить собственные образцы предметов, принятых к поклонению. После запретов начала XVIII в. на использование литых икон в церквях и частных домах именно они продолжили их изготовление, ориентированное на древний изобразительный канон [Принцева, 1986; Гнотова, Зотова, 2000].

Работы, посвященные старообрядческому литью, носят преимущественно искусствоведческий характер. Они затрагивают вопросы атрибуции, классификации, датировки [Принцева, 1986; Винокурова, 1989; Гнотова, 1993; Берестецкая, 2003], характеризуют отдельные центры производства [Дружинин, 1993; Винокурова и др., 1994; Юхименко, 2002; Зотова, 2003]. С середины 1990-х гг. предметы православного культа, в т.ч. и старообрядческое литье, рассматриваются как значимый и «недостаточно востребованный» этнографический материал, отражающий религиозное мировоззрение [Гнотова, Зотова, 2000; Голомянов, Фурсова].

К.В. Цеханская, исследовавшая традицию иконопочитания в русской культуре, пришла к выводу,

что икона представляет собой «отличительный знак православной веры», которая, в свою очередь, является «национальной особенностью, основой духовной культуры русского народа» [2001, с. 300–301]. Появление работ, посвященных бытованию икон, было закономерно в контексте отечественных исследований знаковых средств культуры. Как отмечает А.С. Мыльников, «знаки культуры – это не просто материальные предметы, явления и события “вообще”, а сущности, отражающие или выражающие факты данной этнической культуры» [1989, с. 28]. По мнению О.М. Фишман, обособленность старообрядческих общин закреплялась в числе прочего и «системой материализованных этноконфессиональных символов», к которым она относит лестовки, подручники, иконы, моленную одежду. Эти символы, усваиваясь с детства и сопровождая человека в течение всей жизни, способствовали культурной консолидации группы [Фишман, 2003, с. 201]. Исследователи часто указывают, что литые иконы являются одним из атрибутов староверия, однако информация об их бытовании в разных старообрядческих группах представлена в публикациях фрагментарно (констатируется сам факт наличия, фиксируется использование в

некоторых обрядах) [Данилко, 2002, с. 128; Дронова 2002, с. 25–26; Фишман, 2003, с. 201].

В предыдущей работе нами было выявлено наличие связи между ареалами меднолитых предметов и местами проживания коми-староверов [Власова, 2005а]. В предлагаемой статье предпринята попытка комплексного описания бытования литых икон в их современной повседневной и обрядовой жизни на основе архивных и современных данных. Полевые материалы (интервью с информантами, личные наблюдения, фото- и видеоматериалы) собраны в ходе этнографических экспедиций 1999–2007 гг. в Удорском, Усть-Куломском, Троицко-Печорском районах Республики Коми (РК).

Литые иконы как символ «принадлежности к расколу»

Длительное время староверие рассматривалось исключительно как русское явление, однако оно имело достаточно широкое распространение среди финно-угорских народов (коми-зырян, коми-пермяков, карел, мордвы). Появление старообрядчества среди коми в середине XVIII в. и его начальная история связаны с русскими староверами [Власова, 2006, с. 21]. Первые попытки объяснить причины этого явления были сделаны во второй половине XIX в. Миссионеры и чиновники видели их в малограмотности, непонимании зырянами русской речи, отдаленности деревень от приходских храмов, отсутствии путей сообщения. Местные священники отмечали: «Многие зыряне восприняли лишь внешнюю обрядовую сторону христианства... и теперь еще остаются чуждыми пониманию внутреннего сокровенного смысла христианской веры» [Из религиозно-бытовой жизни..., 1905, с. 339]; «Население отдаленных от центра религиозной жизни деревень было фактически беспоповским. Зыряне сами крестили своих детей, сами же хоронили родственников, умиравших без покаяния перед священником, которого зыряне видели совсем редко» [В Печорском крае..., 1904, с. 362]. Данное утверждение перекликается с тезисом Т.А. Бернштам о том, что «староверие... оказалось сильное воздействие на мировоззрение коми, в особенности там, где постоянных русских жителей было мало, православие не имело древних корней... староверие стало носителем христианских идей» [1990, с. 137]. Историк Ю.В. Гагарин считал, что появление старообрядчества среди коми было обусловлено социально-экономическими процессами XVIII в. [1978, с. 104–105]. На наш взгляд, этому способствовала еще и внутренняя готовность местного населения к восприятию его основных идей. К моменту проведения реформ Никона православие у коми имело уже 200-летнюю историю,

а церковно-православная обрядность стала неотъемлемой частью культуры и быта. «Предки наши, руководствуясь поучениями святых отцов, толкованиями Святого Писания, правилами и обрядами, установленными до изменения всего того московским патриархом Никоном, продолжали совершать богослужения как в пустынях и скитах, так в городах и селениях, не отступая от буквального изложения тех старопечатных правил», – писали удорские староверы в Департамент общих дел МВД в 1886 г. (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15806. Л. 29).

Наибольшее распространение староверие получило в трех районах, заселенных коми: на Удоре (среднее течение р. Вашики, приток Сев. Двины, современные Важгортский, Пучкомский и Чупровский с/с, Удорский р-н РК); в верховьях р. Вычегды (Керчомский и Вочевский с/с, Усть-Куломский р-н РК); на верхней Печоре (Троицко-Печорский, Вуктыльский и Печорский районы РК). На Удоре и Печоре большинство жителей принадлежало к поморскому согласию, незначительное число – к филипповскому, в конце XIX в. здесь появились скрытники (бегуны). Крестьяне верхней Вычегды являлись приверженцами нетовского толка [Власова, 2006]. Как и для других финно-угорских народов, для коми принятие староверия не означало утрату языковой и этнической специфики [Данилко, 2007; Фишман, 2003]. Оно оказало существенное влияние на самосознание, обрядовую и бытовую сферы.

Чиновники и священники отмечали приверженность коми-староверов к «старине», которая, по их мнению, проявлялась в некоторых визуальных символах. Учитель Вологодского училища А. Попов писал о верхневычегодцах: «Суть раскола заключается в двоеперстии, чтении по старине, хождении посолонь, кланяются (староверы. – В.В.) иконам старинным и преимущественно медным, запрещая православным молиться своим иконам» (ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 183. Л. 68). В 70-х гг. XIX в. старик в с. Керчомъя показывал свою молельню литератору П.В. Засодимскому, который описал ее как небольшую комнату «со множеством старинных распятий и складней в переднем углу» [1999, с. 131].

Государство и официальная церковь вели активную «противораскольническую» деятельность. Ее частью являлось изъятие богослужебных книг, а также предметов, свидетельствовавших об «уклонении в раскол». В 1872 г. у важгортских крестьян Бозовых изъяли «8 книг, 7 холщевых подколенников, кожаные порванные четки, медные отливные иконы и кресты – 18 штук» (НАРК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 59). В 1851 г. в с. Керчомъя у старообрядцев были «отобранны иконы, книги и другие вещи, до богослужения относящиеся, отосланы в духовную консисторию на распоряжение с тем, чтобы, если те книги окажутся противными пра-

вославию и единоверию, доставить их в Министерство внутренних дел» (НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 133. Л. 40). Печорский наставник Николай Мартюшев указывал: «Иконам мы, если не в церкви и сами по себе поклоняемся, в особенности предпочитаем медные иконы, также и деревянные, с изображением на них двуперстного креста» (НАРК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 911. Л. 65). Основываясь на имеющихся у нас данных, популярность литых икон среди коми-староверов в XIX – начале XX в. можно объяснить существовавшими представлениями об их «древности» и иконографическими особенностями (изображение двуперстного знамения). Архивные материалы свидетельствуют: среди местного духовенства и чиновников сформировалось мнение, что литые иконы являли собой один из видимых признаков принадлежности к расколу.

Достоверной информации о существовании центров производства медного литья на территории проживания коми нет. Упоминание о его изготовлении на верхней Печоре, встречающееся в отчете Ю.В. Гагарина, других документальных подтверждений не имеет (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 18). Предметы, получившие распространение среди коми-староверов, были привозными, что свидетельствует о наличии связей между старообрядческими общинами коми и их единоверцами в других регионах России [Власова, 2005а, с. 10].

Современные представления о литых образах

Современную ситуацию в староверческих селах Республики Коми можно охарактеризовать как процесс постепенного размывания религиозной традиции, обусловленный как внутриобщинными проблемами (ослабление наставничества), так и внешними факторами (постепенная ассимиляция и интеграция, миссионерская деятельность Русской православной церкви). Костяк общин, как правило, составляют пожилые женщины, которые считают себя *мирскими**. Верующие мало интересуются историей раскола, равно как и догматическими основами вероучения, гораздо большее значение приобрели обрядовая практика и визуальные символы принадлежности к группе. В настоящее время главным из них является двуперстное знамение – *перна-пас*. Жители изучаемых районов говорят, что существует и «другая вера»: люди, которые ее исповедуют, крестятся *чепелью/щепелью*, т.е. тремя

*Старообрядческие общины коми, как и во многих других регионах, разделялись на две категории верующих: *истых*, или *верных*, и *мирских*. *Мирскими* (*мирянами*) называют людей, исповедующих староверие, но не исполняющих всех религиозно-бытовых предписаний.

перстами. Они подчеркивают, что к этой вере не имеют отношения: *Они были староверы, а мы мирские; те, кто чепелью молится, эти вообще где-то в стороне, какие-то евреи, говорят, чепель любят* (О.В. Гицева 1919 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.); *щепелью в селе никто не молится, так молиться – собаке молиться* (М.В. Палева, 1916 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Современные староверы подтверждают правильность собственных позиций, ссылаясь на «старые» книги и иконы: *Креститься надо двумя перстами, как на образах – это крест, а тремя пальцами – это щепель* (А.С. Попова, 1917 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.).

В коми номинациях литых образов отражена специфика материала, из которого они изготовлены, а также определенные технологические особенности. Иконы, образки, распятия коми-староверы называют *кёрт образ* (железный образ), реже *ыргён образ* (медный образ), складни – *дэиръя* (*дэир* – «шарнир»). Хотя для обозначения других видов крестов используется русское слово «крест», для нательных – *перна*, распятия именуются образами, что, вероятно, обусловлено наличием на них изображений. На Удоре, рассказывая об образах, уточняют: писаные иконы называют рисованными, крашенными, купленные недавно – новыми. Пожилая староверка из с. Пучкома утверждала, что в отличие от писаных икон, которые изготавливались местными мастерами (*ас карём*), литые были привозными, их делали «знающие люди» (знающие вероучение во всей полноте), поэтому такие иконы «правильные», обладают особой силой (М.В. Палева, 1916 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Эта информация отражает реальные факты: до 1930-х гг. здесь существовали иконописные мастерские скрытников, ориентировавшихся на древние каноны [Шарапов, 1997, с. 109].

Среди коми-старообрядцев сохраняется память о классификации литых образов, которые подразделялись на женские и мужские, личные и выставленные в божнице, мирские и старообрядческие (М.В. Палева, 1916 г.р., О.К. Созонова, 1924 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; К.И. Громова, 1916 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.). В настоящее время традиция постепенно угасает. Повсеместно у коми сохранилось деление на мужские и женские образа в похоронной обрядности. На верхней Вычегде и Удоре разделение образов на старообрядческие и мирские утрачивает значение, т.к. большинство верующих считает себя мирянами. Существует мнение, что данное разделение основывалось и на внешних признаках: старообрядческие литые иконы были *цветными* (т.е. покрыты эмалями). Однако есть и противоположное: никаких внешних отличий не было. По имеющимся материалам, мирянам, присутствовавшим на совместных молениях, запрещалось креститься на выставленные иконы (А.А. Коровина, 1915 г.р., О.К. Созонова, 1924 г.р., Удорский р-н, 1999 г.).

Обязательным предметом современного интерьера является божница (*енко, енчом*), расположенная в восточном углу дома. На верхней Вычегде ее украшают вышитыми полотенцами, часто иконы стоят за занавесками также с вышивкой (рис. 1). В старообрядческих домах на Печоре и Удоре подобная практика не встречается. У некоторых староверов иконы стоят не в божнице, а в шкафу (рис. 2), за ним или в другом

Рис. 1. Божница, с. Керчомъя, верхняя Вычегда.
Фото В.В. Власовой, 1999 г.

укромном месте. В д. Острово на вопрос, почему образа находятся за шкафом, женщина ответила, что там их хранила ее свекровь (О.К. Созонова, 1924 г., Удорский р-н, 1999 г.). Зачастую иконы стоят в женской половине избы, расположенной напротив печи, отгороженной от остальной части дома деревянной перегородкой или занавесками. На Печоре и Удоре образа установлены на специальных навесных деревянных полочках (одно- или двухъярусных), крепящихся к стене (рис. 3), сами хозяева могут рассказать лишь то, что они сделаны специально для икон. Староверы Урала также хранили собственные иконы на специальной полке за занавесками [Данилко, 2007, с. 38]. Наличие подобных «переносных иконостасов» у коми, на наш взгляд, объясняется тем, что в случае прихода нежелательных посетителей полки вместе с иконами можно было легко снять со стены и перенести в другое место. Наблюдатели XIX в. отмечали: в своем доме староверы имели и чествовали свои особенные образа, которые ставили в разные углы и завешивали платом, чтобы они не осквернились от созерцания их другими; иконам в переднем углу члены семьи не поклонялись, т.к. они были предназначены для приходящих (являлись «нечистыми», даже если были древнего письма) [Обозрение..., 1863, с. 181]. В настоящее время данная аргументация не утратила свою актуальность лишь на Печоре, где сохраняется деление на староверов, официально православных, скрытников, в других районах образа хранят в укромном месте в силу традиции или из-за боязни кражи. Интерес, который проявляют к ним, помимо исследователей и музейных работников, собиратели антиквариата, способствует формированию отношения к иконам не только как к святыням, семейным реликвиям, но и как к вещам, представляющим значительную материальную ценность.

Рис. 2. Иконы в шкафу, с. Покча, верхняя Печора.
Фото В.В. Власовой, 2007 г.

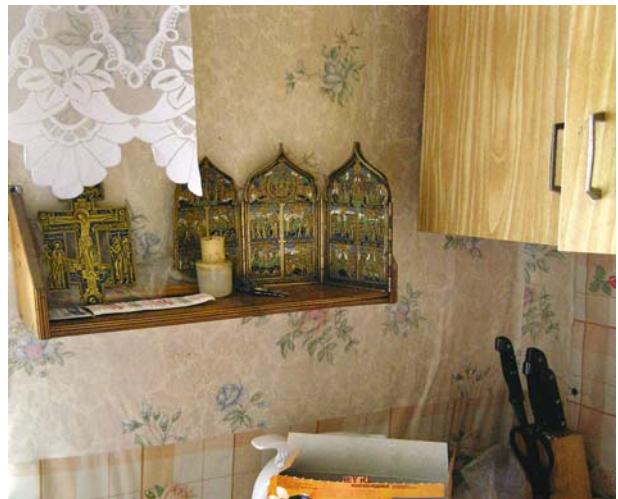

Рис. 3. Навесная полочка с иконами, д. Выльгорт, Удора.
Фото В.В. Власовой, 2006 г.

В некоторых районах существовали ритуалы, проводившиеся в случае осквернения икон. Например, пермские староверы считали, что если литые образа окропил святой водой священник, то их необходимо «очистить»: икону клади в глиняный сосуд с золой и водой и ставили в печь на несколько дней [Там же, с. 181]. Существование подобных обрядов у коми не зафиксировано. Из рассказов наших информантов следует, что посредством огня коми-староверы «очищали» металлическую посуду, к которой прикоснулся мирской. Например, после того как на сенокосе дети взяли кружку своей бабушки-староверки (*миричили*), она бросила ее в костер, прочла молитву и лишь после этого использовала ее (Л.П. Коровина, 1936 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Представление об «очистительной силе» огня характерно для различных религиозных традиций. Исследователи медного литья отмечают, что одним из факторов, способствовавших его популярности, была особенность технологии изготовления: «очищение огнем» [Гнутова, Зотова, 2000, с. 6].

Как правило, владельцы литых икон знают, какой святой или сюжет изображен на них (это касается Богородицы, св. Николая, Христа, Распятия). В то же время многие сюжеты верующим незнакомы: пожилая женщина, показывая икону «Спас, Благое молчание», утверждала, что это изображение Богородицы. Гораздо лучше знакомы с иконографией местные наставницы и молящиеся. Демонстрируя нам литые иконы, одна из наставниц не только называла изображение, но и рассказывала, в каких случаях надо обращаться к тем или иным святым. Например, образу «Преподобного Нифонта – прогонителя бесов» надо молиться об избавлении супруга от пьянства, Богородице – о семейном благополучии и женском здоровье (А.И. Сивкова, Удорский р-н, 1999 г.). Вероятно, именно таким образом происходила передача знаний от наставника рядовым членам общины. Здесь мы сталкиваемся с прямым сопоставлением изображения с письменным текстом, происходит своеобразное «прочтение» иконы. Уместно упомянуть, что, по мнению исследователей, формирование выговских складней аналогично пути развития поморской книжности. Складень «Двунадесятые праздники» может рассматриваться как «полнокровное, обоснованное наглядное воспроизведение их (выговцев. – В.В.) христианских воззрений... Подобно тому, как в рукописях щедрые ссылки на традиционные догматические тексты подкрепляют приводимые выговцами доводы, так и авторитет святых, изображенных на металле, подтверждает правильность их позиций... Заставка-рамка на лицевом обороте четырехстворчатого складня “Двунадесятые праздники” наводит на мысль, что содержание складня подобно книге...» [Фролова, 1994, с. 20]. Возможно, именно с представлением о складне как о книге связан существующий среди коми-старообрядцев запрет делить его.

Литье в обрядовой практике коми-староверов

В повседневной жизни обращение с иконами в значительной степени ритуализировано. Практически повсеместно существует убеждение, что образа необходимо доставать из божница только правой рукой, т.к. левая является «нечистой». Ни в коем случае нельзя класть их (как литые, так и писаные) изображением вниз. По цвету металла можно определить, какая жизнь ожидает семью: если икона светлая и блестящая, то все хорошо, если потемнела – жди беду (Л.П. Коровина, 1936 г.р., Удорский р-н, 1999 г., Н.А. Тарабукина, 1920 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.). Русские крестьяне также считали, что по «поведению» иконы можно предсказать будущее (ее падение с божница предвещало смерть или пропажу) [Цеханская, 1998, с. 159].

Для коми, как и для других народов, было характерно наделение металла и металлических предметов магическими свойствами. Железо, медь (*кörт, ыргён*), по их представлениям, обладали целительными свойствами, способностью ограждать от нечистых сил, считались оберегом от сглаза и порчи [Уляшев, 1999, с. 204]. Среди староверов Вашки существует обычай класть литое распятие в колыбель младенцу вместе с хлебом и солью, чтобы уберечь его от сглаза и болезни. При «лечении испуга» (*позвъём*) больной пьет воду, которой поливают образ (держат в правой руке), а часть ее должна попасть ему на грудь. Таким же способом избавляют детей от недержания мочи (села Чупрово, Важгорт). Водой, которой омыли иконы, пытаются лечить алкоголизм – незаметно добавляя в чай или водку пьющему человеку (М.М. Фомина, 1934 г.р., Л.К. Бутырева, 1933 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Подобные приемы практикуются и на верхней Вычегде (Н.А. Тарабукина, 1920 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.). Воду, в которую погружали икону, использовали для омовения больного и русские крестьяне [Цеханская, 1998, с. 143]. На верхней Печоре такие средства исцеления не известны. Возможно, это связано с тем, что под влиянием скрытничества здесь сформировались представления, согласно которым спасение и помочь в случае болезни могут прийти только от молитвы [Чувьюров, 1999, с. 64].

У коми-староверов литые образа являются атрибутами ритуалов, маркирующих конфессиональную принадлежность, – крещения, погребально-поминальной обрядности. Удорские и печорские староверы следуют чину крещения, изложенному в Потребнике малом, с незначительными отступлениями; на верхней Вычегде обряд существенно сокращен [Власова, 2005б, с. 80–82]. Обязательным является не только каждение помещения, купели, одежды крещемого, но и троекратное погружение литого рас-

пятия в купель с водой. Каждение и освящение воды литым крестом зафиксированы при проведении крещения и в естественных водоемах на верхней Печоре (с. Покча) и Удоре (А.А. Коровина, 1915 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; Н.М. Растворова, 1937 г.р., Троицко-Печорский р-н, 2007 г.). Удорские и верхневычегодские старообрядцы используют в этих целях не только кресты, но и иконы (Н.М. Давыдова, 1938 г.р., Л.К. Бутырева, 1933 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; Е.А. Булышева, 1924 г.р., М.С. Кочанова, 1924 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.). В с. Чупрово литые образа оставляют в купели до окончания обряда (Н.М. Давыдова, 1938 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Т.И. Дронова указывает, что русские староверы Усть-Цильмы воду в купели подобным образом не освящали [2002, с. 90]. В настоящее время информация по другим старообрядческим группам у нас отсутствует. Известно, что освящение воды погружением в купель литого креста в ходе таинства крещения оговаривается в Стоглаве [1997, с. 107]. На Удоре перед началом проведения обряда хозяева сооружают «алтарь»: на столе, покрытом скатертью, размещают литые иконы. В некоторых селах их ставят на специальную навесную полочку, которая крепится к стене. Тихвинские карелы-старообрядцы крестили перед медными образами, установленными под божницей [Фишман, 2003, с. 218], русские староверы Усть-Цильмы располагали купель перед божницей [Дронова, 2002, с. 87]. Если литых икон в доме, где проходит крещение, нет, наставница приносит свои. Перед «алтарем» зажигают свечу. После совершения обряда иконы убирают на место, в божницу.

Обязательно наличие литых образов и в ходе похоронно-поминальных обрядов. Умершим мужчинам на грудь кладут распятие или образок с изображением святого, женщинам – Богородицы (К.И. Громова, 1916 г.р., К.С. Ваддорова, 1916 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.), на Печоре – соответственно образок с изображением Николы Угодника и Богородицы [Чувьюров, 1998, с. 39]. У русских крестьян существовал обычай хоронить покойников с образком в левой руке или на груди [Щеханская, 2001, с. 311]. Во всех обследованных нами районах перед погребением наставница вынимает икону из гроба и передает ее родственникам. Раньше образки врезались в намогильные памятники, что характерно для старообрядческой традиции в целом [Дронова, 2002, с. 133; Данилко, 2002, с. 200]. В каждой староверческой группе существовало свое объяснение данного действия. Так, у старообрядцев Усть-Цильмы высота намогильного сооружения соответствует росту человека, литая икона крепится в верхней части памятника, имитируя нагрудный крест [Дронова, 2002, с. 132–133]. В настоящее время у коми эта традиция трансформировалась: образа приносят с собой на кладбище в дни поминок, что обусловлено не только их хищением с памятников, но и отсутствии

ем возможности приобретать литые иконы. На Удоре в намогильный крест (у средней или верхней перекладины) вбивают два гвоздя, на которые и устанавливается образ (рис. 4). На Печоре распространено мнение, что на могиле «верного» старообрядца в течение 40 дней после смерти должна находиться литая икона, вставленная в специальный паз на могильном кресте (рис. 5) [Чувьюров, 1998, с. 39]. В 1968 г. Ю.В. Гагарин на кладбище д. Возино (верхняя Печора) зафиксировал образа в дуплах сосен (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 168. Л. 13). А.А. Чувьюров отмечает, что в верхнепечорских селах Даниловка, Аранец и д. Медвежкой литые иконы устанавливались на деревьях у могил [1998, с. 39].

На сегодняшний день практически в каждой семье на Удоре и верхней Вычегде есть образок, который приносят на кладбище во время поминок. Сюжеты этих образков различны (изображения святых, праздников и др.), выявить какой-либо закономерности не удалось. На Удоре на поминках (3-й, 9-й, 40-й дни, годовщина и т.д.) родственники умершего выставляют на столе все домашние иконы, делая «алтарь» (рис. 6). Наставница и молящиеся читают перед ним канун по усопшему (Н.М. Давыдова, 1938 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). В с. Даниловка литые образа заворачивают в ткань и зарывают в могильный холм до наступления 40-го дня [Там же].

В старообрядческих селах литые иконы являются непременным атрибутом праздничной обрядности. Повсеместно на Пасху их чистят, используя при этом известье, брусничную воду (*пувъя ва*), простоквашу (*шома йов*). Воду, которой мыли образа, выливают либо на улицу со стороны красного угла (также поступают с водой, оставшейся после крещения младенца), в такое место, где никто не ходит, либо поят ею скот (А.А. Коровина, 1915 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; К.И. Громова, 1916 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.; Н.М. Растворова, 1937 г.р., Троицко-Печорский р-н, 2007 г.). У удорских староверов, в отличие от других коми, литые иконы являются обязательным атрибутом ритуалов, связанных с освящением воды: на Крещение, в ходе местного обетного праздника в честь Параскевы Пятницы (д. Муфтюга, с. Чупрово, д. Выльгорт), деревенских праздников (*Егор лун* в Муфтюге и Выльгорте) (Н.М. Давыдова, 1938 г.р., А.А. Коровина, 1915 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; М.А. Махотина, 1931 г.р., Л.А. Патракова, 1934 г.р., Удорский р-н, 2006 г.). По мнению жителей д. Муфтюги, вода из источника *Егор ва* обладает целебными свойствами не только в праздник. Ее можно набрать и в обычный день, необходимо лишь соблюдать определенные правила: прийти к источнику до 12 часов дня, положить в воду литую икону, поставить свечи (рис. 7), бросить металлическую монету и прочитать текст заговора: *Земля Ульяна, вода Татьяна, ключ Ивана, дай мне*

Рис. 4. Фрагмент намогильного креста во время погребения, д. Муфтуога, Удора.
Фото В.В. Власовой, 2006 г.

Рис. 5. Намогильный крест с выемкой для иконы,
с. Покча, верхняя Печора.
Фото В.В. Власовой, 2007 г.

Рис. 6. «Алтарь» на поминках, с. Чупрово, Удора.
Фото Л.Н. Муравьевой, 2002 г.

Рис. 7. Икона в источнике Егор ва, д. Муфтуога.
Фото В.В. Власовой, 2006 г.

воды от всякой беды (В.С. Палева, 1949 г.р., Удорский р-н, 2006 г.). Центром праздника в честь Параскевы Пятницы с начала XX в. являлась д. Кривое, однако с середины – второй половины столетия его стали проводить и в с. Чупрове, д. Выльгорт. В д. Кривое по традиции омывали храмовые иконы (из часовни) и образ Параскевы, а в других селах – только литые образа, которые приносили жители. После омовения икон воду считают освященной, верующие набирают ее, кидая в реку мелкие медные деньги (эти действия являются обязательной частью всех местных праздников).

Информация о роли литых образов в хозяйственной деятельности и других обрядах представлена в наших материалах фрагментарно. Она связана, в первую очередь, с охранительными функциями икон. Информанты отмечают, что ранее в каждом охот-

ническом домике (*вёр керка*), как и в доме, было обустроено специальное место для икон, где они находились постоянно. В настоящее время лесные избушки посещают не только охотники из числа местного населения, но и приезжие, не знающие и не соблюдающие многих обычай. Поэтому иконы там не оставляют (т.к. были случаи воровства), охотник носит небольшой образок с собой (А.А. Шлопов, 1936 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; Л.А. Растворов, 1929 г.р., Троицко-Печорский р-н, 2007 г.). Литые образы или небольшие складни ставят с внутренней стороны над дверями амбаров и хлевов (Л.К. Бутырева, 1933 г.р., М.В. Палева, 1916 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Следует отметить, что зачастую изображения на них затерты (не видны лики). Образки постоянно носят с собой, обязательно берут в дальнюю дорогу. Как и раньше, литые иконы

принято давать в приданое. В случае их отсутствия делят складень, несмотря на запреты (Н.М. Растворова, 1937 г.р., Троицко-Печорский р-н, 2007 г.).

В начале 1990-х гг. в д. Муфтюге (Вашка) произошло несколько пожаров. Для предотвращения распространения огня люди обходили горевшие строения с литым образом Богородицы «Неопалимая купина», хранившимся у одного из местных жителей (М.А. Махотина, 1931 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Информантка подчеркнула, что важно совершать обход именно с этой иконой, так их «научила» наставница. В данном случае значимо было обращение к конкретному образу. А.Б. Островский, отмечая, что обход горящих строений с иконой имел общерусское распространение, также выделяет из общего числа икону «Неопалимая купина» [2002, с. 148–149]. Рассказы о борьбе с пожарами в других селах (Важгорт, Пучкома, Покча) содержат информацию об обходе с иконами без уточнения, с какими именно, встречаются упоминания о том, что в огонь кидали ножи (Пучкома) или яйца (Важгорт) (П.А. Шапина, 1916 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; Н.И. Шлопов, 1952 г.р., Удорский р-н, 2006 г.; Н.М. Растворова, 1937 г.р., Троицко-Печорский р-н, 2007 г.).

В 1994 г. после череды трагических событий жители д. Муфтюги поставили три обетных креста: образу Богородицы «Неопалимая купина» (в центре села), архангелу Михаилу и святителю Николаю. В 2000-х гг. по завещанию одной из староверок в последний, чуть ниже средней перекладины, было врезано небольшое литое распятие (В.С. Палева, 1949 г.р., Удорский р-н, 2006 г.). Эти действия можно трактовать как символическую реконструкцию памятника, значимого для местной традиции. Литое распятие было врезано в «старинный» обетный крест, находившийся в соседней с Муфтюгой д. Верхозерье и похищенный в 1999 г. [Лимеров, 1999].

В с. Чупрова литая икона «Огненное восхождение пророка Илии», принадлежавшая одной из семей, почиталась как деревенская святыня: в засушливую погоду ее несли через село к реке, где омывали, чтобы вызвать дождь (А.Я. Багаева, 1928 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Обращение за помощью при засухе к Ильепророку было характерно и для русских крестьян [Островский, 2002, с. 146]. Когда икона была утрачена, жители с. Чупрова при засухе стали совершать молебен у реки, после чего они омывают обетный крест, установленный в честь Параскевы Пятницы. А.Б. Островский отмечает, что экстремальные ситуации обнаруживают наиболее важные ценности и общие жизненные ориентиры, а средства, которыми располагает культура для борьбы с ними, позволяют определить социально-мировоззренческие установки ее носителей [Там же, с. 109]. Наши материалы дают основание говорить о сохранении значения православной традиции для изучаемых локальных групп коми.

Заключение

Почитание литья, его ритуальные функции в старообрядческой среде коми имеют ряд параллелей с русскими церковной и староверческой традициями, что свидетельствует об общих православных корнях. Для коми начиная с XIX в. литые образа являются одним из символов «принадлежности к расколу». В современных представлениях о них нашли отражение христианский канон и традиционные поверья. Сюжеты литых икон (равно как и икон древнего письма) иллюстрировали основные события и действующих лиц христианской истории; изображения святых, благословляющих двуперстным знамением, воспринимались как подтверждения правильности собственных позиций. Можно предположить, что этим фактом объясняются суждения удорских староверов о «правильности» и большей ценности литых образов. Они стали неотъемлемой частью повседневной жизни, обязательным атрибутом обрядов, определяющих конфессиональную принадлежность: таинства крещения и погребальных треб. Наши материалы свидетельствуют не только об общем для всех староверческих групп использовании литья в обрядовых практиках, но и о существовании локальных различий (даже между группами коми-староверов), которые могут объясняться как принадлежностью к разным толкам, так и отличиями, восходящими к архаическим этническим традициям.

Восприятие своего сообщества как хранителя «правильных» книг, икон, обрядов является мощным психологическим фактором консолидации и составляющей группового самосознания [Данилко, 2007, с. 38]. В настоящее время, когда в староверческих общинах коми обрядность становится едва ли не единственным способом выражения вероучения, большое значение приобретают этноконфессиональные символы, которые делают конфессиональные границы видимыми и легко узнаваемыми.

Список литературы

Берестецкая Т.В. О некоторых проблемах изучения выговского литья // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 231–237.

Бернштам Т.А. Христианизация в этнокультурных процессах финно-угорских народов Европейского Севера и Поволжья (сравнительное обобщение) // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы / отв. ред. О.М. Фишман. – Л.: Гос. музей этнографии народов СССР, 1990. – С. 133–140.

В Печорском крае: Из дневника вологодского епархиального миссионера // Приложение к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1904. – № 14. – С. 361–366.

Винокурова Э.П. Основные принципы классификации русской медной художественной пластики конца XVII – начала XVIII в.: автореф. дис. ... канд. искусствовед. наук. – Л., 1989. – 23 с.

Винокурова Э.П., Молчанова О.В., Петрова Л.А. Медная пластика // Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни: каталог выставки. – М.: ГИМ, 1994. – С. 37–58.

Власова В.В. Медное литье в традиции коми старообрядцев (ареалы, типология, ритуальные функции). – Сыктывкар, 2005а. – 29 с. – (Научные доклады / КНЦ УрО РАН; вып. 474).

Власова В.В. Крещение у коми старообрядцев-беспоповцев: значение и функции // STUDIA JUVENALIA: Сборник работ молодых ученых ИЯЛИ. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2005б. – Вып. 2. – С. 75–87.

Власова В.В. Распространение старообрядчества среди коми (зырян): к истории формирования локальных групп // Староверие на Северо-Востоке европейской части России. – Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 2006. – С. 21–32.

Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. – М.: Наука, 1978. – 326 с.

Гнугтова С.В. Медная мелкая пластика Древней Руси (типология и бытование) // Русское медное литье / сост. и науч. ред. С.В. Гнугтова. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 7–20.

Гнугтова С.В., Зотова Е.Я. Кресты. Иконы. Складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. – М.: Интербук-бизнес, 2000. – 134 с.

Голомянов А.И., Фурсова Е.Ф. Предметы старообрядческого культа в частных собраниях Новосибирской области (менделитые иконы и кресты). – URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Krest> (дата обращения: январь 2009 г.).

Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. – Уфа: Гилем, 2002. – 219 с.

Данилко Е.С. Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2007. – 55 с.

Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX в.). – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2002. – 276 с.

Дружинин В.Г. Введение: (Из корректуры книги В.Г. Дружинина «О поморском литье») // Русское медное литье / сост. и науч. ред. С.В. Гнугтова. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 2. – С. 106–120.

Засодимский П.В. Лесное царство // В дебрях Севера: Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – С. 99–173.

Зотова Е.Я. Медное художественное литье XVIII – начала XX в. старообрядческих мастерских г. Москвы: источниковедческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 22 с.

Из религиозно-бытовой жизни зырян Вологодской губернии // Приложение к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1905. – № 23. – С. 339–342.

Лимеров П.Ф. Крест // Вера (Эском). – 1999. – 13–19 марта. – С. 2.

Мыльников А.С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – С. 7–37.

Обозрение пермского раскола так называемого «старообрядства» / сост. А.П. [архим. Палладий]. – СПб.: [Тип. духовного журн. «Странник»], 1863. – 215 с.

Островский А.Б. Обряды деревенской общины в ситуациях бедствия // Материалы по этнографии. – СПб.: Эго, 2002. – Т. 1. – С. 109–156.

Принцева М.Н. К вопросу об изучении старообрядческого медного литья в музеиных собраниях // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л.: Изд-во Гос. музея истории религии, 1986. – С. 47–68.

Стоглав: Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). – СПб.: Воскресение, 1997. – 288 с.

Уляшев О.И. Корт // Энциклопедия уральских мифологий: Мицология коми. – М.; Сыктывкар: ДиК, 1999. – Т. 1. – С. 204.

Фишман О.М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. – М.: Индрик, 2003. – 408 с.

Фролова Г.И. Медное литье // Культура староверов Выга. Culture of Old-Believers of Vyg: К 300-летию основания Выговского старообрядческого общежительства: каталог / сост. А.А. Пронин. – Петрозаводск: Карпован сизарексет, 1994. – С. 18–30.

Цеханская К.В. Икона в жизни русского народа. – М.: Православный паломник, 1998. – 318 с.

Цеханская К.В. Иконы в народной жизни // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. – М.: Наука, 2001. – С. 300–315.

Чувьюров А.А. Традиции и новации в семейной обрядности коми населения верхней и средней Печоры // Материалы полевых этнографических исследований. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – Вып. 4. – С. 22–44.

Чувьюров А.А. Народная медицина и старообрядческая традиция (по материалам исследований коми староверов-беспоповцев) // Мицология и повседневность: мат-лы науч. конф. 24–26 февраля 1999 г. – СПб., 1999. – Вып. 2. – С. 60–69.

Шарапов В.Э. Графическая и свободнокистевая роспись на территории Коми края в XIX – начале XX веков // Музеи и краеведение: Тр. Национального музея Республики Коми. – Сыктывкар, 1997. – Вып. 1. – С. 104–116.

Юхименко Е.М. Иконописание и литье медных икон // Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 1. – С. 171–192.

УДК 392.91

А.К. Салмин

Музей антропологии и этнографии

им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: antsalmin@mail.ru

СОБАКА В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЧУВАШЕЙ

*Собака прошла длительный процесс доместикации. В сознании людей она стала положительной фигурой: ею клялись, ей слагали похвалу, для обращения с ней составляли правила, ее оценивали как средство доставки жертвенного дара адресату. Этимологи к чувашскому слову *йытă* (собака) обычно приводят ряд тюркских соответствий. Однако, возможно, этимология слова *йытă* восходит к санскритскому *idā*, ибо так называется пища, которой кормят собак и современные зороастрийцы Ирана после смерти родственника. Собака является одним из важнейших знаковых персонажей в традиционных представлениях чувашей. Считается, что она непосредственно связана с верховным божеством *Турă*. На семантическом уровне у нее много общего с волком и человеком. Собака может быть использована в качестве жертвенного дара. Согласно традиционным представлениям, она служит заменителем духов предков и входит в связь с иным миром.*

Ключевые слова: этнография, религия, чуваши, собака, семантика.

Введение

Собака *йытă* (*анчăк, акар, няха*) – один из сложных персонажей в религии [Georgi, 1775, S. 854; Берёзкин, 2005] – прошла длительный процесс доместикации и стала первым прирученным животным. В сознании она стала положительной фигурой: ею клялись, ей слагали похвалу, составляли правила обращения с нею. Она же, как считалось, доставляла жертвенные дары до адресата.

Этимологи обычно приводят чувашскому слову *йытă* ряд тюркских соответствий. Однако, возможно, этимология слова восходит к санскритскому *idā*, ибо так называется пища, которой кормят собак зороастрийцы Ирана после смерти близкого человека [Литвинский, 1984, с. 166]. Другое слово *акар* переводится как «гончая, охотничья собака» и соответствует тюрк. *эгер, игер* и др. с тем же значением, в венг. *agar* (из др.-чуваш. языка), осет. *eger*, черк. *hager*, польск. *ożer*, серб. *ogor* [Андреев, 1974, с. 16]. Третье слово, означающее у чувашей собаку, – *няха* имеет этимологических родственников в монгольском (*pokaj*), калмыцком (*похд*), тунгусском (*yinda*), эвенкийском (*yinakin*),

эвенском (*yin*) языках [Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, p. 1029, 1030]. Однако несомненный научный интерес представляет семантическая связь между санскритским словом *çva/çvan* в значении «собака, пес» и чувашским *çăva* – «кладбище». Сюда же, видимо, относятся санскритские *çāva* «трупный (запах)», *çáva* «труп, останки», *çávya* «похоронный обряд», *çva-bhra* «яма; пещера; преисподняя, ад» [Кочергина, 1978, с. 643–661]. Нетрудно заметить, что слова «собака» и «кладбище (преисподняя)» в санскритском и чувашском языках прочно связаны на семантическом и этимологическом уровнях. В целом они создают имевшее место в прошлом единное представление о сложном и емком понятии «собака = кладбище».

Волк – собака – человек

Источники отражают традиционные представления о тесной связи собаки с верховным божеством *Турă*. В первую очередь это легенда о том, почему хлеба одноколосные. Согласно текстам, изначально хлеба по всей длине стебля имели колосья. Но одна женщина

стала роптать, что многочисленные колосья мешают жать – из-за них женцы часто режут руки. Тут явился *Турă* и начал срывать со стебля колосья, спросил: «Достаточно ли оставить на верхушке столько колосьев?». Женщина молчала, а *Турă* продолжал срывать колосья. Наконец, на стебле остался всего один колос. А женщина продолжала молчать. Тогда находившаяся рядом собака жалобно завыла, и *Турă* оставил этот последний колос ради бедной собаки. Поэтому говорят, что один колос на злаковых растениях оставлен ради собаки. И теперь дома по вечерам спрашивают друг у друга: «Дали ли сегодня собаке поесть?». Если собака голодная, она может пожаловаться божеству *Турă* [Рекеев, 1898, с. 8]. Имеются и другие варианты этой легенды, однако все они сходятся к одному инварианту. Подобный текст есть у марийцев [Калиев, 2003, с. 37].

Другая чувашская легенда, подтверждающая связь «собака – Турă», о том, как *Турă* творил людей. Говорят, *Турă* лепил людей из глины. Пока ходил за душой для человека, оставил сторожить собаку. Тут подошел антипод *Турă* злой дух *Шуйттан* и кинул собаке кость. А сам стал обезображивать человека. Вернулся *Турă*, увидел все и сказал: «Пусть люди тебе кушать дадут только кости» [Ашмарин, 1936, с. 297]. В аналогичной марийской легенде вместо *Турă* выступает *Юмо*, а вместо *Шуйттана* – *Киремет* [Вишневский, 1856, с. 282]. Отклики связи «верховное божество – собака» есть у сету, коми-пермяков, а также в грузинской мифологии. Так, сету первую лепешку из нови скармливают собаке [Хагу, 1983, с. 14, 17]. В аналогичном обряде чуваши первинки отделяют божеству *Турă*. А у грузин при верховном божестве *Гмерти* находятся его верные псы, которых он посыпает на помощь или в наказание к людям [Сургуладзе, 1987].

Следующий аспект – близость образов собаки и волка. Вообще чуваши называют волка собакой божества *Пихампар*. При встрече с волком следует сказать: «Пихампар, останови свою собаку!». Согласно легендам, при основании деревень чуваши сначала зарывали в землю собаку или волка. Собаку, участвующую в собачьей «свадьбе», называют *кĕрт йытти*, слово *кĕрт* несомненно восходит к тюркскому *кърут/күрт* «свора собак». «Оно также может быть этимологизировано как индоевропейское: слав. *хорт* (борзая, от *хрт* – скорый), литовск. *kurtas* (охотничья собака, от *kurti* – бежать, скакать)» [Еремеев, 1990, с. 130]. В целом у некоторых народов собака как мифологический персонаж эволюционировала от волка.

Ряд материалов говорит о приравнивании собаки по статусу к человеку. Так, имена людей и фамильные прозвища, совпадающие с кличками собак, – Улай, *Хураç*, *Хураçка* – свидетельствуют не только о желании запутать злых духов и избежать несчастий, но и о признании высокого статуса собаки. Этот мотив улав-

ливается и в обычай бросать первый выпавший зуб ребенка вместе с мякишем хлеба собаке: малышу желали иметь такие же крепкие зубы, как у собаки. Считалось, что колдун, будучи человеком, отправляется на порчу в облике собаки, кошки или свиньи, точнее, оставляет свое тело дома, а сам входит в тело собаки. Таким образом, колдуны используют собак в качестве медиумов. Пристанет во сне собака – значит, сегодня пристанет кто-либо. *Мур/Мор*, некогда бывший человеком и действующий по велению *Турă*, приходит во двор в виде собаки. Чтобы избежать падежа скота, *Мура* следует угощать. Убивать его нельзя: все домашние животные тут же умрут. Аналогичное место занимала собака в жизни зороастрийца: она – второе по святости существо после человека. «Ей посвящен полностью Тринадцатый фрагард Видевдата. Смерть собаки… приравнивается к смерти человека и требует выполнения аналогичных обрядов» [Avesta..., 1994, с. 240]. Собак почитают и народы Севера. Например, селькупы умершую старую собаку хоронят в могиле, как человека [Головнёв, 1995, с. 252].

В 1984 г. в д. Калмауры Ульяновской обл. побывала экспедиция НИИ при Кабинете Министров Чувашской Республики, в числе которой были В.Г. Родионов, Г.А. Николаев и В.П. Иванов. Каждый из них записал от разных информаторов один и тот же факт. В 1984 г. в условиях сильной засухи пожилые женщины поймали и зарезали собаку. Отрезанную голову они отнесли к озеру и, привязав веревкой к забитому в землю колу, бросили в воду. Обряд сопровождался обращением к верховному божеству *Турă* с просьбой оросить поля. Действительно, через два дня пошел проливной дождь, и женщинам пришлось вытащить голову собаки из воды [Николаев, 1984, л. 103; Родионов, 1984, л. 62; Иванов, 1984, л. 45]. Этот факт – пример принесения собаки в жертву. Следы собаки как жертвенного дара просматриваются в обряде излечивания от золотухи: «Золотушным намазывают голову маслом и затем призывают собаку облизывать ее. В это время, как собака облизывает голову больного, нередко до крови, йомзя, срезав с головы собаки клок шерсти, сжигает его на лучине и затем золой посыпает больное место» [Никольский, 1929, с. 49]. В данном случае обращаем внимание на текст заговора: «Сжигая голову собаки, пеплом посыпаю. Будь крепким, как собака. Закаленным будь. Тыфу! Тыфу!». Естественно, сжигаемый клок шерсти с головы собаки символизирует животное в целом. Собака-жертва запечатлена и в топонимах типа «Овраг, где вешали собаку» [Элле, 1934, л. 214]. У айнов собака может быть искупительным жертвенным даром. Если человек совершил тяжкое преступление, то он «должен заколоть для богов самую ценную свою собаку, используемую как коренная в санной упряжке, и принести в жертву» [Арутюнов, Щебеньков, 1992, с. 124].

В общесельском обряде очищения у чувашей разрешалось не проводить через земляные ворота (с оружением в виде короткого тоннеля) собак, кошек и домашнюю птицу: считалось, что к ним не пристает зараза [Шавлы Стихван, 1935–1948, л. 62]. Тот же мотив просматривается в этом же обряде у славян, татар и удмуртов, которые закапывали убитых собак по обеим сторонам от костров [Максимов, 1989, с. 128; Магнитский, 1881, с. 137; Аптиев, 1891, с. 2], конечно, для усиления эффекта очищения и охраны деревни от повальных болезней. Зарывая собак в землю при основании поселения и нового дома, чуваши преследовали те же цели [Земляницкий, 1924–1925, л. 47; Спасский, 1912, с. 50]. Очень устойчива вера чувашей в то, что лесной дух *Арçури* боится собак и поэтому не может явиться к людям в деревню [Vambery, 1885, S. 482; Сбоев, 1865, с. 124; Ашмарин, 1928, с. 310]. По поверью армян, все злые духи обходят те дома, где есть черная собака [Харатян, 1980, с. 114]. У чувашей отмечен интересный обряд, известный под названием «собачья старость», который проводился с целью излечить ребенка от худосочия. Лицо ребенка покрывают слоем теста, затем тесто несут к порогу и сквозь хомут бросают на пол. Тут подходит собака и слизывает тесто. При этом знахарь приговаривает: «Ешь, собачья старость» [Магницкий, л. 141об.; Никольский, 1915–1917, л. 573; Элле, 1916, л. 17 об.]. Такой ритуал находит параллель с ваханским обрядом под названием «намазывание младенцев тестом». Как только младенец рождается, его лицо, чтобы оно не становилось волосатым, мажут тестом. Это тесто замешивают на материнском молоке, а тесто в виде лепешек прикрепляют к столбам (в доме). Со столбов его соскребают и кидают собакам [Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976, с. 269]. Собаку использовали также в заговорах от сглаза.

При совершении обрядов похоронно-поминального цикла *юпа*, *çимæk*, *кёр сáри* и т.д. специально отделенную часть пищи выбрасывают (на улицу, во двор, за лабаз) собакам. «Причем старшая из семьи бросает куски собакам и со слезами говорит, что оними потчует она самого умершего» [Масленицкий, 1785, л. 281]. Согласно легенде, имеется молитва собаки: «Пусть (у моего хозяина) детей будет много, пусть они постоянно роняют хлеб под стол, а я буду подбирать» [Магницкий, л. 139]. Выбрасывая отделенную пищу собакам (при этом чужих собак со двора старательно гонят), чуваши полагают, что очищают весь дом от нечистот. Вероятно, выбрасывание поминальных угощений ассоциировалось с очищением дома в широком смысле, а сама пища считалась символической едой для духов предков. Бытование представлений о переселении в дни поминовений души предка в собаку отражено в этнографических источниках. Во время поминального угощения желательно, чтобы пищу

приняла любимая собака умершего, поэтому иногда во время отделения пищи ее держали прямо в доме. Четвероногие друзья кидались на еду, визжали и выли. Выбрасывающий пищу заходил в дом и радостно объявлял, что собаки прыгали вокруг него, дружно кинулись на еду. Такая радость объясняется тем, что поение пищи собаками воспринимается как принятие жертвенной еды духами умерших родственников.

В песне, исполняемой в *юпа*, дух предка говорит:

Мой стол вынесли (на улицу),
Опрокиньте его!
Собаке дайте,
А кошке не давайте!

[Этнография..., 1880–1939, л. 65].

Другие тексты в пользу версии «собака – дух предка» объясняют, что собаки, поедая отделенную пищу, относят ее на кладбище адресатам. Поэтому чуваши (особенно ночью) боятся проходить мимо кладбищ. Версию «собака – дух предка» подкрепляет и уточняет материал по зороастрийской религии. У зороастрийцев, как и у чувашей, «время кормления собаки – сразу после захода Солнца» [Авеста..., 1997, с. 116], т.е. время проведения поминаний; «помимо молитв, семья умершего три раза в день готовит пищу, которую предпочитал умерший, и дает ее собаке» [Мейтарчян, 1999, с. 119].

Подобное известно и в чувашской культуре. «Чуваши верят, что когда чашка с кусочками хлеба стоит в избе, то умерший будто бы пьет и ест из нея, поэтому будто бы хлеб и вода, постоявши некоторое время около умершего, теряют свой вкус» [Никанор, 1910, с. 32]. В представлении марийцев «души могут насыщаться лишь с помощью обоняния, т.е. вкушать только аромат или субстанцию пищи, а не самую пищу» [Кузнецов, 1907, с. 75]. Иначе говоря, кормление собак воспринимается как почевание духов предков, ибо, согласно верованиям, «покойники являются на собачьих мордах». Поэтому по отношению к собаке существует ряд запретов. Так, во время поминальных обрядов собаки, учавив запах мяса, в большом количестве собирались вокруг трапезников, их не отгоняли, а им радовались. Бить собак запрещалось, даже если, почувствовав волю, они лакали прямо из котла. Самое большее, что можно было сделать – замахнуться на них. Если же в непоминальные дни собака понюхает посуду с пищей, предназначеннной для людей, ее тут же окуривают дубовым трутом, чтобы вернуть (очистить) вкус еде, «отнятый» собакой.

Название собаки, сохранившееся только в детской лексике, – *ňяха* – восходит к монгольскому *похай* и тоже имеет прямое отношение к обнюхиванию собакой поминальной пищи. Как объясняют лексикологи, корень этого слова очень древний: «Значениями бореального *N-X*- были “нос”, “нюхать”, “чихать”…

вед. *NĀ-sā* “ноздри”, “нос” (из **NeX-s-*); сол. *N'A-nse* “нос” (из **NX-ens-*); фин. *N-enä* ”нос”… лат. *NĀ-ris* ”ноздря”… эст. *NoH-i* ”насморк”… хант. *N'āG-tipta* ”чихать”… скр. *NA-kra-* ”нос”… фин. *Nuu-skia* ”нюхать”» [Андреев, 1986, с. 8–9].

По верованию чувашей, люди не могут видеть приходящих к ним в дом умерших родственников, но собаки и лошади их видят. Всевидящими считаются собаки-«четырехглазки», т.е. с двумя светлыми пятнами над глазами. Таких собак прогоняют, а на улице избегают: они, как объясняют чуваши, чуют злых духов *усалов*. Вместе с тем считается, что «четырехглазые» собаки, обладающие способностью видеть злых духов, могут их отгонять. Поскольку собаки видят покойников (это отмечено и в представлениях поляков [Виноградова, Толстая, 1999, с. 247]), в дни поминок их запрещено спускать на ночь с цепи. Широконосые, четырехглазые, пятнистые собаки бога смерти Ямы в «Ригведе» «разыскивают людей, которым предопределено умереть, и доставляют их Яме. Для выполнения ритуалов зороастрцы, по возможности, используют белых собак (зороастрийский цвет) с темными пятнами над глазами. “Четырехглазость” подразумевает способность собак видеть саму смерть, с чем связан ритуал *сагдид* (новоперс. “взгляд собаки”, “осматривание собакой”»)» [Авеста..., 1997, с. 100].

В образе собаки могут являться духи и болезни, в т.ч. «мор» и холера. Такая собака-«оборотень» может приотиться в чьем-либо хлеве или пристать к человеку в поле. Обыкновенные собаки отличают таких собак и непрестанно лают на них. Вообще вой собаки, как говорят чуваши, – к смерти человека. Услышав утром о смерти кого-либо, говорят: «Я так и думал, потому что ночью все время собаки лаяли, мне плохо пришлось спать. Собаки, значит, лаяли, кидались на толпу покойников, пришедших к умершему человеку» [Никольский, 1915–1917, л. 418]. Считается, что умерший может приходить домой и беспокоить живых собачьим лаем. В целом значение воя собаки трактуется двояко: «Если в это время она смотрит на землю, значит, на деревню надвигается какая-нибудь беда, или кого-нибудь из парней заберут в армию, или кто-нибудь умрет. А если собака воет и при этом смотрит на небо, таким образом она жалуется Турā из-за того, что плохо кормят» [Mészáros, 1909, р. 91; Месарош, 2000, с. 82]. С собаками связан целый ряд благоприятных и неблагоприятных примет. Так, в Старый новый год *сурхури* проводят обряд «прыслушивание земли»: если, приложив к земле ухо, слышат лай собаки, то это к хорошей жизни в замужестве. В остальных случаях лай собаки воспринимается как недоброе предзнаменование. Согласно приметам русских, ночной собачий лай – к покойнику [Даль, 1981, с. 322].

Собака, встретившаяся в начале пути или перебежавшая дорогу перед путником, ассоциируется с

неудачей. Нужно вернуться назад и отложить дело на завтра. В *сурхури* девушки и парни вечером оставляют свои следы на чистом снегу. Считается, что если рядом появится след или кал собаки, то хозяина фигуры ждет недоброе (его возьмут в солдаты, он умрет и т.д.). Приснившаяся собака является знаком, побуждающим принести жертву умершему предку. В виде собаки во сне приходят божества типа *Кирремет*. Вообще приснившаяся собака – нехорошее предзнаменование. По представлениям чувашей, когда умершего опускают в могилу, его нагайкой ударяет черная собака; именно этот удар и отправляет человека в иной мир. Связь собаки с преисподней прослеживается в традиционных представлениях многих народов.

В легендах чувашей собака является воплощением всего плохого. Существует легенда, что городу Ядрину предписана недобрая судьба, а Чебоксарам – хорошая, ибо Ядрин основан на голове собаки, а Чебоксары – на большом хлебе. По этой же причине чуваши перестали бросать кости – остатки ритуальной пищи – собакам. Еще в середине XIX в. В.А. Сбоев об этом писал: «Надобно полагать, что нарицательное имя собаки (*ида*, по-татарски *эт*) сделалось у чуваш бранным словом в позднейшее время, из подражания татарам; вероятно, что в древнія времена это животное считалось если не священным, то по крайней мере и непрезренным» [1865, с. 137]. Возможно, лишь в позднее время произошла инверсия персонажей чувашской мифологии и некоторые из них приобрели облик собаки, например, *Вупкāн*. В религиозном соперничестве с зороастризмом приверженцы новой религии – ислама – стали мучить собак в целях досадить первым. «Вероятно, дурное отношение к собаке (подобно снятию пояса-кусти или плевку в огонь) являлось внешним признаком обращения в новую веру» [Бойс, 1987, с. 192].

Выходы

Собака является одним из важнейших знаковых персонажей в традиционных представлениях чувашей. Считается, что она имеет непосредственную связь с верховным божеством *Турā*. На семантическом уровне у собаки много общего с волком и человеком. Она может быть использована в качестве жертвенного дара, служит заменителем духов предков и входит в связь с иным миром. Возможно, этимология слова *йытā* «собака» восходит к санскритскому *idā*.

Список литературы

Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., примеч. и справ. разд. И.В. Рак. – СПб.: Рус. христиан. гуманит. ин-т, 1997. – 477 с.

- Андреев Н.А.** К вопросу о создании исторической лексикологии // Чувашский язык, литература и фольклор. – Чебоксары: НИИ языка, литературы, истории и экономики, 1974. – Вып. 3. – С. 3–20.
- Андреев Н.Д.** Раннеиндоевропейский прайзык. – Л.: Наука, 1986. – 328 с.
- Аптиев Г.А.** Из религиозных обычаяев вотяков Уфимской губернии Бирского уезда // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. – Казань, 1891. – Т. IX, вып. 3. – С. 1–2.
- Арутюнов С.А., Щебеньев В.С.** Древнейший народ Японии: Судьбы племен айнов. – М.: Наука, 1992. – 209 с.
- Ашмарин Н.И.** Словарь чувашского языка. – Казань: Наркомпрос ЧАССР, 1928. – Вып. I. – 335 с.; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1936. – Вып. XI. – 343 с.
- Берёзкин Ю.Е.** Черный пес у слезной реки: Некоторые представления о пути в мир мертвых у индейцев Америки и их евразийские корни // Антрополог. форум. – 2005. – № 2. – С. 174–211.
- Бойс М.** Зороастрйцы: Верования и обычай / пер. и примеч. И.М. Стеблина-Каменского. – М.: Наука, 1987. – 303 с., ил.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М.** Задушки // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 246–247.
- Вишневский, протоиерей.** О религии некрещеных че-ремис Казанской губернии // Вестн. Имп. Рус. геогр. об-ва. – 1856. – Ч. XVII. – С. 281–290.
- Головинёв А.В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угротов. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 607 с.
- Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М.** Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. – М.: Наука, 1976. – 671 с.
- Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. I. – 700 с.
- Еремеев Д.Е.** «Тюрк» – этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков) // СЭ. – 1990. – № 3. – С. 129–135.
- Земляницкий Т.А.** Чуваши Самарского края и их историческое прошлое. 1924–1925 гг. // Архив ЧГИГН.
- Иванов В.П.** Полевые материалы, собранные в ходе комплексной экспедиции в Ульяновскую, Куйбышевскую области и Татарскую АССР. 1984 г. // Архив ЧГИГН.
- Калиев Ю.А.** Мифологическое сознание мари: Феноменология традиционного мировосприятия. – Йошкар-Ола: Марий. гос. ун-т, 2003. – 216 с.
- Кочергина В.А.** Санскритско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1978. – 896 с.
- Кузнецов С.К.** Культ умерших и загробные верования луговых черемис. – М.: А.А. Левенсон, 1907. – 77 с.
- Литвинский Б.А.** Погребальный обряд и ритуалы Бактрии – Тохаристана // Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. – М.: Наука, 1984. – С. 150–169.
- Магнитский В.К.** Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казан. губ. – Казань: [Тип. Имп. ун-та], 1881. – V, 266 с.
- Магницкий В.К.** [Рукописи] // ЦГА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. 1.
- Максимов С.** Нечистая, неведомая и крестная сила. – М.: Книга, 1989. – 176 с.
- Масленицкий Т.** Топографическое описание губернии Симбирской. 1785 г. // РГВИА. Ф. ВУА. Д. № 19026.
- Мейтарчиян М.Б.** Погребальный обряд зороастрийцев. – М.: ИВ РАН, 1999. – 242 с., ил.
- Месарош Д.** Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – 360 с.
- Никанор, архиепископ.** Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. – Казань: Казан. епархия, 1910. – 38 с.
- Николаев Г.А.** Материалы комплексной экспедиции, собранные в Ульяновской и Куйбышевской областях. 1984 г. // Архив ЧГИГН.
- Никольский Н.В.** История, этнография, сельское хозяйство, литература, фольклор. 1915–1917 гг. // Архив ЧГИГН.
- Никольский Н.В.** Народная медицина у чуваш. – Чебоксары: Наркомздрав, 1929. – 61 с.
- Родионов В.Г.** Материалы комплексной экспедиции в ТАССР, Ульяновскую и Куйбышевскую области. 1984 г. // Архив ЧГИГН.
- Рекеев А.** Разные чувашские моления. – Казань: [б.и.], 1898. – 11 с.
- Сбоев В.А.** Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях: Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. – М.: [Тип. С. Орлова], 1865. – 188 с.
- Спасский Н.** Очерки по родиноведению: Казан. губ. – Казань: Имп. ун-т, 1912. – II, 376 с.: карта.
- Сургуладзе И.К.** Гмерти // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – С. 307.
- Хагу П.С.** Аграрная обрядность и верования сету: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1983. – 20 с.
- Харатян З.В.** Традиционные демонологические представления армян (по материалам семейного быта XIX – начала XX в.) // СЭ. – 1980. – № 2. – С. 103–116.
- Шавлы Стихван.** Фольклор, этнография. 1935–1948 гг. // Архив ЧГИГН.
- Элле К.В.** Этнографические материалы. 1916 г. // Архив ЧГИГН.
- Элле К.В.** Древности Чувашской АССР. Т. III. 1934 г. // Архив ЧГИГН.
- Этнография, фольклор.** 1880–1939 гг. // Архив ЧГИГН.
- Avesta. Vīdaēva dāta.** Fr. 8 / пер., вступ. ст. и comment. В.Ю. Крюковой // ВДИ. – 1994. – № 1. – С. 238–249.
- Georgi J.G.** Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. – SPb.: Acad. der Wissenschaften, 1775. – Bd. II. – 920 S.
- Mészáros G.** Csuvas népköltései gyűjtemény. I köt.: A csuvas ösvallás emlékei. – Budapest: Kiada a Magyar tud. akad., 1909. – 471 l.
- Starostin S., Dybo A., Mudrak O.** Etymological dictionary of the Altaic languages. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – 2096 p.
- Vambery H.** Das Turkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. – Leipzig: Brockhaus, 1885. – XII, 638 S.: il.

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

М.Б. Медникова

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: medma_pa@mail.ru

К АНТРОПОЛОГИИ ДРЕВНЕЙШЕГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ: ПРОКСИМАЛЬНАЯ ФАЛАНГА СТОПЫ ИЗ РАСКОПОК ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Статья вводит в научный оборот фалангу представителя рода *Homo* из Денисовой пещеры на Алтае. Фрагмент залегал в 11-м слое, где уже был обнаружен антропологический материал для выделения палеоДНК ранее неизвестного гоминина. В работе исследована и идентифицирована проксимальная фаланга левой стопы четвертого или пятого луча предположительно взрослого индивидуума. Кость из Денисовой пещеры относительно удлиненная, с очень массивным и широким диафизом. Демонстрируя несомненную принадлежность представителю «архаической морфологии», эта фаланга по комплексу анатомических особенностей занимает промежуточное положение между соответствующими элементами скелета неандертальцев и ранних анатомически современных людей. Дорзо-проксимальная ориентация метатарзальной фасетки основания фаланги свидетельствует о характерном способе передвижения – наподобие спортивной ходьбы.

Ключевые слова: эволюционная антропология, алтайский гоминин, Денисова пещера, проксимальная фаланга стопы, посткраниальная морфология.

Введение

Денисова пещера, непрерывно исследуемая в последней четверти века, является наиболее изученной в Северной Азии. Находки из нее позволяют проследить изменения материального комплекса, создававшегося обитателями Горного Алтая 280–10 тыс. л.н. [Деревянко, 2009, с. 10]. Здесь, в Южной Сибири, на протяжении всего периода от раннего среднего до конца верхнего палеолита происходила эволюция каменной индустрии, причем в археологических материалах нет свидетельств прихода на эту территорию людей с другой культурой [Там же].

Материалы раскопок 11-го культуроносившего слоя Денисовой пещеры, разделенного на пять горизонтов обитания, отражают переход к верхнему палеолиту. Согласно серии радиоуглеродных дат, полученных в разных лабораториях, этот процесс происходил в промежутке 50–40 тыс. л.н. [Там же, с. 12, 13]. Точнее, для нижней части слоя определена дата $48\,650 \pm$

$\pm 2\,380/1\,840$ лет (KIA25285 SP553/D19), для его кровли – $29\,200 \pm 360$ л.н. (А-А 35321).

Орудийный набор этого слоя характеризуется особым соотношением средне- и верхнепалеолитических форм: наиболее представительную группу составляют собственно верхнепалеолитические каменные орудия. В слое найдены костяной инвентарь, украшения из кости, скорлупы, бивни мамонта и зубов животных. Среди последних имеются уникальные предметы, наподобие украшения в виде плоской бусины-колечка из скорлупы страуса.

Итак, по археологическим данным, ок. 300 тыс. л.н. Горный Алтай был заселен мигрантами с запада, предположительно родственными носителям позднеашельской-ябрудьенской традиции [Там же, с. 34]. Здесь они продолжительное время развивались обособленно. Ответить на вопрос, кем были эти мигранты и их потомки, сформировавшиеся на автохтонной основе в условиях 250-тысячелетней изоляции в горах Алтая, долго не удавалось. Человеческие останки

из Денисовой пещеры, представленные немногочисленными одонтологическими материалами, при наличии отдельных архаических черт служили основой для предположения о принадлежности ранним представителям *Homo sapiens sapiens* [Шпакова, Деревянко, 2000; Шпакова, 2001]. Краниальных и посткраниальных материалов из Денисовой пещеры просто не было. Следовательно, составить представление о физическом облике носителей алтайской культурной традиции не представлялось возможным.

Колоссальный прорыв в знаниях о таксономическом статусе древнейшего населения Южной Сибири был достигнут благодаря палеогенетическим исследованиям. Найденная в 11-м слое Денисовой пещеры концевая фаланга мизинца кисти стала источником для выделения митохондриальной палеоДНК [Krause et al., 2010]. Как оказалось, алтайский гоминин имеет почти в 2 раза больше отличий от современного человека, чем неандертальцы. Филогенетический анализ свидетельствует, что эта линия отделилась от общего ствола неандертальцев и современных людей гораздо раньше – примерно ок. 1 млн л.н. (или, если быть точными, 779 300–1 313 500 л.н.).

Потомки этой линии развития рода *Homo* сохранились в алтайском рефугиуме до позднего времени, но понять, как они выглядели, без полноценных морфологических исследований до сих пор невозможно. В 2010 г. при раскопках 11-го слоя Денисовой пещеры вновь был найден посткраниальный скелетный материал*. Целью настоящей работы являются его анатомическая идентификация, морфологическое описание и поиск ближайших аналогий в круге форм ископаемых гоминидов.

Результаты

Предварительное определение. Представлена мелкая трубчатая кость (фаланга кисти или стопы человека).

Сохранность. На тыльной стороне в проксимальной части диафиза и основания имеются поверхностные разрушения. Дистальный эпифиз (головка) почти целиком разрушен. Сохранился левый край головки (если смотреть с дорзальной стороны) (рис. 1–6). Наибольшая длина фрагмента 26 мм.

Идентификация костного фрагмента. Фаланги стопы *Homo* по строению головок, основания и диафизов имеют такие же характеристики, как и фаланги кисти. Тем не менее, гомологичные сегменты кисти и стопы хорошо отличимы друг от друга. Обычно фаланги стопы короче фаланг кисти, но в данном случае,

*Маркировка изучаемого скелетного фрагмента: Сектор 6. Год 2010-й. Слой 11.4. Уровень 6. Квадрат Б-3. Субквадрат Г.

поскольку мы имеем дело с фрагментом, проверить это нельзя. Диафизы фаланг кисти дорзо-центрально уплощены, фаланги стопы характеризуются более округлым сечением, но в середине сжаты сильнее. По размерам, форме в поперечном сечении и общей конфигурации диафиза исследуемый фрагмент соответствует элементу стопы.

Определение категории фаланги. Данная фаланга несет две фасетки – проксимальную и дистальную и этим отличается от концевой фаланги, имеющей только проксимальную фасетку, которая завершается дистальным бугорком. От средней фаланги она отличается одиночной, а не двойной проксимальной фасеткой. Соответственно, перед нами основная, или проксимальная, фаланга стопы. В боковой проекции наблюдается сильная склонность основания, характерная более всего для фаланги пятого пальца.

Таким образом, фрагмент с большей вероятностью относится к мизинцу, с меньшей – к четвертому пальцу. Определение принадлежности определенному пальцу производят также по форме сочленовой поверхности с плюсневой костью. В данном случае этот признак, на наш взгляд, не разграничивает пятый и четвертый пальцы.

Определение стороны фаланги. Обычно его проводят на хорошо сохранившихся скелетах, привлекая сравнительный материал, чтобы избежать ошибки. Головка расположена дистально, а основание – проксимально. Дорзальная поверхность диафиза ровная и прямая, подошвенная поверхность более неровная и изогнутая. К сожалению, разрушенный дистальный эпифиз не позволяет достоверно определить форму блока головки, по которой можно было бы произвести определение стороны. Если смотреть на дорзальную поверхность сверху, то головка представляется склоненной направо, что позволяет отнести кость к правой стороне. Кроме того, основание кости по сравнению со многими современными образцами отчетливо асимметричное. С подошвенной стороны правый край основания выступает больше левого. Соотнесение с такими ископаемыми формами, как Кийик-Коба [Бонч-Осмоловский, 1954] и Тяньянь [Shang, Trinkaus, 2010], позволяет предположить принадлежность к правой стопе. Но сравнение с современным *H. sapiens* [White, 1991] больше говорит в пользу левосторонней локализации.

Итак, костный фрагмент из Денисовой пещеры вне всякого сомнения определяется как основная (проксимальная) фаланга стопы, предположительно правого пятого или четвертого пальца.

Определение биологического возраста. Эпифизы фаланг стопы у современного человека прирастают в интервале 11–22 года [Schaefer, Black, Scheuer, 2009]. Поскольку и проксимальный, и дистальный эпифизы приросли и следы недавнего синостозирования отсутствуют, можно предположить, что кость принад-

Рис. 1. Дорзальная поверхность основной фаланги стопы.

Рис. 2. Подошвенная поверхность основной фаланги стопы с признаками гипертрофии бокового гребня.

Рис. 3. Латеральная сторона фаланги.

Рис. 4. Медиальная сторона фаланги.

Рис. 5. Основание фаланги.

Рис. 6. Дистальный край (разрушенная головка).

лежала подростку или взрослому индивидууму. Края основания не несут следов возрастной дегенерации, поэтому верхний предел возраста может быть определен как зрелый.

Морфологические особенности. При характеристике формы фаланги обращают на себя внимание заметное сужение тела кости в середине диафиза и резкое расширение основания. По бокам хорошо развиты гребни. Особенно гипертрофирован левый гребень, если смотреть на кость, повернутую дистальной частью вверх, с подошвенной поверхности (см. рис. 2). Расширение этого гребня с образованием небольшого бугорка фиксируется в дистальной трети диафиза.

Примечательно, что у киик-кобинского неандертальца боковые гребни имеются на основной фаланге 4-го пальца, а на основной фаланге мизинца отсутствуют [Бонч-Осмоловский, 1954, с. 147]. Учитывая это, можно уточнить локализацию кости из Денисовой пещеры: она принадлежала, скорее, четвертому, а не пятому лучу. Впрочем, как уже отмечалось, визуально исследуемая фаланга достаточно короткая, с относительно тонким телом и очень массивными эпифизами, что больше соответствует архаической морфологии мизинца неандертальца. Тело фаланги слегка вогнутое с подошвенной стороны, прямое с дорзальной.

Основание фаланги широкое и высокое. Суставная площадка заметно скошена и при этом углублена в средней части. Плюсневая (метатарзальная) фасетка ориентирована отчетливо дорзо-проксимально, а не проксимально. Этот морфологический вариант относится с характерным типом передвижения – «марапонской» ходьбой или бегом, при котором стопа перекатывается с пятки на носок – т.н. heel-off [Shang, Trinkaus, 2010, p. 164].

Подошвенные бугры сильно развитые. Аналогичная гипертрофия этих структур отмечена у крымского палеоантропа из Киик-Кобы. При этом медиальный бугор фаланги четвертого пальца у крымского неандертальца заострен и сильнее выдается, а латеральный имеет форму купола. По мнению Г.А. Бонч-Осмоловского, подобная тенденция в слаженном виде характерна и для современных *Homo* [1954, с. 147]. Сходная асимметрия подошвенных бугров имеется у гоминина из Денисовой пещеры. Таким образом, исследуемая кость из Денисовой пещеры, по-видимому, относится к левой стопе.

Измерения производились в соответствии с рекомендациями Г.А. Бонч-Осмоловского [1954], В.П. Алексеева [1966], а также Х. Шань и Е. Тринкауса [Shang, Trinkaus, 2010] (табл. 1).

Таблица 1. Измерительная характеристика основной фаланги стопы из Денисовой пещеры

Признак (номер по Мартину)	Значение ^{1*}
Максимальная длина, мм	(26)
1. Сочленовная длина, мм	(20,5)
3. Высота середины, мм	6,25
2. Ширина середины, мм	7,75
Окружность середины, мм	22,75
Проксимальная максимальная высота, мм	10,5
Проксимальная максимальная ширина, мм	(12)
Проксимальная сочленовная высота, мм	9,2
Проксимальная сочленовная ширина, мм	(10,5)
Дистальная высота, мм	(6)
Дистальная сочленовная ширина, мм	>10
Проксимальный вертикальный угол, град. ^{2*}	73 (59)
Проксимальный горизонтальный угол, град. ^{3*}	76,5
Угол торзиона, град. ^{4*}	14
Поперечная суставная вогнутость, мм	2,0
Широтно-продольный указатель (2 : 1)	37,80
Указатель поперечного сечения (3 : 2)	80,65
Широтно-высотный указатель (2 : 3) ^{5*}	124,0
Указатель массивности (окружность : сочленовная длина)	110,98
Указатель основания (высота : ширина сочленовные)	(87,62)
Указатель проксимальной шероховатости ^{6*}	76,67
Площадь сечения ТА ^{7*}	36,81
Площадь кортикального слоя СА ^{7*}	30,42
Площадь сечения медуллярного канала МА ^{7*}	6,38
Указатель кортикализации, % СА ^{7*}	82,65
Полярный момент инерции J ^{7*}	221,40

^{1*}В скобках – реконструированные размеры.

^{2*}Синоним – угол скошенности проксимальной суставной площадки (основания) высотный. Первое значение получено графическим, проекционным измерением, второе – с использованием игл в плоскости срединных точек подошвенного и тыльного краев основания.

^{3*}Синоним – угол скошенности проксимальной суставной площадки поперечный. Здесь значение графического измерения совпало со значением измерения иглами.

^{4*}Угол между подошвенной поверхностью основания и подошвенной стороной головки ввиду обширных разрушений головки измерен проекционно.

^{5*}Синоним – digitoscapial index.

^{6*}Proximal rugosity index [Trinkaus, 1983]. (Проксимальная сочленовная высота x проксимальная сочленовная ширина) : (проксимальная максимальная высота x проксимальная максимальная ширина) x 100 %.

^{7*}Параметры определены по измерениям на уровне середины диафиза, выполненным в программе Centricity Dicom Viewer.

Сравнительная характеристика и обсуждение

Сравнительный материал по ранним ископаемым формам рода *Homo*, который можно было бы привлечь для описания основной фаланги стопы, к сожалению, пока отсутствует. Наиболее полно сохранившаяся стопа *H. habilis* OH 8 представлена только предплюсной и плюсной [Day, Napier, 1964]. До сих пор нет данных, позволяющих судить об особенностях строения фаланг стопы у *H. erectus sensu lato*.

О стопе неандертальца известно неизмеримо больше. Например, Э. Тринкаус [Trinkaus, 1983] выделил три категории признаков, характеризующих массивность скелета данного сегмента нижней конечности у палеантропов, которые отличают последних от подавляющего большинства людей современного типа. Многие области прикрепления подошвенных мышц и связок у неандертальцев были развиты сильнее, чем у современного человека. Это касается не только медиального отростка пятонной кости, ладьевидной бугристости, бугристости латеральной клиновидной кости, но и оснований проксимальных фаланг. Другая особенность, которую следует учитывать при рассмотрении костного фрагмента из Денисовой пещеры, – более массивные у неандертальцев, чем у современного человека, первая плюсневая и все пять проксимальных фаланг. Кроме того, неандертальские фаланги по сравнению с таковыми у современного *Homo* больше развиты в ширину, а не в высоту. По Тринкаусу, это обусловлено выраженным поперечным растяжением стопы. У современного человека чаще прослеживается обратная тенденция.

В специальном исследовании строения основных фаланг у неандертальцев обращалось внимание на связь относительно широких диафизов с устойчивыми поперечными (медиолатеральными) нагрузками при ходьбе. Сравнивались объединенные выборки неандертальцев, ранних анатомически современных людей, палеопопуляций американских индейцев и представителей индустриального общества [Trinkaus, Hilton, 1996]. У неандертальцев фаланги были заметно короче, чем у современных людей, и при этом для второго – четвертого лучей заметно шире. Ранние анатомически современные люди близки к неандертальцам благодаря укороченным фалангам; они занимают промежуточное положение по ширине диафиза. Как предполагали исследователи, в верхнем плейстоцене контрастное поведение людей сказалось на морфологии стопы. Высокая массивность фаланг – следствие возросшего давления в дорзально-подошвенной плоскости, которое компенсировалось натяжением сухожилий сгибателей и разгибателей, причем поперечное и торзион-

ное давление компенсировалось широтным развитием фаланг. На основе этих предположений была создана гипотеза о постепенной (начиная с ранних анатомически современных людей) грацилизации фаланг стопы, нараставшей на протяжении от позднего плейстоцена к голоцену.

Поскольку остаются предположения о принадлежности фаланги из Денисовой пещеры четвертому или пятому пальцу стопы, были последовательно рассмотрены обе версии. Сравнительные данные почерпнуты из работ: [Бонч-Осмоловский, 1954; Shang, Trinkaus, 2010; McCown, Keith, 1939; Trinkaus, 1983; Trinkaus, Hilton, 1996; Sladek et al., 2000].

Версия: фаланга четвертого пальца. Для интерпретации специфики находки из Денисовой пещеры были привлечены индивидуальные данные по гоминидам различного таксономического статуса, прежде всего по восточно-европейским и азиатским палеоантропам: представитель европейских неандертальцев из Киник-Кобы, переднеазиатские палеоантропы Шанидар-4 и Табун-1, среднепалеолитический и анатомически современный Схул-4, а также мезолитическая женщина из Мурзак-Кобы и, что особенно важно, обитатели Алтая эпохи бронзы (табл. 2).

Невзирая на разрушения дистального эпифиза, можно предположить, что по такому показателю, как наибольшая длина фаланги, алтайский гоминин

не уступал неандертальцу Шанидар-4 или сапиенсу Схул-4. Однако сочленовая длина была, по-видимому, меньше, чем у шанидарца или у киниккобинца. Скорее всего, такой размер фаланги у алтайского гоминина обусловлен отмеченной выше дорзо-проксимальной ориентацией сочленовой поверхности основания.

По абсолютному значению высоты в середине фаланги индивидуум из Денисовой пещеры, сближаясь со Схул-4, проигрывал неандертальцам Шанидара и Киник-Кобы. Женщины каменного века Табун-1 и Мурзак-Коба, хотя демонстрируют разную таксономическую принадлежность, объединяются благодаря большей грацильности основной фаланги в середине.

По соотношению высоты и ширины основания фаланги из Денисовой пещеры попадает в поле изменчивости среднепалеолитических ископаемых форм: занимает промежуточное положение между Схул-4 и Киник-Кобой. Фаланга четвертого пальца у Шанидар-4 отличается от них очень высоким в середине диафизом (рис. 7).

По индексу поперечного сечения диафиза, который не зависит от абсолютных размеров, а характеризует форму, ископаемая фаланга с Алтая попадает в число относительно широких, объединяясь с таковыми Табун-1 и Мурзак-Коба. По соотношению вы-

Таблица 2. Сравнительная характеристика основной фаланги стопы из Денисовой пещеры.
Версия: четвертый палец стопы

Признак (номер по Мартину)	Денисова пещера	Киник-Коба	Табун-1	Схул-4	Мурзак-Коба-2	Эпоха бронзы Алтая	Шанидар-4
Максимальная длина, мм	(26)	—	16,0	28,0	—	—	26,5
1. Соchленовая длина, мм	(20,5)	23,6–24,4			20,9	22,0	22,5
3. Высота середины, мм	6,25	6,6–6,7	5,0	6,2	5,3	5,8	7,6
2. Ширина середины, мм	7,75	8,1–8,3	6,0	7,0	6,4	5,4	8,2
Окружность середины, мм	22,75	—	—	—	—	—	—
Проксимальная максимальная высота, мм	10,5	12,5–12,7	10,5	11,5	10,7	10,2	12,4
Проксимальная максимальная ширина, мм	(12)	14,8–15,1	—	13,0	11,3	11,5	14,0
Проксимальная сочленовая высота, мм	9,2	—	—	—	—	—	9,9
Проксимальная сочленовая ширина, мм	(10,5)	—	—	—	—	—	12,2
Дистальная высота, мм	(6)	7,2–7,3	—	6,0	6,3	5,8	7,5
Дистальная ширина, мм	>10	—	—	—	—	—	10,3
Угол торзиона, град.	14	—	—	—	—	—	7
Поперечная суставная вогнутость, мм	2,0	2,1–2,2	—	—	1,6	2,3	—
Широтно-продольный указатель (2 : 1)	37,80	34,02–34,32	37,5*	25,0*	30,62	24,54	36,44
Указатель поперечного сечения (3 : 2)	80,65	79,52	83,33	88,57	82,81	107,41	92,68
Указатель основания (высота : ширина сочленовные)	(87,62)	—	—	—	—	—	81,15

*Вычислен по максимальной, а не сочленовной длине фаланги.

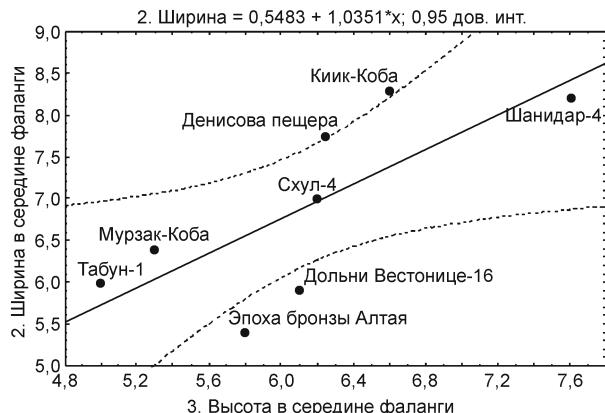

Рис. 7. Дифференциация представителей каменного века по высоте и ширине в середине четвертой фаланги стопы.

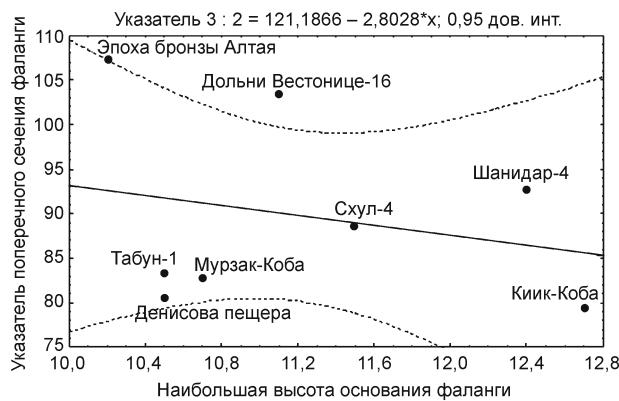

Рис. 8. Дифференциация представителей каменного века по наибольшей высоте основания и указателю поперечного сечения четвертой основной фаланги стопы.

соты основания и указателя поперечного сечения кости гоминин из Денисовой пещеры группируются с женщинами Табун-1 и Мурзак-Коба в противовес другим ископаемым формам с более широким основанием фаланги (рис. 8). Антагонистами гоминина из Денисовой пещеры выступают и алтайские *H. sapiens* эпохи бронзы, у которых высота основания фаланги меньше, а относительная высота тела кости в середине намного больше.

Как отмечалось, развитие диафиза в широтном отношении – признак архаической морфологии; высокая степень выраженности этой тенденции у алтайского гоминина подтверждает его отличия от современного морфотипа. Вместе с тем, на наш взгляд, подобный вариант строения не обязательно следует из таксономического статуса. Доказательством служат «архаические» особенности женщины эпохи мезолита из Мурзак-Кобы, принадлежность которой *H. sapiens*

не может быть поставлена под сомнение. Следовательно, преимущественно широтное развитие тела основных фаланг у ископаемых гоминидов, вероятно, отражает специфическую локомоцию и уровень механического формообразующего воздействия на данный сегмент нижней конечности.

Широтные размеры основания и головки у алтайского гоминина реконструированы, поэтому данные характеристики следует рассматривать с большой осторожностью. Тем не менее создается впечатление, что у него основание в ширину было развито меньше, чем у неандертальцев и даже у Схул-4, но несколько больше по сравнению с современными людьми. Головка могла быть столь же широкая, как у Шанидар-4, но, по-видимому, ниже, чем у неандертальцев, и находилась в пределах вариации представителей современной анатомии.

Угол торзиона высокий, что, возможно, отражает степень функциональных нагрузок на стопу. Поперечная суставная вогнутость несколько ниже, чем у киик-кобинца и жителей Алтая эпохи бронзы.

Версия: фаланга пятого пальца. Сравнительные материалы по основной фаланге мизинца несколько отличаются от использованных выше. Европейские неандертальцы представлены Киик-Кобой, переднеазиатские – Шанидар-4 и -8, центрально-европейские кроманьонцы – двумя индивидуумами из Дольни Вестонице, население мезолита – Мурзак-Кобой-2 (табл. 2). Достаточно близка географически и хронологически (ок. 40 тыс. л.н.) основная фаланга пятого пальца из Тяньянь [Shang, Trinkaus, 2010], относимая исследователями к анатомически современным *Homo*.

При рассмотрении продольных размеров основная фаланга стопы из Денисовой пещеры больше всего сходна с таковой из Тяньянь. И алтайский, и китайский гоминины обладали достаточно удлиненной фалангой, если сравнивать с шанидарцами (разного пола) и верхнепалеолитическими сапиенсами из Европы. У крымского неандертальца этот элемент стопы в длину был развит больше, чем у переднеазиатских палеоантропов (табл. 3).

По соотношению высоты и ширины в середине диафиза фаланга из Денисовой пещеры занимает крайнее положение; она сближается только с Шанидар-4 (рис. 9). Таким образом, если фрагмент из Денисовой пещеры все-таки принадлежал мизинцу, а не четвертому пальцу, то он отличается исключительной массивностью диафиза на фоне других ископаемых форм.

По соотношению индекса поперечного сечения и наибольшей высоты основания находка из Денисовой пещеры ближе к фалангам пятого пальца Шанидар-4 и Тяньянь (рис. 10).

По размерам головки алтайская находка не имеет близких аналогов – она невысокая, но довольно широкая.

Таблица 3. Сравнительная характеристика основной фаланги стопы из Денисовой пещеры.
Версия: пятый палец стопы

Признак (номер по Мартину)	Денисова пещера	Киик-Коба	Шанидар-4	Шанидар-8	Тяньянь	DV16	DV15	Мурзак-Коба-2
Максимальная длина, мм	(26)	—	21,7 (пр.)	20,4	25,0	—	22,7	—
1. Сочленовая длина, мм	(20,5)	20,9	17,6 (пр.)	17,2	21,4	—	20,4	19,3
3. Высота середины, мм	6,25	5,7	6,4–6,2	5,4	5,2	—	5,0	—
2. Ширина середины, мм	7,75	6,3	8,0–7,2	6,0	7,1	—	5,0	6,1
Проксимальная максимальная высота, мм	10,5	11,7	10,9 (пр.)	9,8	10,9	10,6	—	11,0
Проксимальная максимальная ширина, мм	(12)	15,0	13,1 (пр.)	12,4	12,8	12,5	—	12,3
Проксимальная сочленовая высота, мм	9,2	—	9,1 (пр.)	8,7	9,7	8,3	8,4	—
Проксимальная сочленовая ширина, мм	(10,5)	—	10,59 (пр.)	9,3	10,0	10,1	—	—
Дистальная высота, мм	(6)	6,8	7,5–6,9	6,1	6,7	—	—	6,5
Дистальная ширина, мм	>10	10,2	9,9–9,6	8,9	9,0	—	—	10,4
Проксимальный вертикальный угол, град.	73 (59)	—	—	—	76	(25)	(17)	—
Проксимальный горизонтальный угол, град.	76,5	—	—	—	79	—	-12	—
Угол торзиона, град.	14	—	4	3	4	—	—	—
Поперечная суставная вогнутость, мм	2,0	2,2	—	—	—	—	—	1,9
Широтно-продольный указатель (2 : 1)	(37,80)	30,14	45,45	34,88	33,18	—	24,51	31,61
Указатель поперечного сечения (3 : 2)	80,65	79,52	80,0–86,11	90,0	73,24	—	100,0	—
Указатель основания (высота : ширина сочленовные)	(87,62)	—	86,67 (пр.)	93,55	97,0	82,18	—	—

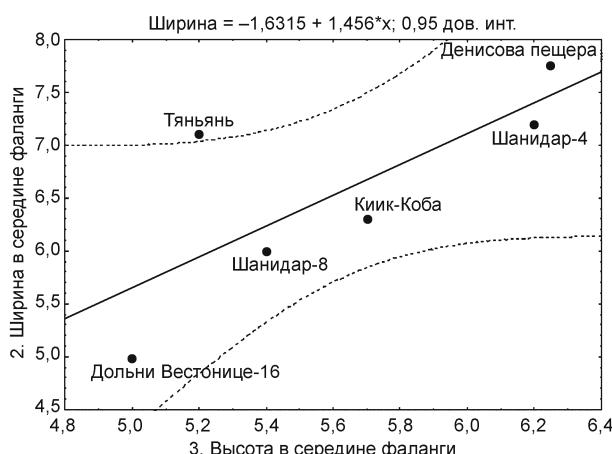

Рис. 9. Дифференциация представителей каменного века по высоте и ширине в середине пятой фаланги стопы.

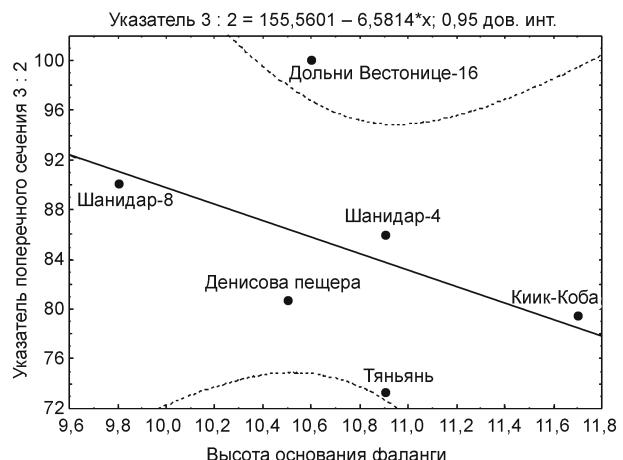

Рис. 10. Дифференциация представителей каменного века по наибольшей высоте основания и указателю поперечного сечения пятой основной фаланги стопы.

По вертикальному и горизонтальному углам основания кость из Денисовой пещеры близка таковой Тяньянь, для которой также характерна дорзопроксимальная ориентация суставной площадки. Соответственно, можно предположить сходную постановку стопы у этих гоминидов при перемещении в пространстве.

По величине широтно-продольного указателя диафиза фаланги из Денисовой пещеры демонстри-

рует усиленное развитие в трансверзальной плоскости (табл. 3). В этом отношении индивидуум уступает только неандертальцу Шанидар-4, опережая женщины той же популяции Шанидар-8 и верхнепалеолитического сапиенса из Китая Тяньянь, а также в гораздо большей степени – палеоантропа Киик-Кобы, верхнепалеолитического и мезолитического *H. sapiens* DV15 и Мурзак-Коба.

Указатель основания для проксимальной фаланги мизинца обнаруживает большой разброс значений и отсутствие выраженных таксономических тенденций. Так, крайние значения признака – у представителей современной морфологии Тяньянь и Дольни Вестонице-16. Гоминин из Денисовой пещеры по этому признаку сближается с Шанидар-4, а Шанидар-8 – с Тяньянь.

Итак, для мизинца кость из Денисовой пещеры довольно удлиненная, с очень массивным диафизом, средним по высоте и относительно нешироким основанием, сочленовная фасетка которого при этом и высока, и широка, а головка, вероятно, уплощена и расширена.

При сравнении показателей для фаланг четвертого или пятого лучей однозначно определить принадлежность алтайской кости не удается. По широт-

но-высотному указателю кость южно-сибирского гоминина ближе к основным фалангам мизинца у Шанидар-4 и Тяньянь (рис. 11), по указателю проксимальной шероховатости – между значениями признака для четвертого пальца у европейских неандертальцев и Табун-1 (рис. 12). При рассмотрении параметров строения фаланги из Денисовой пещеры на фоне средних значений для основных фаланг четвертого и пятого луча у палео- и неоантропов [Trinkaus, Hilton, 1996] выявляются сходные тенденции (рис. 13–16).

Примечательно, что по соотношению сочленовой длины фаланги и ее высоте в середине диафиза (т.е. фактически по уровню массивности) алтайская находка противостоит голоценовым *Homo* вместе с неандертальцами и ранними анатомически современными

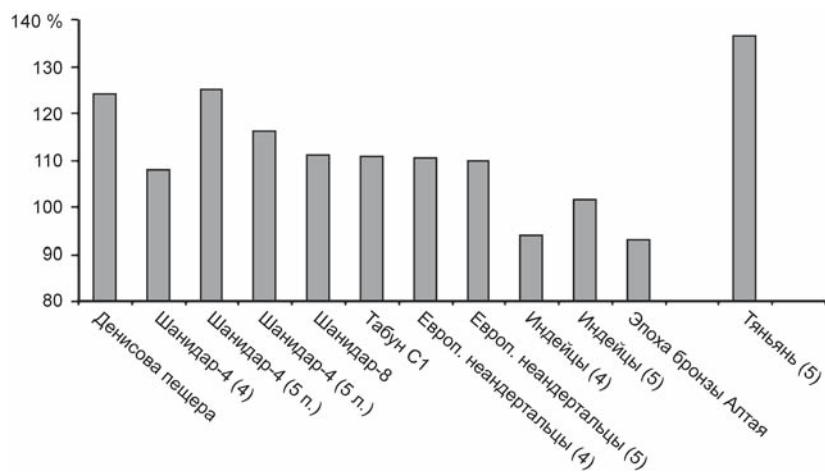

Рис. 11. Широтно-высотный указатель в середине основных фаланг четвертого и пятого луча. Сравнительные данные по: [Бонч-Осмоловский, 1954; McCown, Keith, 1939; Trinkaus, 1983; Shang, Trinkaus, 2010]. Здесь и далее в скобках – номер луча и уточнение о его лево- или правосторонней принадлежности.

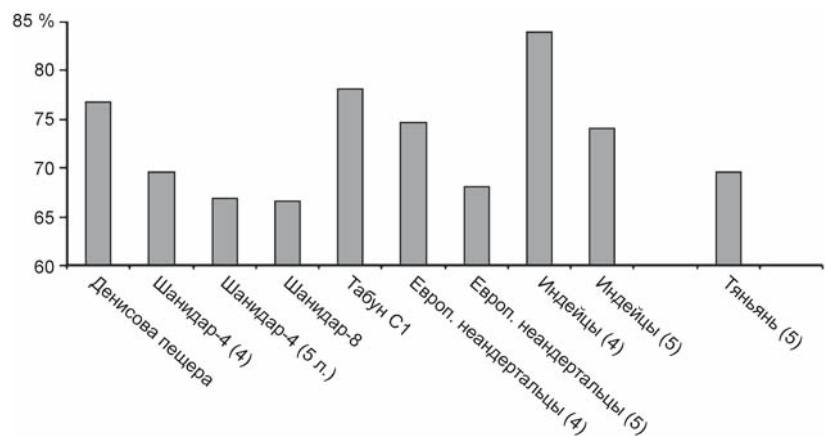

Рис. 12. Указатель проксимальной шероховатости основных фаланг четвертого и пятого луча. Сравнительные данные по: [Trinkaus, 1983; Shang, Trinkaus, 2010].

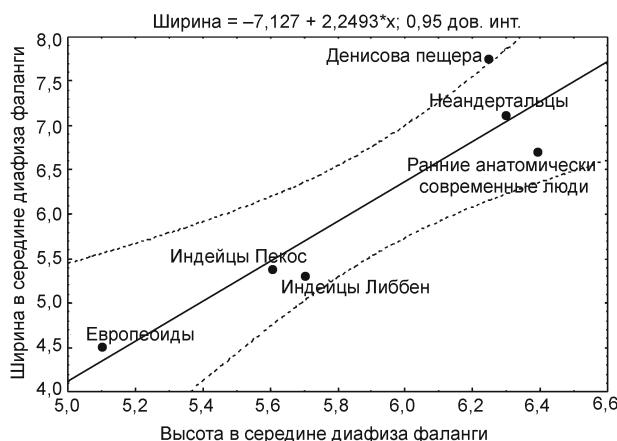

Рис. 13. Гоминин из Денисовой пещеры на фоне средних значений у неандертальцев, ранних анатомически современных людей, индейцев и американцев европейского происхождения. Высота и ширина в середине диафиза четвертой проксимальной фаланги стопы.

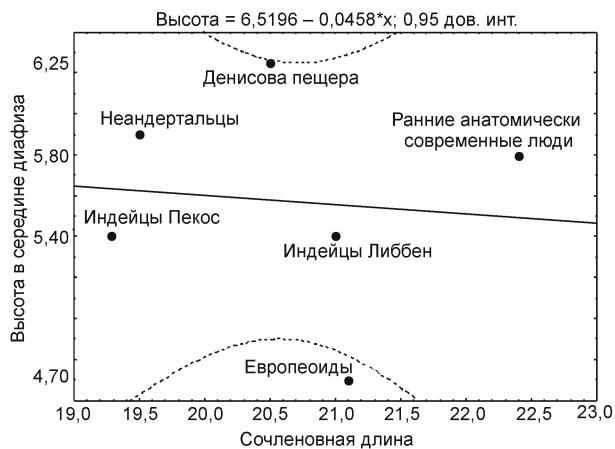

Рис. 14. Гоминин из Денисовой пещеры на фоне средних значений у неандертальцев, ранних анатомически современных людей, индейцев и американцев европейского происхождения. Сочленовная длина и высота в середине диафиза четвертой проксимальной фаланги стопы.

людьми. Если это кость четвертого луча, то она занимает промежуточное положение между таковыми у неандертальцев и группами Схул, если кость мизинца – то она самая массивная. По ширине (в любом варианте) она опережает средние значения в группах верхнеплейстоценовых гоминидов, включая неандертальцев.

Поскольку грацилизация средних основных фаланг сегодня интерпретируется как возможное следствие ношения защищающей стопу обуви [Trinkaus, 2005], можно было бы заключить, что алтайский гоминин чаще передвигался босиком. Впрочем, в нашем распоряжении пока нет второго или третьего сегмен-

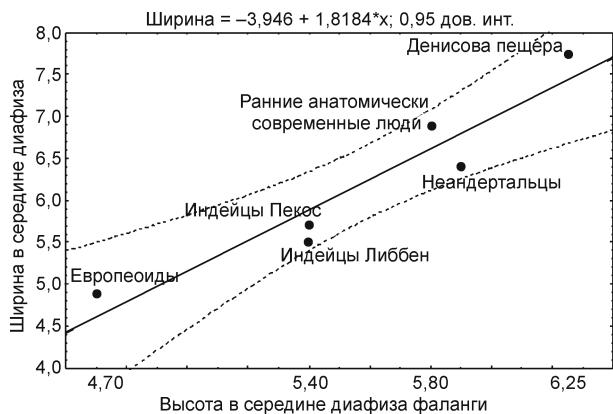

Рис. 15. Гоминин из Денисовой пещеры на фоне средних значений у неандертальцев, ранних анатомически современных людей, индейцев и американцев европейского происхождения. Высота и ширина в середине диафиза пятой проксимальной фаланги стопы.

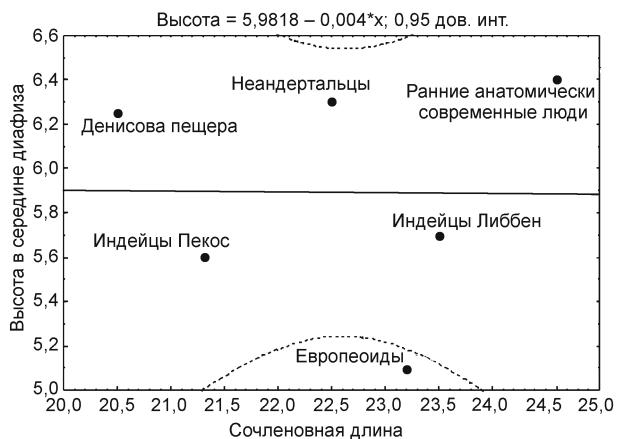

Рис. 16. Гоминин из Денисовой пещеры на фоне средних значений у неандертальцев, ранних анатомически современных людей, индейцев и американцев европейского происхождения. Сочленовная длина и высота в середине диафиза пятой проксимальной фаланги стопы.

та стопы, который в первую очередь испытывает влияние изменения культурных традиций. Современник алтайского гоминина верхнепалеолитический человек из Тяньянь, вероятно, один из первых обладателей обуви, демонстрирует пониженные значения полярного момента инерции для фаланг второго луча и мизинца. Кость из Денисовой пещеры обладает большим полярным моментом инерции (см. табл. 1), хотя по значениям тяготеет к верхнепалеолитическим индивидуумам. Поэтому, на наш взгляд, вопрос об использовании обуви южно-сибирскими гомининами остается открытым.

Заключение

Основная (проксимальная) фаланга стопы у гоминина из Денисовой пещеры больше развита в ширину, чем в высоту, что отличает ее от таковых у большинства современных представителей рода *Homo* и сближает с элементами стопы плейстоценовых *Homo* разной таксономической принадлежности. Кость более массивная и широкая, чем в среднем у неандертальцев и анатомически современных сапиенсов.

У алтайского гоминина – гипертрофия подошвенных связок и мыщц, о чем свидетельствует мощный боковой гребень. Скошенность суставной площадки в дорзо-проксимальном, а не проксимальном, как у большинства современных людей, направлении также имеет функциональное объяснение в привычке к своеобразному «спортивному», или «марафонскому», бегу (heel-off). Данная фаланга пока находит ближайшие морфологические аналогии в строении соответствующих элементов скелета у переднеазиатского неандертальца Шанидар-4 и китайского раннего современного человека Тяньянь.

Список литературы

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 251 с.

Бонч-Осмоловский Г.А. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба // Палеолит Крыма. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – Вып. III. – 398 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 327 с.

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 64–76.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125–138.

Day M.H., Napier J.R. Hominid fossils from Bed I, Olduvai Gorge, Tanganyika. Fossil foot bones // Nature. – 1964. – Vol. 201. – P. 967–970.

Krause J., Fu Q., Good J.M., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Paabo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 464, N 7290. – P. 894–897.

McCown T.D., Keith A. The Stone Age of the Mount Carmel. The fossil human remains from the Levalloiso-Mousterian. – Oxford: at the Clarendon Press, 1939. – Vol. II. – 383 p.

Schaefer M., Black S., Scheuer L. Juvenile osteology. A laboratory and field manual. – Amsterdam: Elsevier, 2009. – 369 p.

Shang H., Trinkaus E. The early modern human from Tianyuan Cave, China. – Texas Hewston: A&M University Press, 2010. – 247 p.

Sladek V., Trinkaus E., Hillson S.V., Holliday T.W. The people of the Pavlovian. Skeletal Catalogue and Osteometrics of the Gravettian Fossil Hominids from Dolni Vestonice and Pavlov. – Brno: Gloria Rozice, 2000. – 244 p.

Trinkaus E. The Shanidar Neanderthals. – N.Y.: Academic Press, 1983. – 502 p.

Trinkaus E. Anatomical evidence for the antiquity of human footwear use // J. of Archaeological Science. – 2005. – Vol. 32. – P. 1515–1526.

Trinkaus E., Hilton Ch.E. Neanderthal pedal proximal phalanges: diaphyseal loading patterns // J. of Human Evolution. – 1996. – Vol. 30. – P. 399–425.

White T. Human osteology. – San Diego: Academic Press, 1991. – 455 p.

Материал поступил в редакцию 18.10.10 г.

УДК 572.77

А.Ю. Худавердян

Институт археологии и этнографии НАН РА
 ул. Чаренца, 15, Ереван, 0025, Армения
 E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

ЭПОХАЛЬНАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ НЕКОТОРЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЗУБНОЙ СИСТЕМЫ: ЭВОЛЮЦИОННЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Памяти учителя – В.Е. Дерябина

На основе сравнительного анализа антропологических данных по отдельным временным срезам удалось выявить динамику развития населения Армянского нагорья начиная с эпохи ранней бронзы и кончая современностью. Набор одонтологических признаков представляет собой комплекс гетерогенных показателей, позволяющих исследовать этногенетические и редукционные процессы. Они различаются по степени эпохальной консервативности, межгрупповой коррелированности, генетической детерминации, трансгрессии или дискретности. Проанализировав эпохальную изменчивость зубной системы у обитателей Армянского нагорья, мы пришли к выводу, что микроэволюционные изменения зубов в популяциях, населявших этот регион, имели одинаковое направление – тенденцию к редукции.

Ключевые слова: эволюция, онтогенез, одонтология, редукция, этногенез, адаптационный процесс, Армянское нагорье.

Введение

Эпохальные процессы морфологического переустройства, которые мы наблюдаем, прослеживаются с самого начала заселения нашей планеты современными представителями вида *Homo sapiens*. Можно с определенностью утверждать, что основополагающим является изменение его интенсивности по оси продольных размеров головы и тела. На черепе этот процесс находит отражение в изменении его формы (степени округлости) при сохранении абсолютного объема; посткраниальный скелет при относительной стабильности пропорций реагирует периодически изменениями тотальных размеров. Поэтому такое явление, как секулярное увеличение длины тела, наблюдавшееся на протяжении почти всего XX в., не представляется чем-то особым, из ряда вон выходящим. Изменение зубного аппарата связано с общей перестройкой физического типа человека.

Усиление интереса к этой проблеме объясняется нестабильностью зубной системы, наличием широкого спектра различных стадий редукции зубов, которые, возможно, и на современном этапе подвержены преобразовательным процессам. Вероятно, что брахицефализация, дебрахицефализация, грацилизация, редукция и акселерация внутренне взаимосвязаны, но обусловлены, скорее всего, различными факторами. Причина проявления этих микроэволюционных внутривидовых тенденций кроется в определенных онтогенетических сдвигах – ускорении (или замедлении) ростовых процессов под влиянием эндокринных, нервно-гуморальных, трофических и прочих факторов. При решении ряда спорных вопросов в области этногенеза, связанных с эпохальной динамикой всего комплекса морфологических признаков человека, большую роль играет одонтология.

Во многих странах проводятся исследования изменения зубочелюстной системы человека в тече-

ние последних тысячелетий. Причины эпохальных сдвигов в ее строении ученые видят в мягкой пище [Dutta, 1983] и, следовательно, в ослаблении функциональной нагрузки на зубы; генетических факторах [Зубов, 1964; Brabant, Twiesselmann, 1964]; влиянии внешней среды, биохимических процессов [Dahlberg, 1963; Shapiro, 1963] и т.д. На протяжении всего периода эволюционного развития человечества изменения зубов всех классов сочетались с определенными трансформациями челюстных костей. П. Андрик [Andrik, 1965] показал изменения, произошедшие на челюстях за 4 тыс. лет. На основе соответствующего анализа склерологических результатов было установлено, что ширина зубных дуг уменьшилась приблизительно на 2–3 мм. У представителей современной популяции по сравнению с субъектами позднебронзового времени тело нижней челюсти короче примерно на 6 мм, верхней – на 4, восходящей ветви – на 10 мм. Высота верхней челюсти у жителей Западной Европы в современную эпоху (XIX–XX вв.) [Бунак, 1959] либо остается неизменной, либо постепенно увеличивается [Донина, 1969]. В литературе высказывались предположения о постоянном процессе преобразования отдельных элементов зубной системы, для некоторых из них указывалось даже нарастание эволюционного темпа на современном этапе [Masztalerz, 1962]. Д. Гуз [Goose, 1963] усматривает в определенных и, вероятно, вполне закономерных морфологических сдвигах пугающий симптом прогрессирующих дисгармоний, аномалий, предсказывая развертывание этого явления во времени и пространстве. Исходя из имеющихся в литературе данных об уменьшении челюстных костей, можно предположить, что размер ретромолярного пространства (область за третьим моляром), захваченного общим процессом редукции, также претерпевает определенные изменения. Именно за счет этого пространства размеры челюстей сокращаются [Руденко, 1971]. Малые размеры зубов могут иметь место вследствие того, что при ослаблении нагрузок на жевательный аппарат уменьшаются альвеолярные отростки и нарушается гармония челюстей и зубов («отбор через краудинг») [Зубов, Халдеева, 1989], или же по причине быстрого распространения кариеса, которому подвержены в большей степени крупные зубы сложного строения [Худавердян, 2005, с. 37]. Эти доводы основаны на признании значительной роли культурного фактора в эволюции зубной системы. В качестве примера приведем работу П.В. Счилли [Sciulli, 1979], где на конкретном материале демонстрируется уменьшение размеров зубов в этнических группах с традиционным смешанным типом хозяйства в отличие от племен охотников и собирателей. О влиянии «культурного фактора» на морфологию зубов говорит столь важный факт, как

наличие резкого «скачка» в процессе редукции после неолитической революции. По расчетам К.Л. Брейс [Brace, 1979], размеры зубов у субъектов верхнего палеолита в среднем только на 5 % меньше, чем у классических неандертальцев, а у современных людей уже на 20 % меньше, чем у верхнепалеолитических. По мнению Д.В. Фрейера [Frayer, 1977], на протяжении верхнего палеолита и мезолита в Европе происходил отчетливо выраженный процесс редукции лицевого скелета при более замедленной редукции зубной системы. П. Смит [Smith, 1976], проанализировав эпохальную изменчивость этой системы у представителей Ближнего Востока, пришла к выводу, что в течение 6 тыс. лет микроэволюционные изменения зубов в популяциях, населявших данную территорию, имели одинаковое направление – тенденцию к редукции. Следует отметить, что в изолированных друг от друга группах возникали определенные различия по комплексу признаков, но не в силу разнонаправленности микроэволюционного процесса, а из-за разных темпов редукции. Итак, редукционный процесс выступает не только как нивелирующий фактор, но и как дифференцирующий. Именно на базе анализа неравномерности темпов эволюции зубной системы человека возникла мутационная теория [Brace, 1979], объясняющая редукционные изменения зубов гоминидов постепенным накоплением мутаций, ведущим к упрощению структуры и уменьшению размеров зубов.

Своеобразная ритмика процесса редукции зубной системы может найти объяснение в постепенном, но прерываемом отдельными скачками ослаблении воздействия естественного отбора на одонтологические признаки. Не следует забывать, что зубная система имеет весьма обширный набор разнородных признаков, одни из которых могут оказаться «в фокусе» отбора, в то время как другие свободны от его контроля, причем эти группы признаков при определенных обстоятельствах могут «поменяться местами». Какая-либо морфологическая деталь зубной системы, утратившая функцию (в частности, зуб мудрости), медленно деградирует по мере бесконтрольного накопления мутаций, но не исключена возможность, что со временем она исчезнет под действием «отрицательного отбора», как только начнет приносить вред (скажем, осложнения, даваемые патологическими процессами, в период неолита, когда эти явления не могли быть устранены медициной).

Разделяя все одонтологические маркеры на расовые и редукционные, мы выявляем тем самым различную природу их происхождения. Первые, вероятно, возникли в эпоху дивергенции предковых групп больших расовых стволов под влиянием отбора в ходе адаптационного процесса. И не обязательно сами рассматриваемые феномены были непосред-

ственными объектами отбора, он мог идти по ряду адаптивно важных особенностей черепа. Определенные одонтологические показатели, коррелирующие как с краинометрическими, так и с краиноскопическими признаками [Граудонис и др., 1985; Худавердян, 2009, с. 349–352], могли быть вовлечены в процесс дивергенции рас в период формирования последних, когда морфологические особенности черепа носили адаптивный характер и имели существенное приспособительное значение. Возможно, именно с тех пор (с верхнего палеолита) сохранилось в «частично искаженной форме» распределение некоторых одонтологических особенностей, связанное с большими расами [Зубов, Халдеева, 1989, с. 35]. Возникший таким образом расовый комплекс одонтологических маркеров впоследствии в какой-то мере попал в условия ослабленного отбора, и на него могли накладываться изменения редукционного типа. Итак, оба фактора изменений зубной системы во времени тесно переплетались между собой.

Другой «ареной» взаимодействия отбора и «чистой» редукции является процесс формирования зубов в онтогенезе. Известно, что фенотипический облик зубной коронки, в частности степень ее редукции, в существенной мере зависит от онтогенеза [Sofaer, 1973], детерминируемого как генетическими, так и средовыми факторами. Дж. А. Вэллэс [Wallace, 1977], изучавший прорезывание зубов у самых ранних представителей гоминидов по костным остаткам, пришел к выводу, что постепенное замедление онтогенетического развития зубной системы, характерное для человеческой линии эволюции, началось уже 2,5–2 млн л.н. Общее замедление онтогенеза – один из важных моментов эволюции человека (продление периода передачи информации между поколениями) и объект естественного отбора. Заметим, что одним из следствий задержки развития зубов является та или иная степень их редукции. В онтогенезе зубной системы могут фиксироваться и тесно переплетаться фактор отбора и мутационный эффект, причем оба действуют через замедление формообразовательных процессов, имея таким образом общее направление и, вероятно, во многих случаях сходный результат, выражющийся в итоговой фенотипической структуре. Становится очевидным, что противопоставлять их было бы неверно и что редукция зубочелюстного аппарата теоретически не представляется неожиданной.

Еще на первых этапах формирования человеческого рода имел место отбор не только в направлении адаптации к сумме абиотических и биотических факторов природной среды, но и по степени функционального соответствия субъекта группе, способности субъекта (системы) полноценно участвовать в функционировании группы как единого целого (надсистемы), играя роль адекватного элемента последней

[Худавердян, 2008]. Вероятно, отбор в направлении сложного группового поведения происходил прежде всего через усложнение и совершенствование организации нервной системы. Д.К. Беляев придавал большое значение в механизме дестабилизирующего отбора психоэмоциальному стрессу: «Отбор становится дестабилизирующим, когда под его давление непосредственно или опосредованно попадают системы нейроэндокринной регуляции онтогенеза. А это случается, по-видимому, всегда, когда в среде появляются новые, не освоенные видом стрессорные факторы или когда большого напряжения и силы достигают уже освоенные видом стрессоры... Дестабилизирующий эффект отбора проявляется, по-видимому, с особенной силой в экстремальных экологических ситуациях, при сильных давлениях стресса, особенно при смене среды, а не просто смене экологических ниш в пределах среды, т.е. именно в те моменты, когда наблюдается особенно большое ускорение темпов эволюции» [1983, с. 275]. Достаточно сильный стресс всегда сопровождал наших предков на любом этапе их эволюции, что, как мы знаем, отразилось в асимметрии, гипоплазии зубов и т.д. [Худавердян, 2009, с. 104–128]. Дестабилизирующий отбор, резко увеличив вариабельность, мог создать условия для уменьшения размеров и упрощения структуры зубов (при выраженной селективной ценности данных признаков) либо в силу ускорения мутационного процесса вызвать к жизни известный нам мутационный эффект, т.е. беспорядочное накопление мутаций (в условиях селективной нейтральности упомянутых признаков). Селекция по поведению и связанный с ней дестабилизирующий отбор, по мнению Д.К. Беляева, могут приводить к активации «дремлющих» генов и инактивации генов, до тех пор активно функционировавших [1981, с. 21]. Этим, вероятно, можно объяснить некоторые явления в области морфологии зубной системы, как бы «выпадающие» из общей картины редукции, но в то же время с ней связанные. Мы имеем в виду структуры коронки: бугорок Карабелли, буккостиль, мезиоденс. Итак, специфика зубной системы выражается в сочетании разных форм отбора, в их взаимодействии и смене, а также в наличии мутационного эффекта, порожденного дестабилизирующим отбором при ослаблении других его форм. Учитывая вышеизложенное, вряд ли стоит удивляться тому, что на разных территориях редукционные процессы протекали и протекают неодинаково.

Материал и методы

Проведенный нами сравнительный анализ антропологических особенностей древних популяций на территории Армянского нагорья позволил выявить

характер эпохальной изменчивости морфологических признаков. Данные сгруппированы в соответствии с рубрикациями археологических классификаций по эпохам, а внутри них – по могильникам. Изучение зубной системы проводилось по методике, разработанной А.А. Зубовым [1968, 1973] и другими авторами. Для анализа были использованы 14 одонтологических признаков: диастема I^2-I^1 , краудинг I^2 , редукция I^2 (баллы 2 + 3), редукция I^1 (балл 1), редукция hy на M^2 , бугорок Карабелли на M^1 , четырехбуторковые формы на M_1 , шестибуторковые формы на M_1 , четырехбуторковые формы на M_2 , 1 eo (3) на M^1 , дистальный гребень тригонида, коленчатая складка med, TAMI, 2 med (II) на M_1 . Весь период был разделен на три хронологических отрезка. Первый представлен сериями эпохи бронзы (III–II тыс. до н.э.) из погребений Ланджик и Черной крепости, второй – античного периода (I в. до н.э. – III в. н.э.) из могильников Бениамин, Вардбах, Черной крепости I, третий – современными армянами (сборная серия и *crania armenica*). Для графического представления результатов сопоставления были выбраны канонический и кластерный анализы, позволяющие выявить градиенты межгрупповой изменчивости по комплексам признаков [Дерябин, 1983]. Нами использовалась программа «Каноклас», разработанная В.Е. Дерябиным в МГУ (версия 6.9).

Обсуждение результатов

Материал с Армянского нагорья дает общее представление о редукционных процессах, протекавших на этой территории.

Диастема $I^2 - I^1$. Динамика частот этого признака отражает одну из сторон процесса редукции зубной системы, т.к. наличие диастем указывает на резерв свободного пространства в челюсти, а его фенотипическая выраженность зависит от размеров альвеолярного отростка [Зубов, 1973]. Процент диастемы $I^2 - I^1$ в эпоху бронзы высок (23,62 %). Заметное его понижение отмечено в античный период (10,98 %). Характерной особенностью современных

армян является крайне низкое значение этого маркера (9,2 %). Итак, частота встречаемости признака на территории Армянского нагорья имеет тенденцию к понижению (рис. 1).

Краудинг I^2 . Реакцией на усиливающийся дефицит места в челюстях в связи с сокращением их общих размеров можно считать скученность зубов, их неправильное положение в альвеолярных отростках, поворот в ту или иную сторону. Краудинг локализуется в основном в области резцов и клыков. Хотя диастема и краудинг являются морфологическими антагонистами, вскрывающими противоположно направленные тенденции в ходе общих микроэволюционных преобразований, в ряде случаев возможен параллелизм в характере их эпохальных изменений. Частота встречаемости краудинга в изученных группах Армянского нагорья варьирует от 3 до 74,8 %. Представители эпохи бронзы характеризуются высоким значением этого показателя (62,5 %), а население I в. до н.э. – III в. н.э. (Бениамин, Черная крепость I, Вардбах, Кармракар) – максимальным (74,8 %). Довольно необычное его снижение (3 %) отмечено у современных армян (*crania armenica*, XX в.). Интересные данные получила Н.И. Донина [1969]: частота краудинга в популяциях Западной Европы возрастает в XVII–XVIII вв. по сравнению с IX–XIV вв. почти вдвое на нижней челюсти и втрое – на верхней, а в XVIII–XX вв. – более чем в 2 раза на верхней челюсти и незначительно – на нижней. Таким образом, аномальное положение зубов, выражющееся в их скученности, дополняет общую закономерность эпохальных преобразований зубной системы.

Гиподонтия. Следствием дефицита места в челюсти в связи с уменьшением ее размеров и структурными перестройками в ней является врожденное отсутствие некоторых зубов, как правило, вариабельных, находящихся на дистальных участках соответствующего класса зубов и более подверженных действию редукционного процесса. К таковым относятся: I^2 , P^2 , M^2 , M^3 . На протяжении веков частота гиподонтии возрастала. Учащение случаев врожденного отсутствия M^3 и I^2 считается филогенетическим процессом [Brabant, Hassar, 1964]. Гиподонтию I^2 относят к группе доминантных наследственных признаков [Andrik et al., 1963]. Различия в частоте гиподонтии M^3 носят в какой-то мере особый характер. Очень редко этот признак встречается в экваториальных группах [Chagula, 1960]. Показательно, что на территории Армянского нагорья частота гиподонтии зубов мудрости у представителей античности выше, чем у субъектов эпохи бронзы. В славянских и русских сериях также прослеживается возрастание этого показателя. По данным Н.И. Дониной [1969], у русских (XX в.) по сравнению со славянами (IX–XIV вв.) почти вдвое увеличивается частота гиподонтии зубов мудрости

Рис. 1. Эпохальная изменчивость диастем.

на нижней челюсти и значительно чаще встречается врожденное отсутствие Р² и С. По этому признаются славяне, русские и население Армянского нагорья сближаются с другими европеоидами, занимая с ними в целом промежуточное положение между негроидами и монголоидами. При ложной гиподонтии (*ретенция*) зуб не прорезывается, а располагается в кости челюсти, что обусловлено отсутствием свободного места вследствие неправильного положения самого ретенированного зуба или его соседа. Частота ложной гиподонтии резцов у представителей эпохи бронзы и античности с территории Армянского нагорья стабильно небольшая [Худавердян, 2005, с. 95–101; 2006, с. 102–110].

Гипердонтия. Подавляющее большинство (90 %) сверхкомплектных зубов локализуется на нижней челюсти и встречается чаще у мужчин [Brabant, Twiesseleman, 1964]. Наиболее часто дополнительные зубы фиксируются в районе резцов, реже – нижних, верхних премоляров и, наконец, моляров. Есть данные, указывающие на то, что частота гипердонтии возрастила на протяжении исторического развития человечества, однако по сравнению с гиподонтией она была менее выражена [*Ibid*]. Но наши наблюдения (для эпохи бронзы и античности) и данные Н.И. Халдеевой по славянам (IX–XIV вв.) и русским (XVII–XVIII вв.) [1992] не подтвердили этого вывода. Если у субъектов эпохи бронзы с территории Армянского нагорья на нижней челюсти сверхкомплектные зубы зафиксированы с частотой 7,7 %, то у представителей античного периода не зарегистрировано ни одного случая. У славян (IX–XIV вв.) частота встречаемости гипердонтии на верхней челюсти составляет 1,89 %, а у русских (XX в.) данный признак отсутствует. Вероятно, это является следствием всеобщей тенденции к сокращению размеров челюстей, определяемой как филогенетический процесс.

Редукция резцов. Она выражается в уменьшении размеров латеральных зубов этого класса по сравнению с медиальными. На верхних латеральных резцах упрощение и редукция коронки начинают проявляться с конца палеолита и становятся особенно интенсивными в последнее тысячелетие [Dahlberg, 1945, 1963; Brabant, Twiesseleman, 1964]. Подтверждается гипотеза многих исследователей о неравномерности протекания редукционного процесса: минимумы и максимумы его интенсивности в различных группах на территории Армянского нагорья приходятся на разные тысячелетия. Редукция верхнего латерального резца до колышковидного типа наблюдалась редко. Незначительное повышение выраженности признака (точнее, суммы баллов 2 и 3) отмечено у представителей античного периода (рис. 2). Следует отметить сходство высоких частот встречаемости редукции верхнего латерального резца по баллу 1 в группах эпох

Рис. 2. Эпохальная изменчивость редукции резцов (баллы 2 + 3).

бронзы и античности. Довольно необычное понижение значения этого маркера выявлено у современных армян (*stania armenica*, XX в.). У славян (IV–XIV вв.) общий средний балл редукции равен 0,14, в то время как у русских (XVII–XVIII и XX вв.) он возрастает почти в 4 раза, т.е. наблюдается закономерная тенденция к редукции резцов, отмеченная в большинстве современных популяций [Донина, 1969].

Лопатообразная форма верхних резцов. Известно, что у разных рас она выражена по-разному. «В то время как на востоке частоты почти не менялись или же эволюционировали в направлении увеличения, на западе проходил неуклонный процесс элиминации гена лопатообразности... Этот процесс продолжается и сейчас, вследствие чего частота гена лопатообразности становится все ниже, увеличивая разрыв между восточными и западными популяциями» [Зубов, 1973, с. 106]. Конечно, имеется и процесс, нивелирующий эти различия в основном благодаря метиляции. Спектр частот лопатообразной формы резцов определить, к сожалению, не удалось. Максимальное значение на территории Армянского нагорья отмечено в эпоху бронзы, относительно пониженное в I в. до н.э.–III в. н.э. Среди средневековых восточно- и западно-славянских групп выявлен значительный диапазон изменчивости маркера, что обуславливает наличие у них разных одонтологических типов: кривичи (XI–XIII вв.) – 14,1 %, северяне – 11,1, поляне (IX–XIII вв.) – 0, словене (IX–XIV вв.) – 0, Цедынья (Польша, XII в.) – 1,1, Груцзно (Польша, XII–XIII вв.) – 43,2, Изерск (Польша, XI–XIII вв.) – 5,0 % [Гравере, 1999; Донина, 1969].

Форма моляров. Общий суммарный процент редуцированных форм 3+ и 3 на M² постепенно возрастает к XX в. (промежуточные значения отмечаются у русских в XVII–XVIII вв.). Так, у русских в XX в. по сравнению со славянами IX–XIV вв. частота встречаемости типа 3+ увеличивается более чем в 3 раза (9,32 против 29,65 %), типа 3 – почти вдвое (13,47 против 7,03 %). На территории Армянского нагорья характерной одонтологической особенностью субъектов эпохи бронзы является более высокая для того вре-

мени частота редукции гипоконуса на втором верхнем моляре. Сравнительно редко признак встречается у представителей античности. Максимальная его частота отмечена у современных армян (XX в.). Приведенные данные свидетельствуют о совершенно четкой тенденции к редукции вторых верхних моляров.

Число бугорков на нижних молярах. Практически все выборки Армянского нагорья имеют пониженный процент шестого бугорка на первом нижнем моляре. У носителей культуры эпохи бронзы признак практически отсутствует. Максимальное для изученных групп Армянского нагорья значение (5,2 %) отмечено у представителей античного периода. Следует отировать, что это, видимо, свидетельствует о процессах метисации. Частота редуцированных четырехбугорковых первых нижних моляров в группах Армянского нагорья варьирует в пределах 9,92 – 28,6 % и имеет тенденцию к снижению (рис. 3). У восточных славян отмечен широкий диапазон изменчивости признака – от нулевых значений (отсутствие у кривичей) до весьма высоких у части словен и полян [Гравере, 1999, табл. XII-1]. Частота встречаемости четырехбугоркового второго нижнего моляра на территории Армянского нагорья имеет тенденцию к повышению. Современные армяне (XX в.) отличаются высоким уровнем редукции M_2 . У русских (XX в.) по сравнению со славянами (IX–XIV вв.) наблюдается заметное сокращение частоты встречаемости пятибугорковых вторых нижних моляров (10,49 против 16,12 %) и, хотя и незначительное, увеличение четырехбугорковых (86,66 против 81,75 %). На нижних молярах, как и на верхних, проявилось направление преобразований по пути потери одного из бугорков, свидетельствующее о постоянном действии редукционного процесса.

Бугорок Карабелли. Некоторые исследователи отмечают нестабильность этого признака во времени, т.к. в течение последних веков имеет место повышение его частот [Brabant, Twiesselmann, 1964; Донина, 1969]. На территории Армянского нагорья у субъектов эпохи бронзы бугорок Карабелли на первом верхнем моляре встречается сравнительно редко. Пред-

ставители более позднего времени (I в. до н.э. – III в. н.э.) отличаются высокой частотой признака. Довольно необычно варьируют частоты в армянских группах (20,1–58,8 %). Выявлены эпохальная нестабильность признака и нарушение в последовательности проявления этнического градиента. У средневековых восточно- и западно-славянских групп также отмечен значительный диапазон изменчивости: кривичи (XI–XIII вв.) – 58,1 %, северяне – 30,7, поляне (IX–XIII вв.) – 35,2, словене (IX–XIV вв.) – 45,7, Поморье (Польша) – 15,0, Изерск (Польша, XI–XIII вв.) – 6,3 % [Гравере, 1999].

Средний дополнительный бугорок (ТАМ). Согласно Н.И. Халдеевой [1992], это древнее эпохально стабильное образование. Его частоты варьируют в пределах 1,91 – 20,0 %. На территории Армянского нагорья большие значения характерны для эпохи бронзы. У более поздних групп I в. до н.э. – III в. н.э. частота признака невысокая. Еще реже он фиксируется у современных армян (XX в.).

Дистальный гребень тригонида (DTC). Некоторые исследователи считают, что, будучи древним стабильным образованием, он является одним из ключевых диагностических признаков. На территории Армянского нагорья с эпохи бронзы до античности частота встречаемости DTC незначительно уменьшается, далее происходит резкое снижение (XX в.).

Форма 3 первой борозды эоконуса на M^1 . Максимум концентрации фена отмечен в группах эпохи бронзы. Выборки античности и начала XX в. (*crania armenica*) сближаются с ними по этому показателю.

Итак, набор одонтологических признаков представляет собой комплекс гетерогенных показателей, позволяющих исследовать этногенетические и редукционные процессы. Они различаются по степени эпохальной консервативности, межгрупповой коррелированности, генетической детерминации, трансгрессии или дискретности. Распределение таких признаков, как лопатообразная форма на I^1 , шести- и четырехбугорковые формы на M_1 , DTC, DW, ТАМ, 1 eo (3) на M^1 и краудинг, без учета неоднородности групп можно характеризовать как частичную (незначительную) трансгрессию или ее отсутствие, что принимается за критерий их дифференцирующей способности. Остальные признаки: бугорок Карабелли, 2 med (II) на M_1 , редукция hy на M^2 , диастема и проч. – не исключаются из списка значимых компонентов этногенетического анализа и эпохальных преобразований зубной системы. Нами было отмечено, что изменения последней связаны с общей перестройкой физического типа человека. Следовательно, можно констатировать морфофункциональную связь между преобразованиями черепа человека (брахицефализация, дебрахицефализация и грацилизация) и его зубной системы.

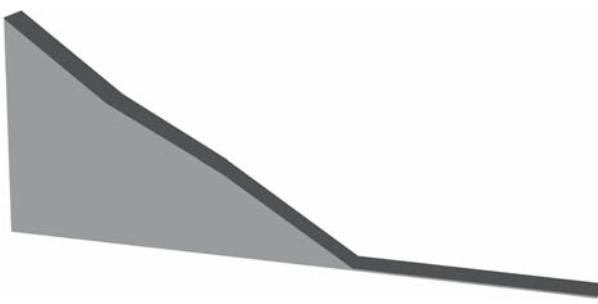

Рис. 3. Эпохальная изменчивость первых нижних моляров (4M₁).

Дальнейший анализ должен проводиться прежде всего в направлении конкретизации и уточнения намеченных тенденций. Отдельные частные задачи по эпохам были сформулированы выше. Изучение одонтологии населения Армянского нагорья основано на хронологической последовательности групп. В целях более детальной характеристики степени различия между признаками на уровне вышеотмеченных хронологических срезов был проведен канонический анализ. В первом векторе (КВ I) отмечены высокие положительные нагрузки на вариант 2 второй борозды метаконида, дистальный гребень тригонида и отрицательные на внутренний средний дополнительный бугорок на первом нижнем моляре и четырехбугорковые формы на втором нижнем моляре; во втором (КВ II) – положительные, на коленчатую складку med, четырехбугорковые формы на первом нижнем моляре и отрицательные на вариант 2 второй борозды метаконида, четырехбугорковые формы на втором нижнем моляре, редукцию hy на втором верхнем моляре (см. таблицу).

В КВ I наименьшие значения имеют субъекты эпохи бронзы, а высокие – представители античного периода. В КВ II минимальные величины выявлены у современных армян, а максимальные – у погребенных в могильниках бронзового века. Рассмотрим кластерную схему, построенную при учете всех задействованных в каноническом анализе признаков (рис. 4). В нашем материале группы эпохи бронзы имеют определенное сходство с сериями античности. Наиболее удален кластер современного населения.

Всестороннее исследование эпохальной изменчивости некоторых морфологических особенностей зубов на территории Армянского нагорья служит теоретической и практической базой для решения проблем прогнозирования эволюционных процессов. Полученные нами результаты противоречат давно принятой точке зрения, согласно которой начиная с верхнего палеолита биологическая эволюция, постепенно затухая, в пределах вида *Homo sapiens* практически прекратилась. Такой вывод понятен: если сумма социальных факторов все более ослабляла естественный отбор, то темп эволюционных изменений должен был неуклонно снижаться вплоть до почти полного снятия отбора. Мы можем зафиксировать очевидные факты замедления стадиальных изменений по морфологическим признакам лица и черепа, однако неправомерно говорить о прекращении малозаметной на первый взгляд «работы» стабилизирующего отбора, который поддерживает генофонд вида в рамках необходимой гармонии со средой. В частности, картина «остановки» эволюционных процессов сама по себе уже наводит на мысль о наличии достаточно выраженных стабилизирующих факторов. Достигнутая человеком в про-

Элементы двух канонических векторов

Признак	КВ I	КВ II
Диастема I ² –I ¹	-0,1265	0,0328
Краудинг I ²	0,1524	0,2250
Редукция I ² (баллы 2 + 3)	-0,0809	-0,2742
Редукция I ² (балл 1)	0,0960	0,0010
Редукция hy на M ²	-0,2449	-0,3465
Бугорок Карабелли на M ¹	-0,0569	-0,2366
Четырехбугорковые формы на M ₁	0,1998	0,4529
Шестибугорковые формы на M ₁	0,0390	-0,1742
Четырехбугорковые формы на M ₂	-0,4855	-0,4315
1 eo (3) на M ¹	-0,1085	0,2030
Дистальный гребень тригонида	0,6950	0,2014
Коленчатая складка med	-0,2305	0,7572
TAMI	-0,5667	0,3100
2 med (II) на M ₁	0,8415	-0,6301
Общая дисперсия, %	65,27886	17,76498

цессе эволюции универсальность является высшей ценностью при адаптации к любой среде, вполне обеспечивая функционирование субъекта в своей надсистеме – обществе. Изучение одонтологических данных показало, что население Армянского нагорья имеет очень древнюю местную основу, по меньшей мере относящуюся к эпохе ранней бронзы. Этнические и культурные влияния, фиксируемые памятниками археологии и истории, судя по антропологическому материалу, не были настолько сильными, чтобы существенно изменить процесс этногенеза армянского народа [Худавердян, 2000, 2009]. Следует отметить, что в изученных группах есть определенные различия по комплексу признаков, но не в силу разнонаправленности микроэволюционного или этногенетического процессов. Видимо, этим этносы различаются по «густоте» сети взаимодействующих линий, явившихся итогом локальных направлений микроэволюции. Поэтому не следует игнорировать незначительные для жизнеспособности вида, но интересные и важные эпохальные изменения в строении зубной системы человека.

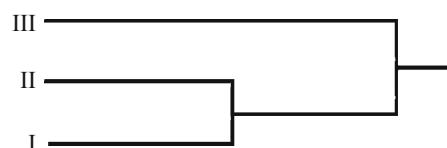

Рис. 4. Дендрограмма кластеризации групп Армянского нагорья эпохи бронзы (I), античного периода (II) и современности (III).

Список литературы

- Беляев Д.К.** О некоторых факторах эволюции гоминид // Вопр. философии. – 1981. – № 8. – С. 11–28.
- Беляев Д.К.** Дестабилизирующий отбор // Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е годы). – Л.: Наука, 1983. – С. 266–277.
- Бунак В.В.** Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 284 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 49).
- Граверен Р.У.** Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов // Восточные славяне: Антропология и этническая история. – М.: Науч. мир, 1999. – С. 209–218.
- Граудонис Я.Я., Денисова Р.Я., Граверен Р.У.** Кивуткалинский могильник эпохи бронзы. – Рига: Зинатне, 1985. – 165 с.
- Дерябин В.Е.** Многомерная биометрия для антропологов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. – 227 с.
- Донина (Халдеева) Н.И.** О некоторых эпохальных изменениях в строении зубной системы человека (на примере средневековых восточнославянских и русских краинологических серий) // СЭ. – 1969. – № 2. – С. 35–47.
- Зубов А.А.** Порядок редукции бугорков и преобразование узора коронки постоянных нижних моляров человека при переходе от пятибуторкового типа к трехбуторковому. – М.: [б.и.], 1964. – 7 с.
- Зубов А.А.** Одонтология (методика антропологических исследований). – М.: Наука, 1968. – 200 с.
- Зубов А.А.** Этническая одонтология. – М.: Наука, 1973. – 252 с.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – 231 с.
- Руденко А.Т.** Патология прорезывания зубов мудрости. – 2-е изд. – Л.: Медицина, 1971. – 80 с.
- Халдеева Н.И.** Вариации строения зубов: теоретические и практические аспекты одонтологии // Новое в методике и методологии антропологических исследований. – 1992. – Вып. 10: Сер. Народы и культуры, кн. 2. – С. 147–182.
- Худавердян А.Ю.** Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника). – Ереван: Тигран Мец, 2000. – 140 с.
- Худавердян А.Ю.** Атлас палеопатологических находок на территории Армении. – Ереван: Ван Арьян, 2005. – 286 с.
- Худавердян А.Ю.** Одонтологическая и краиноскопическая характеристика античного населения Вардбаха // Культура древней Армении: мат-лы Респ. науч. сессии. – Ереван, 2006. – С. 102–110.
- Худавердян А.Ю.** Палеодемография и реконструкция некоторых особенностей образа жизни населения Ширакской равнины в эпоху бронзы // Вестн. обществ. наук НАН РА. – 2008. – № 2 (622). – С. 223–235.
- Худавердян А.Ю.** Население Армянского нагорья в эпоху бронзы: Этногенез и этническая история. – Ереван: Ван Арьян, 2009. – 440 с.
- Andrik P.** Reduktionsercheinungen im menschlichen Kieferbereich // Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comeniana: Anthropologia. – 1965. – Т. 10, N 1. – P. 64–71.
- Andrik P., Hanulik M., Vittek I.** Anomalie potu zubov a ich vztah k fylogeneze // Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comeniana: Anthropologia. – 1963. – Т. 8, N 1/2. – P. 64–71.
- Brabant H., Hassar M.** Observations anthropologiques et histologiques sur la denture d'une population atteinte de fluorose // Bull. de l'Académie Royale de Medicine Belgique. – 1964. – Vol. 6, N 3. – P. 179–190.
- Brabant H., Twiesselmann F.** Observations sur l'évolution de la denture permanente humaine en Europe Occidentale // Bull. Groupe intern. rech. sci. stomatol. – 1964. – Vol. 7. – P. 11–84.
- Brace C.L.** Krapina, «classic» neanderthals, and the evolution of the European face // J. Hum. Evol. – 1979. – Vol. 8, N 5. – P. 86–89.
- Chagula W.R.** The age at eruption of third permanent molars in male east Africans // Am. J. Phys. Anthropol. – 1960. – Vol. 18, N 20. – P. 427–438.
- Dahlberg A.A.** The changing dentition of man // J. of American Dental Association. – 1945. – Vol. 32. – P. 679–690.
- Dahlberg A.A.** Analysis of the American Indian dentition // Dental Anthropology. – 1963. – N 3. – P. 179–190.
- Dutta P.C.** A study of the molar teeth of the Bronze Age Harappans in the context of evolutionary biology // Anthropologie (ČSSR). – 1983. – Vol. 21, N 2. – P. 56–63.
- Frayer D.W.** Evolutionary rates and selection models for European: Late Pleistocene dental-facial change // Am. J. Phys. Anthropol. – 1977. – Vol. 47, N 1. – P. 245–321.
- Goose D.** Dental measurement: an assessment of its value in anthropological studies // Dental Anthropology. – 1963. – N 5. – P. 125–148.
- Masztalerz A.** Zmiennosć stłoczeń zębów u człowieka // Mater. i prace antropol.: zakład antropologiczny, PAN. – 1962. – N 61. – S. 91–126.
- Sciulli P.W.** Size and morphology of the permanent dentition in prehistoric Ohio Valley Amerindians // Am. J. Phys. Anthropol. – 1979. – Vol. 50, N 4. – P. 119–125.
- Shapiro H.L.** The anthropologic backgrounds of dental and oral morphology // Oral Surg., Oral Medicine and Oral Pathology. – 1963. – Vol. 16, N 4. – P. 458–465.
- Smith P.** Evolutionary changes in the deciduous dentition of near eastern populations // Bull. Groupe intern. rech. sci. stomatol. et odontol. – 1976. – Vol. 19, N 3/4. – P. 166–169.
- Sofaer J.A.** A model relating developmental interaction and differential evolutionary reduction of tooth size // Evolution. – 1973. – Vol. 27, N 3. – P. 191–200.
- Wallace J.A.** Gingival eruption sequences of permanent teeth in early hominids // Am. J. Phys. Anthropol. – 1977. – Vol. 46, N 3. – P. 111–124.

Материал поступил в редакцию 14.10.09 г.

УДК 572

С.С. Тур

Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: tursvetlana@mail.ru

КРАНИОСКОПИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОСИТЕЛЕЙ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ*

Для выявления краниоскопических особенностей носителей андроновской культуры Алтая эпохи развитой бронзы были исследованы более 80 черепов. Параллельно использовались два альтернативных методических подхода: один представлен программой Цунехико Ханихары, Хадзимэ Исида, другой – программой А.Г. Козинцева. Для межгруппового сопоставления применялись анализ соответствия (*Correspondence analysis*) и средняя мера расхождения С. Смита (*MMD*). Результаты, полученные с использованием двух методических подходов, сходны. Оба комплекса признаков в той или иной мере отражают генетическое влияние южных европеоидов. Это совпадает с данными одонтологического исследования и расходится с результатами крациометрического анализа рассматриваемой группы, что, по-видимому, обусловлено ее метисным происхождением.

Ключевые слова: краниоскопия, эпоха бронзы, андроновская культура, Алтай.

Введение

Краниоскопические (дискретно-вариирующие, или неметрические) признаки, представляющие собой анатомические вариации в строении черепа, которые регистрируются по принципу «присутствие–отсутствие», являются важным источником информации при изучении происхождения и этногенетических связей палеопопуляций. Анализ краниоскопических особенностей носителей андроновской культуры Алтая позволит независимым образом проверить основанные на крациометрических данных противоречивые гипотезы относительно направления генетических связей алтайских андроновцев [Дрёмов, 1997, с. 94–96; Соловьев, 2005, с. 132–135, 139; Козинцев, 2008, с. 143].

Материал и методы

Были исследованы крациологические материалы андроновской культуры (более 80 черепов взрослых индивидов) из могильников Фирсово-14 (44)*, Чекановский Лог-2 и -10 (14), Елунинский-2 (5), Гилево (4), Маринка (4), Березовский (4), Подтурино (2), Барсучиха (1), Ближние Елбаны-16 (1), Павловка (1), Степной Чумыш (1). Параллельно использовались два методических подхода, один из которых практикуется японскими антропологами [Hanihara, Ishida, 2001a–e; Hanihara et al., 2003], другой – санкт-петербургской школой российских антропологов [Козинцев, 1988; Kozintsev, 1992]. Расхождения между ними касаются не только выбора признаков, но и способа подсчета частоты встречаемости. Различается также круг сравнительных материалов.

Краниоскопическая программа Цунехико Ханихары, Хадзимэ Исида включает следующие признаки: метопический шов, надглазничное отверстие, добавочное подглазничное отверстие, заднескуловой шов,

*Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (2009-1.1-301-072-016).

*В скобках указана численность черепов.

вставочная кость лямбы и астериона, вормиевы kostи затылочно-сосцевидного шва и теменной вырезки височной кости, следы зародышевых швов затылочной кости, слияние овального и остистого отверстий, отверстие в барабанной пластинке, предмыщелковые бугорки, третий мышцелок, разделение перегородкой яремного отверстия, разделение перегородкой канала подъязычного нерва, мышцелковый канал, открытый в полость черепа, медиальный небный канал, дополнительное подбородочное отверстие, челюстно-подъязычный канал, ушные экзостозы. Основанная на совокупности этих признаков дифференциация 70 этнотERRиториальных групп из разных регионов мира в целом соответствует их дифференциации по генетическим маркерам, ДНК-полиморфизму и краиометрическим данным [Hanihara et al., 2003, p. 241]. Из 20 перечисленных признаков в настоящем исследовании использовались 19, за исключением ушных экзостозов.

Краниоскопическая программа, разработанная А.Г. Козинцевым [1988; Kozintsev, 1992], включает шесть признаков высокой таксономической значимости, которые дифференцируют европеоидов и монголоидов или имеют клинальную изменчивость в направлении с севера на юг. Это затылочный индекс (ЗИ), заднескуловой шов (ЗСШ), надглазничное отверстие (НО), индекс поперечного небного шва (ИПНШ), клиновидно-верхнечелюстной шов (КВШ) и подглазничный узор типа II (ПГУ II). Из них только два (ЗСШ и НО) совпадают с признаками программы Цунехико Ханихары, Хадзимэ Исиды.

Регистрация признаков проводилась согласно методическим указаниям, изложенными в соответствующих руководствах [Козинцев, 1988; Hauser, De Stefano, 1989; Dodo, 1986, p. 156–164; Hanihara, Ishida, 2001a, p. 140, 143–144; 2001b, p. 690; 2001c, p. 708–709; 2001d, p. 252; 2001e, p. 274; Kozintsev, 1992]. Парные признаки фиксировались на обеих сторонах черепа. Частота встречаемости признаков первой программы подсчитывалась «рег cranium», т.е. признак отмечался как присутствующий, если он регистрировался хотя бы на одной стороне черепа [Hanihara et al., 2003, p. 244]. При этом учитывались также неполные черепа, у которых для наблюдения была доступна только одна сторона. Данный способ максимизации числа наблюдений нередко применяется в одонтологических исследованиях фрагментированных скелетных серий [Scott, Turner II, 1997, p. 103–105]. Его использование оправдывается тем, что двусторонняя асимметрия, встречающаяся в распределении некоторых дискретно-варьирующих признаков, обычно имеет флюктуирующий характер. Частота встречаемости признаков второй программы вычислялась «рег side», т.е. число сторон, где присутствовал признак, делилось на общее число сторон, на которых он поддавался определению

[Козинцев, 1980, с. 86–87; 1988, с. 15]. Для двух признаков (ЗСШ и НО), входящих в обе программы, соответственно подсчитывались два варианта частот.

Мужские и женские черепа анализировались совместно. Хотя половой диморфизм в распределении дискретно-варьирующих признаков, как правило, не имеет определенной направленности, некоторые из них устойчиво чаще встречаются только у одного из полов. Для характеристики объединенной группы по признаку КВШ, частота встречаемости которого у мужчин существенно выше, чем у женщин, использовалась невзвешенная средняя величина мужской и женской подгрупп [Козинцев, 1988, с. 52]. Во всех остальных случаях вычислялись взвешенные средние значения.

Для сравнения были привлечены следующие материалы.

I. По программе из 19 признаков:

а) близкие к современности группы: Восточной, Южной и Северо-Западной Индии, Афганистана, Израиля, Восточной Европы (Польши, Чехии, Германии, Болгарии, Югославии), Италии, Финляндии, Скандинавии (Норвегии и Швеции), Германии, Франции, Великобритании, Амурского бассейна, а также группы турок (Кипр), греков, русских (Себеж), казахов, японцев, северных китайцев, монголов, бурят, якутов, чукчей, алеутов, азиатских эскимосов, гренландских эскимосов [Hanihara, Ishida, 2001b, p. 704–705; 2001c, p. 723–724; 2001d, p. 270–271; 2001e, p. 285–286];

б) древние краниологические серии: неолита Прибайкалья, тагарской культуры, Эквенского могильника (древнеэскимосского), эпохи раннего железа и средних веков с территории Великобритании [Ibid.].

II. По программе из шести признаков:

а) близкие к современности группы: русских, украинцев, поляков, латышей, литовцев, эстонцев, карел, финнов, ингушей, чеченцев, адыгейцев, абхазов, осетин, армян, турок, болгар, итальянцев [Козинцев, 1988, табл. 3, с. 29; табл. 7, с. 54; табл. 8, с. 60; табл. 12, с. 84; табл. 15, с. 103; Kozintsev, 1992].

б) древние краниологические серии: энеолита Туркмении [Козинцев, 1988, табл. 24, с. 151], афанасьевской культуры Горного Алтая и Минусинской котловины (суммарно), андроновской культуры Минусинской котловины, а также Северного, Центрального и Восточного Казахстана (преимущественно алакульского типа) [Громов, 1997, табл. 1, с. 296–297].

При изучении вариабельности признаков использовался анализ соответствия (Correspondence analysis) – вариант анализа главных компонент для качественных признаков (STATISTICA), в котором основой для выделения компонент вместо матрицы попарных корреляций признаков служит матрица значений χ^2 , отражающих величину их попарных различий.

«Биодистанции» между краниологическими сериями устанавливались посредством средней меры расхождения С. Смита (C.A.B. Smith's mean measure of divergence MMD) [Harris, Sjovold, 2004]. Для визуализации расстояний MMD использовался метод многомерного шкалирования. При этом отрицательные значения к нулю не сводились [Козинцев, 1980, с. 92; Harris, Sjovold, 2004, р. 91].

Результаты и их обсуждение

Краниоскопическая характеристика исследованной серии андроновской культуры приведена в табл. 1.

Общая картина дифференциации 34 краниологических серий по 19 признакам программы Цунехико Ханихары, Хадзимэ Исида в масштабе Евразии выглядит следующим образом (рис. 1). Первый вектор

Таблица 1. Частота встречаемости краниоскопических признаков у носителей андроновской культуры Алтая

№ п/п	Признак	Мужчины M (N)	Женщины M (N)	P	Суммарно M (n/N)
<i>Программа Цунехико Ханихары, Хадзимэ Исида («per cranium»)</i>					
1	Метопический шов (sut. metopica)	0,0476 (42)	0 (31)	–	0,0430 (4/93)*
2	Надглазничное отверстие (for. frontalis)	0,4390 (41)	0,5161 (31)	–	0,4722 (34/72)
3	Добавочное подглазничное отверстие (for. infraorbitale accessorium.)	0,2286 (35)	0,2400 (25)	–	0,2333 (14/60)
4	Заднескуловой шов ≥ 2 мм	0,1724 (29)	0,1818 (22)	–	0,1765 (9/51)
Вставочные кости в области:					
5	лямбды (os lambdae)	0,2188 (32)	0,0370 (27)	< 0,05	0,1356 (8/59)
6	астериона (os asterii)	0,1935 (31)	0,1786 (28)	–	0,1864 (11/59)
Вормиеевые кости:					
7	затылочно-сосцевидного шва	0,0968 (31)	0,0000 (26)	–	0,0526 (3/57)
8	теменной вырезки височной кости	0,1765 (34)	0,2083 (24)	–	0,1897 (11/58)
9	Следы зародышевых швов затылочной кости (sut. mendosa) ≥ 10 мм	0,0882 (34)	0,0714 (28)	–	0,0806 (5/62)
10	Слияние овального и остистого отверстий	0,1081 (37)	0,0370 (27)	–	0,0781 (5/64)
11	Отверстие в барабанной пластинке (for. tympanicum)	0,0000 (40)	0,1563 (32)	< 0,05	0,0694 (5/72)
12	Предмыщелковые бугорки (tuberculum praecondylare)	0,1333 (30)	0,2083 (24)	–	0,1667 (9/54)
13	Третий мыщелок (condylus tertius)	0,0000 (32)	0,0417 (24)	–	0,0179 (1/56)
14	Разделение перегородкой яремного отверстия (for. jugulare bipartitum)	0,1481 (27)	0,3158 (19)	–	0,2174 (10/46)
15	Разделение канала подъязычного нерва перегородкой (can. hypoglossalis bipartitum)	0,2609 (46)	0,2308 (26)	–	0,2500 (18/72)
16	Мышелковый канал, открытый в полость черепа (can. condylaris)	0,6800 (25)	0,9091 (22)	–	0,7872 (37/47)
17	Медиальный небный канал (can. palatinus medialis)	0,0323 (31)	0,050 (20)	–	0,0392 (2/51)
18	Дополнительное подбородочное отверстие (for. mentale acces.)	0,0571 (35)	0,0000 (23)	–	0,0345 (2/58)
19	Челюстно-подъязычный канал (can. mylohyoideus)	0,1081 (37)	0,1818 (22)	–	0,1356 (8/59)
<i>Программа А.Г. Козинцева («per side»)</i>					
20	Надглазничное отверстие (for. frontalis)	0,2750 (80)	0,3966 (58)	–	0,3261(45/138)
21	Подглазничный узор типа II	0,3404 (47)	0,4242 (33)	–	0,3750 (30/80)
22	Клиновидно-верхнечелюстной шов	0,5233 (86)	0,0926 (54)	< 0,01	0,3079 (140)
23	Заднескуловой шов ≥ 2 мм	0,1220 (41)	0,1143 (35)	–	0,1184 (9/76)
24	Затылочный индекс	0,3077 (13)	0,0000 (6)	–	0,2105 (4/19)
25	Индекс поперечного небного шва	0,6226 (53)	0,4688 (32)	–	0,5647 (48/85)

Примечание: M – средняя частота признака волях единицы, N – число наблюдений, n – число положительных случаев (присутствие признака); P – достоверность различий между мужчинами и женщинами.

*С учетом дополнительных экземпляров любой кости.

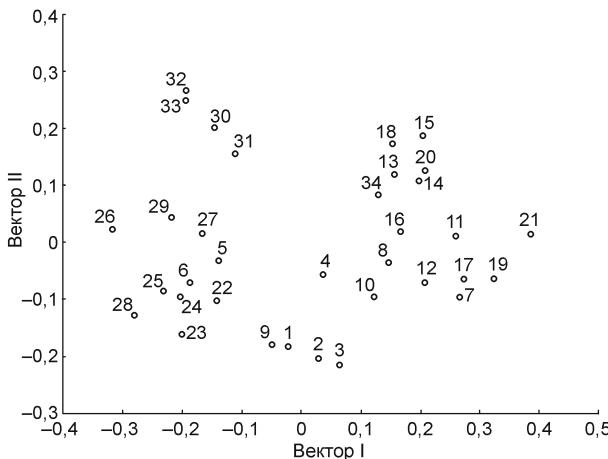

Рис. 1. Результаты анализа соответствия крааниологических серий по 19 признакам программы Цунехико Ханихары, Хадзимэ Исида.

1 – Восточная Индия, 2 – Южная Индия, 3 – Северо-Западная Индия, 4 – Афганистан, 5 – тагарская культура, 6 – Казахстан, 7 – Израиль, 8 – турки (Кипр), 9 – русские, 10 – греки, 11 – восточноевропейцы, 12 – итальянцы, 13 – финны, 14 – скандинавы, 15 – немцы, 16 – французы, 17–21 – территория Великобритании, 22 – японцы, 23 – северные китайцы, 24 – монголы, 25 – буряты, 26 – бассейн Амура, 27 – неолит Прибайкалья, 28 – якуты, 29 – Эквенский могильник, 30 – азиатские эскимосы, 31 – гренландские эскимосы, 32 – чукчи, 33 – алеуты, 34 – андроновская культура Алтая.

(31,5 % общей вариабельности, или инерции, признаков) противопоставляет европеоидов (положительная ось) и монголоидов (отрицательная ось). В европеоидных группах более часто встречаются метопический шов, следы зародышевых швов затылочной кости, вставочная кость лямбды и астериона, предмыщелковые бугорки; в монголоидных – заднескуловой шов, добавочное подбородочное отверстие, отверстие в барабанной пластинке, вормиева кость затылочно-сосцевидного шва, надглазничное отверстие (табл. 2). Показательно, что в монголоидном направлении уклоняются также и некоторые европеоидные группы, а именно: тагарцы, русские, индусы и афганцы. Если у русских и тагарцев наличие слабой монголоидной примеси не исключается, то сдвиг в этом направлении популяций Индии и Афганистана можно объяснить иначе. Известно, что в одонтологическом комплексе признаков помимо европеоидных и монголоидных маркеров выделяются также западные и восточные [Зубов, Халдеева, 1993, с. 129–131]. Повышенная (в масштабе европеоидных значений) частота встречаемости ряда восточных признаков (лопатообразной формы верхних медиальных резцов, дистального гребня тригонида первого нижнего моляра) характерна для южных европеоидов. По-видимому, аналогичное распределение имеют и некоторые крааниоскопические признаки. Таким образом, можно заключить, что первый вектор дифференцирует группы в направлении с востока на запад.

Таблица 2. Результаты анализа соответствия 34 групп. Нагрузки признаков программы Цунехико Ханихары, Хадзимэ Исида по I и II векторам

Признак	I	II
Медиальный небный канал	0,14	-0,19
Разделение канала подъязычного нерва перегородкой	0,09	0,00
Предмыщелковые бугорки	0,20	-0,15
Третий мышлек	-0,00	-0,17
Разделение перегородкой яремного отверстия	0,06	0,12
Челюстно-подъязычный канал	0,13	0,48
Отверстие в барабанной пластинке	-0,27	-0,07
Слияние овального и остистого отверстий	0,07	0,14
Метопический шов	0,56	-0,12
Заднескуловой шов ≥ 2 мм	-0,33	-0,12
Следы зародышевых швов затылочной кости ≥ 10 мм	0,31	-0,04
Мышлековый канал, открытый в полость черепа	0,03	-0,03
Надглазничное отверстие	-0,17	0,06
Добавочное подглазничное отверстие	0,01	0,23
Добавочное подбородочное отверстие	-0,33	-0,03
Вставочная кость лямбды	0,27	-0,21
Вставочная кость теменной вырезки височной кости	0,04	-0,08
Вставочная кость астериона	0,26	-0,01
Вормиева кость затылочно-сосцевидного шва	-0,22	-0,05

Второй вектор (14,2 % инерции), на одном полюсе которого располагаются чукчи, алеуты, эскимосы (среди монголоидов) и финны, скандинавы, англичане (среди европеоидов), на другом – северные китайцы, японцы, якуты, буряты, монголы (среди монголоидов) и индусы, греки, израильтяне, турки (среди европеоидов), судя по всему, дифференцирует группы в направлении с севера на юг (рис. 1). В южных сериях чаще встречается вставочная кость лямбды, медиальный небный канал, третий мышлек и предмыщелковые бугорки, в северных/центральных – челюстно-подъязычный канал и добавочное подглазничное отверстие (табл. 2). В данной системе координат носители андроновской культуры Алтая занимают место среди европеоидов, между группами южного и северного/центрального происхождения.

Как известно, результаты компонентного анализа зависят не только от набора признаков, но и от масштаба сравнения. Чем более разнообразные группы сопоставляются, тем больше частных деталей при-

Таблица 3. Результаты анализа соответствия 21 группы. Нагрузки признаков программы Цунехико Ханихары, Хадзимэ Исида по I, II и III векторам

Признак	I	II	III
Медиальный небный канал	0,09	-0,18	0,18
Разделение канала подъязычного нерва перегородкой	-0,01	-0,03	-0,08
Предмыщелковые бугорки	0,14	-0,08	0,13
Третий мышцелок	-0,15	0,03	0,23
Разделение перегородкой яремного отверстия	0,16	-0,08	0,06
Челюстно-подъязычный канал	0,33	-0,16	-0,22
Отверстие в барабанной пластинке	-0,33	0,04	-0,14
Слияние овального и остистого отверстий	0,14	0,57	0,06
Метопический шов	0,29	0,28	-0,16
Заднескуловой шов ≥ 2 мм	-0,18	-0,01	0,17
Следы зародышевых швов затылочной кости ≥ 10 мм	0,09	0,20	-0,05
Мышцелковый канал, открытый в полость черепа	-0,04	0,01	0,01
Надглазничное отверстие	-0,03	-0,02	-0,03
Добавочное подглазничное отверстие	0,25	-0,09	-0,00
Добавочное подбородочное отверстие	-0,25	-0,43	-0,18
Вставочная кость лямбды	-0,09	0,13	-0,01
Вставочная кость теменной вырезки височной кости	-0,05	0,14	-0,01
Вставочная кость астериона	0,13	-0,10	0,17
Вормиева кость затылочно-сосцевидного шва	-0,17	-0,02	0,36

носится в жертву при отображении общих закономерностей варьирования. При анализе одних только европеоидов наиболее значимыми оказываются первый вектор (24,2 % инерции), который дифференцирует группы в направлении восток–запад, и третий (12,4 % инерции), дифференцирующий их в направлении север–юг (рис. 2, табл. 3). Второй вектор, по-видимому, отражает локальные отклонения в географическом распределении ряда признаков (слияния овального и остистого отверстий, добавочного подбородочного отверстия, метопического шва). Для южных групп характерны невысокие («восточные») значения по первому вектору и высокие («южные») по третьему, а для северно- и центрально-европейских – наоборот, высокие («западные») по первому и невысокие («северные») по третьему. Андроновская серия Алтая имеет высокие («западные») значения по первому вектору и также высокие («южные») по третьему. Судя по всему, сочетание двух разнона-

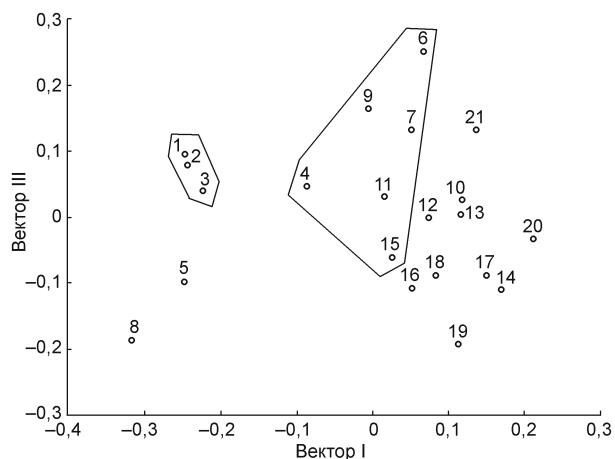

Рис. 2. Результаты анализа соответствия европеоидных групп по 19 признакам программы Чунехико Ханихары, Хадзимэ Исида.

1 – Восточная Индия, 2 – Южная Индия, 3 – Северо-Западная Индия, 4 – Афганистан, 5 – таджарская культура, 6 – Израиль, 7 – турки (Кипр), 8 – русские, 9 – греки, 10 – восточноевропейцы, 11 – итальянцы, 12 – финны, 13 – скандинавы, 14 – немцы, 15 – французы, 16–20 – территория Великобритании, 21 – андроновская культура Алтая.

Обведены близкие к современности группы южного происхождения.

правленных тенденций отражает смешанный характер данной группы.

Для расчета расстояний MMD между группами (табл. 4) были выбраны 12 признаков, проявляющих наибольшую вариабельность в пределах европеоидного расового ствола (№ 1, 4–7, 9–11, 14, 15, 18, 19). Судя по расположению групп в пространстве I и III измерений (рис. 3, б), которое почти в точности воспроизводит расположение групп в плоскости I и III векторов при анализе соответствия по 19 признакам (см. рис. 2), первая ось отражает изменчивость в направлении восток–запад, третья – в направлении север–юг. В то же время вариабельность по второй оси интерпретировать сложнее. На одном из ее полюсов располагаются группы с территории Великобритании и Израиля, на другом – финны, скандинавы и турки Кипра (рис. 3, а). Скорее всего, данное направление изменчивости отражает локальную специфику в распределении метопического шва. Как отмечалось, этот признак часто встречается в древнеземледельческих центрах [Козинцев, 1988, с. 25], однако наибольшее распространение он получает на территории Великобритании, по-видимому, под влиянием изоляции [Hanihara, Ishida, 2001c, p. 710]. Координаты серии андроновской культуры Алтая в пространстве первой (запад–восток) и третьей (север–юг) осей характеризуют ее как занимающую промежуточное положение, обусловленное сочетанием западных и южных особенностей (рис. 3, б).

Таблица 4. Расстояния ММД между группами, вычисленные

№ п/п	Группа	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Восточная Индия	0							
2	Южная Индия	-0,011	0						
3	Северо-Западная Индия	-0,005	-0,003	0					
4	Афганистан	0,004	0,004	0,017	0				
5	Тагарская культура	0,022	0,030	0,041	0,016	0			
6	Израиль	0,023	0,029	0,024	0,031	0,081	0		
7	Турки (Кипр)	0,050	0,041	0,070	0,017	0,029	0,039	0	
8	Русские (Себеж)	0,031	0,024	0,037	0,035	0,028	0,107	0,063	0
9	Греки	0,014	0,010	0,019	0,003	0,023	0,007	-0,013	0,050
10	Восточноевропейцы	0,033	0,033	0,041	-0,004	0,058	0,006	0,022	0,071
11	Итальянцы	0,047	0,037	0,056	0,009	0,065	0,020	0,000	0,071
12	Финны	0,049	0,050	0,056	0,020	0,050	0,034	0,030	0,083
13	Скандинавы	0,050	0,047	0,062	0,019	0,035	0,024	-0,012	0,080
14	Немцы	0,073	0,064	0,069	0,034	0,071	0,044	0,023	0,086
15	Французы	0,025	0,019	0,025	-0,006	0,034	0,018	0,004	0,031
16	Территория Великобритании, 1	0,054	0,049	0,038	0,008	0,078	0,028	0,066	0,066
17	Территория Великобритании, 2	0,039	0,036	0,047	-0,014	0,043	0,042	0,033	0,081
18	Территория Великобритании, 3	0,050	0,048	0,036	0,035	0,074	0,018	0,056	0,061
19	Территория Великобритании, 4	0,064	0,061	0,065	0,026	0,064	0,055	0,057	0,064
20	Территория Великобритании, 5	0,074	0,072	0,063	0,051	0,099	0,020	0,060	0,118
21	Андроновская культура Алтая	0,053	0,059	0,075	0,023	0,062	0,032	0,040	0,106

Примечание: курсивом выделены статистически значимые расстояния.

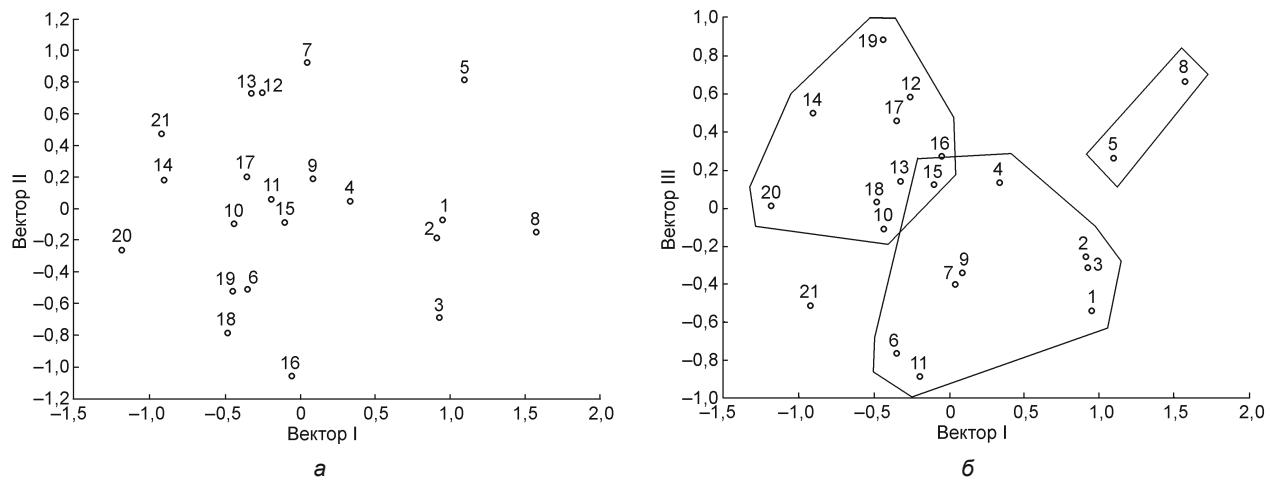

Рис. 3. Результаты многомерного шкалирования таксономических расстояний между группами.
Усл. обозн. см. рис. 2.

Таким образом, результаты анализа соответствия групп по 19 признакам и многомерного шкалирования таксономических расстояний (ММД), рассчитанных с учетом 12 наиболее вариабельных признаков, практически совпадают.

Из шести признаков программы А.Г. Козинцева для анализа европеоидов наибольшее значение, по-видимому, имеет комбинация признаков ПГУ II и ЗСШ (т.н. североевразийский индекс), которая позволяет дифференцировать южные и северные группы,

на основе 12 признаков программы Цунехико Ханихары, Хадзимэ Исида

9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
0												
0,003	0											
0,004	0,005	0										
0,017	0,020	0,059	0									
0,010	0,014	0,023	-0,007	0								
0,025	0,005	0,034	0,019	0,005	0							
-0,012	-0,013	0,004	0,012	0,009	-0,008	0						
0,032	0,012	0,025	0,054	0,054	0,043	0,004	0					
0,022	-0,003	0,034	0,008	-0,001	0,000	-0,000	0,037	0				
0,021	0,007	0,030	0,048	0,039	0,018	-0,004	0,004	0,032	0			
0,036	0,015	0,038	0,049	0,037	0,031	0,003	0,020	0,012	0,011	0		
0,027	0,007	0,045	0,034	0,021	0,008	0,012	0,040	0,007	0,007	0,025	0	
0,004	0,002	0,038	0,028	0,029	0,047	0,019	0,065	0,014	0,045	0,039	0,021	0

а вернее сказать, южные и неюжные, поскольку в число последних включаются не только северные, но и центрально-европейские. У южных европеоидов значения ЗСШ выше, а ПГУ II ниже, чем у северных или центральных [Козинцев, 1988, с. 86]. ЗИ у европеоидов оказывается наиболее вариабельным признаком, однако никаких закономерностей в его изменчивости обнаружить не удалось [Там же, с. 39], поэтому в дальнейшем анализе он не учитывается.

Анализ соответствия древних и современных европеоидных групп по пяти краиноскопическим признакам (рис. 4) показал, что первый вектор, с которым связано 33,5 % общей вариабельности (инерции) признаков, фактически ранжирует популяции по величине «североевразийского индекса». Он противопоставляет южные (ингуши, чеченцы, адыгейцы, абхазы, осетины, армяне, турки, болгары, арабы, энеолитическое население Туркмении) и северные/среднеевропейские (эстонцы, карелы, финны, литовцы, поляки, русские, украинцы) группы. Зона трансгрессии между ними невелика. ТERRиториальные группы носителей андроновской культуры обнаруживают существенную вариабельность по первому вектору. Наиболее выражены различия между алтайской и минусинской се-

риями: первая попадает в область «южных» значений, вторая – «северных». Казахстанская серия занимает неопределенное положение в зоне трансгрессии. Чертепа носителей афанасьевской культуры южной ориентации в краиноскопическом комплексе признаков не обнаруживают. Таким образом, можно заключить, что андроновское население Алтая имеет сходство с южными европеоидными группами и этим отличается как от других территориальных групп андроновцев, в первую очередь Минусинской котловины, так и от носителей афанасьевской культуры.

Результаты изучения краиноскопических особенностей андроновского населения Алтая на основе разных методических подходов в значительной мере совпадают, хотя выявляются и некоторые различия. В комплексе из 19 признаков программы Цунехико Ханихары, Хадзимэ Исида находит отражение как южная, так и западная составляющая генетических связей алтайских андроновцев, тогда как в комплексе из шести признаков программы А.Г. Козинцева проявляется только южная тенденция. Остается неясным, с чем это связано – с различиями в наборе признаков или в сравнительном материале, задающем «систему координат».

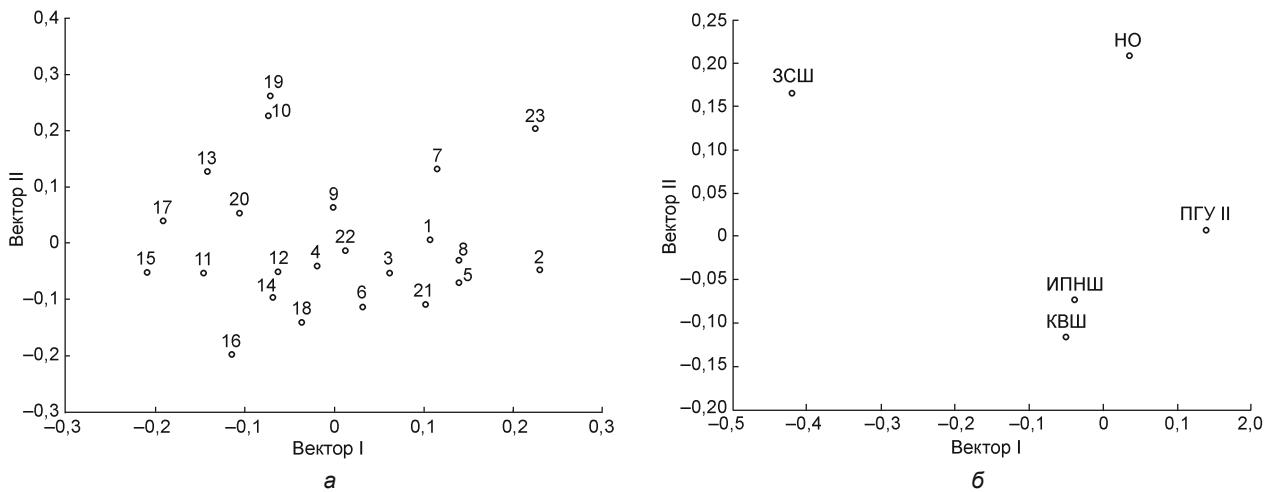

Рис. 4. Результаты анализа соответствия краниологических серий по пяти признакам программы А.Г. Козинцева.
а – положение серий в пространстве I и II векторов: 1 – русские, 2 – украинцы, 3 – поляки, 4 – латыши, 5 – литовцы, 6 – эстонцы, 7 – карелы, 8 – финны, 9 – ингуши, 10 – чеченцы, 11 – адыгейцы, 12 – абхазы, 13 – осетины, 14 – армяне, 15 – турки, 16 – болгары, 17 – арабы, 18 – итальянцы, 19 – энеолит Туркмении, 20 – андроновская культура Алтая, 21 – андроновская культура Минусинской котловины, 22 – андроновская культура Казахстана, 23 – афанасьевская культура; б – вариабельность признаков.

Генетическое влияние южных европеоидов прослеживается не только в краниоскопической, но и в одонтологической характеристике носителей андроновской культуры Алтая [Тур, 2009]. Вместе с тем по краниометрическому комплексу признаков эта группа ближе кprotoевропеоидам [Козинцев, 2008, с. 143]. В ее составе выделяются два морфологических варианта – «protoевропейский» и «средиземноморской», которые различаются размерами и пропорциями лицевого и мозгового отделов [Дрёмов, 1997, с. 94–95; Солодовников, 2005, с. 133–135]. Однако присутствие «средиземноморского» компонента фиксируется в основном на уровне внутригрупповой вариабельности признаков и слабо влияет на средние краниометрические характеристики группы. В итоге получается, что по краниометрическим данным алтайские андроновцы «protoевропеицы», а по краниоскопическим и одонтологическим – «южные европеоиды». Подобные противоречия между дискретными и количественными признаками отмечались и в других группах смешанного происхождения [Irish, Konigsberg, 2007, р. 152]. Возможно, это объясняется различиями в механизмах наследования дискретно и непрерывно варьирующих признаков. Судя по всему, краниометрические и краниоскопические/одонтологические признаки отражают разные хронологические срезы в генетических взаимоотношениях популяций.

Вопрос о происхождении «средиземноморского» компонента в составе андроновского населения Алтая остается открытым. Высказывались предположения о смешении алтайских андроновцев-федоровцев с андроновцами-алакульцами Казахстана или с потом-

ками елунинцев [Дрёмов, 1997, с. 95–96; Солодовников, 2005, с. 139, 142], однако ни по археологическим, ни по антропологическим данным эти версии пока не получили убедительного подтверждения. Необходимо дальнейшее накопление материалов.

Заключение

Изучение краниоскопических особенностей носителей андроновской культуры Алтая с использованием двух разных методических подходов дало сходные результаты. Оба комплекса признаков в той или иной мере отражают генетическое влияние южных европеоидов. Это совпадает с результатами одонтологического исследования и расходится с результатами краниометрического анализа данной группы, что, по-видимому, обусловлено ее метисным происхождением.

Список литературы

Громов А.В. Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1997. – С. 294–300.

Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 261 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. – М.: Наука, 1993. – 224 с.

Козинцев А.Г. Дискретные признаки на черепах эпохи бронзы из Южной Сибири (в связи с проблемами методики

изучения краниологического полиморфизма) // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1980. – Т. 36. – С. 75–99.

Козинцев А.Г. Этническая краиниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. – Л.: Наука, 1988. – 168 с.

Козинцев А.Г. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4(36). – С. 140–144.

Соловьевников К.Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2005. – Вып. 6. – С. 127–147.

Тур С.С. Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2009. – № 4(64). – Т. 2. – С. 228–235.

Dodo J. Observations on the Bony Bridging of the Jugular Foramen in Man // J. of Anatomy. – 1986. – Vol. 144. – P. 153–165.

Hanihara T., Ishida H. Os incae: variation in frequency in major human population groups // J. of Anatomy. – 2001a. – Vol. 198. – P. 137–152.

Hanihara T., Ishida H. Frequency variations of discrete cranial traits in major human populations. I. Supernumerary ossicle variations // J. of Anatomy. – 2001b. – Vol. 198. – P. 689–706.

Hanihara T., Ishida H. Frequency variations of discrete cranial traits in major human populations. II. Hypostotic variations // J. of Anatomy. – 2001c. – Vol. 198. – P. 707–725.

Hanihara T., Ishida H. Frequency variations of discrete cranial traits in major human populations. III. Hyperostotic variations // J. of Anatomy. – 2001d. – Vol. 199. – P. 251–272.

Hanihara T., Ishida H. Frequency variations of discrete cranial traits in major human populations. IV. Vessel and nerve related variations // J. of Anatomy. – 2001e. – Vol. 199. – P. 273–287.

Hanihara T., Ishida H., Dodo Y. Characterization of Biological Diversity Through Analysis of Discrete Cranial Traits // Am. J. of Physical Anthropology. – 2003. – Vol. 121. – P. 241–251.

Harris E.F., Sjovold T. Calculation of Smith's Mean Measure of Divergence for Intergroup Comparisons Using Nonmetric Data // Dental Anthropology. – 2004. – N 17. – P. 83–93.

Hauser G., De Stefano G.F. Epigenetic Variants of the Human Skull. – Stuttgart: E.Schweizerbart'sche Verlagsbuchhandlung, 1989. – 301 p.

Irish J.D., Konigsberg L. The Ancient Inhabitants of Jebel Moya Redux: Based on Dental Morphology // Intern. J. of Osteoarchaeology. – 2007. – Vol. 17. – P. 138–156.

Kozintsev A.G. Ethnic Epigenetics: A New Approach // Homo. – 1992. – Vol. 43, N 3. – P. 213–244.

Scott G.R., Turner II C.G. The Anthropology of Modern Human Teeth: Dental Morphology and its Variation in Recent Human Populations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 382 p.

Материал поступил в редакцию 13.10.09 г.

ПЕРСОНАЛИИ

ДМИТРИЮ ГЛЕБОВИЧУ САВИНОВУ – 70 ЛЕТ

20 марта 2011 г. исполнилось 70 лет профессору Дмитрию Глебовичу Савинову – крупному ученому, специалисту в области археологии Северной и Центральной Азии, члену редакционной коллегии нашего журнала, замечательному педагогу, воспитавшему в стенах Санкт-Петербургского государственного университета десятки молодых исследователей – археологов и этнографов.

Д.Г. Савинов – коренной ленинградец-петербуржец, родился и вырос в семье потомственных художников О.Б. Богаевской и Г.А. Савинова, которые привили сыну тонкий художественный вкус, трепетное отношение к прекрасному, в т.ч. к истории живописи и архитектуры. Все это проявляется в творчестве Д.Г. Савинова-археолога, особенно в работах, посвященных первобытному искусству.

Детство Дмитрия проходило в военные годы. В его жизни были блокада и эвакуация. В школе, где он учился, его окружали в основном дети, потерявшие родителей. По возвращении в родной город Дмитрий заканчивает среднюю школу и поступает в Институт

живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Академии художеств СССР. Однако, впервые побывав в археологической экспедиции, молодой человек перенесся в Ленинградский государственный университет (ЛГУ) на кафедру археологии.

Своими учителями Дмитрий Глебович считает несколько человек. На кафедре археологии в период обучения его руководителем был проф. М.И. Артамонов, во многом способствовавший формированию у молодого человека интереса к проблемам скифского времени, в частности, скифского искусства. Первобытным искусством, монументальной скульптурой Центральной Азии и Сибири Савинов увлекся под влиянием трудов А.П. Окладникова. Проблемы тюркологии, монголоведения и этнографии привлекли молодого исследователя благодаря влиянию проф. Л.П. Потапова. Однако самыми близкими наставниками, с которыми Д.Г. Савинов вместе проработал фактически более половины жизни, являлись А.Д. Грач – прекрасный специалист по археологии Центральной Азии и талантливый организатор науки, а также Р.Ф. Итс – выдающийся советский этнограф, директор Ленинградского отделения Института антропологии и этнографии АН СССР. Эти люди были не намного старше Д.Г. Савинова, поэтому они стали для него фактически друзьями-наставниками, помогавшими не только в науке, но и в решении жизненных проблем. Как отмечает Дмитрий Глебович, это были «очень разные люди с почти одинаковой судьбой, необычайно талантливые, от которых непроизвольно пришло очень много».

После окончания университета Д.Г. Савинов несколько лет проработал в составе Саяно-Тувинской экспедиции, которая проводила исследования в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Членом этой экспедиции он впервые стал еще будучи студентом, а в 1965 г. возглавил один из ее отрядов. Можно сказать, что именно здесь, в Туве, началось формирование будущего археолога. Сегодня Д.Г. Савинов хорошо известен научному сообществу прежде всего как прекрасный ученый-полевик, мастерски исследовавший погребальные и поселенческие памятники, наскальные изображения и монументальную скульптуру. Им изучены сотни археологических комплексов в Туве и на Алтае, в Кузбассе и Минусинской котловине, в Барбинской лесостепи и Верхнем Приобье.

В 1974 г. Дмитрий Глебович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (Х–ХII вв.)». В 1987 г. он стал доктором наук. Его диссертационное исследование «Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири» стало значимым событием не только для сибирской, но и евразийской археологии.

Д.Г. Савинов многие годы принимал участие в работах по изучению археологических памятников в зонах новостроек, проводимых Ленинградским отделением Института археологии АН СССР. Несколько лет (1984–1989) он возглавлял одну из крупнейших в Советском Союзе Среднеенисейскую экспедицию, а затем всю новостроекную группу ЛО ИА АН СССР.

Особое место в творческой жизни ученого занимает его преподавательская деятельность, которая началась на кафедре этнографии ЛГУ. Здесь Дмитрий Глебович стал профессиональным этнографом, что помогло ему уже на качественно ином уровне заниматься и любимой археологией. Школу Д.Г. Савинова прошли десятки молодых этнографов-студентов, аспирантов, стажеров, работающих в настоящее время в различных университетах, музеях, научных центрах нашей страны.

С начала 1990-х гг. Дмитрий Глебович заведует кафедрой археологии Санкт-Петербургского государственного университета. Этот «второй приход» ученого в университет, как отмечают его коллеги, бесспорно, активизировал научную деятельность как отдельных сотрудников, так и кафедры в целом. Под его руководством были подготовлены и успешно защищены более 20 кандидатских диссертаций по археологии и этнографии, проведено несколько тематических научных конференций. Среди последних особое место занимает форум «Проблемы изучения окуневской культуры». Дмитрий Глебович – инициатор конференций, посвященных изучению разных типов археологи-

ческих памятников – курганов, поселений, святилищ, кладов и др. В настоящее время Д.Г. Савинов является профессором кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Д.Г. Савинова как ученого отличают широта творческого кругозора, исторический подход к осмысливанию и интерпретации археологических источников. Им написаны работы по проблемам ранней и поздней бронзы – окуневской, карасукской и ирменской культур, раннескифского и скифского времени, гуннской и древнетюркской эпох, монгольского времени и этнографической современности. В исследованиях Д.Г. Савинова освещаются вопросы погребальной практики и домостроительства, монументального искусства и наскальных изображений, проблемы ранних форм государственного устройства, этногенез и культурогенез древних обществ. Его перу принадлежат 15 монографий и более 350 статей, опубликованных в нашей стране и за рубежом.

Среди археологов и этнографов разных поколений Дмитрий Глебович Савинов пользуется высоким авторитетом, его искренне любят. Человек глубокой внутренней культуры, ярчайшего таланта, он по-настоящему добр и отзывчив. Вместе с тем он всегда готов отстаивать чистоту науки, нетерпим к любым видам ее профанации.

Мы уверены, что профессор Д.Г. Савинов, вступая в полосу творческой зрелости, еще не раз порадует всех замечательными научными открытиями, новыми книгами и статьями, которые всегда читаются на одном дыхании, подготовит талантливых учеников.

Крепкого здоровья и счастья Вам, дорогой Дмитрий Глебович!

**А.П. Деревянко, В.И. Молодин,
В.В. Бобров, Н.В. Полосьмак**

- ВДИ – Вестник древней истории
ГАВО – Государственный архив Вологодской области
ГАНИИЯЛИ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ГИМ – Государственный Исторический музей
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИНКВА – Международная ассоциация по изучению четвертичного периода
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН
КНЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР)
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА КНЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН
НАН РА – Национальная академия наук Республики Армении
НАРК – Национальный архив Республики Коми
ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра РАН
РА – Российская археология
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды института этнологии АН СССР
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ХНКМ – Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова
ЦГА ЧФ – Центральный государственный архив Чувашской Республики
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЮНЦ – Южный научный центр РАН
BAR – British Archaeological Reports
CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique

Бобров В.В. – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института экологии человека СО РАН, заведующий кафедрой Кемеровского государственного университета, ул. Красная, 6, Кемерово, 650065, Россия; Институт экологии человека СО РАН, Ленинградский пр., 10, Кемерово, 650065, Россия. E-mail: bobrov@kemsu.ru

Бурнаков В.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: venariy@ngs.ru.

Вилья И. – профессор Института геологии Университета Берна, Швейцария. Universität Bern, Institut für Geologie, Baltzerstrasse 3, Bern, 3012, Schweiz. E-mail: igor@geo.unibe.ch

Влад А.-М. – научный сотрудник Реставрационно-консервационного центра Национального музейного комплекса «Молдова», Яссы, Румыния. Stefan cel Mare 1, Iasi, Romania. E-mail: amvlad@gmail.com

Власова В.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, Россия. E-mail: vv505@hotmail.com

Воропаева Н.Н. – главный специалист Российского гуманитарного научного фонда, Пресненский вал, 17, Москва, 123557, Россия. E-mail: voropaeava@mail.ru; vnn@rfh.ru

Востриков С.С. – научный сотрудник Южного научного центра РАН, ул. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия. E-mail: sekoh@yandex.ru

Деревянко А.П. – академик, директор Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Каспер Г.У. – профессор Кёльнского университета, Германия. Universität Köln, Zuelpicher, 49A, Köln, Germany. E-mail: hu.kasper@uni-koeln.de

Киряк К. – научный сотрудник Института археологии, Яссы, Румыния. Institute of Archaeology, Lascăr Catargi 18, Iasi, Romania. E-mail: chiriacostel@yahoo.com

Кирюшин К.Ю. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

Кирюшин Ю.Ф. – доктор исторических наук, профессор, ректор Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: rector@asu.ru

Ковтун И.В. – доктор исторических наук, заведующий лабораторией Института экологии человека СО РАН, Ленинградский пр., 10, Кемерово, 650065, Россия. E-mail: ivkovtun@mail.ru

Королева Э.А. – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института культурного наследия АН Республики Молдовы. Штефана чел Маре, 1, Кишинев, MD 2001, Молдова. E-mail: korelf@mail.ru

Лукьяненко С.И. – кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией Южного научного центра РАН, ул. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия. E-mail: sciphica@mmbi.krinc.ru

Лычагина Е.Л. – кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного педагогического университета, ул. Сибирская, 24, Пермь, 614990, Россия. E-mail: LychaginaE@mail.ru

Марочкин А.Г. – младший научный сотрудник Института экологии человека СО РАН, Ленинградский пр., 10, Кемерово, 650065, Россия. E-mail: comcon@yandex.ru

Медникова М.Б. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: medma_pa@mail.ru

Молодин В.И. – академик, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Никулеску Г. – научный сотрудник Национальной исследовательской лаборатории культурного наследия, Бухарест, Румыния. Calea Victoriei 12, Bucharest, Romania. E-mail: niculescu.geo@gmail.com

Панкратова Л.В. – кандидат исторических наук, доцент Томского государственного педагогического университета, ул. Киевская, 60, Томск, 634061, Россия. E-mail: tspu_kae@mail.ru

Полосьмак Н.В. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630030, Россия. E-mail: polosmakanatalia@gmail.com

Салмин А.К. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: antsalmin@mail.ru

Семибраторов В.П. – кандидат исторических наук, директор Института гуманитарных исследований Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: niigi@hist.asu.ru

Сырге Й. – профессор Технического университета Г. Асачи, Яссы, Румыния. Gh. Asachi Technical University, Dimitrie Mangeron 73, Iasi, 700050, Romania.

Тур С.С. – кандидат исторических наук, заведующая кабинетом антропологии Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: tursvetlana@mail.ru

Федорова Н.В. – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной деятельности Ямalo-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского, ул. Чубынина, 38, Салехард, 629008, Россия. E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

Худавердян А.Ю. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Республики Армении, ул. Чаренца, 15, Ереван, 0025, Армения. E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Шарганова О.Л. – аспирантка кафедры археологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский пр., 27, корп. 4, Москва, 119991, Россия. E-mail: ol-sharganova@yandex.ru